Годъ 3-й. Кн. X.

ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Изданіе Этнографическаго Отдѣла

Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

состоящаго при Московскомъ Университетѣ.

1891, № 3.

подъ редакціей

Секретаря Этнографическаго Отдѣла

Н. А. Янчука.

Цѣна 1 р. 50 к.

МОСКВА.
Высоч. утв. Т-во Скороп. А. А. Левенсонъ, Коммиссіонеры ИМПЕРАТОРСКАГО Общества Любителей Естествознанія въ Москвѣ. Петровка, д. Левенсонъ.
1891.

Digitized by Google

Печатать разрѣшается. Москва, 12 октября 1891 г.

Президентъ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи,

Ординарный профессоръ **Д. Анучинъ.**

Digitized by Google

СОДЕРЖАНІЕ.

Digitized by Google

Digitized by Google

Месхи.

(Этнографическій очеркъ).

Историческій взглядъ на судьбу месховъ. Современное ихъ положеніе. Вѣрованія. Экономическій бытъ. Поэзія.

Границы Месхетіи или Саатабаго, впослѣдствіи получившей названіе Верхней Карталиніи, показаны несогласно и противорѣчиво въ разныхъ историческихъ свидѣтельствахъ и документахъ, дошедшихъ до насъ. Мы имѣемъ возможность слѣдить за поразительнымъ колебаніемъ предѣловъ области месховъ на пространствѣ 25 вѣковъ до нашего времени. Первое упоминаніе объ этомъ народѣ находимъ въ X гл. кн. Бытія, гдѣ въ числѣ прочихъ народовъ, извѣстныхъ пророку Моисею, названы Мешехъ и Тубаль. По истеченіи тысячелѣтія тѣже Месехъ и Тубаль, по показанію прор. Іереміи, занимаютъ пространство, указанное еще Моисеемъ, вдоль южнаго берега Чернаго моря, переходя на западъ р. Галисъ и до восточнаго берега того же моря, захватывая верхнюю часть бассейна р. Чороха. Галикарнасскій историкъ, жившій столѣтіемъ позже прор. Іезекіиля, вводитъ въ девятнадцатую сатрапію персидской монархіи между прочими народностями Мосхсвъ и Тибареновъ. Мешехъ или Месехъ Библіи названы у Геродота Мосхами. Страбонъ знаетъ также Мосховъ и Мосхійскія горы, географическое положеніе которыхъ у этого географа и у царевича Вахушта совпадаютъ и другъ друга покрываютъ. Сопоставивъ извѣстія греко-римскихъ и грузинскихъ писателей съ ассирійскими надписями о мускахъ, мы заключаемъ, что нынѣшніе месхи, мосхи, Геродота, постепенно приближались

Digitized by Google

съ восточной части Малой Азіи къ той территоріи, которую нынѣ занимаютъ [1]).

Слѣды своего существованія по сѣверо-востоку М. Азіи за р. Галисъ месхи оставили въ названіи города Mazaca [2]). Въ честь имени этого народа названа деревня Мусхи въ 12 вер. отъ Ахалциха, заселенная нынѣ грузинами - месхами. Именованіе этой деревни Мусхи всего ближе подходитъ къ названію встрѣчающемуся въ ассирійскихъ клинописныхъ памятникахъ, которымъ Мосхи или Мосохи извѣстны подъ именемъ Мусхи или Мушки. Была удачна попытка поставить въ зависимость отъ названія Месховъ географическое происхожденіе Мухетоса, сына Картлоса, эпонима грузинъ. Тождественность корней *Мух* и *Месх* подтвержается тѣмъ фактомъ, что Ахалцихскій уѣздъ извѣстенъ и подъ именемъ Самцхе и подъ названіемъ Месхетіи [3]). Существованіе города Мцхета вызвало въ народной фантазіи необходимость создать для этнологическаго объясненія Мцхетоса, строителя Мцхета, древнѣйшаго города Грузіи. Самъ Мцхетосъ можетъ служить олицетвореніемъ цѣлаго народа Месховъ, подобно тому какъ Эллинъ является воплощеніемъ греческаго народа въ одномъ лицѣ, вслѣдствіе сознанія у мелкихъ греческихъ народностей общности своего происхожденія. Въ Сацхуметѣ, по географіи, приписывавшейся Моисею Хоренскому, нужно видѣть грузинское Самцхе, и такимъ образомъ можно возвести эту номенклатуру по крайней мѣрѣ къ VII в. по Р. Х., къ каковой эпохѣ относится составленіе названной географіи.

Месхія, до раздѣленія Иверіи на три отдѣльныхъ царства и пять самостоятельныхъ княжествъ въ 1469 г., составляла одну изъ наиболѣе отдаленныхъ провинцій грузинскаго царства. Въ XIV в. при Саркисѣ II, владѣтелѣ ахалцихскаго уѣзда, было даровано этому краю автономное правленіе. Правитель Самцхе, именовавшійся атабегомъ, Бека, по фамиліи Джакели (получилъ свое имя отъ замка Джаки, нынѣ деревня Джакисманъ), издалъ законы, которые, будучи пополнены вну-

---

1) См. мою ст.: „Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи." стр. 1—4 и 31—3.

2) Lenormant. Histoire de l' Orient I, 299.

3) V.—S.—Martin. Recherches sur les populations du Caucase p. 48 et sq.

Digitized by Google

комъ его Агбугой въ XV в., вошли въ извѣстное уложеніе грузинскаго царя Вахтанга VI. Есть основаніе думать, что юридическія нормы, установленныя этими двумя просвѣщенными владѣтелями Самцхе-Саатабаго служатъ съ одной стороны отраженіемъ дѣйствующаго тогда обычнаго права и представляются съ другой стороны продуктомъ вліянія писанныхъ законовъ изъ римско-византійскаго источника.

Вторженіе въ XIII в. монголовъ въ Грузію, а въ XIV в. страшное нашествіе Тамерлана ослабило центральную власть, усилило стремленіе окраинъ къ пріобрѣтенію большей свободы и независимости. Въ XV вѣкѣ послѣдовало пагубное по своимъ послѣдствіямъ для будущей жизни Грузіи ея раздробленіе на семь отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ. На Манучара, правителя Самцхе-Саатабаго выпала печальная роль отдѣлиться отъ карталинскихъ царей и сдѣлать свою страну ареной кровавыхъ сценъ для турецкихъ янычаръ въ XVII в. Атабегъ Бека, убившій своего старшаго брата Манучара былъ признанъ султаномъ Османской имперіи правителемъ Ахалцихскаго уѣзда подъ именемъ Сапаръ-паши (1625 г.). За нимъ было сохранено право суда и расправы и прочіе аттрибуты власти атабеговъ. Только въ XVIII в. турки лишаютъ фамилію атабеговъ ея земель и власти. Оставаясь по прежнему самостоятельными владѣтелями до половины XVIII в. представители рода атабеговъ при вступленіи въ должность паши соблюдали одну пустую формальность—испрашивали у порты баратъ на утвержденіе во владѣніи. Власть и владѣнія дворянства оставались наслѣдственными, но на ряду съ нимъ стало много бековъ — турецкое служилое сословіе. Рядомъ съ измѣненіями, проникавшими въ среду высшаго сословія, народъ въ значительномъ числѣ переходилъ въ исламъ. Переходъ происходилъ въ силу гоненій за вѣру, а также въ виду того, что всѣ, принявшіе ученіе Магомета получали свободу отъ крѣпостной зависимости [1]). Такъ шелъ усиленный переходъ православныхъ обитателей западной Грузіи въ мусульманство. Въ теченіе двухъвѣковаго владычества турокъ въ этой провинціи до присоединенія ея къ русскимъ владѣніямъ по Адріанопольскому миру въ 1829 г. нѣкогда процвѣ-

[1]) Загурскій. Поѣздка въ Ахалцихскій уѣздъ, стр. 3—4.

Digitized by Google

тавшее здѣсь христіанство было бы совершенно вытѣснено кораномъ, еслибы на помощь не явились итальянскіе миссіонеры, которые успѣли перевести послѣдователей греческаго вѣроисповѣданія въ католичество. Этимъ объясняется фактъ существованія грузинъ католиковъ.

Древняя Месхетія, нынѣ Ахалцихскій уѣздъ Тифлисск. губ. занимаетъ $48_{,88}$ кв. м. съ населеніемъ 43,377 жителей обоего пола, при чемъ на одну кв. милю приходится $887_{,4}$ жителей, т. е. въ среднемъ менѣе чѣмъ во всей остальной части Тифлисской губ. и въ Закавказьи, но болѣе, чѣмъ въ Европейской Россіи и на всемъ Кавказѣ. Въ г. Ахалцихѣ считается 18,269 жителей (по свѣдѣніямъ 1872—74 гг.). Такимъ образомъ городское населеніе въ уѣздѣ составляетъ около 42%.

Сельское населеніе Ахалцихскаго уѣзда весьма разнохарактерно, какъ по своему этнографическому составу, такъ и по своему имущественному положенію. Всѣ крестьяне уѣзда относятся къ разряду государственныхъ поселянъ. Подраздѣленіе ихъ основано на формѣ владѣнія землей. Поселяне же раздѣляются на слѣдующія группы: 1) единственнаго владѣнія казны; 2) общаго владѣнія казны и частныхъ лицъ; 3) единственнаго владѣнія частныхъ лицъ — a) не имѣющихъ право владѣть населенными имѣніями, b) имѣющихъ таковое право; и 4) собственныхъ. Кромѣ этихъ категорій, въ Ахалцихскомъ уѣздѣ есть нѣсколько селеній, въ коихъ крестьяне, пользуясь издавна владѣльческой землей, утратили право на полученіе этой земли въ свой надѣлъ въ силу того, что вошли съ землевладѣльцами въ различныя договорныя отношенія. Эти крестьяне носятъ названіе поселянъ, „живущихъ по условію съ хозяевами". Устройствомъ быта этихъ поселянъ озабочено въ настоящее время губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе [1]).

Въ Ахалцихскомъ уѣздѣ проживаютъ слѣдующія народности: 1) грузины, раздѣляемые по вѣроисповѣданіямъ на три группы—католиковъ, православныхъ и сунитовъ; 2) армяне-католики и григоріане; 3) куртины (племени зиланскаго и

[1]) Эти свѣдѣнія заимствованы изъ труда г. Вермишева: Матеріалы для изученія экономическаго быта государственныхъ крестьянъ въ Ахалцихскомъ и Ахалкалакскомъ уѣздахъ Тифлисской губ. Тифлисъ. 1886 г.

исмаиланскаго), принадлежащіе къ сунитскому ученію магометанской религіи; 4) таракоманы или таракамаэ, тоже сунитскаго толка; 5) туркмены—суниты. Русскіе (духоборы) и греки живутъ въ Ахалкалакскомъ уѣздѣ. Процентныя отношенія различныхъ народностей къ общей массѣ населенія таковы: грузинъ $78,_4$%, куртинъ $5,_{75}$%, таракаманъ $3,_9$%, туркменъ $1,_1$% и армянъ $11,_9$%. Мужское населеніе преобладаетъ надъ женскимъ у всѣхъ народностей, за исключеніемъ духоборовъ, у которыхъ наблюдается обратное явленіе. По числу домовъ грузины вообще и въ частности грузины-суниты преобладаютъ надъ остальными народностями ($54,_5$%). Наименьшій приростъ населенія у грузинъ-сунитовъ (2%) и наибольшій приростъ у грузинъ-православныхъ (30%).

Грузины различныхъ вѣроисповѣданій составляютъ коренное населеніе уѣзда. По вѣроисповѣданію они дѣлятся на магометанъ-сунитовъ, православныхъ и католиковъ. Образъ жизни и бытовыя особенности этихъ трехъ группъ различны лишь на столько, на сколько судьба ихъ обусловливается вліяніемъ религіи. Всѣ грузины-христіане говорятъ по грузински и большинство грузинъ-мусульманъ хорошо объясняется на родномъ языкѣ. Лучшія народныя пѣсни я записалъ въ мусульманскихъ поселеніяхъ—Ацхури и Киде. Я не встрѣчалъ ни одного мусульманина-грузина, который считалъ бы для себя непонятной мою грузинскую рѣчь. Типическія черты лица грузина ясно и отчетливо сохранили мусульмане, лишь по костюму отличаясь отъ грузинъ православныхъ. Чалма изъ разноцвѣтной матеріи въ нѣсколько аршинъ (отъ 3 до 5) длины, узкіе шаровары около таліи расширяющіяся,—единственные внѣшніе признаки грузина-магометанина. Женщины усвоили привычку мусульманокъ закрываться чадрой, но теперь выводится этотъ обычай одновременно съ возстановленіемъ христіанства.

Двухвѣковое владычество турокъ въ Саатабаго съ 1625 г., когда оно обращается въ оттоманскій пашалыкъ, до присоединенія его къ Россіи въ 1829 г. по Адріанопольскому трактату, прошло не безслѣдно въ сферѣ культурно-этнографическихъ особенностей края и его населенія. Крѣпостное право было уничтожено, христіанство уступило въ большинствѣ

Digitized by Google

селеній исламу, водворился турецкій языкъ, ставшій рядомъ съ роднымъ грузинскимъ, какъ языкъ религіи. Однако подъ этимъ внѣшнимъ измѣненіемъ быта населенія скрывается глубокій слой прежнихъ національныхъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, совершенно сходныхъ съ таковыми же особенностями грузинъ, карталинцевъ и кахетинцевъ. Даже изъ подъ мусульманскихъ обрядовъ открываются слѣды христіанскихъ традицій, господствовавшихъ среди населенія въ теченіе 13 вѣковъ. Мы укажемъ нѣсколько изъ нихъ. Въ день Пасхи [1]) и Вознесенія Месхи — мусульмане на равнѣ съ христіанами красятъ яйца, ходятъ въ церковь, напр., Сафарскій монастырь пользующійся большимъ уваженіемъ у всѣхъ безъ различія вѣроисповѣданій. Обязанность мѣстныхъ мусульманъ проводить ночи въ оградѣ храма по требованію святого во избавленіе отъ болѣзней и недуговъ хорошо напоминаетъ обычай всѣхъ грузинъ. Обычай обвивать три раза стѣны церкви нитями, жертвовать колокольчики, изображенія разныхъ частей тѣла, человѣческія фигуры, приводить жертвенныхъ животныхъ на закланіе — всѣ эти порядки должны быть отнесены къ эпохѣ домусульманской.

Кромѣ этихъ остатковъ христіанскаго ученія мусульманъ-месховъ съ грузинами связываетъ единство ихъ уцѣлѣвшихъ вѣрованій изъ языческаго періода. Эти повѣрія, имѣющія своимъ источникомъ Зороастрову религію пережили доктрины православія, поражая изслѣдователя своей живучестью.

Таковы представленія у месховъ о загробной жизни, столь хорошо извѣстныя намъ и изъ религіозныхъ вѣрованій пшавовъ, тушинъ и хевсуръ [2]). Мостъ изъ одного волоса, перекинутый чрезъ ущелье кипучей смолы, по которому проходятъ грѣшные и праведные для достиженія царства небеснаго, напоминаетъ „бицвисъ-хиди“ грузинъ, т. е. волосяной мостъ. Праведные безъ труда проходятъ по этому опасному мосту, а грѣшные падаютъ въ воспламененную смолу и жарятся нескончаемо. При вступленіи на мостъ всѣ души опрашиваются

[1]) Въ день Пасхи моютъ голову рано утромъ, наложивъ на себя обѣтъ молчанія, чтобы волосы отросли.

[2]) См. мои очерки въ Этногр. Сбор. подъ ред. В. Ѳ. Миллера III вып. — „Мохевцы“, „Пшава“ и въ Этногр. Обозр. кн. II — „Тушины“.

Digitized by Google

особыми судьями, взвѣшивающими на вѣсахъ добрыя и злыя дѣянія умершихъ. Если какая-нибудь грѣшная душа незамѣтно отъ судей проберется, то ее останавливаютъ грозные охранители подземнаго царства съ требованіемъ вернуться назадъ: „куда вы идете?—восклицаютъ они—„берегитесь, грѣхи ваши не пускаютъ васъ въ рай". Праведники, наслѣдовавъ свѣтлое царство, въ будущей жизни питаются запахомъ яствъ приносимыхъ оставшимися на землѣ сородичами. Души очень мстительны: за невниманіе къ нимъ они насылаютъ болѣзни и неурожаи лицамъ, на которыхъ падаетъ обязанность приносить имъ жертвы. Напротивъ онѣ благоволятъ за учащенное поминаніе, выражая свою благодарность размноженіемъ скотины, увеличеніемъ всѣхъ матеріальныхъ благъ. Поминаніе душъ происходитъ въ день погребенія, чрезъ мѣсяцъ, чрезъ годъ, въ установленные дни и въ каждую пятницу. Въ этотъ день для покойниковъ готовится особое кушанье изъ масла, поджаренаго лука, запахомъ котораго довольствуются души отошедшихъ въ вѣчность. Онѣ незамѣтно присутствуютъ при всѣхъ семейныхъ радостяхъ и несчастіяхъ, принимая живое участіе въ судьбѣ сородичей, какъ ангелъ-хранитель или злой духъ, ниспосылающей всѣ бѣды за измѣну прадѣдовскимъ обычаямъ.

Въ особенности нужно опасаться давать недобрымъ геніямъ овладѣть ногтями и остриженными волосами. Ихъ немедленно нужно сжигать или прятать въ землю. Этотъ обычай хорошо извѣстенъ всѣмъ грузинамъ и объясняется вліяніемъ Авесты [1]). Ничѣмъ не ссужать другихъ въ день Байрама или нашего Новаго года, опоясывать главный столбъ дома нитями бѣлаго и краснаго цвѣта, не шить, не плакать, готовить особые хлѣба съ изображеніемъ человѣческой фигуры и представителей животнаго міра — все это должно восходить ко времени дружнаго сожительства месховъ-мусульманъ съ грузинами православными. Изгнаніе бѣсовъ и нечистыхъ тварей, проникнувшихъ въ человѣческій организмъ обыкновенно черезъ ротъ, происходитъ, какъ это дѣлается во всей Грузіи, посредствомъ перепрыгиванія черезъ зажженные костры въ среду на страстной недѣлѣ.

[1]) Hovelaque. L'Avesta.

Digitized by Google

Я отмѣчу только нѣкоторыя подробности празднованія у месховъ Новаго года, которыя не были извѣстны до сихъ поръ въ печати [1]). Первый посѣтитель въ этотъ день, называющійся, какъ и у грузинъ, меквлё, т. е. прокладывающій стезю, долженъ сѣсть на усыпанное пшеницей мѣсто, при чемъ требуется, чтобы онъ крѣпко усѣлся, иначе урожай будетъ небогатый, а корова не отелгтся. На подносѣ передъ нимъ кладутъ хлѣбъ—„басила" (въ честь Василія), тарелку меда и масла. Меквле подходитъ съ вѣткой въ рукѣ къ камину и, ударяя по горячимъ угольямъ, приговариваетъ: „столько куръ, коровъ, быковъ" и пр. Работать въ этотъ день воспрещается; кто будетъ шить, тому на томъ свѣтѣ проколятъ глаза иглой; рубить дрова нельзя, чтобы въ будущей жизни не пришлось подставлять голову подъ ударъ топора. Одолжить ничего нельзя изъ опасенія лишиться всего домашняго обилія и довольства.

Этотъ день не единственный когда месхи избѣгаютъ приступать къ какимъ-либо работамъ. Св. Еліа, по нашему Илія, являющійся въ народномъ представленіи сильнѣе св. Георгія патрона всѣхъ грузинъ-горцевъ, строго внушаетъ имъ мысль воздерживаться отъ занятій. Его мѣстные татары на своемъ языкѣ зовутъ „бѣшеный (сердитый) Еліа". Нарушить его волю значитъ навлечь на всю деревню гнѣвъ этого сильнаго святого, выражающійся въ страшномъ градѣ, немилосердно уничтожающемъ молодые побѣги плодовыхъ деревьевъ и первые отростки весенней нивы. Народъ въ трепетѣ предъ явнымъ недовольствомъ Еліа обращается съ мольбой: „спаси и защити насъ Еліа!" Еліа строго преслѣдуетъ ихъ также за мученіе животныхъ въ случаѣ плохого ихъ кормленія или переутоленія излишней и тяжкой работой.

Представленія объ Еліа, какъ о божествѣ грома и молніи, катающемся по воздушному пространству на колесницѣ, влекомой парой быстрыхъ коней, испускающихъ искры изъ глазъ въ видѣ молніи, одинаково распространены какъ въ западной такъ и въ восточной Грузіи. Тождественны ихъ вѣрованія въ

---

[1]) См. мою ст.: „Празднованіе новаго года у грузинъ" въ Этногр. Обозр., кн. III. Поздравленіе быковъ, украшенныхъ красными нитями, поздравленіе рѣки, хлѣба здѣсь распространено также, какъ и во всей Грузіи.

Digitized by Google

сонмъ нечистыхъ духовъ, населяющихъ лѣса, горы, ущелья, рѣки, заброшенныя зданія, мельницы, и пользующихся удобнымъ случаемъ завлечь сбившагося съ пути странника въ свои сѣти. Всѣ эти злые геніи являются въ образѣ человѣка, мѣняя свой обликъ на подобіе животныхъ въ нужныхъ случаяхъ. Мнѣ удалось собрать свѣдѣнія о выдающихся чертяхъ, носящихъ особое названіе у народа и имѣющихъ свою особую сферу дѣятельности.

Первое мѣсто въ ряду геніевъ занимаетъ *Тчабуки*, представляемый въ образѣ красиваго юноши. Онъ считается неотлучнымъ домашнимъ пенатомъ, незримо содѣйствующимъ благосостоянію семьи. Первую ночь новобрачная должна провести съ нимъ; за ослушаніе онъ умѣетъ жестоко мстить. Мнѣ разсказывали такой случай, выдаваемый за дѣйствительный фактъ. Одна изъ молодыхъ невѣстъ огромной семьи воспротивилась желанію Тчабуки и отказала ему въ правѣ primae noctis. Злопамятный Тчабуки не замедлилъ проявить свою непреложную власть. Какъ только родился ребенокъ у нарушительницы священнаго обычая, Тчабуки лишилъ его жизни, а мать была разбита параличемъ; не довольствуясь этимъ мщеніемъ, онъ наказалъ ее еще присоединеніемъ къ параличу падучей болѣзни.

Али [1]) второе лицо въ домѣ. Это представительница женскаго пола, тогда какъ Тчабуки принимается за молодаго человѣка. Али—красивая дѣвица, причесывающая свои золотистыя кудри золотымъ гребешкомъ. Она очень любитъ лошадей, непрестанно завиваетъ у нихъ гриву и катается ночью верхомъ, когда всѣ засыпаютъ. Чтобы овладѣть Али, достаточно какъ-нибудь отрѣзать у нея ноготь или волосокъ. Али тогда поступаетъ въ домъ въ услуженіе къ лицу, гдѣ спрятаны столь дорогія для нея частицы ея тѣла, и служитъ до тѣхъ поръ, пока ихъ не откроетъ. Лучшее средство обезпечить за собою ея продолжительную службу — это зарыть ноготь или волосъ ея предъ каминомъ, гдѣ она не можетъ ихъ

---

[1]) „Али“ въ Имеретіи соотвѣтствуетъ „Ткисъ-кали“ (лѣсная женщина). Она молода, красива, даритъ дорогія вещи согласившемуся быть ея мужемъ. Противящихся ея волѣ она отпускаетъ помѣшанными или избитыми. Дубровинъ. Исторія войны на Кавказѣ. I, 2, 244.

Digitized by Google

искать, не подозрѣвая, что они тамъ есть, или воздерживаясь приступать къ огню. Въ разговорѣ съ нею употребляется особая форма обращенія, называемая алури, т. е. альская. Она заключается въ томъ, что Али нельзя говорить ничего въ положительномъ смыслѣ, а все требуется выражать отрицательно: не дѣлай того-то, не ставь самовара, не мой посуды и т. д. Только въ такомъ случаѣ достигается цѣль службы; въ противномъ случаѣ, она опрокинетъ самоваръ, перебьетъ посуду и пр. Али умѣетъ ласкать дѣтей и своей любезностью хочетъ узнать у нихъ о мѣстонахожденіи искомыхъ ею частицъ. Она обѣщаетъ имъ красное платье, красныя туфли, если вывѣдаютъ у родителей, гдѣ спрятанъ волосокъ. Разсказывавшій мнѣ увѣрялъ, что у его сосѣда долго служила Али, потомъ она чрезъ маленькую дѣвочку узнала, что волосокъ ея хранится предъ каминомъ, оцарапала ее до крови,—чѣмъ исполнила обѣщаніе одѣть въ красное платье, захватила съ собой волосокъ и исчезла безслѣдно [1]).

Ропапи—мужчина пожилыхъ лѣтъ, безъ волосъ, но съ хвостомъ. Онъ покровитель семьи и главный наблюдатель за ея достояніемъ. Если скотина оставалась въ полѣ и угрожала ей опасность, то Ропапи будилъ всѣхъ поспѣшить ей на помощь или самъ отправлялся пригнать скотину домой. Онъ боится оружія, огня и св. Георгія. Иногда онъ любитъ приставать, тогда нужно призвать св. Георгія, или показать оружіе, огонь, и онъ немедленно отстанетъ.

Ави-сули (злая душа или злой духъ). Этотъ геній поселяется въ домѣ во время родовъ женщины. Онъ преслѣдуетъ родильницу и новорожденнаго ребенка. Для загражденія доступа къ ней, прибиваютъ на порогѣ подкову или желѣзную цѣпь, чрезъ которую Ави-сули не рѣшается перешагнуть. Саму родильницу, а также ребенка покрываютъ сѣтью, кладутъ у изголовья кинжалъ и вертелъ. Послѣдній снабженъ тремя луковицами, запахъ которыхъ противенъ Али-сули; кинжалъ и вертелъ, какъ всѣ желѣзныя вещи, служатъ лучшимъ средствомъ отраженія вообще злыхъ духовъ. Однако всѣ эти

[1]) Въ Имеретіи силой креста овладѣлъ Али священникъ, но открывъ свой волосъ, этотъ духъ исчезъ, сваривъ предварительно дѣтей своего патрона въ котлѣ. „Иверія“ № 227, 1886 г.

Digitized by Google

мѣры предосторожности считаются не вполнѣ достаточными для противодѣйствія Ави-сули. Необходимо прочесть особую молитву, произнести заговоръ, извѣстный мѣстной повивальной бабкѣ, слова которой повторяются и родильницей. Вотъ этотъ заговоръ въ русскомъ переводѣ:

Али ули али выучила женщину (т. е. родильницу).
Кинжалъ, сѣть и гребень подложить подъ голову.
Поймала Али скверную, мерзкую,
Отрубила кинжаломъ голову, прогнала на дворъ.
Петръ сидитъ у дверей. Павелъ же на кровлѣ,
Цѣпь лежитъ на порогѣ, а крестъ на кровлѣ.
Господи, осѣни крестомъ здѣсь лежащую родильницу!

Если въ домъ родильницы придетъ путникъ ночью, то необходимо очистить его отъ Ави-сули, который вмѣстѣ съ нимъ могъ пробраться въ комнату. Для обезопасенія отъ этой нечистой силы путнику предлагается перепрыгнуть чрезъ разведенный костеръ и его окропляютъ св. водой.

Дьяволъ. Общее имя для всѣхъ злыхъ духовъ. Но повидимому, изъ родоваго понятія объ нихъ выдѣляется особый видъ чертей, не имѣющихъ родства съ вышеназванными недобрыми геніями. Дьяволъ представляется народу человѣкомъ низкаго роста съ длинной бородой. Эти духи живутъ семейно въ лѣсу, на берегу рѣчки, на вершинѣ горъ или въ ущельѣ между скалами. Они плодятся, размножаются, принимаютъ гостей, устраиваютъ веселые пиры. Запоздавшаго путника они обманомъ завлекаютъ въ свое жилище. Разсказывали мнѣ, что одинъ крестьянинъ, очутившись у дьявола на пирушкѣ былъ пораженъ способомъ приготовленія яствъ. Дьяволъ поставилъ пустой котелъ на треножный таганъ и, размѣшивая ложкой, приговаривалъ: „гдѣ нѣтъ, пусть здѣсь будетъ" [1]). Котелъ наполнится. Кувшинъ такимъ образомъ наполнился виномъ. Тогда только бѣдный путникъ догадался, у кого онъ гостилъ. Разъ постучали дьяволы къ одной старухѣ, пови-

[1]) Поэтому у грузинъ принято не говорить никогда, что у нихъ нѣтъ, напр. хлѣба, когда сосѣди просятъ. Если даже ни одного хлѣба не имѣется нужно сказать: сундукъ полонъ. Это значитъ, что сундукъ пустъ, но не хотятъ радовать дьяволовъ.

Digitized by Google

вальной бабкѣ, и попросили идти къ родильницѣ. Здѣсь она видѣла одѣяло одной княгини, запачканное раньше сальной рукой самой бабки. Этотъ признакъ открылъ ей, къ какой родильницѣ она была призвана помочь при трудныхъ родахъ.

Кудіани—имя вѣдьмъ, представляемыхъ съ хвостомъ (куди). Предполагаютъ, что дѣвочку, оставшуюся некрещеной ко дню „кудіаноба", празднуемаго нечистыми силами въ среду на страстной недѣлѣ, въ будущемъ ожидаетъ участь быть „кудіани". Для охраны отъ поврежденія, наносимаго кудіани, въ великую среду зажигаются костры, чрезъ которые перепрыгиваютъ всѣ со словами: „алули кудіанебса!" (пламя вѣдьмамъ съ хвостомъ). Въ день „чіакоконоба" (зажиганіе костра) всѣ кудіани на кошкахъ совершаютъ путешествія на гору Эльбрусъ (Іалбузисъ-мта), гдѣ у чертей назначенъ всеобщій торжественный пиръ. Житель Хидистави увѣрялъ меня, что его невѣстка ночью на Великій четвергъ обмазала себя особымъ веществомъ, называемымъ нишадури и вылетѣла чрезъ отверстіе, служащее окномъ въ ихъ избѣ. Онъ успѣлъ схватить ее за кончикъ платья и на другой день вполнѣ удостовѣрился въ ея принадлежности къ кудіани по разорванному платью невѣстки. Въ четвергъ на страстной недѣлѣ сохранивъ глубое молчаніе, желающіе могутъ обсыпать себя золой „чіакокона", подняться на персиковое дерево, посмотрѣть въ сторону Эльбруса чрезъ сито и очамъ ясно откроется празднество кудіановъ. Случалось, что по незнанію нѣкоторые изъ „христіанъ" (называемыхъ такъ въ противоположность кудіанамъ) мазали себя веществомъ „нишадури" или „квинтела" слѣдуя примѣру кудіани и съ быстротой молніи прибывали вмѣстѣ съ ней на Эльбрусъ [1]).

Маджладжуна (кошемаръ) имѣетъ власть надъ спящимъ человѣкомъ. Она ложится на него, давитъ его своей тяжестью и задерживаетъ его дыханіе. Однако остается путь для спа-

[1]) Кудіани приписываются появленіе чумы, неурожай, падежъ скота. Въ Мингреліи послѣ турецкой войны 1856—57 гг. распространился падежъ скота. Считая его дѣйствіемъ кудіани, начали ихъ бросать въ рѣку: которая тонула—та не вѣдьма, а которая не тонула—вѣдьма. Послѣднихъ нагихъ гнали между разложенными кострами, пока онѣ не признали за собою вины въ падежѣ скота. (Крѣп. состояніе въ Мингреліи. Зап. Кавк. отд. И. Р. Г. О. кн. VII).

Digitized by Google

сенія: у маджладжуна лишь одна ноздря, которой и покрываетъ ноздрю спящаго, оставляя другую ноздрю послѣдняго не стѣсненной. Чрезъ нее является возможность пользоваться воздухомъ и избѣгнуть задушенія.

Ави кари (злое повѣтріе). Вліяніе „ави кари" проявляется въ тѣхъ случаяхъ, когда не во время, въ поздній часъ, ходятъ за водой къ рѣчкѣ или колодцу. Злой духъ незамѣтно бьетъ по головѣ (тавши чакраве) запоздалаго гостя и отнимаетъ у него разсудокъ. Результатомъ этого является помѣшательство, продолжающееся до тѣхъ поръ, пока больной не запишетъ именъ своихъ патроновъ. Записки бросаютъ въ огонь, и трескъ, издаваемый ими, вѣрный признакъ гибели „Ави кари" и освобожденія больного отъ овладѣвшаго имъ недуга.

Каджи [1])—злой духъ, являющійся человѣку въ различныхъ видахъ. Каджи въ образѣ знакомаго друга, поддѣлываясь подъ его голосъ, можетъ вызвать человѣка на дворъ, упрашивая его слѣдовать за нимъ. Въ случаѣ отказа онъ бьетъ, терзаетъ до потери сознанія и самъ быстро исчезаетъ. Онъ можетъ являться въ образѣ собаки, кота, теленка и др. животныхъ. Мнѣ разсказывалъ одинъ крестьянинъ, испытавшій ихъ силу, слѣдующее: онъ возвращался поздно домой, неся съ собой въ кувшинѣ наловленную имъ рыбу. Какіе-то „черные люди" пристали къ нему, требуя, чтобы онъ продалъ рыбы. Крестьянинъ отказался. Тогда „черные люди" превратились въ собакъ, избили его и бросили въ ближайшую рѣку. Мельникъ его вытащилъ изъ воды, гдѣ безъ его помощи онъ навѣрно утонулъ бы.

Ткисъ-кацu (лѣсной человѣкъ). Онъ не боится огня, не стѣсняется людей и спокойно подсаживается къ охотнику раздѣлить съ нимъ трапезу [2]). Онъ вредить не можетъ, но надоѣдаетъ своей неотвязчивостью.

Ужмури—это нечистый духъ, присущій всякому мѣсту и

---

[1]) Каджи—безсмертные мужчины и одарены блестящими качествами. *Дубровинъ*, op. cit. I, 2, 244. Этн. Обозр., кн. IV.

[2]) „Иверія" № 107 1889 г. здѣсь между прочимъ читаемъ, что у свановъ есть особое божество, покровительствующее звѣрямъ и въ особенности турамъ Оно носитъ названіе *Дали*.

Digitized by Google

легко пристающій къ человѣку въ особенности вечеромъ. Вставая съ травы имеретинъ считаетъ нужнымъ отряхнуть платье какъ бы этимъ пріемомъ отгоняя отъ себя приставшую къ нему недобрую силу.

Чинки—особый видъ дьяволовъ, преимущественно извѣстныхъ въ Имеретіи. Свѣдѣнія объ нихъ были приведены на грузинскомъ языкѣ въ „Иверіи", а на русскомъ языкѣ въ „Новомъ Обозрѣніи". Я воспользуюсь для восполненія, по возможности, перечня нечистыхъ силъ у грузинъ сжатой замѣткой Ил. Хонели, изложившаго порусски повѣрія имеретинъ въ вышеназванной газетѣ.

Авторъ статьи, даетъ сначала краткій обзоръ состоянія горы Табакелы—убѣжища злыхъ геніевъ, лежащей недалеко отъ мѣстечка Хони (въ Кутаис. г.). Высоты этой горы теперь необитаемы, скалы ея не знаютъ плуга земледѣльца, луга и долины ея не привлекаютъ стадъ окрестныхъ селеній. „А было время — Табакела не представляла собой пустыни. Густолиственный лѣсъ шумѣлъ на ея склонахъ, высокія пихты и сосны украшали ея вершину. Немолчный говоръ оглашалъ чащу лѣсовъ и веселые ручьи пѣли нескончаемыя пѣсни. Все живое — и звѣри, и птицы, гнѣздилось на этихъ высотахъ". Медвѣди, шакалы, барсы, волки, рыскали по лѣсамъ и ущельямъ, луга и долины пестрѣли стадами козъ и овецъ [1]).

Увидѣлъ все это царь тьмы, и стало ему больно. Захотѣлось ему уничтожить жизнь на веселой горѣ, обратить рай земной въ мѣсто смерти и ужаса. Онъ собралъ духовъ, гнѣздившихся въ ущельяхъ Кавказа, и послалъ ихъ на Табакелу. Тѣ примчались, заполонили гору, заселили ущелья, заняли скалы, и дохнуло смертью на окрестность. Вѣковой лѣсъ завялъ и высохъ, царственныя пихты стали жертвою червоточины. Звѣри бѣжали, птицы улетѣли, родники и ручьи ушли въ землю. Человѣку пришлось сойти внизъ и оставить гору на жертву судьбѣ. Поднялся туманъ отовсюду, окрестныя горы стали посылать на Табакелу тучи и непогоду, и пророкъ Илья началъ поражать ее ударами молніи....

[1]) Нов. Обозр. № 2288. Въ мірѣ фантазіи. *Ил. Хонели.*

Digitized by Google

Съ тѣхъ поръ Табакела стала гнѣздомъ нечистыхъ тварей, царствомъ духовъ, средоточіемъ зла и порока. Косматый, молчаливый Каджи началъ шагать по уступамъ ея скалъ, блестя надгруднымъ топоромъ [1]), стуча алмазными зубами. При воѣ бури, при раскатахъ грома, въ темнотѣ ущелья и въ блескѣ молніи, онъ является тутъ очамъ путника, мрачный, неумолимый. Отъ его шаговъ колеблется земля, рушатся скалы; не спасаетъ отъ него ни оружіе, ни смѣлость, — ничто, кромѣ креста и молитвы. Онъ то бродитъ по пустынной горѣ, то спускается внизъ, на равнину, въ темныя, безлунныя ночи. А Али, а Чинки? Сколько ихъ, этихъ ужасныхъ созданій, въ мрачныхъ тѣснинахъ Табакелы?! Овраги, ущелья, долины и скалы одинаково полны ими—онѣ подстерегаютъ вездѣ, повсюду творя зло и развивая смуту. Прекрасныя, полногрудыя, съ глазами, полными чаръ и страсти, онѣ кружатся надъ несчастною горою въ дикихъ оргіяхъ веселья. Имъ подвластны всѣ, и еще женщина не рождала человѣка который могъ бы устоять противъ ихъ соблазновъ. Въ вѣнкѣ изъ огненныхъ волосъ, въ облакахъ пахучаго дыма, голыя и соблазнительныя, онѣ являются мужчинамъ, чтобы ловить ихъ въ свои сѣти. Сколько прекрасныхъ женъ, сколько нѣжныхъ матерей стало жертвами этихъ фурій! Онѣ злы, коварны и никогда не забываютъ нанесенной обиды. Женщины — ихъ прирожденные враги, и Чинки мстятъ имъ съ безумною жестокостью. Онѣ душатъ въ постели, вырѣзываютъ сердце, куски матеріи изъ платья и заставляютъ чахнуть и изнывать медленною смертью. Есть одинъ способъ приручить Чинку [2]). Это—остричь ей волосы и ногти. Тогда она дѣлается смирной и послушной, усердно прислуживая въ домѣ. Но услуги ея продолжаются до тѣхъ поръ, пока она не отыщетъ волоса. Тогда она снова превращается въ духа и, отмстивъ поработителю, улетаетъ на Табакелу...

Всѣ Чинки подвластны царицѣ „Дедо-Рукапи“. Она столь же безобразна, сколько прекрасны подчиненные ей духи. Старая, горбатая, вся въ прыщахъ и язвахъ, Дедо-Рукапи вооружена

[1]) По народному повѣрію, у лѣшаго на груди топоръ, которымъ онъ, наваливаясь на жертву, перерѣзаетъ ее пополамъ.

[2]) Чинки въ этомъ отношеніи напоминаютъ Али.

Digitized by Google

длиннѣйшимъ хвостомъ и большими клыками. На лбу у нея единственный глазъ, который вертится колесомъ и позволяетъ видѣть все и вся. Ей невѣдомы ни милость, ни сожалѣніе, для нея нѣтъ радости кромѣ той, которую доставляетъ ей зло во всѣхъ формахъ и видахъ. Единственное назначеніе—вредить людямъ, цѣль—побуждать къ тому же подвластныхъ духовъ. Изъ послѣднихъ наибольшимъ уваженіемъ и любовью ея пользуется тотъ, кто сумѣлъ натворить больше зла и совратить побольше христіанскихъ душъ. Увы, не всѣ женщины противны Чинкамъ не со всѣми онѣ во враждѣ и ссорѣ! Въ средѣ отживающихъ вѣкъ старухъ у нихъ есть свои адепты, не менѣе страшныя, чѣмъ онѣ сами. Это—„Кудіанеби", колдуньи, обладающія сверхъественной силой. Онѣ также умѣютъ вырѣзывать сердца у людей, какъ и Чинки и въ той же чести у Дедо-Рукапи, какъ и тѣ.

Наканунѣ Успенія [1]), вся эта нечисть приходитъ въ движеніе,—Табакела содрогается отъ дикой вакханаліи. Съ послѣднимъ лучемъ заходящаго солнца изъ всѣхъ разсѣлинъ горы вылетаютъ духи и разсѣиваются по равнинѣ. Утверждаютъ, что ни звѣзды небесныя, ни песокъ морской не могутъ сравниться по количеству съ невидимой силой. Бурнымъ потокомъ расплывается она по равнинѣ и заполняетъ все пространство. Луга, селенія, пашни и лѣса одинаково полны духами. Въ каждомъ встрѣчномъ грозитъ опасность столкнуться съ Чинкою, въ каждомъ кустѣ найти ея логовище, въ каждый моментъ она можетъ промчаться передъ вами верхомъ на черной кошкѣ. Горе спящимъ въ эту ночь! Имеретины знаютъ это, и заранѣе принимаютъ мѣры. Наканунѣ праздника дѣвушки запасаются вязанками дровъ и складываютъ ихъ въ открытыхъ мѣстахъ. Старики и отцы семействъ заготовляютъ кресты и ставятъ ихъ вездѣ, гдѣ только есть опасность отъ духовъ. Виноградники, пашни, дворы и дома—все осѣнено символомъ мира. Въ этотъ часъ деревни представляютъ странную картину. Отовсюду слышны голоса, выкрикивающіе:

[1]) Кн. Р. Эристовъ въ путевыхъ запискахъ по Мингреліи сообщаетъ также объ этомъ праздникѣ. Мозаквали (Колдуны). „Кавказ. Старина" III, 79.

Digitized by Google

джвари ак'ет', джвари ак'ет'!
т'к'вени свит'да т'к'вени тчамет'
чвенсас джвари дагвитцерет'!

„Да будетъ крестная сила съ нами! Ѣшьте свое, пейте свое,—оставьте наше и осѣните его крестомъ!“ Въ домахъ хозяйки тоже заняты дѣломъ. Онѣ льютъ восковыя свѣчи и воскомъ залѣпляютъ пучки волосъ себѣ и дѣтямъ. Это страхованіе отъ опасности. Злые духи не смѣютъ прикасаться къ „мѣченной“, какъ не въ силахъ вредить дому на которомъ виденъ крестъ. Затѣмъ крѣпко накрѣпко запираются кошки, чтобы Чинки не ѣздили на нихъ. Съ наступленіемъ сумерекъ зажигаются костры, и молодежь прыгаетъ чрезъ нихъ, очищаясь огнемъ [1]). Шутки, смѣхъ, игра на дайрѣ, пѣсни и выстрѣлы оглашаютъ воздухъ Толпы парней разгуливаютъ по улицамъ и площадямъ, не смыкая глазъ. Игры продолжаются до зари. Но едва лишь побѣлѣетъ востокъ—опасность миновала, и всѣ расходятся по домамъ. Не заручившіеся охранительными средствами противъ козней духовъ, дѣлаются жертвами Чинки. Подъ утро, какъ только запоетъ второй пѣтухъ, наступаетъ конецъ вакханаліи духовъ. Они поспѣшно оставляютъ равнину и изъ мирнаго селенія направляются къ Табакелѣ. Чинки и Кудіанеби обязаны представить Дедо-Рукапи подробный отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ за эту ночь. Верхомъ на кошкахъ, на давильняхъ, метлахъ съѣзжается нечистая сила во дворъ своей царицы. Она сидитъ на тронѣ изъ гадовъ въ сообществѣ гномовъ и змѣй, еще безобразнѣе, чѣмъ прежде. Блестя чудовищными клыками, сверкая огненнымъ глазомъ, мать порока обводитъ сонмы духовъ пронизывающимъ взглядомъ. Безконечной цѣпью тянутся они, дефилируя предъ своей владычицей. Докладыя о своихъ подвигахъ, каждая изъ Чинокъ представляетъ ей вещественные знаки своихъ дѣяній. Одна кладетъ предъ трономъ кудри дѣтей, обреченныхъ смерти, другая—пылающія сердца любящихъ существъ, третья — вырѣзки изъ платья порченныхъ и пр. Тутъ же представляются ей новыя сподвижницы

[1]) Въ восточной Грузіи очищеніе чрезъ огонь происходитъ въ среду на Страстной недѣлѣ.

Digitized by Google

табакельскаго воинства. Колдуны и вѣдьмы, верхомъ на метлахъ, проносятся предъ ней тучей, гонимой ураганомъ. Царица привѣтствуетъ ихъ воплемъ радости одаряетъ способностью превращаться въ волка, пень, собаку, женщину, въ гору выше небесъ, въ мушку меньше булавочной головки. Блеснетъ наконецъ лучъ денницы—настанетъ праздникъ Успенія, и Табакела замираетъ на одинъ годъ. Духи ея снова удаляются въ тѣснины и трущобы и лишь изрѣдка, блуждая, осмѣливаются спускаться на цвѣтущую равнину.

„Иверія [1]) дополняетъ свѣдѣнія, извлеченныя нами изъ „Нов. Обозр.". Чинкамъ посвящается мѣсяцъ октябрь, когда эти духи пребываютъ на землѣ съ 15 числа по 7 ноября. Чинка представляется ребенкомъ 3—4 лѣтъ съ длинными до земли волосами. Однако она обладаетъ громадной силой, способной поднять на воздухъ цѣлые дома. Приходъ ея 15 октября или уходъ сопровождается дождемъ. Въ первую ночь ея сошествія на землю нужно запечатлѣть изображеніе креста на камнѣ или кирпичѣ и бросить недалеко отъ винныхъ кувшиновъ или въ хлѣвъ. Прикасаясь этимъ камнемъ къ платью, приговариваютъ: „печать св. Георгія". Чинка не можетъ приблизиться къ мѣсту нахожденія этого священнаго камня. Родившихся между 15 окт. и 7 ноября необходимо дать имя Георгія и Маріи, иначе имъ угрожаетъ опасность быть уведеннымъ обманомъ Чинки въ темное царство. Достаточно произнесть имя Маріи или Георгія, чтобы освободиться изъ подъ власти Чинки. Разсказываютъ, какъ Чинка увлекла дѣвицу Соломію на пиръ нечистыхъ силъ. Когда онѣ пропѣли на хороводѣ ихъ пѣсню, оканчивающуюся словами: „да проклянетъ Чинокъ"—всѣ онѣ моментально пали въ безчувственномъ состояніи и Саломія спаслась отъ нихъ бѣгствомъ. Въ промежутокъ пребыванія Чинки на землѣ во всѣхъ работахъ требуется выдѣлить въ пользу ея извѣстную долю: если вяжутъ чулки, шали, то неизбѣжно въ миніатюрномъ видѣ приготовить такія же вещицы для Чинки, чтобы избавиться отъ нанесенія вреда работѣ. 7 ноября является „Михаилъ, Гавріилъ—архангелъ" свяжетъ всѣхъ Чинокъ вмѣстѣ и броситъ въ рѣку.

1) № 227. 1886 г.

Масса другихъ суевѣрій месховъ имѣетъ много общаго съ таковыми же суевѣріями грузинъ. Общность условій, непрерывныя сношенія, племенное родство месховъ съ картвельскими народами объясняють сходство ихъ міровоззрѣнія, обрядовъ и поэтическаго творчества.—Подробности свадебныхъ обрядовъ у грузинъ хорошо извѣстны въ печати. Я скажу о нихъ только вкратцѣ и приведу нѣсколько пѣсенъ, которыя поются при этомъ торжествѣ. Обыкновенно переговоры съ невѣстой ведутся чрезъ посредство дяди жениха или свахи. Покончивъ съ предварительными переговорами невѣстѣ посылаютъ чрезъ брата „хелисъ-дасадеби“ — сахаръ и кольцо. Послѣ этого сговора назначается „пирисъ-нахва“ — день, въ который женихъ въ первый разъ является посмотрѣть лицо невѣсты. Шаферъ („меджваре“, „натлія“) дѣлаетъ приготовленія къ свадьбѣ, собираетъ молодыхъ людей („макари“) съ которыми женихъ идетъ въ баню. Въ день свадьбы онъ посылаетъ невѣстѣ „сакорцило“ — корову, овцу или свиней. Вотъ три момента свадьбы у грузинъ. Месхи говорили мнѣ, что они предпочитаютъ похищать невѣсту, чтобы священнику не платить за вѣнчаніе 10 руб. Въ день свадьбы идутъ пожертвованія въ пользу новобрачныхъ: каждый гость подноситъ отъ 1 до 3 руб. Невѣста приноситъ въ подарокъ роднымъ мужа носки, платки. Сама она получаетъ даръ за первую лезгинку (шабаши). Слѣдуетъ еще замѣтить, что она вѣнчается съ закрытымъ лицомъ и чрезъ три дня шаферъ приподнимаетъ саблей покрывало съ ея лица. Присутствующіе подносятъ новобрачной „пирисъ-санахави“ — подарокъ за смотръ лица. Чрезъ нѣсколько времени, наканунѣ какого-нибудь праздника, она получаетъ отъ отца „мосакитки“ (корову, барана, гуся и пр.). Женихъ получаетъ „пирисъ-гасажнели“ отъ тещи въ видѣ чулокъ, полотенца, и только послѣ этого женихъ проясняется и начинаетъ дѣлить трапезу съ веселой компаніей, во главѣ которой стоитъ „толумбаша“— распорядитель пира. Обѣдъ сопровождается пѣніемъ, выстрѣлами изъ ружья, танцами, смѣхомъ и шутками. Не только обѣдъ, но каждый шагъ новобрачныхъ сопровождаются особыми пѣснями и выраженіями добрыхъ пожеланій. Нѣкоторыя изъ нихъ я привожу въ переводѣ.

Digitized by Google

При выходѣ жениха и невѣсты „макари“ поютъ:

Царь (т. е. женихъ), вѣнецъ твой да осѣнится крестомъ Всевышняго!
Сладость да ждетъ тебя въ жизни съ твоей новобрачной!
Она даруетъ тебѣ семь сыновей и трехъ солнцеподобныхъ дочерей.
„Макарами“ опять мы будемъ, если твой первенецъ-дочь.

Отправляя невѣсту изъ дому, ее провожаютъ слѣдующею пѣсней:

Ступай, Господь да защититъ тебя!
Онъ продлитъ дни твои и вручитъ ключи рая.
Обогатитъ тебя алмазомъ и семью сыновьями
Твоихъ дочерей солнцеподобныхъ мы будемъ „макарами“.

Женихъ съ невѣстой возвращаются изъ церкви домой, и проходятъ чрезъ скрещенные надъ дверями кинжалы:

Идемъ и радуемся—ведемъ красную бабочку.
Счастлива мать жениха—роза засіяетъ предъ каминомъ.
Увы матери невѣсты!—крысы заскребутъ предъ каминомъ.

Поднимая первый тостъ за здоровье новобрачныхъ толумбашъ заканчиваетъ свою рѣчь пѣсней:

Слава Господу Богу, выпью еще разъ.
Вашего врага-недруга да пронзитъ горячая пуля.
Да не доживетъ до жатвы, ни молотьбы!
Такъ Иванъ взмолился, а вино самъ пилъ.

За обѣдомъ кто-нибудь изъ присутствующихъ поетъ очень длинную пѣсню, въ которой выражаются пожеланія гостей дому молодыхъ. Въ пѣснѣ высказывается надежда на то, что Богъ дастъ долгую жизнь новобрачнымъ, овецъ, коровъ, буйволовъ, лошадей, быковъ для плуга, хлѣба,—все это будетъ въ изобиліи. Матеріальное довольство довершится внукомъ умнымъ, который составитъ гордость семьи. Миръ и спокойствіе воцарится въ семьѣ, молодыя будущія невѣстки новобрачнаго своей стройностью и красотой, искусствомъ вязать ковры сдѣлаются предметомъ общаго вниманія и удивленія. Врагъ и другъ всѣ будутъ завидовать счастію и благополучію семьи.

Digitized by Google

Дѣйствительно, месхи, и православные, и католики, и мусульмане, продолжають жить большими семейными общинами. Раздѣлы, у мусульманъ въ особенности, очень рѣдки [1]), чѣмъ объясняется небольшой приростъ домовъ, наблюдаемый у грузинъ-сунитовъ. Въ Ацхурѣ жители не скрываютъ, что выдѣлившіяся семьи стремятся вновь возсоединиться съ коренной семьей родныхъ, такъ какъ жизнь врозь дѣлается, по словамъ ацхурцевъ, немыслимой при общемъ недостаткѣ средствъ. Во главѣ большой семьи стоитъ лицо, избранное совѣтомъ всѣхъ членовъ для управленія всѣми дѣлами семьи. Онъ не всегда является самымъ старшимъ. На избраніе вліяетъ не столько возрастъ, сколько личныя качества избираемаго главой дома. Женская половина имѣетъ особую надзирательницу, распредѣляющую между наличнымъ составомъ женщинъ хозяйственныя обязанности. При перекочевкахъ лѣтомъ въ пастбищныя мѣста, напр. изъ сел. Мусхи въ Занзоби, происходитъ временное дробленіе власти. Одна изъ старшихъ остается главой въ семьѣ въ Мусхи, а другая, избранная на лѣтнее время переселяется въ Занзоби и вступаетъ въ верховныя права домохозяйки. „Шаріатъ" даже допускаетъ, чтобы имуществомъ въ случаѣ неспособности отца распоряжался старшій сынъ.

Движимое и недвижимое имущество считается общимъ достояніемъ всѣхъ наличныхъ членовъ семьи. Порядокъ наслѣдованія терпитъ различныя ограниченія у христіанъ и мусульманъ месховъ. У послѣднихъ порядокъ наслѣдованія согласуется съ требованіями „шаріата", т. е. тѣхъ обычаевъ, которые вытекаютъ изъ ученія корана. „Путеводитель ревнителей вѣры", или Мингаджъ, устанавливаетъ по отношенію къ нему слѣдующіе руководящіе принципы, которые находятъ точное примѣненіе въ дагестанской юридической практикѣ [2]). I. Къ наслѣдованію призываются одновременно отецъ и мать, сынъ и дочь и оставшійся въ живыхъ супругъ. Наличность этихъ наслѣдниковъ устраняетъ всѣхъ остальныхъ, каждый

[1]) *Вермишевъ*. Матеріалы для изученія быта госуд. крестьянъ, стр. 93. Число душъ въ семьѣ грузина—православнаго восходитъ къ 32, у грузинъ сунитовъ иногда доходитъ до 40.

[2]) *М. Ковалевскій*. Законъ и обычай на Кавказѣ. II, 206.

Digitized by Google

изъ нихъ наслѣдуетъ только въ извѣстной долѣ имущества. При наличности всѣхъ перечисленныхъ наслѣдниковъ, $^1/_8$ имущества идетъ женѣ, $^1/_4$ мужу, $^1/_6$ отцу и та же часть матери, за неимѣніемъ ихъ дѣду и бабкѣ; остатокъ дѣлится между сыномъ и дочерью такимъ образомъ, что часть сына въ два раза больше части дочери.

У месховъ-мусульманъ, согласно шаріату, сыновья наслѣдуютъ имущество, которое дѣлится между ними на равныя доли, независимо отъ числа дѣтей у нихъ. Дочери имѣютъ долю въ садахъ и въ движимомъ имуществѣ, но въ пашняхъ и прочихъ земельныхъ угодьяхъ онѣ не участвуютъ. Во всякомъ случаѣ при наслѣдованіи и этого рода имущества дочь получаетъ вдвое меньше сыновей [1]). Месхамъ, какъ и всѣмъ грузинамъ извѣстенъ обычай введенія посторонняго лица въ качествѣ зятя (зедсидзе) Онъ наслѣдуетъ земельное имущество тестя, если послѣдній оставитъ письменное завѣщаніе объ этомъ или выразитъ такое желаніе въ присутствіи двухъ свидѣтелей. По ученію мусульманскихъ юристовъ школы Шафаи и другихъ законовѣдовъ, завѣщаніе имѣетъ силу не потому, что оно изложено на письмѣ, а потому, что воля завѣщателя можетъ быть засвидѣтельствована двумя, по меньшей мѣрѣ, лицами мужскаго пола, которымъ онъ предъ смертью открылъ свои намѣренія [2]). Поэтому въ Дагестанѣ до водворенія русскихъ на Кавказѣ „нузру", замѣнявшее завѣщаніе было не письменнымъ, а устнымъ [3]). Ни майората, ни минората грузины не знаютъ; имъ неизвѣстенъ также раздѣлъ наслѣдства между сыновьями на основаніи трудоваго начала, т. е. сообразно тому, въ какой мѣрѣ каждый участвовалъ въ накопленіи общаго имущества.

Общая черта формъ землевладѣнія всѣхъ государственныхъ крестьянъ ахалцикскаго уѣзда выражается въ правѣ общества вмѣшиваться въ распредѣленіе земель между своими членами. Оно проявляется въ отрѣзкѣ участка у многоземельнаго крестьянина и передачѣ его малоземельному, а также въ воспре-

---

1) *Вермишевъ.* Op. cit. Стр. 92.

2) *Tornau.* Le droit musulman. 188.

3) Сборн. свѣд. о Кавказ. горцахъ, вып. V. Горская лѣтопись, стр. 5.

Digitized by Google

щеніи дальнѣйшаго распахиванія пустующей части надѣла. Другимъ признакомъ, опредѣляющимъ значеніе общества въ дѣлѣ распоряженія мірскою землею, можетъ служить систематично проявляемое право общества на выморочные участки. Третьею чертой является общее пользованіе пастбищной землей, распахиваніе которой допускается только съ согласія общества. Далѣе слѣдуетъ отмѣтить распредѣленіе налоговъ [1]) пропорціонально количеству земли и броженіе населенія въ силу недовольства существующимъ распредѣленіемъ земли изъ стремленія уравнить земельные участки между всѣми нуждающимися. Эти черты характеризуютъ принципы общинной формы землевладѣнія въ изучаемомъ нами районѣ [2]). Здѣсь въ нѣкоторыхъ селеніяхъ (Вале) замѣчается рядомъ захватный способъ пользованія и развитые періодическіе передѣлы надѣловъ. Въ другихъ уже перешли (сел. Цхутаджваръ) отъ захватнаго способа къ правильнымъ подымнымъ передѣламъ на сроки отъ одного камеральнаго описанія до другаго; въ этотъ промежутокъ времени право на равный надѣлъ имѣетъ только домъ, записанный въ камеральное описаніе.

Вслѣдствіе неразмежеванности земель частныхъ лицъ и надѣловъ казенныхъ поселянъ усматривается чрезвычайная масса поземельныхъ споровъ. Источниками этихъ споровъ служатъ захваты казенной земли, лѣсной площади частными владѣльцами. Казенными лѣтними пастбищами пользуются 32 селенія осѣдлаго населенія и все кочевое [3]) населеніе (21 сел.). Послѣдніе пользуются почти исключительно безплатно, и лишь въ недавнее время и они стали снимать за деньги казенныя пастбища. За извѣстный сборъ пользуются пастбищами грузины-христіане и мусульмане: съ головы крупнаго скота 25 коп., мелкаго — 6 коп. Селенія Мусхъ, Мугаретъ, Цнисъ и Утхисубанъ пользуются пастбищами по контрактамъ. Казеннымъ лѣсомъ пользуются безденежно лишь нѣкоторыя

---

1) Также у тушинъ (см. „Этногр. Об.“ кн. III).

2) *Вермишевъ*. Op. cit. 68–9.

3) Кочевники соединены въ три этнографически различныя группы: 1) куртинъ племени Зиланскаго; 2) куртинъ племени Исмаиланскаго и 3) изъ таракаманцевъ-карапапаховъ.

Digitized by Google

деревни. Другія принуждены пріобрѣтать стройтельные матеріалы въ лѣсахъ частныхъ лицъ.

Пахатныя земли, принадлежащія частнымъ лицамъ, находятся въ пользованіи крестьянъ на правѣ срочной и безсрочной или вѣчной аренды. Послѣдняя представляетъ самую древнѣйшую и типичную форму пользованія чужой землей, выработанную прошлой экономической жизнью Ахалцихскаго уѣзда. Въ эпоху существованія Месхетіи въ видѣ провинціи грузинскаго царства несомнѣнно здѣсь господствовали тѣ самые порядки отношеній между помѣщиками и крестьянами, какіе указаны мною въ изслѣдованіи: „Крѣпостное право въ Грузіи“ [1]). Землевладѣлецъ сдавалъ участки имѣнія крестьянамъ для эксплоатаціи въ свою пользу, выдѣляя въ пользу землевладѣльца $^1/_5$ или $^1/_7$ урожая,—долю закономъ установленную сообразно съ плодородіемъ надѣла. Сверхъ этого крестьянеарендаторы уплачивали извѣстные денежные налоги и отбывали массу натуральныхъ повинностей. Такимъ образомъ крестьянинъ былъ связанъ двумя узами, вытекающими изъ личной крѣпости и изъ поземельныхъ его отношеній къ помѣщику. Землевладѣлецъ давалъ ему право пользованія—dominium utile, оставляя за собою права верховнаго владѣтеля—dominium directum. Эти порядки, установленные въ Месхетіи одновременно съ Грузіей, уцѣлѣли во времена турецкаго владычества въ Ахалцихскомъ уѣздѣ и держатся еще теперь тамъ, гдѣ земля принадлежитъ дворянскому и служилому сословію, владѣвшему *наслѣдственно* населенными имѣніями [2]).

Главное занятіе населенія Ахалцихскаго уѣзда составляетъ земледѣліе, садоводство и скотоводство. Каждая народность здѣсь имѣетъ излюбленную систему хозяйства.—Куртины, таракаланцы и туркмены—лучшіе представители кочевого быта. Грузины-суниты посвятили себя главнымъ образомъ садоводству и огородничеству. Грузины—православные являются наиболѣе типичными хлѣбопашцами. Однако стремленіе къ болѣе разностороннему развитію хозяйства замѣтно у

[1]) См. мое „Крѣпостное право въ Грузіи“.

[2]) Я не касаюсь особой формы владѣнія чужой землей извѣстной подъ именемъ тапкой. „Тапа“ выдавалась за извѣстную сумму денегъ и служила порукой вѣчнаго владѣнія и при смѣнившихся наслѣдникахъ

Digitized by Google

всѣхъ народностей Ахалцихскаго уѣзда. Онъ вполнѣ заслуженно славится своими фруктовыми деревьями, процвѣтанію которыхъ способствуетъ замкнутое положеніе всей котловины, обиліе въ почвѣ извести, теплая и сухая осень. Нужно замѣтить, что виноградники встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, что мнѣ объяснили вліяніемъ ислама нетерпимаго къ вину. Во многихъ мѣстахъ вмѣсто лозъ посажены груши, яблоки, вишни, черешни, орѣхи, абрикосы, персики, туты, айва и пр. Во всемъ Ахалцихскомъ уѣздѣ всѣ плодовыя деревья, за исключеніемъ туты, даютъ урожаи по два года разъ. Торговля фруктами, т. е. вывозъ ихъ въ Тифлисъ и центр. Россію начинается въ сентябрѣ. Выдача денегъ за будущій урожай не практикуется.

Что касается системы полеводства и сѣвооборота, то она у кореннаго населенія паровая, зерновая, двухпольная, какъ и во всей почти Грузіи; у кочевниковъ тотъ видъ первобытной пастбищной системы, который носитъ названіе „альпійской.“ Средствомъ для обработки земель служатъ *супряги*, [1]) въ особенности въ тѣхъ деревняхъ, гдѣ примѣняется плужное пахані. Нормы, выработанныя народомъ для дѣлежа работы между домохозяевами, составившими товарищество для обработки полей, весьма различны. Есть деревни, въ которыхъ домохозяева, соединяясь для совмѣстной обработки полей, работаютъ для каждаго изъ членовъ такого союза столько, сколько это для него необходимо, и такимъ путемъ, вспахиваютъ всѣмъ участникамъ товарищества все то пространство, какое они хотѣли бы засѣять. Въ другихъ деревняхъ напр. въ сел. Килоди жители выработали опредѣленныя нормы, одинаковыя съ существующимъ порядкомъ въ этомъ отношеніи въ Грузіи. Артель пахарей, работая въ общемъ 24 дня, пашетъ для владѣльца плуга 2 дня, для двухъ ночныхъ погонщиковъ 4 дня, для пяти паръ воловъ 10 д., для пахаря 2 д., для владѣльца упряжи 2 дня. При недостаткѣ рабочихъ силъ каждому члену товарищества приходится нанимать отъ себя работниковъ или за деньги, или за работу, которую производитъ для нихъ артель въ счетъ рабо-

[1]) Вермишевъ ор. с. 150.

ты, причитающейся тому владѣльцу скота, который не выставилъ самъ погонщика. Для вознагражденія такихъ наемныхъ рабочихъ установлена слѣд. норма: дневному погонщику—20 коп. или одинъ день работы; ночному погонщику —40 коп. или два дня работы; пахарю—50 коп. или четыре дня работы.

Домохозяинъ, не имѣющій скота, продолжаетъ вести хозяйство и не теряетъ связи съ землей. Онъ можетъ выставить свою личную рабочую силу или упряжь, входя такимъ путемъ въ артельное товарищество. Въ этомъ заключается великое значеніе подобныхъ земледѣльческихъ союзовъ.

Время посѣва и количество посѣваемаго зерна на одной десятинѣ [1]) въ различныхъ мѣстностяхъ находится въ зависимости отъ климатическихъ и почвенныхъ условій. Дымъ, располагающій рабочими силами или кормовыми средствами беретъ небольшое стадо овецъ, головъ въ 40 и въ теченіе трехъ лѣтъ содержитъ ихъ на свой счетъ, при чемъ ежегодно получаемые сыръ, масло и шерсть дѣлятся по поламъ; по истеченіи же трехъ лѣтъ все стадо дѣлится на двѣ части, изъ коихъ одна достается хозяину скота, а другая тому, кто кормилъ овецъ и смотрѣлъ за ними въ теченіе этого времени. Для лѣтней пастьбы нанимаютъ пастуховъ, которымъ уплачивается съ каждой головы крупной скотины по кодѣ ячменя, т. е. около 30 коп. и съ телятъ $1/2$ коды, т. е. 15 коп. Наиболѣе внимательнымъ уходомъ и усиленнымъ кормленіемъ пользуются буйволы [2]).

Изъ кустарныхъ промысловъ самое важное значеніе имѣетъ для населенія производство шерстяныхъ издѣлій: ковровъ, суконъ, войлоковъ, переметныхъ сумокъ, серебряныхъ вещей, извѣстныхъ подъ именемъ ахалцихскихъ серебрянныхъ издѣлій. Лѣсной промыселъ служитъ однимъ изъ крупныхъ источниковъ крестьянскаго заработка. Онъ явился важнымъ подспорьемъ въ тѣхъ селеніяхъ, гдѣ скудные земельные на-

---

[1]) Десятина равняется двумъ дгіури. Послѣднее составляетъ участокъ земли, который можно распахать въ одинъ день.

[2]) Вермишевъ, стр. 176.

дѣлы не въ состояніи были занять всѣхъ рукъ, ни удовлетворить вполнѣ скромныхъ нуждъ крестьянской семьи. Мѣстами этотъ промыселъ заключается въ производствѣ исключительно такихъ издѣлій, какъ лопаты, кувшины, круглыя маслобойки и пр. Сплавъ лѣса по Курѣ служитъ спеціальнымъ занятіемъ только извѣстныхъ селеній. Это объясняется тѣмъ, что сплавъ сопряженъ съ большими опасностями, которыя можетъ преодолѣть человѣкъ, воспитанный съ дѣтства въ борьбѣ съ стихіей, владѣющій твердою рукой, вѣрнымъ глазомъ, полнымъ присутствіемъ духа, готовый смѣло взглянуть въ глаза смерти. Таковы свойства плотовщика „метиве."

Государственные крестьяне платятъ въ казну подымную подать и земскій сборъ—общій по краю и губерніи. Размѣръ подымной подати варьируется отъ 3 до 6 руб.; земскій сборъ по всему уѣзду одинаковъ, онъ равенъ 6 р. 50 к., изъ коихъ общаго по краю сбора 4 р. 5 к. и губернскаго 2 р. 45 к. [1]) Кромѣ того нѣкоторыя селенія несутъ еще особую поземельную подать въ виду прирѣзки имъ новыхъ участковъ. Важное значеніе имѣютъ повинности общественныя. На обязанности сельскихъ обществъ лежитъ удовлетвореніе весьма тяжелыхъ сельскихъ нуждъ разработка дорогъ, починка мостовъ, перевозка войска и пр.

Для удовлетворенія религіозныхъ потребностей мусульмане нанимаютъ муллъ, которые исполняютъ всѣ требы и религіозные обряды. За это мулла получаетъ по одной кодѣ (4 пуд.) пшеницы съ каждаго молящагося, каковымъ долженъ быть каждый правовѣрный съ 12 лѣтъ; ему привозятъ дрова по одной арбѣ съ дыма, платятъ за свадьбу отъ 1 р. 50 к.; даютъ масло, сыръ и деньгами три рубля. Для него имѣются особый домъ, гдѣ онъ учитъ дѣтей корану, получая съ нихъ по кодѣ пшеницѣ въ годъ и по полуну дровъ зимой. Изъ приписной деревни муллѣ платятъ лишь 1/2 коды пшеницы. За такое къ нему общественное вниманіе онъ долженъ въ день пять разъ молиться за правовѣрныхъ, въ 4 часа утра, въ 12 час., въ 6 час., въ 8 час. и въ 12 час.

---

[1]) Раскладка податей происходитъ или подымно или сообразно съ количествомъ и качествомъ земли, обрабатываемой плательщикомъ.

Digitized by Google

ночи. Не смотря на преданность и уваженіе народа къ учености муллы онъ рѣдко знаетъ больше трехъ-четырехъ страницъ изъ корана. Однако онъ умѣетъ вселять въ сердцахъ послѣдователей магомета фанатизмъ и упорное отчужденіе отъ школъ христіанъ. Вообще образованность находится въ печальномъ положеніи среди мусульманскаго населенія, и на это слѣдовало бы обратить вниманіе „Обществу возстановленія православнаго христіанства на Кавказѣ".

На сколько здѣсь нѣкогда процвѣтало христіанство, безмолвно свидѣтельствуютъ печальныя развалины величественныхъ церквей и монастырей, поражающихъ грандіозностью своей архитектуры и живописи. Одинъ Сафарскій монастырь доставлялъ убѣжище 600 монахамъ въ стѣнахъ своей мирной обители. Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣльныхъ церквей, сохранившихъ и нынѣ яркіе слѣды своего прошлаго величія. На ряду съ искусствомъ здѣсь развивались литература и наука. Изъ Ахалцихскаго уѣзда сел. Рустави происходилъ знаменитый грузинскій поэтъ XII в. авторъ „Барсовой кожи" Шота, получившій прозваніе Руставели по мѣсту своего происхожденія. Изъ сел. Тмогва былъ родомъ грузинскій романистъ въ эпоху царицы Тамары Саргисъ Тмогвели, авторъ Диларіани. Ему же приписывается переводъ Висраміани, повѣсти, написанной съ большимъ знаніемъ человѣческаго сердца [1]).

Тамъ, гдѣ шесть-семь вѣковъ тому назадъ образованность разливалась могучимъ потокомъ, затопляя своими ручьями всю Восточную Грузію, — провинція, служившая для всего царства передаточнымъ звеномъ византійской цивилизаціи, представляетъ плачевную картину разоренія, запущенія и невѣжества. Исламъ съ конца XVII в. привившійся здѣсь, наложилъ свою рѣзкую печать на населеніе, обрекши его на умственную ограниченность и на застой въ развитіи гражданственности. Коренное населеніе Месхетіи утрачиваетъ постепенно свой національный обликъ, сливаясь и ассимилируясь съ магометанскимъ элементомъ. Куртины и армяне, переселенные сюда гр. Паскевичемъ Эриванскимъ, имѣли свое

---

[1]) См. мой „Общій взглядъ на состояніе грузинологіи".

Digitized by Google

пагубное вліяніе на туземцевъ. Послѣдніе были вытѣснены изъ многихъ селеній, уступая свои жилища враждебнымъ пришельцамъ. Объ этомъ свидѣтельствуютъ названія деревень, гдѣ живутъ армяне и куртины. Сел. Цхалъ-тбила (по груз. значитъ теплая вода), Идумала (тайна), Цхурти (жажда), Схвилиси (толстый) и др., нынѣ занятыя армянами еще очень недавно были заселены грузинами, которые давали своимъ поселеніямъ названія, этимологически объясняемыя лишь съ помощью грузинскаго языка. Нельзя сказать, чтобы эти армяне-католики представляли чистый армянскій элементъ: въ ихъ жилахъ нерѣдко течетъ не только грузинская кровь, но они часто считаются *армянами*-католиками только потому, что мы не хотимъ признавать, что есть грузины-католики. Однако мы хорошо знаемъ исторію перехода месховъ въ католицизмъ со времени владычества турокъ, когда прервались сношенія съ Грузіей и установились связи съ западомъ, откуда хлынула масса римскихъ миссіонеровъ, распространяя свою пропаганду на всемъ Кавказѣ [1]). Отвергая большою частью національное происхожденіе ахалцихскихъ католиковъ, наши статистики составляютъ невѣрные итоги о числѣ грузинъ, армянъ и пр. Нечего говорить, что нѣкоторые изъ грузинъ-мусульманъ, населяющихъ сел. Хертвиси, Аспиндза, Ахамети, Ацкури, Индуса, Отора, Еліа-Цминда, Георги-Цминда, Курти, Двири, Кикинети, Джурта-Джвари, Татașиси, Свири, Цниси, Зикили, Чобарети, Сакунети, Ткемліани, Дчвинта, Вархани, Накурдеви, Орали, Цаканія и пр., причисляются къ татарамъ когда принимается за критеріумъ дѣленія не національность, а вѣроисповѣданіе.

Нѣтъ необходимости предлагать здѣсь читателямъ филологическое толкованіе названій этихъ деревень: корни ихъ несомнѣнно грузинскаго происхожденія. Все пространство ахалцихскаго уѣзда по своей географической номенклатурѣ даетъ непреложные факты принадлежности его къ територіи грузинскаго населенія, вытѣсненнаго сюда съ юга и запада—съ береговъ Чернаго моря и Малой Азіи [2]). Эта часть одна изъ

---

[1]) См. путешествіе Ламберти, Кентарини, Барбаро, Шардена и др.

[2]) См. мою ст. Древнѣйшіе предѣлы разселенія грузинъ по М. Азіи.

Digitized by Google

интереснѣйшихъ провинцій Грузинскаго царства въ археологическомъ отношеніи. Не менѣе любопытны архаическія выраженія, сохранившіяся только въ Месхетіи. Я приведу нѣсколько примѣровъ. Слово „взять“ (грузинское „гамотᶜмева“) передается понятіемъ „цᶜартᶜмева“, что собственно значитъ „отнять“. „Рубить“ (по груз. дачᶜра) месхи выражаютъ посредствомъ „дахева“, прямой смыслъ котораго „разорвать“, „разодрать“. „Дрова“ (груз. „шеша“) переводится чрезъ „хе“—„дерево“. „Покрытый“ грузины вообще передаютъ словомъ „дахурули“, а месхъ употребляетъ слово „дабурули“, имѣющее теперь другое значеніе въ карталинскомъ языкѣ—„дремучій“. „Взять что-либо съ просьбой“, или „попросить“ грузинъ выражаетъ посредствомъ глагола „тᶜховна“, а месхъ употребляетъ другой глаголъ „цᶜартᶜмева“, смыслъ котораго равняется понятію „отнять“. „Курить“ по грузински „цᶜева“ (собственно значитъ „тянуть“), а месхъ скажетъ въ данномъ случаѣ „всвам“ (пью), напр.: „курю трубку“, онъ переводитъ „чибухе всвам“. Эти архаизмы переносятъ насъ въ ту эпоху, когда люди не умѣли выпрашивать добровольной уступки и отнимали насильно нужныя имъ вещи. Отсюда передача понятія „тᶜховна“ (просить) чрезъ „цᶜартмева“. Изъ другихъ особенностей языка я отмѣчаю замѣну предлога „или“ (въ) посредствомъ „чи“: гулчи вм. гулши—въ сердцѣ, сакᶜмечи вм. сакᶜмеши—въ дѣлѣ и др. Эта черта языка сближаетъ говоръ месховъ, съ говоромъ грузинъ-горцевъ (тушинъ, пшавовъ, хевсуръ, мохевцевъ), съ которымъ онъ находится въ ближайшемъ родствѣ по отношенію къ акценту, выговору. Извѣстно, что горцы сохранили болѣе древнія формы въ склоненіи и спряженіи. Эти же морфологическія особенности грузинскаго языка извѣстны намъ изъ переводовъ священно-богослужебныхъ книгъ съ VI в. и уцѣлѣли въ языкѣ месховъ.

Не мало слѣдовъ архаичности въ народной поэзіи месховъ. Послѣ грузинъ-горцевъ месхи лучше всѣхъ остальныхъ народностей картвельскаго племени сохранили древнія пѣсни, легенды, сказанія. Здѣсь распѣваются стихи историческаго содержанія, извѣстныя во всей Грузіи. Одну особенность ихъ поэзіи составляютъ пѣсни на библейскіе мотивы. Изъ нихъ я приведу сказанія объ Ноѣ и Іовѣ.

Digitized by Google

Ты, святой Ной, прежде сталъ рубить корабль,
Снаружи и внутри быстро кончилъ дѣло,
Пригласилъ ты на смотръ всю живущую тварь,
Въ набатъ ударилъ во время и собралъ ты всѣхъ.
Буйволъ проситъ съ ревомъ [1]) пустить его туда.
„—Принять тебя не могу я, поди неси письмо".
Море вышло изъ береговъ, потопило все пространство.
Потопъ длился сорокъ дней, померкли солнце и луна.
Чрезъ сорокъ дней опять вода вошла въ свои берега.
Ной открылъ свой корабль, проливая горькія слезы.
Послалъ онъ чернаго ворона обозрѣть всю вселенную.
Полетѣлъ воронъ гадкій, мерзкій, туда, гдѣ завидѣлъ падаль;
Здѣсь остался преспокойно, проводя на ней дни и ночи.
Тогда Ной послалъ голубя бѣлаго, вѣрнаго.
Ночью голодный вернулся онъ и молвилъ: все погибло
подъ небесами.
Въ знакъ произрастанія подалъ масляную вѣтвь.
Все это послѣ Ноя выросло, что видишь теперь.

Мнѣ приходилось отмѣчать грузинское сказаніе объ Іовѣ [2]). Нижеслѣдующій переводъ касается совершенно другой эпохи ветхозавѣтнаго страдальца.

Іовъ былъ богомольный,
Жену имѣлъ праведную;
Дочери его солнцеобразныя
Погибли всѣ въ одинъ день.
Послалъ сказать женѣ своей:
„Не печалься, безумная
Не оплакивай земныхъ дѣтей!
Онъ далъ, Онъ же взялъ,
Воздадимъ Ему хвалу"!
Заявился дьяволъ гнусный
И говоритъ въ лицо Іову:
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцомъ?
Разукрашенныхъ алмазомъ.
Ихъ мученія и терзанія
Поднимаются выше къ небу.
Заявился дьяволъ гнусный.
И говоритъ въ лицо Іову:
„Въ чемъ согрѣшилъ ты предъ Творцомъ?
За что Онъ сжегъ твои стада?"
— „Поди прочь, дьяволъ гнусный!
Горе мое—твое дѣло.
Онъ далъ, Онъ же взялъ
Воздадимъ Ему хвалу!"
Черви Іова заѣдаютъ,

---

1) Грузины говорятъ, что въ ревѣ буйвола слышится имя Ноя. („Ное, Ное!").
2) См. „Этногр. Обоз." кн. III стр. 176. (отд. библіографіи).

Digitized by Google

За что Онъ отнялъ дѣтей?„
— „Поди прочь гнусный дьяволъ!
Горе мое—дѣло твое!
Онъ далъ, Онъ же взялъ
Воздадимъ Ему хвалу“.
Загорѣлось огнемъ поле,
Стада Іова погибаютъ
Пять сотъ его верблюдовъ,
Его мукамъ нѣтъ конца.
На войлокъ его положили
И выбросили въ навозъ.
Когда червь одинъ свалился,
Іовъ въ сердцѣ огорчился,
Самъ поднялъ его на раны:
„Она Божье дарованье;
Ты пожирай плоть и кость,
А смерти не страшися!“

Месхи сохранили пѣсни о Ростомѣ, Автаидилѣ и Амиранѣ. Въ виду того, что о первомъ эпическомъ героѣ мнѣ приходилось говорить въ прежнихъ очеркахъ, я не стану приводить подробностей и остановлюсь, на сказаніи объ Амиранѣ, сдѣлавшемся предметомъ цѣлой повѣсти для Мосе Хонели, писателя XII в., эпохи царицы Тамары. Месхи запомнили тотъ моментъ изъ жизни Амирана, когда послѣдній вмѣстѣ со своими братьями отправился на охоту. На одной горѣ охотники замѣтили „оленя съ золотыми рогами до небесъ“. Амиранъ пустилъ въ него обоюдоострую стрѣлу и до крови ранилъ его въ плечо. Однако олень не остался на мѣстѣ: онъ помчался чрезъ девять горъ; за нимъ слѣдовалъ „по кровавой стезѣ“ Амиранъ и настигъ его на десятой горѣ Алгетской (по варіанту на Сакриской). Здѣсь нашли они зданіе вершина котораго касается неба. Отыскать двери въ него не удалось Амирану: онъ толкнулъ ногой и стѣна, обрушившись, открыла ему входъ (по варіанту онъ ногой сорвалъ замокъ съ запертой двери). Внутри ихъ глазамъ представился несчастной трупъ „временъ Адама“. Въ рукахъ онъ держалъ письмо, изъ котораго они увидали его происхожденіе: я племянникъ Усупа; въ жизни моей истребилъ много враговъ, уцѣлѣлъ лишь одинъ Бакъ-бакъ-дэви: кто убьетъ его тому на счастье мое владѣніе (по варіанту „мой крылатый конь“); кто пріютитъ мою семью, тотъ пусть возьметъ мою булаву и копье. Амиранъ спѣшитъ отыскать названаго Дэви. На берегу рѣки, когда Амиранъ началъ оттачивать саблю, замѣтилъ онъ медленно двигающагося Дэви, подъ ногами котораго вся земля дрожала. Амиранъ требуетъ съ него, чтобы

Digitized by Google

онъ назвалъ свое имя. Тотъ отвѣчаетъ, что не зачѣмъ ему знать, кто онъ такой, идетъ онъ съѣсть племянника Усупа, недавно умершаго.—„Кто позволитъ тебѣ съѣсть сына Адама? Я готовъ бороться!" Амиранъ ударилъ Дэви о каменистую почву, сломалъ ему плечо, онъ сталъ издавать страшные крики. (По варіанту до борьбы съ Дэви Амиранъ снялъ голову съ осла принадлежавшаго старцу. Старецъ потребовалъ удовлетворенія. Герой ему предлагаетъ саблю въ сто драконовъ, а товарищъ его длинную рубаху. Старецъ все противится. Амиранъ тогда открываетъ, что еслибы старецъ взялъ домой осла, то послѣдній поѣлъ бы всю семью).

Сказанія объ Амиранѣ извѣстны всѣмъ народностямъ грузинскаго племени. Въ его лицѣ сочетались два элемента—злое и доброе. По однимъ сказаніямъ онъ является борцомъ противъ Дэвовъ, человѣкопожирающихъ существъ; въ другихъ сказаніяхъ онъ представляется олицетвореніемъ злого начала—нѣчто вродѣ Аримана. Быть можетъ онъ даже пополнитъ отсутствіе въ грузинской языческой религіи дуализма, при чемъ богъ добра Армахи—несомнѣнно Ормуздъ, а Амиранъ—Ариманъ, служители котораго Дэви и ешмаки (Aeschma) хорошо извѣстны въ грузинской миѳологіи.

Одна поэма о Солагѣ-героѣ [1]) извѣстна лишь месхамъ. Мнѣ удалось записать отрывокъ, повидимому, изъ очень длиннаго сказанія. Начинается разсказъ тѣмъ, что Солагъ отправился въ Стамбулъ и прибылъ ко дворцу султана. Визирь встрѣтилъ его у дверей, обнявъ его и спрашиваетъ зачѣмъ онъ пожаловалъ къ султану. Солагъ не успѣваетъ объяснить причины своего дальняго путешествія, какъ визирь предлагаетъ ему, какъ славящемуся во всей Грузіи борцу, вступить въ единоборство съ арабомъ, обѣщая въ случаѣ побѣды дать ему постъ паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается но визирь настаиваетъ. Борецъ соглашается на предложеніе визиря; даютъ ему коня быстраго, сѣдло золотое. Въ пятницу весь городъ вышелъ на площадь. Арабъ летитъ на конѣ. Сологъ ему кланяется низко, но арабъ не терпитъ отлагательства—онъ хочетъ начинать бой. Онъ бросаетъ одно за

[1]) По фамиліи Конадзе.

Digitized by Google

другимъ три копья, но Солагъ ловко отражаетъ удары. Тогда Солагъ направляетъ лошадь къ арабу, пускаетъ копье въ бокъ, арабъ падаетъ и умираетъ. Муллы приступили читать надъ трупомъ Коранъ. Солага берутъ во дворецъ, онъ опасается за свою жизнь. Султанъ принялъ его благосклонно, наградилъ его золотомъ и обѣщалъ поручить ему должность паши въ Ахалцихѣ. Солагъ отказывается отъ этой чести, предпочитая силу ощущать въ рукѣ, чѣмъ въ занимаемой должности.

Въ этомъ сказаніи отражаются сношенія между Турціей и Месхетіей, когда послѣдняя была завоевана османами. Месхи сохранили массу воспоминаній объ этой тяжелой эпохѣ. Оставаясь въ душѣ христіанами, они много терпѣли отъ мусульманъ. Былъ установленъ надзоръ, чтобы по средамъ и пятницамъ месхи не постились. Поэтому они готовили что-либо на маслѣ и выбрасывали, а потомъ ѣли постное, вводя въ заблужденіе соглядатаевъ запахомъ масла. Народная традиція помнитъ и теперь какъ одинъ изъ пашей Аджи-Агмедъ за сочувствіе христіанамъ обезглавленъ по распоряженію турецкаго султана. Этому пашѣ приписывается построеніе ахалцихской мечети, обращенной теперь въ православный соборъ. Передаютъ, что для сооруженія мечети Аджи-Агметъ далъ такой планъ постройки, чтобы ее впослѣдствіи можно было освятить въ христіанскую церковь. Этотъ коварный замыселъ былъ открытъ, и Аджи-Агметъ погибъ отъ рукъ возмутившихся мусульманъ. Теперь лишь полумѣсяцъ надъ которымъ возвышается крестъ въ знакъ побѣды христіанства свидѣтельствуетъ о прежнемъ назначеніи громаднаго изъ тесаннаго камня строенія. Народъ помнитъ еще одинъ фактъ изъ исторіи господства правовѣрныхъ въ Месхетіи. Разсказываютъ, какъ въ день Свѣтлаго Христова Воскресенья во время крестнаго хода, совершаемаго тайно въ Сафарскомъ монастырѣ, напали вооруженные мусульмане въ ту минуту, когда впервые небо огласилось радостнымъ восклицаніемъ: Христосъ Воскресе! [1])

---

[1]) Нѣчто подобное мы видимъ въ нашествіи Шахъ-Аббаса на Кахетію, гдѣ въ день Христова Воскресенія онъ перебилъ въ одномъ монастырѣ 6000 монаховъ!

Digitized by Google

Періодъ владычества турокъ въ Ахалцихѣ далъ много сюжетовъ для народной поэзіи. Давленіе мусульманъ на населеніе, его преданность христіанской вѣрѣ, борьба грузинскихъ царей съ „хондкаромъ“ (султаномъ) изъ-за Месхетіи давали обильную пищу для поэтическаго творчества. Нашествіе турокъ смѣнялось вторженіемъ персидскихъ шаховъ, производившихъ не меньше опустошенія, чѣмъ янычары султана. Одна пѣсня сохранила воспоминаніе о послѣдствіяхъ вторженія шахинъ-шаховъ. „Двинулся грозно Демуръ-каанъ (шахъ), оставилъ свой городъ Хаварашанъ (Хорасанъ), вступилъ онъ въ предѣлы Грузіи, городъ (Ахалцихъ) сжегъ, плѣнныхъ угналъ какъ стадо, а женщинъ и дѣвицъ роздалъ солдатамъ“. Въ другой пѣснѣ отразилось отношеніе Месхетіи къ Высокой Портѣ. „Усупъ-паша, (съ позволенія отца) въ виду опасности, грозившей ему лишеніемъ поста въ Ахалцихѣ, отправился къ султану, сѣлъ возлѣ него и сладко вопрошалъ его: „зачѣмъ, государь, лишаешь меня сана? Ты знаешь, владѣтель Кахетіи (т. е. царь Ираклій II) ополчается на насъ. Велишь—приведу въ цѣпяхъ или, воткнувъ на копье его голову, преподнесу вамъ“.—„Если это ты исполнишь, возстановлю твою власть, одарю тебя халатомъ и дамъ тебѣ весь Гурджистанъ“ (Грузію).

Одна надежда ободряла жителей Месхетіи при турецкомъ владычествѣ—это помощь царя Ираклія. Взоры всѣхъ были обращены на него, онъ послужилъ предметомъ восторговъ и поэтическаго воодушевленія. Его побѣда надъ турками при Аспиндзѣ [1]) (недалеко отъ Ахалциха) вдохновляла не только народныхъ пѣвцовъ-месховъ, но и лирическихъ поэтовъ Восточной Грузіи (кн. Орбеліани). Я перевожу одну изъ любимыхъ и распространенныхъ пѣсенъ у месховъ:

Небо тучами покрылось,
Дождемъ земля оросилась.
Ираклъ къ Ацкверу стремился.
Онъ семь сутокъ здѣсь остался

[1]) Битва при Аспиндзѣ съ турками произошла въ 1769 г. Графъ Тотлебенъ, присланный на помощь Екатериной II, предъ сраженіемъ оставилъ Ираклія II. Грузины одержали блестящую побѣду. *Бутковъ*. Матеріалы для исторіи Кавказа. I, 281—2.

Digitized by Google

У Аспиндзы укрѣпился
И съ врагомъ тутъ вдругъ столкнулся.
Въ битвѣ кровь лилась рѣкой,
Делибашъ разбитъ совсѣмъ,
Царь Ираклій прослезился,
Когда „Русскій» повернулся,
Но Богъ далъ царю побѣду,
Трупы бросилъ онъ въ Куру.

Ираклій — любимый герой народныхъ пѣсенъ. Его имя пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ виду того могучаго отпора, который онъ далъ вторженіямъ лезгинъ въ Грузію. „Трупы убитыхъ тобой, царь, лезгинъ гніютъ на Аспиндскихъ поляхъ, сдѣлавшись добычей хищныхъ воронъ, жадно выклевывающихъ глаза павшимъ врагамъ Грузіи“. Молитвы всѣхъ возносились къ небу о дарованіи долгоденствія „ловкому ѣздоку, неустрашимому воину“. На вопросъ падишаха, „кто такой Ираклій, народъ описываетъ его, согласно историческимъ даннымъ, грузинской лѣтописи. „Ираклій—милый ребенокъ [1]), въ которомъ бьется сердце слона, крѣпокъ, какъ неприступная скала, разрушаетъ крѣпости, какъ подгнившее дерево“. Самъ онъ вступалъ въ единоборство съ силачами враговъ и удачными ударами опрокидывалъ ихъ на землю.

Не мало сказаній сохранилось у месховъ о царицѣ Тамарѣ (XII в.). Съ ея именемъ связана масса легендъ, превратившихъ ее изъ строго-засвидѣтельствованной исторической личности въ полумиѳическую съ особенностями христіанской святой дѣвы или языческаго божества. У грузинъ-горцевъ она причисляется то къ лику святыхъ то считается цѣлительницей отъ всѣхъ недуговъ и болѣзней. Нѣтъ сомнѣнія, что популярной царицѣ приписали на Кавказѣ много чертъ ей не свойственныхъ, и не мало дѣяній и построекъ, относящихся къ различнымъ эпохамъ и лицамъ. Разнохарактерныя наслоенія, сочетанія противорѣчивыхъ между собою качествъ отразились и на извѣстномъ стихотвореніи поэта Лермонтова: („Въ глу-

[1]) За небольшой ростъ Ираклій называется въ исторіи „патара Кахи“—маленькій кахетинецъ. Это не мѣшало ему быть выдающимся полководцемъ, которымъ восторгался Фридрихъ Великій.

Digitized by Google

бокомъ ущельѣ Дарьяла“ и пр.), который, вѣроятно, согласно съ народными преданіями говоритъ, что Тамара была „прекрасна, какъ ангелъ небесный, какъ демонъ—коварна и и зла“... Месхи также помнятъ, что кизилбашскій владѣтель, очарованный небесной красотой царицы, хотѣлъ ее похитить, но попытки его были неудачны и кончились позорнымъ плѣненіемъ самого хана. Любопытно отмѣтить представленіе месховъ, какъ Тамара успѣвала воздвигать церкви и башни, приписываемыя исключительно ей, если только онѣ красуются на вершинѣ неприступной скалы или теряются въ тѣснинахъ дремучихъ лѣсовъ. Месхи увѣряютъ, что царица разставляла войско такъ, что послѣдній воинъ стоялъ на мѣстѣ постройки, а первый у подошвы горы, на берегу рѣки, и около нужнаго для строенія матеріала: такъ передавались изъ рукъ въ руки кирпичи, камни, вода, св. иконы и богослужебные предметы.

Изъ другихъ историческихъ пѣсенъ отмѣчу воспоминаніе о царѣ Арчилѣ. Ему совѣтуется, оставить Аліани и Челіани (деревни), угрожая въ противномъ случаѣ поразить его стрѣлой, „напитанной смертельнымъ ядомъ“. Эпоха феодализма, давленія дворянства на крестьянъ, купля-продажа ихъ дали поводъ излить накипѣвшую горечь въ пѣсняхъ, часто проникнутыхъ глубокой ненавистью къ своимъ господамъ. „Ты, Эриставъ, владѣлецъ горъ и Арагвы, оставь торговать своими крестьянами, ты много уже продалъ дѣвицъ и женъ, украшенныхъ черными волосами и красивыми глазами“ [1]).

Я ограничусь этимъ указаніемъ на историческія пѣсни, въ большомъ количествѣ сохранившихся во всѣхъ концахъ Грузіи.

Лирическія пѣсни отличаются лаконической сжатостью и краткостью и такими особенностями, свойственными грузинскому языку, которыя дѣлаютъ ихъ почти не переводимыми на русскій языкъ. Я приведу нѣсколько образцовъ, чтобы дать представленіе объ этомъ видѣ грузинской поэзіи. „Восходящей зарѣ и солнцу говоритъ она взойди! Насытиться

[1]) Эриставъ собственно значитъ—„глава народа“, а потомъ начальникъ области, наслѣдственный ея владѣтель съ политическими правами.

Digitized by Google

твоимъ созерцаніемъ мнѣ не суждено, такъ вонъ измученная душа". Это значитъ, что красавица, возлюбленная страдальцемъ можетъ соперничать съ утренней зарей по красотѣ, но ему не предопредѣлено считать ее своей подругой, и въ отчаяніи ему остается наложить руку на себя. Въ другой пѣснѣ влюбленный, не пользующійся взаимностью, проклинаетъ день своего рожденія: „я не ждалъ твоей разлуки. Когда вспоминаю тебя, пламенная любовь сжигаетъ мнѣ сердце, и если суждено было разстаться съ тобой, то къ чему выростила меня бѣдная мать!" Иногда проявляется поразительная преданность выбранной сердцемъ, рѣдкая готовность пожертвовать за нее жизнью лишь бы на короткое время насладиться ея дружбой. „Еслибы кто-нибудь изрубилъ меня на куски, трупъ бросилъ на съѣденіе чернымъ воронамъ, а кровь пролилъ для утоленія жажды свободныхъ оленей, — все это я перенесъ бы легко, лишь бы остался съ тобой вдвоемъ". Разъ загорѣвшееся чувство любви постепенно возрастаетъ, вытѣсняя всѣ помыслы о другихъ. Измѣна—позоръ, постоянство—достоинство любящихъ сердецъ. „Съ тѣхъ поръ какъ ты ушелъ,—говоритъ дѣвица своему возлюбленному,—я взора не бросала на другихъ; кровавые ручьи непрерывно текли изъ моихъ глазъ, окрашивая краснымъ цвѣтомъ безбрежное море". Почтеніе къ старшимъ, уваженіе ко всѣмъ является обязанностью невѣстки. „Молодая должна быть стройна какъ тополь, лелѣять свекровь, почитать свекра какъ Бога, къ золовкѣ и деверю быть внимательной и всѣмъ услужливой, — ее будутъ за это ласкать, какъ невинную голубицу". Вражда между невѣсткой и свекровью отразилась чрезвычайно характерно: „Не ѣшь – говоришь, что я голодна, ѣмъ – называешь меня грифомъ, тихо хожу—зовешь лѣнивой, тороплюсь — ругаешь „каджи" (дьяволъ), сижу — зовешь калѣкой, стану — обзываешь шестомъ. Что мнѣ дѣлать?—Какъ угодить злой свекрови своей?"

Особый видъ поэзіи составляютъ пѣсни, въ которыхъ отъ имени дѣвицы и ея возлюбленнаго дѣйствуютъ звѣри. Этотъ животный эпосъ очень богатъ и по количеству стишковъ и по внутреннему ихъ содержанію. Символически олень означаетъ влюбленнаго, голубь—влюбленную, лиса — непріятельницу ихъ, медвѣдь — грубую силу и пр. Я перевожу одну

Digitized by Google

пѣсню, гдѣ дѣйствующими лицами являются представители различныхъ классовъ животнаго міра.

У несчастной старухи крысы жнутъ ниву,
Львы вяжутъ солому, а барсы въ пукъ снопы;
Дэви запряжены въ арбу и ведутъ ихъ на гумно;
Молотильныя доски быстро вертятъ олени,
На нихъ сидятъ ангелы, нѣжно напѣвая;
Дчинки [1]) званы провѣять смолоченное пшено;
Кабаны поправляютъ гумно, а лисы подметаютъ;
Медвѣди нагружены мѣшками и спускаютъ хлѣбъ въ яму;
Волки посланы на мельницу, чтобы молоть пшеницу:
Жаворонка отправить въ небо чтобы собрать всѣхъ птицъ,
Тетеревъ просѣваетъ муку, куропатка мѣситъ, сорока валяетъ
Голуби пекутъ лаваши [2]), горлицы ихъ достаютъ (изъ печи въ землѣ);
Гаріани (?) приготовляютъ, сайки кладутъ на подносы;
Аминари и Гавари (?) сидятъ близко другъ къ другу;
Фазана за красоту сажаютъ въ серединѣ между собою.
Сами ѣдятъ, пьютъ, дворовую собаку гонятъ къ концу (стола),
Скворца просятъ поближе поиграть на „гіанури“(скрипка).

Этими замѣтками о поэзіи месховъ я закончу свой очеркъ, оставляя пока въ сторонѣ хороводныя и обрядовыя пѣсни.

А. Хахановъ.

---

[1]) Нечистые духи (см. выше: чинки).
[2]) Плоскій тонкій хлѣбъ въ видѣ салфетки.

Digitized by Google

Ставръ Годиновичъ и Гэсэръ.

А. Н. Веселовскій разсмотрѣлъ былину о Ставрѣ Годиновичѣ въ Журн. М. Н. Пр., ч. CCLXVIII, отд. 2, стр. 26.

Содержаніе былины: Ставръ посаженъ въ тюрьму; Василиса—жена его, одѣвается въ мужское платье и ѣдетъ будто царскимъ посломъ свататься за княжну. Отецъ или дядя княжны испытываетъ полъ посла; Василису заставляютъ идти въ баню, состязаться въ борьбѣ и стрѣльбѣ. Ставръ, выпущенный изъ тюрьмы, играетъ на пиру на гусляхъ, а потомъ Василиса выводитъ его въ поле для состязанія въ бою. Здѣсь онъ узнаетъ въ ней свою жену.

Г. Веселовскій приводитъ одну нѣмецкую пѣсню XVI вѣка, представляющую параллель къ нашей былинѣ. Александръ Von Metz уѣзжаетъ къ святымъ мѣстамъ и оставляетъ жену; на чужбинѣ онъ попадаетъ въ плѣнъ къ языческому царю Магомету, который заставляетъ его ходить въ плугѣ. Жена, открывъ мѣсто нахожденія мужа, остригаетъ свои волосы, надѣваетъ монашескія рясы, беретъ гусли и отправляется въ языческое царство. Игра ея такъ понравилась царю, что онъ предлагаетъ ей подарки и по ея выбору даритъ ей своего плѣнника, ея мужа.

Гэсэръ монгольской версіи (въ переводѣ Шмидта: Die Thaten Bogda Gesser chan's St.-Ptb. 1839, стр. 273—282) какимъ то ламою, великаномъ волшебникомъ, обращенъ въ осла и исполняетъ ослиную работу. Жена Гэсэра Аджу-Мергенъ отправляется освобождать его; сначала она приготовляетъ свое оружіе, на что ей потребовалось нѣсколько мѣся-

Digitized by Google

цевъ, потомъ принимаетъ видъ безобразной старухи, старшей сестры великана волшебника съ выпученными глазами, съ бровями, висящими до груди, съ грудями висящими до колѣнъ; подъ этимъ видомъ она идетъ будто бы навѣстить своего брата. Великанъ хвалится своей побѣдой надъ Гэсэромъ, показываетъ добытыя разныя вещи и предлагаетъ сестрѣ выбрать, что ей понравится. Старуха говоритъ, что всѣ эти вещи очень хороши, но что ей старухѣ не нужны; пусть лучше ей отдастъ чернаго осла, на которомъ она могла бы спокойно ѣхать домой. Великанъ отдаетъ осла. Аджумергенъ отводитъ его домой, а потомъ къ своему отцу, царю драконовъ. Отъ новаго ухода оселъ принимаетъ видъ прежняго Гэсэра. Конецъ разсказа—помѣщаемъ его не въ интересѣ сопоставленій съ русской былиной — Гэсэръ и Аджумергенъ отправляются вдвоемъ на охоту, встрѣчаютъ оленуху съ желтобѣлымъ пятномъ во лбу; Гэсэръ попадаетъ въ пятно и оленуха со стрѣлой убѣгаетъ въ домъ старшей сестры великана. Это была она сама въ обращенномъ видѣ [1]).

Ордосскій монголъ Пунцукъ разсказывалъ мнѣ монгольскаго Гэсэра съ нѣкоторыми лишними противъ Thaten подробностями. Волшебникъ Лобсыга-лама по разсказу Пунцука заставилъ Гэсэра, обращеннаго въ осла, давать хлѣбъ (будай даруджи), по подробному объясненію Пунцука таскать или вращать *булу*, каменный цилиндрическій катокъ, вздѣтый на деревянную ось, т. е. заставилъ молотить. Къ Лобсыга-ламѣ пришла его старшая сестра (Эгичъ) и говоритъ ему: „Ты обратилъ Гэсэра въ осла; сколько онъ у тебя молотилъ въ день?“ „Тысячу“. „Отдай его мнѣ! Я заставлю его молотить десясь тысячъ.“ Лобсыга-лама отдалъ осла; старуха повела его въ свой домъ. Въ это время Алу-мергенъ, жена Гэсэра, обратилась въ птицу, выхватила осла у старухи и отнесла его къ Хормустѣ; Хормуста омылъ осла аршаномъ трижды девять разъ и Гэсэръ былъ отворочевъ изъ осла въ человѣка.

---

1) За тѣмъ Гэсэръ строитъ для великана-волшебника домъ изъ тростника, обматывая каждый ствоіь хлопчатой бумагой, напитанной масломъ и когда тотъ входитъ въ домъ, Гэсэръ зажигаетъ стѣны дома; вмѣстѣ съ домомъ сгораетъ и великанъ. Это можетъ быть обрядъ сожженія покойника. Ср. Поздвѣевъ: Очерки быта буддійскихъ монастырей въ Монголіи. Спб., 1887 стр. 272.

Потомъ Гэсэръ и Алу-мергенъ поѣхали къ Лобсыга-ламѣ; на встрѣчу имъ бѣжитъ оленуха (Хо-маралъ); въ ней была душа Лобсыги; Гэсэръ выстрѣлилъ и промахнулся; Алу-мергенъ выстрѣлила и попала въ бѣлое пятно на лбу: раненый олень убѣжалъ. Остальное сходно съ „Thaten.“

Въ „Thaten“ есть еще другой эпизодъ объ Аджу-мергенъ (стр. 87). Гэсэръ очутился на охотѣ вмѣстѣ съ Аджу-мергенъ, дочерью царя драконовъ. [1]) Онъ пустилъ стрѣлу въ семь быковъ; стрѣла пронизала всѣхъ семерыхъ и воткнулась въ землю; выстрѣлила и Аджу-мергенъ; ея стрѣла пронизала насквозь девять быковъ и воткнулась въ скалу. Гэсэръ думаетъ: „Какъ мнѣ узнать, мужчина или женщина мой товарищъ?“ Встрѣтился еще быкъ; Аджу-мергенъ, ѣхавшая сзади Гэсэра, стрѣляетъ и убиваетъ быка. Гэсэръ побѣжалъ къ быку, вынулъ стрѣлу изъ раны, воткнулъ ее себѣ подъ мышку, легъ и притворился убитымъ. Аджу мергенъ подъѣхала и говоритъ: „Сегодня я убила Гэсэра и уведу его бурую лошадь!“ Она повела лошадь, а Гэсэръ остался на мѣстѣ. Потомъ Гэсэръ принимаетъ видъ другого человѣка и кричитъ: „Аджи-мергенъ убила Гэсэра; братъ Гэсэра и народъ Гэсэра собираются и хотятъ отмстить ей, убить ее и разграбить!“ Тогда Аджу-мергенъ распустила свои спрятанные волосы; косу одного виска опустила съ правой стороны, другую съ лѣвой, а теменую косу опустила вдоль спины. Гэсэръ подбѣжалъ къ ней, но отъ ея удара онъ падаетъ на колѣни; онъ говоритъ: „Мужчины борятся до трехъ разъ“ Начинается вновь бой и Гэсэръ роняетъ Аджу-мергенъ. Тогда онъ объявляетъ, что онъ возьметъ ее себѣ въ жены; она соглашается; Гэсэръ укололъ свой мизинецъ, Аджу-мергенъ слизнула кровь вмѣсто клятвы. Потомъ они пошли къ озеру пить воду. Гэсэръ раздѣлся, прыгнулъ въ воду и переплылъ на другую сторону; Аджу-мергенъ, разгоряченная и въ поту, не могла удержаться, также сняла свое платье и вошла въ воду. Тогда Гэсэръ свиснулъ и сдѣлалъ вихорь, который поднялъ

[1]) Въ бурятскомъ, еще не напечатанномъ варіантѣ, записанномъ г. Хангаловымъ, этой Аджу-мергенъ соотвѣтствуетъ Алма-мергенъ, дочь Ухаанъ-Лубсынъ-хана т. е. водянаго Лубсына царя. Гэсэръ встрѣчаетъ ее въ полѣ подъ видомъ богатыря.

платье Аджу-мергенъ и повѣсилъ на вершину дерева. Гэсэръ вернулся и надѣлъ свое платье, а Аджу-мергенъ замерзла безъ платья. Гэсэръ взялъ ее къ себѣ за пазуху

Въ „Thaten" два эти эпизода разсказаны отдѣльно, разставлены на большое разстояніе и притомъ послѣдній эпизодъ вставленъ въ начало книги (стр. 87), а разсказъ о хожденіи Аджу-мергенъ для освобожденія плѣненнаго Гэсэра помѣщенъ въ концѣ (стр. 273). Первый эпизодъ у озера имѣетъ видъ разсказа о первомъ свиданіи Гэсэра съ Аджу-мергенъ и о женитьбѣ его на ней.

Такъ какъ въ обоихъ отрывкахъ дѣло идетъ объ одномъ и томъ же персонажѣ Аджу-мергенъ, то мы можемъ предположить, что они составляли нѣкогда цѣльный разсказъ объ этой богатыршѣ, въ которомъ отрывки эти могли располагаться не въ той послѣдовательности, какъ они стоятъ въ Thaten (сначала испытаніе пола, потомъ поѣздка для освобожденія мужа изъ неволи), а въ обратномъ, какъ въ русской былинѣ: сначала поѣздка для освобожденія мужа, потомъ испытаніе пола. То есть разсказъ шелъ въ такомъ порядкѣ: Гэсэръ очутился въ неволѣ; жена его Аджу-мергенъ одѣвается въ мужское платье и отправляется выручать его; въ ней подозрѣваютъ женщину; слѣдуетъ рядъ испытаній: стрѣльба, борьба и купанье.

Сказки съ подобнымъ сюжетомъ записаны у бурятъ и у тюрковъ Сибири. У бурятъ записаны г. Хангаловымъ двѣ такія сказки; онѣ помѣщены въ Запискахъ Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по Этн., т. I, в. 1; это №№ 9 и 10. Богатырь (въ одной сказкѣ Гарьюлай, въ другой Алтынъ сэсэкъ) убитъ своимъ противникомъ; сестра брата (въ одной сказкѣ Агуногонъ-абаха, въ другой Эрмэльжинъ-гохонъ-абаха) находитъ тѣло убитаго брата и прячетъ его въ каменную гору; гора по просьбѣ дѣвицы раскрывается, а когда тѣло положено, снова смыкается. Затѣмъ дѣвица надѣваетъ на себя богатырское платье своего брата, настраиваетъ свой духъ на богатырскій ладъ и отправляется къ Эсэгэ-маланъ-тэнгэрину сватать за себя его трехъ дочерей; возвращать умершихъ людей къ жизни могутъ только эти три дѣвицы, но чтобъ заставить ихъ это сдѣлать, сестра погибшаго бога-

Digitized by Google

тыря должна ихъ обмануть. Она выдастъ себя за жениха, высватаетъ ихъ за себя замужъ и доставитъ ихъ въ свой домъ, но здѣсь молодыя женщины найдутъ только трупъ своего жениха, который къ ихъ пріѣзду сестра успѣетъ вынуть изъ горы. Молодымъ женщинамъ не захочется остаться вдовами и онѣ воскресятъ багатыря. Въ сказкѣ № 9 Эсэгэ-маланъ подозрѣваетъ въ пріѣхавшемъ богатырѣ женщину; слѣдуетъ рядъ испытаній: борьба, стрѣльба, питье вина, пусканіе коней въ бѣгъ, сажанье въ амбаръ съ медвѣдемъ, сортировка перемѣшанныхъ зеренъ. Во время купанья дѣвицу выручаетъ ея конь; онъ напускаетъ туманъ, во время котораго дѣвица успѣваетъ выкупаться; когда туманъ разсѣялся, она уже вновь одѣта. У Гильф., № 140 о Василисѣ, Ставровой женѣ:

Она была да лукавая:
На тую пору выпустила жеребчиковъ,
Жеребчиковъ выпустила неѣзжаныхъ.
Жеребчики по двору разбѣгались,
Оглядѣлся Владиміръ стольне-кіевской,
Она той порой вымылась и упарилась.

Высватавъ дочерей Эсэгэ-малана, дѣвица-богатырь везетъ ихъ въ свой домъ. Подъѣзжая къ нему, она уѣзжаетъ впередъ, вынимаетъ кости брата изъ скалы, кладетъ ихъ въ юртѣ на кровать и покрываетъ богатырскимъ платьемъ, а сама убѣгаетъ въ кустарники въ видѣ зайца. Три дочери Эсэгэ-малана пріѣзжаютъ, видятъ кости, думаютъ, что это ихъ мужъ, уѣхавшій впередъ и рѣшаются воскресить его. Вновь ожившій богатырь начинаетъ жить съ тремя женами; потомъ онъ отыскиваетъ свою сестру, бѣгающую въ видѣ зайца и отворачиваетъ ее въ прежнее состояніе. Въ № 10-мъ три дочери Эсэгэ-малана убили сестру богатыря; братъ поймалъ чернаго оленя, выдолбилъ ему рогъ, положилъ туда гробъ съ тѣломъ своей сестры и отпустилъ животное. [1])

Тюркскій варіантъ записанъ г. Радловымъ въ Алтаѣ (Proben I, 12—28). Братъ называется Алтаинъ-саинъ-саламъ; сестра

[1]) И здѣсь сказка какъ будто приходитъ къ похоронной темѣ.

Digitized by Google

не названа; вмѣсто трехъ дочерей Эсэгэ-малана она высватываетъ за себя дочь Кюнъ-хана (солнца-царя) и дочь Ай-Кана (Мѣсяца-царя). Въ „Верхоянскомъ Сборникѣ" (Записки Вост. Сиб. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этн., т. I, в. 3, стр. 110—111) помѣщена сказка, въ которой сынъ для оживленія убитаго отца поочередно сватается за трехъ дѣвицъ: за дочь звѣзды Чолбонъ (Венеры), за дочь созвѣздія Юргяль (Плеядъ) и дочь мѣсяца; онъ привозитъ трехъ женъ въ свой домъ и онѣ оживляютъ умершаго, трижды перелетая черезъ него (почти тѣмъ же манеромъ мертвый братъ оживляется въ бурятской и алтайской сказкахъ; дочери Эсэге-малана перескакиваютъ чрезъ него). Такое далекое распространеніе этого сюжета отъ Алтая до Верхоянска говоритъ о его древности.

Эта сказка кромѣ двухъ приведенныхъ эпизодовъ изъ Thaten: 1) испытаніе пола и 2) освобожденіе Гэсэра изъ животнаго состоянія (въ бурятскомъ варіантѣ г. Хангалова обращенія въ животное нѣтъ, а вмѣсто того стоитъ только помраченіе ума) — соприкасается съ Гэсэромъ еще въ третьемъ мѣстѣ. Именно, вслѣдъ за разсказомъ объ обращеніи Гэсэра изъ осла въ прежній видъ, въ Thaten идетъ разсказъ о матери Гэсэра, душа которой очутилась въ аду. Гэсэръ отправляется искать ее, находитъ, садитъ на своего коня и отправляетъ ее изъ ада. Здѣсь душу матери у коня принимаютъ три сестры Гэсэра, которыя относятъ ее на небо и дѣлаютъ царицей всѣхъ дакини (Thaten, S. 286), т. е. надо понимать, возвращаютъ отъ смерти къ жизни [1]). Въ бурятскомъ варіантѣ самого Гэсэра выводятъ изъ состоянія помраченія три сестры Гэсэра, которыхъ бурятскій текстъ называетъ Хунеръ-бурханъ. Этотъ послѣдній эпизодъ того же круга представленій,

[1]) Это превращеніе совершается въ три пріема; сначала душа Гэсэровой матери принимаетъ образъ безчисленныхъ буддъ, потомъ становится камнемъ вайдурья (лаписъ-лазури) и наконецъ царицей дакини. Въ тюркобурятской сказкѣ возвращеніе богатыря къ жизни тоже производится въ три пріема: сначала скачетъ черезъ него одна дѣвица, потомъ другая, потомъ третья; сначала кости его одѣваются мясомъ, послѣ втораго скачка онъ какъ будто только спитъ, послѣ скачка третьей дѣвицы пробуждается. Въ Thaten скаканье дѣвицъ замѣнено чтеніемъ ламами молитвъ, бубнами и курительными свѣчами.

Digitized by Google

въ которомъ сложилась тюрко-бурятская сказка и вѣрованіе о трехъ сестрахъ, одаренныхъ способностью возвращать жизнь умершимъ.

Мы имѣемъ теперь четыре варіаціи: 1) Ставръ Годиновичъ, 2) Александръ von Metz, 3) Гэсэръ-ханъ и 4) тюрко-бурятская сказка о сестрѣ-богатырѣ. Подведемъ итоги заключающихся въ нихъ параллелей.

Александръ von Metz: 1) мужъ попадаетъ въ неволю; онъ принужденъ исполнять роль рабочей скотины; 2) жена идетъ освобождать его, переодѣвшись въ мужское платье.

Гэсэръ: 1) мужъ попадаетъ въ неволю; онъ принужденъ исполнять роль рабочей скотины (булучи обращенъ въ осла); 2) жена идетъ освобождать мужа, переодѣвшись въ мужское платье.

Ставръ Годиновичъ: 1) мужъ въ неволѣ (въ темницѣ, 2) жена идетъ выручать его, переодѣвшись въ мужское платье; 3) она выдаетъ себя за посла, имѣющаго порученіе высватать невѣсту; 4) испытаніе пола.

Тюрко-бурятская сказка: 1) братъ убитъ; тѣло его заключено въ камень; 2) сестра идетъ выручать его отъ смерти, переодѣвшись въ мужское платье; 3) сватовство при дворѣ царя; 4) испытаніе пола.

Изъ этого перечня видно, что по числу параллелей къ Ставру стоитъ ближе всего тюрко-бурятская сказка и что западныя редакціи не составляютъ выдѣленной группы отъ восточныхъ, такъ что наприм. западная объ Александрѣ von Metz нѣкоторыми чертами ближе къ восточной о Гэсэрѣ, чѣмъ къ западной же о Ставрѣ.

Мы сказали, что по числу параллелей русская былина ближе всего къ тюрко-монгольской сказкѣ; но между ними есть и разница, которую нужно отмѣтить; именно въ русской былинѣ освободительницей является жена богатыря, въ тюрко-монгольской сказкѣ сестра. Отмѣтимъ также и то, что въ былинѣ богатырь просто посаженъ въ темницу, а въ Гэсэрѣ— богатырь обращенъ въ животное.

Существованіе восточныхъ варіацій и отношенія ихъ къ западнымъ открываетъ новую область для поисковъ; оно при-

Digitized by Google

глашаетъ искать ключъ къ рѣшенію вопроса о происхожденіи русскаго былиннаго эпоса между прочимъ и въ степномъ ордынскомъ эпосѣ. Если окажется, что степной фолькдоръ былъ только посредникомъ (какъ думалъ г. Стасовъ) или даже если онъ представляетъ только параллельную вѣтвь въ общемъ потокѣ распространенія эпическихъ темъ (согласно мнѣнію г. Веселовскаго), то и въ этомъ случаѣ онъ можетъ служить пособіемъ въ разъясненіи темнаго вопроса, о происхожденіи нашихъ былинъ.

Еслибъ дальнѣйшія разысканія поставили русскій былинный эпосъ въ болѣе тѣсную связь со степнымъ, еслибъ Стасовская гипотеза о нашемъ заимствованіи эпоса у тюркомонголовъ оказалась въ извѣстномъ смыслѣ вѣроятною, я бы предложилъ для имени Ставръ, Ставеръ, Ставерха такое разложеніе: С—тавер—ха. Первый членъ „С“ можно принять за остатокъ отъ тюрской былинной формы Осъ или Асъ, которая встрѣчается въ сложныхъ именахъ, какъ наприм. Осъ-Джанибекъ (Radloff, Proben, III, стр. 89; въ моихъ очеркахъ II, 158: Асъ-Джанибекъ), Öсъ-Темиръ (у Радлова, кажется въ томъ же томѣ). Что эта форма распространялась далеко на западъ, до русскихъ предѣловъ, показываетъ названіе города Астрахани. Таже форма, вѣроятно, стоитъ и въ парномъ: Исъ-табанъ, Джасъ-табанъ; такъ называются нѣкоторыя киргизскія поколѣнія (Очерки, II, 5 и 6); вмѣсто Исъ-табанъ киргизы произносятъ иногда Стабанъ. Послѣдній, т. е. третій членъ—„ха“ можно истолковывать, какъ усѣченное „Ханъ“ въ родѣ того, какъ монголы вмѣсто „субурганъ“ (башня), „адзырганъ“, (жеребецъ) произносятъ: субурга, адзырга. Отбросивши эти два члена первый и послѣдній, мы получаемъ форму Таверъ или Тавръ. Еслибъ эту форму можно было сблизить съ именемъ другого русскаго богатыря Добрыни, то мы получили бы къ темамъ былины о Ставрѣ новое дополненіе противъ выставленныхъ восточныхъ параллелей, на недостатокъ которыхъ въ былинѣ о Ставрѣ указано выше. Добрыня обращенъ въ животное (въ тура); объ освобожденіи его хлопочутъ или мать и его *сестра* или (въ одномъ кажется варіантѣ) мать и жена. Въ своей статьѣ о Гэсэрѣ (Вѣстн. Евр., 1890, сентябрь) я сближалъ этотъ эпизодъ о Добрынѣ съ

Digitized by Google

тѣмъ же отрывкомъ изъ монгольскаго сказанія, который въ этой статьѣ мы сопоставили съ былиной о Ставрѣ.

Въ „Thaten“ Аджу-мергенъ для окончательнаго отвораченія Гэсэра изъ ослинаго состоянія обращается къ помощи своего отца, царя драконовъ; въ разсказѣ, слышанномъ мною отъ ордынскаго монгола Пунцука—къ Хормустѣ; въ бурятскомъ варіантѣ жена Гэсэра обращается къ помощи небесной бабушки Анзанъ-Гӧрмӧ, которая соотвѣтствуетъ Ане Гома, небесной матери Гэсэра тангутской версіи. Слѣдовательно, соотвѣтствіе между Добрыней и Гэсэромъ въ этомъ пунктѣ есть: и о Гэсэрѣ хлопочутъ двѣ женщины. Изъ этихъ сопоставленій какъ бы слѣдуетъ, что Ставръ и Добрыня одно лицо и что въ обоихъ мы имѣемъ отраженіе Гэсэра.

Василиса называется „посломъ земли Гленскія“ (Рыбн., I № 41). Въ тангутской версіи именемъ Глынгъ называется страна, въ которой живетъ и владычествуетъ Гэсэръ; самъ онъ по этой странѣ называется Глынгъ-Гэсэръ-чжаву т. е. „глынгскій Гэсэръ царь“. Когда я записывалъ Гэсэра отъ тангутовъ Амдо, мои разсказчики произносили это имя такъ, что слышалось—по крайней мѣрѣ для моего уха—или Глынгъ или Глангъ; иногда первый звукъ г не было слышно; слышно было только Лынгъ или Лангъ; *нг* произносилось, какъ носовой звукъ, но иногда и твердо, особенно въ формѣ Глынга. Это Глынгъ или Глангъ вѣроятно таже форма, которая придается и легендарному тибетскому царю Ланъ-Дарма (glang Darma у Шмидта, Gesch. d. Ost.—Mongolen St. Ptb., S. 362, прим. 46). Ланъ-Дарма или *г*Лангъ-Дарма—нечестивый царь съ бычьими рогами на головѣ, къ которому привязана тема о царѣ Мидасѣ (о царѣ съ ослиными ушами). Туже тему киргизы на Иссыкъ-кулѣ связали съ именемъ Джанибекъ (см. въ Запискахъ И. Р. Геогр. Общ., 1861 г., статью Голубева: „Отрывокъ изъ путешествія въ Среднюю Азію. Заилійскій край. Стр. 113—114). Этотъ иссыкъ-кульскій нечестивый Джанибекъ съ ослиными ушами вѣроятно тоже лицо, имя котораго мы встрѣчаемъ съ прибавкой осъ или асъ: Осъ-Джанибекъ или Асъ-Джанибекъ. Можетъ быть будутъ записаны киргизскія легенды о царѣ съ ослинными ушами такія, въ которыхъ онъ будетъ названъ не просто Джанибекомъ, а Осъ-

Digitized by Google

Джанибекомъ [1]). Еслибъ дѣйствительно подтвердилось, что Гленская, Галанская, Галацкая земля [2]) произошла отъ Глынга или Гланга, это значило бы, что на Русь заходили съ востока и тибетскія версіи Гэсэра [3]).

Г. Потанинъ.

---

[1]) Членъ „лангъ" встрѣчается и въ соединеніи съ тюркской формой Темиръ, но только на западѣ. Это Лангъ-Тамеръ или Аксакъ-Темиръ, Аксакъ-Темуръ. Съ этимъ именемъ связаны нѣкоторыя легенды (см. Гакстгаузенъ, Закавказскій край, ч. I, стр. 158; Сборн. свѣд. о кавк. горц., в. VI, ст. „Чеченск. племя", стр. 41; в. VIII, ст. „Ингуши". стр. 20; ср. также у Brosset Hist. de la Georgie, P. I, t. II, p. 650); у осетинъ Аксакъ-Темуромъ назыв. Полярная Звѣзда; легенду у ней см. у Вс. Ѳ. Миллера, Осетинск. Этюды, II, стр. 300. У г. Радлова (Prob., IV, 307). Аксакъ-Темиръ мальчикъ, который избѣжалъ всеобщаго избіенія младенцевъ, совершавшагося по требованію Цӧдей-хана. Эта послѣдняя легенда приводитъ насъ къ темѣ о Лакъ-Дармѣ, царѣ съ бычьими рогами (избіеніе всѣхъ мальчиковъ, которымъ по очереди приходилось брить царя).

[2]) У Рыбн., I, 312 въ былинѣ Юнкѣ (вмѣсто Дюка) Клинъ является вмѣсто Индѣи богатой.

[3]) У армянскихъ писателей встрѣчается Джебу-Хаганъ; такъ названъ предводитель Хазаръ, союзникъ Ираклія; см. Патканьянъ, Опытъ исторіи династіи Сассанидовъ въ Трудахъ вост. отд. И. Р. Археол. Общ., ч. XIV, Спб. 1869, стр. 69. Джаву по тибетски царь; Гэсэръ-джаву, „царь Гэсеръ"; Джаву-Ланъдэръ, „царь Ланъдэръ" т. е. Ланъ-Дарма.

Digitized by Google

Станица Червленая.

Кизлярскаго Отдѣла, Терской Области.

III.

Послѣдній очеркъ мы намѣрены посвятить вѣрованіямъ и творчеству червленскихъ казаковъ.

Придерживаясь довольно крѣпко своего „древняго“ вѣроученія, казаки вмѣстѣ съ тѣмъ сохранили немало остатковъ стариннаго міровоззрѣнія, старинныхъ вѣрованій,—которыхъ мы, къ сожалѣнію, поневолѣ принуждены коснуться только слегка, за невозмжностью дать болѣе полный систематическій очеркъ.

Взгляды казака на окружающій міръ и природу зачастую поражаютъ насъ своею первобытностью и свидѣтельствуетъ о весьма низкой степени просвѣщенія. Традиціонный китъ, въ убѣжденіи народа, продолжаетъ поддерживать землю, производитъ своимъ движеніемъ землетрясенія, а ударами хвоста по водѣ—гулъ и шумъ, слышимые во время землетрясенія. Горы на землѣ не всегда имѣли такой видъ и размѣры, какъ теперь: по сотвореніи онѣ росли вплоть до Рождества Христова, а потомъ перестали. На концѣ земли находится каменная стѣна, за которой темнота. По формѣ земля представляется казаку въ видѣ блина.

Что касается небесныхъ свѣтилъ и явленій, то на счетъ ихъ у казаковъ или нѣтъ никакого понятія или же имъ даются своеобразныя толкованія. Такъ, напр., относительно затмѣнія солнца они не могли дать мнѣ никакого объясненія и, по обыкновенію, считаютъ его предвѣстіемъ свѣтопредстав-

Digitized by Google

ленія. Млечный путь называется у нихъ „Бакеевой дорогой." Кто идетъ, руководствуясь этой дорогой, придетъ прямо на средину земли. Казаки, убѣгающіе изъ плѣна, не разъ приходили къ своей станицѣ, смотря на Бакееву дорогу. Самое это названіе, по преданію, произошло оттого, что одинъ казакъ Бакей, бывшій долго въ плѣну и рѣшившійся бѣжать, благополучно прибылъ домой, руководствуясь млечнымъ путемъ, который съ тѣхъ поръ получилъ названіе „Бакеевой дороги". Полярная звѣзда носитъ оргинальное названіе.—„Колъ-звѣзда". Созвѣздіе „Волосы Вероники" одни называютъ „восожары", а другіе „стожары". Стихійная сила огня, проявляющаяся въ особенности въ пожарахъ, вызываетъ въ казакѣ не только чувство страха, но даже какого-то почитанія. Пожаръ — Божье наказанье, а такъ какъ противъ Бога идти нельзя, то и такія дѣйствія, какъ напр страхованіе отъ огня считаются предосудительными, и будто бы противъ страхованія даже „въ писаніи сказано", хотя впрочемъ это не мѣшаетъ казакамъ принимать нѣкоторыя другія предосторожности на случай пожара. Въ числѣ противопожарныхъ средствъ считаются дѣйствительнымъ обнесеніе иконы Неопалимой купины. Существуетъ также повѣрье въ спасительность заговоровъ противъ огня; но эти заговоры извѣстны только вѣдунамъ, которые однимъ словомъ могутъ ограничить пожаръ на желаемомъ пространствѣ. Вообще вѣра въ силу слова на извѣстный случай держится у казаковъ очень твердо. Кто знаетъ такое слово, тотъ можетъ и пули хватать руками изъ-подъ выстрѣла, и владѣть неразмѣннымъ абазомъ (20 к.), который все будетъ къ нему возвращаться и т. п. Равнымъ образомъ заклятіе, наложенное на какую нибудь вещь (напр. кладъ) грозитъ гибелью тому, кто ее тронетъ, и даже всей его семьѣ. Въ прежнее время, когда было много сторожевыхъ постовъ, нѣкоторые казаки умѣли заговаривать свой постъ, а сами спокойно отлучались по своимъ дѣламъ, потому что, по разсказамъ, никто не смѣлъ не только подходить къ самому посту, но даже приближаться къ нему безнаказанно. Заговариваютъ также змѣй и по своему желанію будто бы могутъ ихъ собирать или прогонять силою своего слова. Но перенимать отъ другихъ искусство заговаривать считается

Digitized by Google

„великимъ грѣхомъ“, потому что всякій заговоръ предполагаетъ знакомство и связь съ темной силою.

Вѣдаются съ темною силою колдуны или вѣдуны; вѣра въ нихъ очень сильна. Ихъ различаютъ два вида: вѣдуны отъ рожденія и вѣдуны отъ науки: Нѣкоторые люди получаютъ отъ рожденія власть надъ нечистыми духами, и къ 30 годамъ эта сила начинаетъ въ нихъ проявляться слѣдующимъ образомъ.

Человѣкъ, обладающій такою силой, прямо указываетъ на ту или другую женщину, что она одержана бѣсомъ и даже узнаетъ кто этого духа вогналъ въ нее. Самъ онъ только имѣетъ способность изгонять бѣсовъ. Для этого онъ даетъ что-нибудь и говоритъ, чтобы бѣсъ вышелъ черезъ какой-нибудь членъ тѣла. Иногда бѣсъ начинаетъ просить выйти инымъ путемъ (въ большинствѣ случаевъ просится будто бы выйти черезъ ротъ). Бѣсъ разговариваетъ какъ бы извнутри, въ животѣ женщины и каждый разъ приговариваетъ: „а вотъ хочетъ меня выгнать, выгнать“. Послѣ настойчиваго требованія, со стороны вѣдуна, чтобы бѣсъ вышелъ въ ту или другую часть тѣла (большей частью въ ногу) эта часть начинаетъ сильно пухнуть, причемъ тотъ же голосъ кричитъ: „ахъ, подлецъ, выгоняетъ, выгоняетъ“... Вскорѣ опухоль уменьшается и наконецъ вполнѣ исчезаетъ, и женщина исцѣляется. Особенное страданіе этихъ больныхъ бываетъ во время церковной службы, при пѣніи херувимской пѣсни. Ругаются самыми непристойными словами, кричатъ: „ахъ с... с... такой то мнѣ сдѣлалъ“...

Насколько считаются сильными вѣдуны, получающіе силу отъ рожденія, указываетъ одинъ фактъ, который передавали мнѣ за вѣрный. Одинъ вѣдунъ заставилъ чертей считать деревья, на одномъ изъ которыхъ онъ вырѣзалъ крестъ. Тѣ считаютъ, считаютъ, и какъ дойдутъ до дерева, на которомъ вырѣзанъ крестъ, такъ весь счетъ и позабудутъ и опять начнутъ сначала. Такъ-то онъ мучилъ бѣдныхъ чертей чуть не до измора.

Еще разсказъ. Ѣхали по полю два казака (изъ нихъ одинъ былъ вѣдунъ) и три женщины. Дѣло было подъ вечеръ. Вдругъ показались 12 чеченцевъ и скачутъ прямо на нихъ. Всѣ, ко-

Digitized by Google

нечно, обмерли отъ страха, одинъ только старикъ вѣдунъ совершенно хладнокровенъ и успокоиваетъ остальныхъ. Между тѣмъ чеченцы вотъ-вотъ настигнутъ. „Ну, теперь заѣдемъ въ Балку", произнесъ старикъ, когда чеченцы были чуть не въ десяти шагахъ. Чеченцы цѣлую ночь промучились искавши: то подойдутъ къ тому мѣсту, гдѣ казаки скрылись, то вновь отъѣдутъ, пронесутся чуть не надъ головой, а все-таки не замѣтятъ. Слышно было даже, какъ разговаривали чеченцы: „Вѣдь вонъ и слѣдъ, а ихъ нѣтъ, что за чудо!" Они уже хотѣли ѣхать далѣе, но лошади упрямо возвращали ихъ на прежнее мѣсто. „Собака-казакъ видно мучаетъ насъ нарочно", говорили между собой чеченцы. Только поутру старикъ отпустилъ ихъ. Эти же вѣдуны только и могутъ исцѣлять.

Другой типъ вѣдуновъ — вѣдуны „отъ науки"; эти уже не такъ сильны; они могутъ дѣлать только зло, вогнать въ кого-нибудь бѣса. Исцѣлить же они не въ состояніи. Большей частью въ вѣдуны такого типа попадаютъ люди съ неудавшейся личной жизнью, которые, желая мстить, становятся колдунами. Ихъ не мало боится казакъ, и напримѣръ на свадьбу непремѣнно старается пригласить, чтобы тотъ изъ злости не сдѣлалъ чего-либо молодой четѣ. Особенно если нѣтъ въ станицѣ вѣдуна отъ рожденія или казакъ не знакомъ съ нимъ. Разсказываютъ такой случай: одинъ казакъ справлялъ свадьбу и не пригласилъ одного довольно извѣстнаго вѣдуна 2-го типа. Тотъ разсердился и отомстилъ довольно жестоко и еслибы случайно не попалъ въ число гостей вѣдунъ 1-го типа, то не сдобровать бы молодой четѣ. Дѣло было такъ. Послѣ вѣнчанія былъ по обыкновенію свадебный столъ. Провѣдалъ про это вѣдунъ и какъ разъ въ самый веселый разгаръ пиршества— „шасть" въ комнату, гдѣ шелъ пиръ горой. „А, такъ вотъ вы какъ!... безъ меня захотѣли свадьбу справить! Посмотримъ!" сказалъ онъ съ угрозой и при этомъ сурово взглянулъ на молодую чету. Вдругъ оба молодые поблѣднѣли, и припадокъ начался у обоихъ; наконецъ, они оба упали, какъ два безжизненные трупа. Страшный старикъ стоялъ у порога и съ самодовольствомъ посматривалъ на окружающую толпу, обомлѣвшую отъ ужаса. Но тутъ одинъ изъ гостей почувствовалъ свою силу „А, проклятый!" промолвилъ онъ: „прочь отсюда!"

Digitized by Google

Старикъ почуялъ сильнѣйшаго и въ страхѣ поспѣшилъ скрыться. Новый вѣдунъ посмотрѣлъ на помертвѣвшую чету и дунулъ. Вмигъ они какъ бы оживились, скоро оправились и пиръ пошелъ по прежнему. На всякій случай вѣдунъ и на будущее время оградилъ ихъ отъ подобныхъ случаевъ.

Вообще колдуны играютъ довольно большую роль въ жизни казаковъ, и стать вѣдуномъ довольно лестно, въ смыслѣ обаятельной силы надъ суевѣрными и невѣжественными жителями.

Сообщу еще одинъ переданный мнѣ разсказъ, въ которомъ ясно вырисовывается и вѣра казака въ могучее знаніе вѣдуна, и степень участія вѣдуна въ обиходной жизни.

Въ одной семьѣ пропали золотыя серьги когда никто не входилъ въ хату и дома въ это время была одна сноха, которая пользовалась польнѣйшимъ уваженіемъ со стороны всѣхъ домашнихъ, какъ личность вполнѣ безупречная въ нравственномъ отношеніи. Но обстоятельства такъ сложились для нея неблагопріятно, что по всѣмъ даннымъ она должна была быть признана виновницей. Скоро слухъ облетѣлъ всю станицу, и пошли суды и пересуды.

Бѣдная женщина, не сознавая за собою никакого проступка, впала въ отчаяніе отъ такого срама и готова была лишить себя жизни. Отецъ, сѣдой почтенный старикъ, не менѣе дочери былъ встревоженъ. Позоръ дочери, былъ позоромъ и той семьи откуда она была. Глубоко увѣренный въ правотѣ своей дочери онъ всячески измышлялъ способы, чтобы какъ нибудь выяснить темное дѣло, освободить отъ злыхъ навѣтовъ и дочь и свою семью. Но всѣ домашніе способы были испробованы; слѣдили уже за извѣстными лицами, спрашивали у духанщика (кабатчика), не закладывалъ ли кто серьги, не продавалъ ли. Но слѣда не было. Тогда старикъ рѣшился пойти къ колдуну и узнать, кто былъ виновникомъ воровства. Какъ ни считалъ онъ это грѣховнымъ дѣломъ, но нужно было рѣшиться, чтобы узнать правду. Въ станицѣ славился одинъ изъ колдуновъ, отличавшійся большой способностью указывать воровъ. И вотъ старикъ, захвативъ съ собой внука, сына дочери, мальчика лѣтъ 9, отправился къ колдуну и просилъ открыть истину. Колдунъ соглашается и проситъ ста-

Digitized by Google

рика уйти изъ избы въ другую, онъ будетъ гадать и посторонніе при этомъ не должны присутствовать. Старикъ вышелъ, а внуку приказалъ забраться на печь, чтобы не мѣшать... Вскорѣ къ колдуну явились подчиненные ему черти, и онъ началъ спрашивать ихъ, кто укралъ серьги. Они отвѣчали, что серьги никѣмъ не украдены, а упали со стола, и свинья вмѣстѣ съ объѣдками проглотила ихъ. Но, открывая истину, черти тѣмъ не менѣе просили колдуна указать на сноху въ надеждѣ, что она въ отчаяніи лишитъ себя жизни, и душа ея попадетъ въ адъ. Колдунъ позвалъ старика... „Да что братъ дѣлать, серьги то вѣдь твоя дочь украла". Поблѣднѣлъ, затрясся старикъ, не ожидавшій такого удара. Вернулся отъ колдуна и прямо къ дочери: „Подлая!.. опозорила себя да и семью!" Несчастная женщина не могла вынести такого удара и, схвативъ ножъ быстро помчалась вонъ. Но ее успѣли во время предупредить. Вдругъ мальчикъ подбѣжалъ къ дѣду и говоритъ: „а вѣдь серьги-то свинья съѣла", и разсказалъ, какой разговоръ слышалъ онъ, когда былъ съ дѣдомъ у колдуна. Зарѣзали свинью и дѣйствительно нашли у нея въ желудкѣ серьги.

Есть повѣрье, что воры могутъ съ успѣхомъ воровать, запасшись свѣчкой изъ человѣческаго жира.

Свои дѣйствія нечистая сила проявляетъ и непосредственно, безъ участія вѣдуновъ. Такъ, напр., иной разъ въ степи „онъ" захочетъ пошутить и начнетъ водить путника. Обыкновенно случается это такъ, что когда человѣкъ заблуждается, то показывается огонекъ, привѣтливо мелькающій вдали. Усталый измученный путникъ съ радостью направляется на обманчивый огонекъ, но огонь ни чуть не ближе, и нерѣдко такъ цѣлую ночь проблуждаетъ онъ понапрасну, а то еще заберется въ такую глушь, что и выбраться трудно.

Укажемъ отрывочно еще на нѣкоторыя повѣрья, впрочемъ, не безъизвѣстныя. Есть вѣрованія въ летающихъ огненныхъ змѣевъ. Они описываются такъ: голова круглая, крылья огненныя, летитъ зигзагами, потомъ разсыпается. Ихъ отличаютъ отъ падающихъ звѣздъ.

Бываютъ случаи летаргіи, называемой „обмираніемъ". Повѣрье въ этомъ случаѣ то, что душа оставляетъ человѣка

Digitized by Google

и путешествуетъ, руководимая ангеломъ по загробному міру. Ожившая послѣ обмиранія на всѣ вопросы даетъ обыкновенно отвѣты общаго характера: „была на томъ свѣтѣ; однимъ хорошо, другимъ очень плохо; есть мѣста свѣтлыя, пріятныя, есть мѣста теплыя“. Больше обыкновенно ничего не говорятъ, мотивируя отказъ тѣмъ, что они не могутъ сказать болѣе того, что сказано; въ противномъ случаѣ ихъ постигнетъ смерть.

Передадимъ теперь подробнѣе нѣсколько отдѣльныхъ легендъ, указывающихъ также съ одной стороны на тѣ или другія вѣрованія казаковъ, а съ другой характеризующія мѣстное народное творчество.

Разрытый курганъ. Когда въѣзжаешь въ станицу, виднѣется высокій курганъ, на двое раздѣленный. Это курганъ особенный. Тамъ много денегъ скрыто, хотя часть ихъ уже и взята казаками донцами,—это было давно. Носились слухи, что этотъ курганъ нечистый, что въ немъ по временамъ какъ бы что-то звучитъ. Около этого кургана трава всегда росла самая лучшая, шелковистая, мягкая, словно посѣянная. Ну и понятно, что это мѣсто любили пастухи и всегда гоняли скотъ сюда. Былъ одинъ пастухъ бѣднякъ. Чуть-ли не съ малыхъ лѣтъ онъ занимался пастушествомъ и кромѣ дырявыхъ шароваръ, старой грязной рубахи, да полуразвалившейся хаты ничего не имѣлъ. Однажды онъ заночевалъ около этого кургана, прилегъ и вздремнулъ,—собаки около него. Ночь темная. Вдругъ собаки тревожно залаяли, чуткій старикъ тотчасъ же встрепенулся и началъ всматриваться туда, гдѣ лаяли собаки; ничего не видно. По казачьему обычаю приложилъ онъ ухо къ землѣ и дѣйствительно, услышалъ не то какой то гулъ, не то шумъ. „Ну должно быть, казачья сотня ѣдетъ,“ подумалъ старикъ. „А что коли не сотня, а чечня проклятая!“ А время тогда было тяжелое, смутное: не разъ и не два чечня проклятая угоняла стадо. Затревожился бѣдняга, перекрестился, наладилъ свою кремянку и думаетъ: ну, что будетъ то будетъ,—приготовился и ждетъ. Вскорѣ показались четыре тѣни всадниковъ, которые быстрымъ шагомъ ѣхали по направленію къ кургану. Это были казаки-донцы съ длинными пиками. Вскорѣ они подъѣхали къ старику, поздоро-

Digitized by Google

вались и стали разспрашивать, не знаетъ ли онъ про курганъ, большой, самый высокій, гдѣ, какъ разсказываютъ, скрытъ кладъ. Старикъ удивленно посматривалъ на нихъ. „Да вы откуда?“ спросилъ онъ наконецъ. „Мы казаки съ Дону,“ послѣдовалъ отвѣтъ. „Однажды ночью мы всѣ четверо услышали во снѣ голосъ, призывавшій насъ поѣхать сюда, отыскать этотъ курганъ и тутъ взять кладъ. Мы первое время не обратили вниманія, но потомъ это повторялось до трехъ разъ, послѣ чего мы рѣшились отправиться сюда.“ „Да курганъ самый большой этотъ вотъ и есть“, сказалъ старикъ. Казаки попросили старика отойти немного въ сторону, выстроились и сдѣлали залпъ. Вдругъ что-то зашумѣло, зазвенѣло. Курганъ разсѣлся на двое, и изъ него выкатился сундукъ. Одинъ изъ казаковъ ударилъ шашкой, крышка отлетѣла, и цѣлыя груды золота и серебра открылись предъ удивленными казаками. Они стали набирать въ сумки, въ карманы, всюду поналожили, а золота еще и половины не выложили. „Бери старикъ себѣ.“ сказали они удивленному пастуху. Тотъ глазамъ своимъ не вѣритъ. Никогда не мерещилось ему имѣть столько денегъ, да при томъ совершенно неожиданно. Онъ наложилъ свою сумку, наклалъ запазуху. Послѣ этого казаки вновь выстроились и вновь сдѣлали залпъ. Опять шумъ. грохотъ какой то, и курганъ вновь заровнялся, сундукъ скрылся. „Ну, будь здоровъ!“ сказали казаки и поѣхали назадъ. На слѣдующій день приноситъ домой старикъ золото и разсказываетъ жителямъ станицы происшедшей случай и какъ онъ досталъ денегъ. И вотъ рѣшились попробовать счастья всею станицею. Собрались, пошли къ кургану и стали копать; вскорѣ разрыли его на половину, но кромѣ костей да стариннаго оружія ничего не нашли. Потомъ еще нѣсколько разъ составлялась компанія, но все безъ результата, а курганъ съ того времени получилъ названіе „разрытаго.“

2) *Постройка мельницы.*—„А что, какъ вамъ извѣстно,—спрашиваетъ у меня разъ казакъ, кто построилъ мельницу?“—„Да кто же, какъ не люди“,—отвѣтилъ я.—„Вотъ то-то и нѣтъ! Мельницу построилъ чертъ съ Христомъ. Дѣло было такъ. Видитъ чертъ, что люди много трудятся, чтобы хоть какъ-ни-

будь молоть хлѣбъ, да и задумалъ устроить мельницу, а за помолъ рѣшилъ понемногу привлекать къ себѣ души. Запрудилъ рѣчку, построилъ плотину, выстроилъ и для мельницы зданіе; однимъ словомъ, устроилъ все, осталось только сдѣлать колеса. Чертъ узналъ, какъ ихъ сдѣлать, да не смѣлъ, такъ какъ въ каждомъ колесѣ непремѣнно есть крестъ, а крестъ черту не въ моготу сдѣлать. Сѣлъ у моста и тяжко задумался: „Неужели все дѣло должно пропасть? Столько трудился"... На ту пору шелъ Христосъ. Видитъ, что чертъ такъ задумался, и спросилъ, что это значитъ. Тотъ и сказалъ про свое горе. „Ну это дѣло поправимое", замѣтилъ Христосъ, и сдѣлалъ колеса. Наладили мельницу. Вотъ чертъ и проситъ у Христа назначить ему хоть что-нибудь за труды, и рѣшили вотъ на чемъ: все краденое—черту; мельникъ ли больше возьметъ, чѣмъ слѣдуетъ, или мужикъ утаитъ и скажетъ не столько сколько хочетъ молоть, или, воспользовавшись отсутствіемъ мельника, всыплетъ еще, не заплативъ условной платы,—все это черту. На томъ покончили. И такъ чертъ всегда въ мельницѣ сидитъ и сторожитъ свою добычу.

3) *Смерть чертовой тещи.*—„Теперь курящіе не въ почетѣ у черта,—сказалъ мнѣ однажды казакъ,—теперь нюхающіе у него въ почетѣ". Я сталъ разспрашивать казака, что онъ хочетъ этимъ сказать, и вотъ что я услышалъ отъ него.

Курящіе потеряли славу у черта по слѣдующему случаю. У черта умерла теща; на похороны онъ сталъ собирать своихъ задушевныхъ пріятелей „курящіе, конечно, были самые первые гости. Пришли курильщики пожалѣли немного, поговорили, ну а потомъ „завели свои машины", сидятъ да покуриваютъ. Чертъ видитъ, что сочувствія его горю въ нихъ не встрѣтилъ, разсердился и прогналъ всѣхъ. Позвалъ нюхальщиковъ. Тѣ пришли, по обычаю поговорили, ну а потомъ зарядили свои носы чуть ли не по цѣлой горсти,—слезы у всѣхъ на глазахъ.—„Ну вотъ, мои дорогіе гости". И съ тѣхъ поръ нюхающіе въ первомъ почетѣ у черта".

4) *Происхожденіе табака.* Табакъ произошелъ отъ блудной дѣвки. Дѣло это было тогда, когда народъ былъ строгій и суровый. Одна дѣвка согрѣшила; ее убили и закопали при дорогѣ, далеко отъ селенія. Она недостойна была того, чтобы

Digitized by Google

похоронить ее со всѣми на кладбищѣ. Прошло много времени; на могилѣ выросла какая - то особенная трава съ широкими листьями. Шелъ путникъ и чертъ надоумилъ его сорвать листикъ травки; свернулъ, зажегъ, и ему понравилось. Ему захотѣлось вырыть траву съ корнемъ. Сталъ рыть; рылъ, рылъ и дорылся; корень - то какъ разъ выходилъ изъ с...ля. Такъ вотъ она откуда, эта травка-то поганая!..

Вслѣдъ за преданіями приведу кстати и нѣкоторыя пѣсни, записанныя мною. Одну изъ особенностей мѣстнаго пѣсеннаго творчества составляетъ между прочимъ стремленіе поющихъ подыскивать въ своей мѣстной жизни факты, подходящіе къ содержанію пѣсни, и ими даже объяснять самое происхожденіе пѣсенъ. Считаю нужнымъ оговориться, что записанныя мною пѣсни составляютъ лишь небольшую часть того довольно богатаго репертуара, который находится въ обращеніи у червленцевъ и въ сосѣднихъ станицахъ.

На зарѣ было, на зоренькѣ, на зарѣ было на утренней,
Со восходу солнца яснаго, изъ далеча прекраснаго.
Высоко звѣзда всходила,
Выше лѣсу, выше темнаго, выше садика зеленаго.
За турецкой славной областью, за султанскими воротами,
Тамъ стояла темная темница.
Во темницѣ двери мѣдныя, а рѣшеточки желѣзныя,
А въ замочкахъ полтора пуда, а въ ключикахъ 36 фунтовъ.
Во темницѣ добрый молодецъ сидѣлъ.
Онъ не годъ, не два сидѣлъ, просидѣлъ онъ 33 года,
Запустилъ свою бородушку ниже пояса шелковаго,
Черны кудри помогучіи плеча...
Ты султанъ, ты султанушка, ты султанское величество,
Прикажи меня кормить, поить, прикажи на волю выпустить.
Напишу я на Донъ грамоту, призову своихъ казаченекъ
Я всю Турцію повырублю, да тебя, султанъ, во плѣнъ возьму,
Посажу тебя въ темницу.
Во темницѣ двери мѣдныя, а рѣшоточки желѣзныя,
А въ замочкахъ полтора пуда, а въ ключикахъ 36 фунтовъ.

Digitized by Google

Да не далъ бы тебѣ ни ѣсть, ни пить
Голодной смертью заморить.
Вы туманы, вы мои туманушки, вы откройтеся до синя моря,
Откачнися. моя грусть тоска, отъ ретиваго моего сердца.
Мнѣ вечоръ доброму молодцу спалось, во снѣ видѣлось,
Во-снѣ видѣлось нехорошо, будто я лежу на дальней степи.
Сквозь частыхъ моихъ ребрушекъ да трава—мурава наросла,
На моей буйной головушкѣ частъ ракитовъ кустъ выросъ;
Какъ на этомъ на кустикѣ молодой соловьюшко гнѣздо совивалъ,
Да малыхъ дѣтушекъ, да дѣтей выводилъ,
Выводилъ дѣтей да на волю выпускалъ...

Продолженія пѣсни я не слышалъ; вѣроятно, этимъ и кончается. Поется она протяжно на мотивъ русской пѣсни: „Ахъ не одна во полѣ дороженька пролегала,“ съ частыми повтореніями нѣкоторыхъ словъ, и такую безъисходную грусть-тоску навѣваетъ, что и у пѣвца и у слушателей то и дѣло навертываются слезы. Эта пѣсня вполнѣ выражаетъ то странное настроеніе духа, которое охватываетъ человѣка въ степи во время страшныхъ влажно-холодныхъ тумановъ, въ которыхъ въ пяти шагахъ ничего не видно. Какъ будто какая то бѣлесоватая пелена окутала землю: и свѣтло и ничего не видать. Обращеніе пѣвца къ этимъ туманамъ въ началѣ пѣсни является вполнѣ естественнымъ.

Полно вамъ, снѣжочки, на талой землѣ лежать,
Полно вамъ, казаченьки, горе горевать.
Оставимъ тоску печаль во темныхъ лѣсахъ,
Станемъ привыкать къ азіатской сторонѣ,
Станемъ уважать (угождать?) чужой молодой женѣ.
Съ дѣвками, съ молодками полно пить гулять,
Перины подушечки пора намъ забывать,
Чекменикъ, бешметикъ намъ не надобно скидать,
Еще бы намъ не забыть про коней вороныхъ,

Digitized by Google

Вспомнимъ про военное братцы, житье-бытье,
Казачье житье молодеческое.
У казака черна бурочка,
Жена молодая, что берданочка,
Въ случаѣ на тревогу, чтобы заряжена была.
Скинемъ по денежкѣ, пошлемъ за винцомъ,
Каши наваримъ что и хлѣба напечемъ,
Ходя поѣдимъ, стоя выспимся,
По утру встаемъ, росой умываемся,
Скинемся по денежкѣ, пошлемъ за винцомъ
Выпьемъ мы по рюмочкѣ, позавтракаемъ,
Выпьемъ по другой, разговоры заведемъ,
Мы по третьей—съ горя пѣсни запоемъ
Мы поемъ, поемъ про наше житье-бытье про казаческое.

Это любимая пѣсня молодыхъ казаковъ. Игривый мотивъ и содержаніе указываютъ на веселое, слегка безпечное, отношеніе молодежи къ тревожной казаческой жизни.

Не во полѣ полюшкѣ выросло древо,
Ой выросло древо.
Выросло древо, братецъ, тонко, высоко,
Корнемъ глубоко, братецъ, листомъ широко,
Ой, листомъ широко.
Какъ подъ этимъ деревцемъ выросла трава,
Ой, выросла трава.
Выросла трава, братецъ, трава-муравая,
Трава-муравая, трава шелковая,
Ой, трава шелковая.
Какъ на этой травушкѣ расцвѣли цвѣты,
Расцвѣли цвѣты, братецъ, все лазоревые.
Ой, какъ на этихъ цвѣтикахъ разбитой шатеръ,
Разбитый шатеръ, братецъ, шатеръ иолотенъ.
Какъ во этомъ шатрикѣ разосланъ коверъ,
Разосланъ коверъ, братецъ, коверъ моховой.
Какъ на этомъ коврикѣ два стула стоятъ,
Два дубовые, братецъ, два точеные,
Два точеные, позлаченые.
Ой, какъ на этихъ стуличкахъ два братца сидятъ.

Digitized by Google

Два братца сидятъ, два родимые.
Ой, какъ наименшій братецъ рѣчи говоритъ:
По чтоже ты, братецъ невеселъ сидишь?
Али тебѣ братецъ, служба не мила?
На чужой сторонушкѣ умѣючи жить, братецъ, покорному быть.
А твоя головушка непокорная, непокорная, братецъ, непоклончивая.
Славный, пышный, быстрый Терекъ,
Ты природныхъ (?) здѣшнихъ мѣстъ,
Скоро выйду я на твой на берегъ, обращу печальный взоръ.
Я служилъ царю душою и твой берегъ охранялъ,
И теперь я очень смѣло помереть въ бою готовъ.
Гдѣ и жизнь моя отрада, гдѣ былъ я въ молодыхъ годахъ,
Гдѣ душа моя была изъ млада, я увивался въ берегахъ.
Славный, пышный, быстрый Терекъ прорылъ горы и лѣса,
Прорви этотъ берегъ, унеси меня съ собой

Эта пѣсня, повидимому позднѣйшаго происхожденія, по смыслу не много туманна. Мнѣ кажется, можно дать такое объясненіе. За Терекомъ начинаются хорошія мѣста для пашни, для хозяйства, и въ старину Гребенцы и въ частности Червленцы владѣли этой землей. Но когда они переселились на другую сторону, то земля по ту (правую) сторону Терека вся осталась за чеченцами. Теперешніе казаки очень жалѣютъ объ этомъ и часто говорятъ, „сколько лѣтъ мы держали Гребень за собой, охраняли и Терекъ, а земли намъ такъ не дали и отъ Терека пришлось уйти“.

Полюбила только молодца, начала по немъ тужить,
Да тутъ люди всѣ узнали и сосѣди говорятъ:
Стыдно, стыдно дѣвченочкѣ, стыдно молодца любить,
А еще того стыднѣе, поздно вечеромъ ходить.
Застыдилась дѣвчоночка, стала плакать и рыдать.
Молодцу жалко стало, сталъ дѣвченку унимать:
Не плачь, не плачь, дѣвченочка, не плачь, милая моя,
Разгорится мое сердце, возьму замужъ за себя,
Разгорится ретивое, повѣнчаемся съ тобой.

Digitized by Google

Я умру жива не буду, я на гробѣ напишу:
Ужъ вы, кумушки—голубушки, вы не дѣлайте того,
Вы не дѣлайте того, не любите никого,
Ни армяневъ, ни купцовъ, ни офицеровъ—подлецовъ.
Полюбите вы, подруженьки, гребенскихъ-то казачковъ.
Гребенскіе казачки на все войско молодцы,
На все войско молодцы, всѣмъ чеченцамъ куначки
(пріятели).

Разсказываютъ, что въ основу этой пѣсни положено дѣйствительный фактъ изъ мѣстной жизни: Одна дѣвушка была влюблена въ какого-то офицера, который обѣщалъ на ней жениться, но потомъ обманулъ. Общественное мнѣніе, о которомъ упоминается въ началѣ пѣсни, сильно давало себя знать дѣвушкѣ. Къ счастью, она, все таки успѣла выйти замужъ за одного парня и будто-бы сочинила эту пѣсню и даже подобрала мотивъ. Теперь эта пѣсня довольно распространена.

На горѣ высокой два креста стоятъ,
Подъ доской дубовой два дружка лежатъ.
Подходила дѣвица, выспрашивала:
Нѣтъ ли между вами дружка моего?
Могила и отвѣчала: нѣту здѣсь его;
Другая повторяла: забудь про него.
Заплакала дѣвица, въ зеленъ садъ пошла,
Горючей слезою груди залила.
Зеленый садочекъ, что жъ ты не цвѣтешь?
Молодой соловушка, что-жъ ты не поешь?
Радъ бы пѣсни я пѣть, да голосу нѣтъ;
Леталъ бы по волюшкѣ, да волюшки нѣтъ;
Клевалъ бы я зернышки, да зернышекъ нѣтъ;
Пилъ бы я водицу, да водицы нѣтъ.

Еще варіація:

Леталъ бы по воздуху, да силушки нѣтъ.
Сизыя крылушки обрубили, да рѣзвыя ноженьки обломили.
Лети, мой соловьюшко, лети поскорѣй,
Золотая клѣточка, умертвитъ тебя.

Digitized by Google

Во лѣсочкѣ комарики сильно уродились;
Почто сильно уродились?—дѣвки удивились.
Вечоръ ко мнѣ молоденькой сизъ голубчикъ прилеталъ:
Онъ тоскуетъ и воркуетъ меня молодую будитъ:
Встань, дивчина, встань, любимая, встань, моя радость.
Красна дѣвица вставала, двери отворяла,
Двери отворяла, милаго впускала.
Взяла его за рученьку, повела во комнатку;
Взяла его за другую, повела его въ любую.
Вышелъ миленькій плясать, себя показать;
Махнулъ своей черной шалью—зеркальце упало:
Пошелъ стукъ, пошелъ громъ по всей моей спальнѣ.
Всѣ люди узнали, маменькѣ сказали;
Посылаетъ ко мнѣ мать вѣрную служанку.
Сударыня, боярыня, что здѣсь случилось?
Скажи: кошечка блудлива на стѣнку прянула, зеркальце упало:
Пошелъ стукъ, пошелъ громъ по всей моей спальнѣ...

Лѣтъ 16-ти дѣвченка, во деревнѣ возрасла,
Отца съ матерью не знала, сиротою возрасла.
Волга рѣченька глубока, прихожу къ тебѣ съ тоской.
Мой сердечный другъ далеко, ѣдетъ миленькій водой,
А я крутымъ бережкомъ, машетъ миленькій платкомъ:
— Позволь милая жениться, ты раздушечка моя.
Да, на—вотъ тебѣ невѣста, а мнѣ женихъ—черный гробъ;
И тебя ведутъ къ вѣнчанью, меня несутъ погребать;
На тебя вѣнецъ надѣнутъ, мнѣ трипѣнье пропоютъ.
Ты того не стерпишь пѣнья, ты ко гробу подойдешь
И откроешь грудь дѣвицы и слезами обольешь.
И поплачешь, и потужешь, погорюешь одинокъ.

Горѣла горѣлочка восковая,
Ждала, ждала дѣвица удалаго къ себѣ молодца;
Ложилася спать одна, безъ милаго безъ дружка.
Какъ на утренней зоренькѣ вдоль по улицѣ милый прошелъ
Да любимую пѣсенку на свисточкѣ просвисталъ:
Да спишь-ли ты, дѣвица, на умѣ кого держишь?

Digitized by Google

— Да я спать не сплю, дѣвица, на умѣ тебя держу.
Да почто-же ты, молодецъ, не во время ко мнѣ пришелъ?
Ни за тѣмъ, ни за сѣмъ, дѣвица, призамѣшкался я въ домѣ
Да съ угрюмой женишкой я въ побранницахъ съ нею бывалъ.
— Да убей, убей, молодецъ, ты угрюмую свою жену.
— Да глупая ты, дѣвица, не разумныя твои слова:
Я съ тобою, дѣвица, одну ночку ночевалъ,
А съ угрюмой женишкой да мнѣ съ ней вѣкъ вѣковать...

Какъ звѣздочка блеснула на небѣ голубомъ,
И самъ король плѣнился дѣвицей молодой.
— Дѣвица молодая, полюби ты меня,
Отдамъ тебѣ полцарства и перстень золотой.
— Не надо мнѣ полцарства и перстень золотой, —
Отдай своей царицѣ прекрасной, дорогой.
Какъ звѣздочка блеснула на небѣ голубомъ,
И самъ король плѣнился дѣвицей молодой.
Дѣвица молодая, ты полюби меня,
А если не полюбишь, казнить велю тебя.
— Казните, какъ хотите, любить васъ не могу;
Дѣвицей родилась, дѣвицей и умру.

Ну, что это за милый, за раздушечка!
Вложилъ мысли въ мое сердце, не могу забыть.
— Поѣдешь ты въ дальнюю службу,
Миленькій, возьми меня съ собой,
Назови сестрицею родной.
— Глупая ты, красная дѣвица!
Всѣ знаютъ полка полковники,
Всѣ знаютъ войска старинушки:
Нѣтъ у меня сестрицы—дѣвицы;
Есть у меня жена молодая,
И та со мной не въ союзѣ живетъ.

Во горенкѣ во новой стоитъ столъ дубовой [1]),
На столѣ дубовомъ стоитъ кубчикъ золотой,
Полонъ меду налитой.

---

[1]) Величальная.

Да кто у насъ въ гостяхъ былъ?
Николай въ гостяхъ былъ, Павловичъ сударь былъ.
Кто у насъ медъ пилъ?
Николай Павловичъ сударь пилъ.
Сашенька, ты душа моя,
Ивановна выпей, сердце мое!
Я былъ сиротой, отлеталъ,
Искалъ себѣ такую, какой самъ.
Я три града изошелъ,
Лучше тебя, Алексаша, не нашелъ...

При исполненіи пѣсенъ употребляется для аккомпанемента гармоника, иногда также хлопанье въ ладоши — послѣднее особенно при плясовыхъ пѣсняхъ, которыя большею частью новѣйшаго происхожденія. Типичнымъ примѣромъ такихъ пѣсенъ можетъ служить слѣдующая:

Полюбила одного любезнаго своего;
Онъ и самъ, подлецъ, не стоитъ страданьица моего.
Выньте душу, выньте сердце на серебряный подносъ,
Понесите душу, сердце ко милому во теремъ,
Пускай миленькій потужитъ, погорюетъ обо мнѣ,
Погорюетъ обо мнѣ, объ несчастной сиротѣ.

Не лишенное нѣкотораго драматизма содержаніе облечено здѣсь въ такую банальную форму, и пѣсня поется на такой веселый мотивъ, что считаютъ возможнымъ даже плясать подъ нее. При пляскѣ поются также сатирическія куплеты, напр.:

Ужъ вы гостюшки, гости милые,
Придите вы къ намъ, посидите у насъ,
Посидите у насъ, побесѣдуйте.
Разскажу я вамъ всю исторію;
Не повѣрите—на брехню ее перевернете.
Свинья на дубу гнѣздо свила, дѣтей вывела,
Милыхъ дѣтушекъ, поросяточекъ.
Поросяточки—соколяточки
Во гнѣздѣ сидятъ, желудки ѣдятъ, и пр.

Приводить дальнѣйшія строфы считаю неудобнымъ. Къ этому разряду неудобныхъ пѣсенъ относится и „Дуня“, варі-

Digitized by Google

антъ которой помѣщенъ въ сборникѣ Лопатина и Пракунина, вып. 1. Эти пѣсни болѣе всего отзываются вліяніемъ большихъ городовъ и фабричныхъ центровъ. Достаточно, напр., прослушать такое начало пѣсни:

Сижу въ залѣ на диванѣ, держу малютку на рукахъ;

Я отдамъ сестрѣ малютку, сама выйду на крыльцо,—

чтобы догадаться, въ какой средѣ она сложена. Оказывается, что эту пѣсню распѣваютъ фабричные и мастеровые и въ Москвѣ, и въ Петербургѣ, хотя иногда съ другимъ началомъ: „Кто повѣритъ моей скукѣ, всякъ потужитъ обо мнѣ" и проч.

Наконецъ, въ станицѣ есть въ ходу пѣсни завѣдомо искусственныя, т.-е. принадлежащія опредѣленнымъ, извѣстнымъ составителямъ. Таковы, напр., стихи подъ названіемъ: „Падшій ангелъ", въ которыхъ мужъ, убившій изъ ревности жену и попавшій на каторгу, оплакиваетъ печальную судьбу своей дочери—малютки. Часть этихъ стиховъ напечатана у Ржевусскаго, который говоритъ и о ихъ происхожденіи. Бываютъ попытки и мѣстной сатиры, которыя однако не стоятъ того, чтобы ихъ печатать.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, укажу на нѣсколько выводовъ, вытекающихъ отчасти изъ изслѣдованія ст. Червленой, отчасти изъ разговоровъ съ людьми, знающими хорошо современное положеніе казачества вообще.

Религіозное міровоззрѣніе казака еще довольно крѣпко, и хотя уже начали появляться и другіе толки, но пройдетъ еще не мало времени, пока расколоученіе отойдетъ въ область преданія. Главныя причины, удерживающія казаковъ въ ихъ „древлемъ" вѣроученіи, это—мистицизмъ, отсутствіе анализа, преданность старинѣ, недовѣріе къ „обращателямъ", изъ которыхъ многіе не безкорыстны, хитрость и ловкость адептовъ вѣроученія.

Нравственность казака пошатнулась и даже, повидимому, клонится къ упадку. Вѣроятная причина—быстрый переходъ отъ суроваго военнаго режима къ полной почти свободѣ (выборное начало), а также отсутствіе необходимости усиленнаго труда, меньшее количество служебныхъ обязанностей.

Digitized by Google

Семейныя отношенія тоже въ какомъ-то броженіи. Прежнее „родительское“ и „мужское“ начало уже видимо отживаетъ; новое „личное“ начало еще не привилось, хотя уже сильно пробивается среди старыхъ традицій, и возможно, что въ будущемъ оно возьметъ верхъ.

Трудовое начало весьма слабо развито, особенно среди мужского населенія. Причина этого, какъ мы сказали, вѣроятно, историческое прошлое казачества, развившее у казака только военныя качества и отстранявшее его отъ занятій сельско-хозяйственныхъ, далѣе, существованіе виноградныхъ садовъ, дающихъ порядочный доходъ и не требующихъ тяжкаго физическаго труда.

Въ бытѣ начинаютъ появляться чисто русскіе обряды, костюмы, поговорки, пословицы, пѣсни; вліяніе азіатскаго элемента замѣтно слабѣетъ.

Территоріальное распространеніе усиливается: появляются хутора. Населеніе увеличивается.

Эстетическое чувство развито въ довольно сильной степени. Казакъ по натурѣ склоненъ къ поэтизму. Любовь съ разными ея драматическими положеніями красной чертой проходитъ черезъ всю жизнь казака, спускаясь иногда до разврата. Отсюда понятно существованіе большого количества пѣсенъ, шутокъ, поговорокъ среди казаковъ.

Экономическое состояніе жителей среднее, хотя могло-бы быть и лучшимъ. Отсутствіе иниціативы и любви къ труду— главныя причины застоя экономическаго развитія.

Будущность казачества, при наличномъ существованіи вышеприведенныхъ условій, не можетъ быть блестяща. Можно предположить, что казачество впадетъ въ экономическое разореніе, утратитъ свою самобытность, и подчинится болѣе сильному, здоровому и любящему трудъ русскому элементу.

Г. Малявкинъ.

Digitized by Google

ЗАЯЦЪ

въ народной словесности.

Изученіе повѣрій и сказокъ о зайцахъ представляетъ научный интересъ, такъ какъ даетъ возможность установить генетическую связь между повѣрьями и сказками и свести ихъ къ немногимъ основнымъ, древнимъ мотивамъ. Повѣрье и сказка обыкновенно стоятъ независимо одно отъ другого, имѣютъ большей частью обрывочный видъ и ограниченное значеніе. Это значеніе расширяется, когда, какъ въ настоящемъ случаѣ при изученіи нѣкоторыхъ повѣрій и сказокъ о зайцахъ, можно намѣтить точки соприкосновенія между повѣрьемъ и сказкой и опредѣлить внутреннее ихъ родство и взаимное соотношеніе.

На первое мѣсто я ставлю темное повѣрье, что несчастье должно постигнуть человѣка, если ему встрѣтится или перебѣжитъ дорогу заяцъ. Повѣрье это распространено повсемѣстно въ Россіи, сѣверной и южной, восточной и западной, у Бѣлаго и Чернаго морей, по Волгѣ и Днѣпру. Нѣтъ надобности ссылаться по этому поводу на этнографическіе труды, такъ какъ самое положеніе не можетъ вызывать какихъ либо ограниченій или исключеній. Всѣмъ извѣстно, что русскій человѣкъ остерегается встрѣчи съ зайцемъ, а при встрѣчѣ плюетъ на сторону, бранитъ этого маленькаго и робкаго звѣрька, какъ предвѣстника неудачи или несчастія, принимаетъ иногда охранительныя мѣры.

Тожественное повѣрье бытуетъ у многихъ другихъ народовъ: у поляковъ (*Kolberg*, Lud III. Kujaw. 90), чеховъ (*Zibrt*, Staroć.

Digitized by Google

vyroć. obyć. a pov., 97), ужицкихъ сербовъ (*Haupt u. Smoler*, Volkslied. II 259), у болгаръ (*Шишковъ*, Родопски Старини 1, 12; *Любеновъ*, Баба-Яга, 41), у нѣмцевъ въ Мекленбургѣ (*Bartsch*, Sagen, 127), въ Тиролѣ (*Zingerle*, Sitten, 92), въ Пруссіи (*Krause*, Zeitschr. f. Ethn. 1883, 87), у норвежцевъ (*Liebrecht*, Zur Volkskunde, 314), во Франціи (*Wolf*, Beiträge I, 251, *Rolland*, Faune popul. I, 87), въ Англіи въ XVI ст. и позднѣе (*Спенсеръ*, Описат. Соціол. 212). Ипатьевская лѣтопись отмѣчаетъ такое повѣрье у древнихъ литовцевъ.

Единственнымъ исключеніемъ оказывается записанное въ Помераніи народное повѣрье, что если дорогу перебѣжитъ заяцъ—къ счастью, волкъ—къ несчастью. (*Temme*, Die Volkssagen von Pommern und Rügen, 346). Здѣсь заяцъ получилъ значеніе предвѣстника удачи, вѣроятно, въ силу сопоставленія съ волкомъ.

На чемъ основано повѣрье о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ? Ближайшій источникъ этого повѣрья—демоническое значеніе зайца, въ однихъ мѣстахъ совсѣмъ забытое, въ другихъ забываемое, древнѣйшій источникъ—религіозно-миѳическое отношеніе зайца къ лунѣ.

У европейскихъ народовъ, въ частности у славянъ, существуетъ много мелкихъ повѣрій и сказокъ о демоническомъ значеніи зайца. Малороссы вѣрятъ, что заяцъ сотворенъ чортомъ; онъ служитъ чорту передовымъ (*Чубинскій*, I, 55). Бѣлоруссы говорятъ, что по пути свадебнаго поѣзда въ церковь чортъ можетъ перебѣжать дорогу чернымъ зайцемъ или волкомъ, и это всегда предвѣщаетъ несчастье (*Ляцкій*, въ Этногр. Обозр. VII, 27). Въ Россіи существуетъ повѣрье, что плывя по водѣ не должно поминать зайца, потому что этого не любитъ водяной и осердившись подымаетъ бурю (*Аѳанас.*, Поэт. воззр. I, 643).

Демоническимъ значеніемъ зайца обусловлено повѣрье, что грѣшно употреблять въ пищу его мясо. Такъ оренбургскіе казаки называютъ зайцевъ погаными и не ѣдятъ ихъ (*Черемшанскій*, Опис. Оренб. губ., 210).

Въ одной русской сказкѣ о мужикѣ и чортѣ мужикъ засѣялъ поле рѣпой и однажды сказалъ, разсердившись, чтобы чортъ забралъ ниву. Когда поспѣла рѣпа, чортъ предъ-

Digitized by Google

явилъ свое право собственности на рѣпу. Вышелъ споръ. Порѣшили выѣхать въ поле одновременно, и кто отгадаетъ, на какомъ животномъ ѣдетъ противникъ, тому и будетъ принадлежать рѣпа. Чортъ выѣхалъ на зайцѣ, и мужикъ сразу отгадалъ; мужикъ выѣхалъ на своей женѣ, и чортъ остался въ проигрышѣ (Κρυπτάδια, I, 59—61 и IV, 197). Весьма сходныя сказки и басни находятся въ „Народ. рус. сказкахъ“ Аѳанасьева (II, 33), норвежская у Asbiornsen'a 73, 3, нѣмецкая у Гримма № 189, португальская у Браги № 81, въ Conde Lucanor, с. 41, французскія у Лафонтена и у Рабле (Pantagruel, IV, гл. 46). Для насъ здѣсь важно только появленіе зайца въ услуженіи чорту.

Къ 1800 году пріуроченъ слѣдующій чешскій разсказъ. Нѣкто Мика изъ Спирога былъ подъ Святецкой скалой, гдѣ собиралъ ягоды. Онъ сѣлъ на камень отдохнуть. Передъ нимъ явился чортъ въ видѣ зайца, сѣлъ на заднія лапки, протягивался, выдѣлывалъ разныя штуки и предлагалъ поцѣловать его въ задъ. Мика ударилъ зайца рукой, и заяцъ исчезъ съ шумомъ, оставивъ послѣ себя большое зловоніе (*Sumlork*, Staroć. pow., hry., obyć., II, 577).

М. Е. Халанскій сообщилъ мнѣ весьма сходный разсказъ, который онъ слышалъ отъ одного крестьянина-пасѣчника Курской губерніи. Иду на пасѣку, говорилъ крестьянинъ, и вдругъ совсѣмъ подъ ноги подскочилъ заяцъ. Я взялъ его и понесъ къ куреню. По мѣрѣ того, какъ я приближался къ куреню, заяцъ дѣлался все тяжелѣе и тяжелѣе. Наконецъ, я вынужденъ былъ бросить его. Тогда заяцъ захохоталъ и исчезъ изъ виду.

Въ нѣмецкихъ повѣрьяхъ и сказкахъ заяцъ имѣетъ демоническое значеніе. Вѣдьма обращается въ зайца (*Zingerle*, Sitten... d. Tiroler Volkes, 2 изд., 65; *Bartsch*, Sagen... aus Meklenburg, II, 38, 40). По временамъ является заяцъ величиной съ большую собаку, даже съ осла (*Henne-am-Rhyn*, Die d. Volkssage, 143). Въ нѣмецкихъ сказкахъ и повѣрьяхъ часто упоминается треногій заяцъ, иногда предвѣщающій человѣку смерть черезъ три дня (*H.-am-Rhyn*, 143—146; *Grasse*. Das Sagenschatz, I, № 471. II, № 635; *Mülhause*, Die Urreligion d. deutsch. Volkes, 159), въ связи съ чертомъ (*Schöppner*, Sagenbuch der Bayerisch. Lane

Digitized by Google

I. 371), иногда заяцъ заколдованный (ib. II, 206). Треногій заяцъ встрѣчается также въ сербо-лужицкихъ повѣрьяхъ (*Veckenstedt,* Wendische Sagen, 303) въ значеніи чорта.

Демоническая природа зайца обнаруживается между прочимъ, въ слѣдующемъ разсказѣ, записанномъ въ Бельгіи: дочь колдуньи вышла замужъ противъ воли своей матери и была проклята ею; всѣ дѣти ея рождались безобразными, съ заячьей губой, кромѣ послѣдняго ребенка, который родился послѣ смерти своей бабки-вѣдьмы и былъ очень красивъ (*Nimal,* въ Revue d. trad. popul. 1889. V, 296).

Въ средневѣковыхъ судебныхъ процессахъ о вѣдьмахъ встрѣчается обвиненіе вѣдьмъ въ хожденіи на демонскій шабашъ въ видѣ зайца (*Heppe-Soldan,* Gesch. d. Hexenprocesse, 301, 303).

Въ настоящее время во Франціи существуетъ еще много демоническихъ сказокъ о вѣдьмахъ и колдуньяхъ, обращающихся въ зайцевъ. Въ Вогезахъ встрѣча съ зайцемъ считается несчастной въ особенности по заходѣ солнца. Въ это время часто бѣгаютъ колдуны въ видѣ зайца. Его тогда не берутъ собаки, не беретъ ружье. Какъ-то каждый вечеръ у подножія горы Фуршъ бѣгалъ огромный заяцъ, и охотники не могли его застрѣлить. Тогда одному охотнику пришла счастливая мысль подбавить къ дроби нѣсколько кусочковъ освященнаго хлѣба. Заяцъ былъ тяжело раненъ. Онъ бѣжалъ, издавая крики и проклятія человѣческимъ голосомъ. Вскорѣ узнали, что въ видѣ зайца бѣгала одна колдунья изъ сосѣдней деревни. Въ другомъ разсказѣ охотникъ наноситъ зайцу рану въ одну изъ заднихъ ногъ. Заяцъ бросился въ одинъ домъ, и охотникъ слышалъ, какъ дѣти закричали въ этомъ домѣ: «Папа, папа, у нашей бѣдной мамы разбита нога»! (*Sauvé,* Le Folk-lore des Hautes-Vosges, 176).

Изъ русскихъ инородцевъ пермяки издавна не употребляютъ въ пищу зайца и пѣтуха, какъ «поганыхъ». Предполагаютъ, что въ языческія времена заяцъ и пѣтухъ были жертвенными животными, почему и составляли табу для простого смертнаго. Эти животныя и теперь еще играютъ роль въ нѣкоторыхъ религіозныхъ обрядахъ пермяковъ; такъ, пѣтухъ и до сихъ поръ приносится въ жертву, а невыдѣланныя зая-

Digitized by Google

чьи шкурки зачастую служатъ мѣстнымъ колдунамъ при гаданіяхъ (*Добротворскій*, въ Вѣст. Европы 1883. III, 250).

Итакъ за зайцемъ въ народныхъ повѣрьяхъ скрывается чортъ; заяцъ служитъ зооморфическимъ образомъ чорта. Естественно возникаетъ вопросъ, съ какой стати робкій заяцъ, leptrus timidus, безвредное маленькое животное получило демоническій характеръ? Демоническое значеніе легко могъ получить черный и хищный воронъ, отвратительная по наружности ночная птица сова, свирѣпый хищный волкъ, свинья, по положенію ея въ жертвенномъ ритуалѣ древнихъ классическихъ народовъ; у зайца наружность не бьющая въ глаза, нравъ робкій и въ жертвоприношенія онъ никогда не входилъ.

Существуетъ цѣлый рядъ сказаній у народовъ Полинезіи, юго-восточной Азіи и южной Африки глубоко-древняго характера, можетъ быть, первобытныхъ, которыя могутъ въ совокупности дать удовлетворительное объясненіе демоническаго значенія зайца. Подъ чортомъ повѣрій и сказокъ о зайцѣ скрывается первобытный религіозно-миѳическій образъ злого духа, стоявшаго въ какой-то недостаточно ясной въ настоящее время связи съ мѣсяцемъ или точнѣе лунными пятнами. Здѣсь выступаетъ первобытный, повидимому, общечеловѣческій космогоническій миѳъ, въ которомъ заяцъ игралъ роль бога, принимающаго участіе въ сотвореніи міра, свѣтилъ небесныхъ и человѣка.

Ипатьевская лѣтопись упоминаетъ о поклоненіи литовцевъ заячьему богу: „Миндогъ же посла къ папѣ и прія, крещеніе же его льстиво бысть: жряше богомъ своимъ въ тайнѣ“; далѣе перечисляются языческіе боги, между прочимъ, заячій богъ. Въ литовскихъ пѣсняхъ встрѣчается какой-то темный намекъ на отношеніе зайца къ солнцу: Усинь сидитъ на горѣ; заяцъ на корточкахъ внизу. Присматриваясь къ этому зайцу, Усинь говоритъ: Его я не впрягу, ни поѣду на немъ; онъ и не побѣжитъ по дорогѣ (*Вольтеръ*, Матер. для этногр. латыш. пл. 39) Г. Вольтеръ дѣлаетъ при этомъ такую замѣтку: „Въ миѳѣ zakis, литовск. Zuikis—заяцъ, санскр çaça, означаетъ мѣсяцъ; оттого, можетъ быть, Усень, увидѣвъ зайца, смущается и отказывается на немъ ѣздить, ибо заяцъ—представитель ночи.“ Отмѣтимъ мимоходомъ, что въ монгольскихъ

Digitized by Google

сказкахъ въ такомъ же отношеніи къ солнцу оказывается сурокъ-тарбаганъ: Сурокъ былъ прежде охотникъ; въ то время было четыре солнца—на каждой сторонѣ неба по солнцу. Онъ началъ стрѣлять по солнцамъ и трехъ уже застрѣлилъ. Тогда Бурхынъ-бакши испугался, что не будетъ свѣта на землѣ, и обратилъ этого охотника въ сурка (*Потанинъ,* Оч. сѣв. зап. Монголіи, IV, 179). Китайцы усматриваютъ на лунѣ зайца. Таоисты вѣрятъ, что заяцъ на лунѣ толчетъ въ ступѣ вещества для приготовленія безсмертнаго элексира. Въ Китаѣ распространено повѣріе, что самки зайцевъ, посмотрѣвъ на луну, дѣлаются беременными. Буддизмъ только закрѣпилъ эти повѣрья такъ какъ съ буддизмомъ связана слѣдующая легенда: Нѣкогда жили вмѣстѣ лисица, обезьяна и заяцъ въ добромъ согласіи. Повелитель неба Чакра пришелъ къ нимъ подъ видомъ старика и просилъ пищи. Лисица поймала для него рыбу, обезьяна насобирала древесныхъ плодовъ, и только заяцъ ничего не могъ найти. Не желая нарушить долгъ гостепріимства, заяцъ бросился въ печь, чтобы старикъ могъ съѣсть его самого въ испеченномъ видѣ. Чакра, глубоко тронутый этимъ самопожертвованіемъ зайца, вынулъ его изъ печи и помѣстилъ на лунѣ, чтобы онъ вѣчно служилъ эмблемой гостепріимства и милосердія. Нѣкоторые буддисты увѣряютъ далѣе, что этотъ заяцъ былъ саммъ Будда во время одного изъ своихъ многочисленныхъ воплощеній. Повѣрье о лунномъ зайцѣ въ Китаѣ бытовало издревле. Древніе китайскіе богдыханы имѣли на своемъ верхнемъ платьѣ изображеніе мѣсяца съ зайцемъ, который подъ деревомъ толчетъ въ ступкѣ, причемъ дерево служило символомъ долголѣтія или даже безсмертія (древо жизни). Сцена эта и нынѣ воспроизводится ежегодно на хлѣбахъ, которые пекутъ на осеннихъ праздникахъ (*Girard de Rialle,* въ Revue d. trad. popul. 1888, 136). Повѣрье такого рода существовало у древнихъ индусовъ, что видно изъ приведенной буддійской легенды и изъ названія мѣсяца сасин, сасанка, т. е. носящій на себѣ зайца (*Benfey*, Pantsch. I, 349), названіе по всей вѣроятности, глубоко-древнее, древнѣе буддійской легенды. Въ связи съ этимъ повѣрьемъ стоитъ древняя повѣсть о слонѣ и зайцѣ, нашедшая мѣсто въ Пан-

Digitized by Google

чатантрѣ и въ многочисленныхъ передѣлкахъ ея. (*Benfey*, ib). Въ Калилѣ и Димнѣ сказка о слонахъ и зайцахъ передана въ такомъ видѣ: Въ одной странѣ наступила большая засуха, источники изсякли; растительность была повреждена и деревья засохли. Тогда слоны стали томиться отъ жажды; они стали жаловаться на это своему царю. Царь послалъ тогда своихъ развѣдчиковъ искать воду во всѣхъ окраинахъ. Одинъ изъ нихъ нашелъ источникъ, называемый источникомъ луны, обильный водою. Царь слоновъ со своими приближенными отправился къ тому источнику. Источникъ находился въ землѣ, принадлежащей зайцамъ. Слоны наступили на зайцевъ въ ихъ норахъ и погубили ихъ много. Тогда зайцы собрались къ своему царю и сказали ему о постигшей ихъ бѣдѣ. Одинъ изъ зайцевъ, очень сообразительный, Файрузъ, былъ посланъ для переговоровъ съ царемъ слоновъ. Файрузъ не рѣшился близко подойти къ слонамъ, чтобы они не задавили его ногами. Онъ взобрался на гору и вызвалъ царя слоновъ и сказалъ ему: „а меня послала къ тебѣ луна.“ Царь слоновъ спросилъ: что у тебя за посланіе? Файрузъ сказалъ: „луна говоритъ тебѣ: кто сознаетъ превосходство своей силы надъ слабыми и вслѣдствіе этого самъ пренебрегаетъ сильными, сила того будетъ ему потѣхой. Ты созналъ превосходство своей силы надъ четвероногими и сдѣлался заносчивымъ: ты отправился къ источнику, который называется по имени луны, напился изъ него и замутилъ его. Поэтому луна послала меня уговорить тебя не повторять того же самаго. Если ты сдѣлаешь это, твой взоръ померкнетъ и твоя душа погибнетъ. Файрузъ отправился съ царемъ слоновъ къ источнику. Въ водѣ отражалась луна. Файрузъ посовѣтовалъ слону умыться и поклониться лунѣ. Когда отъ хобота заволновалась вода и на ней задрожала луна, то слонъ подумалъ, что луна сердится, принесъ покаяніе и обязался быть осторожнымъ (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи, 137).

Въ этомъ разсказѣ съ одной стороны обнаруживается космогоническій миѳъ о мѣсяцѣ и зайцѣ, съ другой широко распространенный литературный мотивъ о самообманѣ того или другого животнаго, по отраженію луны въ водѣ. Въ рус-

Digitized by Google

ской научной литературѣ мотивъ этотъ подробно разсмотрѣнъ *Л. З. Колмачевскимъ* въ диссертаціи о животномъ эпосѣ (стр. 77 и сл.). Колмачевскій указалъ на пареллели къ эпизоду объ отраженіи луны въ Панчатантрѣ, гдѣ заяцъ указываетъ слону отраженіе луны въ водѣ, въ сказкахъ хорватской, сербской, ново-провансальской, двухъ португальскихъ, въ романѣ о Ренарѣ и въ басняхъ у Marie de France и Петра Альфонса, въ которыхъ лиса отраженіе луны въ водѣ выдаетъ волку за сыръ. Сюда относится еще одна сербо-лужицкая сказка у *Haupt'a и Smoler'a*, II, 164.

У американскаго индійскаго племени ирокезовъ записано повѣрье, что огромный заяцъ извлекъ міръ изъ воды (*Lang*, Etudes traditionnistes, 58). Къ этому повѣрью примыкаетъ другое съ архипелага Тонга, по которому богъ Мауи, когда ловилъ рыбу, вытянулъ на удочкѣ острова (*Reville*, Les religions, II, 46). У готентотовъ записана слѣдующая любопытная сказка о зайцѣ и вшѣ: Въ началѣ міра луна послала вошь сказать человѣку, что онъ послѣ смерти, подобно лунѣ, снова возродится къ жизни. Заяцъ встрѣтилъ вошь, узналъ о порученіи луны, побѣжалъ къ человѣку и оповѣстилъ его въ противоположномъ смыслѣ, будто мѣсяцъ поручилъ ему сказать: какъ я умираю, такъ пусть вполнѣ умираетъ человѣкъ. Затѣмъ заяцъ сообщилъ о своемъ поступкѣ мѣсяцу. Мѣсяцъ въ гнѣвѣ такъ ударилъ зайца, что разсѣкъ ему верхнюю губу, а заяцъ поцарапалъ у мѣсяца лицо, отчего и произошли лунныя пятна. Оттого готентоты не любятъ зайца и не ѣдятъ его мяса (*Reville*, ib. I, 172). На островахъ Фиджи такой же космогоническій миѳъ существуетъ относительно луны, но заяцъ замѣненъ мышью, которая настояла, чтобы люди умирали (ib. II, 129); въ космогоническомъ миѳѣ зулусовъ роль зайца играетъ саламандра (Басни и ск. дикихъ народовъ, 26).

Въ цѣнномъ сочиненіи Ревилля „Les religions des peuples non-civilisés" (I, 366) высказано мнѣніе, что культъ луны древнѣе культа солнца, и восходитъ въ примитивную древность. У многихъ дикихъ племенъ (преимущественно американскихъ) культъ луны стоитъ на первомъ мѣстѣ. Луну считаютъ источникомъ добра и зла, творцомъ міра и человѣка, простираютъ

Digitized by Google

къ ней руки съ молитвословіемъ, называютъ ее прекрасной. Въ Бразиліи женщины выставляютъ своихъ дѣтей на лунный свѣтъ, чтобы луна увидѣла ихъ и покровительствовала имъ. Луна — повелительница неба; она сходитъ иногда на землю, и тогда умираетъ много людей и деревья не даютъ плодовъ. Когда луны не бываетъ на небѣ, тогда она странствуетъ по землѣ и наказываетъ дурныхъ людей, иногда похищаетъ дѣтей (ib. 366). Въ южной Африкѣ въ честь луны накладываютъ кучи камней, на которыя потомъ каждый проходящій бросаетъ что-нибудь, палочку, тряпочку, цвѣтокъ (ib. 175). Культъ луны былъ распространенъ у многихъ культурныхъ народовъ древности, но постоянно уступая первое мѣсто культу солнца, особенно усилившемуся и развившемуся съ переходомъ народовъ отъ быта звѣроловнаго и пастушескаго къ быту земледѣльческому. Демоническое значеніе зайца выросло, повидимому, на древнѣйшей религіозно-миѳической основѣ, какъ отзвукъ первобытнаго космогоническаго миѳа, и въ повѣрьѣ о несчастномъ значеніи встрѣчи съ зайцемъ мы имѣемъ въ настоящее время окаменѣлый обломокъ первобытнаго космогоническаго миѳа.

Любопытно, что обломокъ этотъ сохранился между прочимъ въ малорусской дѣтской игрѣ въ зайца. Въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губерніи записана такая игра: дѣти становятся въ кружокъ; дѣвочка или мальчикъ входитъ въ середину круга и начинаетъ считать, указывая на каждаго пальцемъ, и говоритъ: „Заяць-мисяць, де ты бувъ?“ — Въ лиси.—„Що робывъ?“ —Листя рвавъ.—„Куды клавъ“? — Пидъ колоду.— „Хто взявъ мою воду?“ А це листъ, а це коринь, а це выступывъ вонъ“ И на кого падетъ слово „вонъ“, тотъ выходитъ изъ круга, а кто останется послѣднимъ, тотъ называется „сира кишка“. Когда „сира кишка“ назначена, всѣ бросаются отъ нея въ сторону, а она старается ударить кого-нибудь рукою. Съ ударомъ передается и назнаніе (*Ивановъ*, Игры крест. дѣтей въ Купян. у. 47). Другія дѣтскія игры въ зайца, безъ мѣсяца-зайца, у *Свидницкаго* въ Основѣ 1861, XI, 44, *Максимовича*, Собр. соч. II 476, *Moszyn'ska* въ Zbiór Wiadomosci 1881, V, *Чубинскаго* III, 34. Купянская игра въ зайца стоитъ

Digitized by Google

въ связи съ литературнымъ мотивомъ о кошкѣ и зайцѣ, о чемъ скажемъ въ надлежащемъ мѣстѣ.

Разъ существуетъ повѣрье, что заяцъ своимъ появленіемъ предвѣщаетъ или приноситъ человѣку несчастье, должны существовать и обереги, и мы дѣйствительно находимъ ихъ въ крестьянскомъ быту. Такъ, въ Литинскомъ у. Подольской губ. говорятъ, что, увидѣвъ зайца, перебѣгающаго дорогу, нужно сейчасъ же выбросить изъ повозки клокъ сѣна (своего рода Поликратово кольцо), и въ такомъ случаѣ заяцъ сейчасъ же возвратится назадъ (*Чубинскій*, I, 55), въ Купянскомъ у. Харьковской губ. находятъ, что для предотвращенія несчастія нужно три раза перекувыркнуться на томъ мѣстѣ, гдѣ попался на встрѣчу заяцъ (*Ивановъ*, въ Харьк. сборникѣ 1888, с. 94). Во Франціи съ этой цѣлью трижды повертываются на одномъ мѣстѣ (*Rolland*, Faune popul. I 87).

Заяцъ входитъ во многія сказки большею частью совмѣстно съ другими животными. Сказки эти, за немногими исключеніями, не представляютъ научнаго интереса; однѣ изъ сказокъ этого рода шаблонны и безцвѣтны, другія малосодержательны и стоятъ одиноко. Оставляю въ сторонѣ многочисленныя сказки о добываніи заячьяго (волчьяго, медвѣжьяго и пр.) молока (напр. у *Кольберга* въ „Pokucie“ IV, 64), великорусскую сказку объ охотникѣ мордвинѣ и зайцѣ (у *Садовникова*), великорусскія скабрезныя сказки о томъ, какъ заяцъ былъ свидѣтелемъ при половой связи медвѣдя съ женщиной (Κρυπτάδια, I, №№ 1 и 2), малорусскую сказку про рукавицу, въ которой поселились заяцъ, жаба, лисица, кабанъ и волкъ (у *Чубинскаго*, II № 33), польскую о томъ, какъ заяцъ обманулъ волка и лисицу (*Chełchowski* I, 67), сербскія о зайцѣ и жабѣ *Врчевич*, Српске нар. прим. 191, 192), албанскую о томъ, какъ заяцъ поцѣловалъ медвѣдицу (*Hahn*, № 94). Остановимся на двухъ, трехъ сказкахъ о зайцѣ, не лишенныхъ историко-литературнаго и этнографическаго значенія.

У Эзопа находится слѣдующая любопытная въ историко-литературномъ отношеніи басня о зайцахъ и лягушкахъ: однажды зайцы стали горевать о своей горькой долѣ, что у нихъ много враговъ, что имъ постоянно приходится опасаться за свою жизнь. Зайцы рѣшили покончить жизнь самоубій-

Digitized by Google

ствомъ и помчались къ пруду, чтобы утопиться. Лягушки испугались ихъ и быстро попрыгали въ воду. „Стойте, братцы, закричалъ тогда одинъ заяцъ, и намъ еще можно жить; есть на свѣтѣ твари, которыя и насъ боятся". Въ распространеніи этой басни большую роль могла играть простота сюжета, ясность основной морали и возможность частныхъ дидактическихъ заключеній. У Эзопа тотъ выводъ, что при личномъ горѣ нужно помнить, что есть люди болѣе несчастные—afflictis aliorum miserias solatiae esse (Fab. Aesopicae, изд. 1727, 14). Эту басню воспроизвелъ въ новое время Лафонтенъ, а съ его легкой руки и въ подражаніе ему многіе, напр., Мицкевичъ, съ широкимъ обобщеніемъ, что „caly swiat na tchórzu stoi, każdy ma swoję żabę, co przed nim ucieka, i swojego zająca, którego się boi". (*Poezye,* wyd. 1888, II, 302).

Литературный мотивъ о зайцахъ и лягушкахъ проникъ въ сказки многихъ народовъ и пользуется въ настояще время большой популярностью. Такъ, въ Черкасскомъ у. Кіевской губ. записана слѣдующая малорусская сказка: „Думае соби заець: я наислабійшій одъ усего на свити; усего боюся; пташка злетыть, боюся,—пиду лучче утоплюся. Отъ иде винъ до болота, та й иде берегомъ, шукае дебъ то лучче скочыты у воду; колы се жаба—тыць у воду. Эге, думае соби заяць, не буду й я топытьця, бо е ще таке на свити, що и мене боится" (*Чубинскій,* Труды, I, 55). Точно такія сказки записаны у поляковъ (*Kolberg,* Lud, VIII, 238, *Ciszewski* въ Zbiór wiadomosci do antrop. kraj. XI 37, *Siarkowski,* ib. VII, 109). Совпаденіе почти дословно. Весьма сходная сказка недавно записана во Франціи: заяцъ хотѣлъ утопиться; но когда онъ увидѣлъ, что лягушка испугалась его и бросилась въ воду, то онъ такъ расхохотался, что у него треснула губа, и съ тѣхъ поръ всѣ зайцы имѣютъ какъ-бы расколотыя губы—levres fendus (*Rolland,* I, 87). Сходная сказка недавно записана у вотяковъ (*Верещагинъ,* Вотяки Соснов. края, 73). Сказка эта почти буквально сходна съ маллорусской и эзоповской басней, и, вѣроятно, заимствована вотяками отъ руских.

Въ Калилѣ и Димнѣ находится слѣдующая сказка о томъ какъ птица сифридъ и заяцъ судились у кошки. Заяцъ поселился въ гнѣздѣ сифрида въ его отсутствіе и затѣмъ не хотѣлъ уйти.

Digitized by Google

Сифридъ сначала спорилъ съ нимъ, затѣмъ оба они отправились къ берегу моря къ кошкѣ на судъ. Увидѣвъ ихъ, кошка притворилась богомольной и смиренной. Она начала высказывать имъ разныя нравоученія, а когда сифридъ и заяцъ освоились и подошли къ ней близко, она бросилась на нихъ и убила (*Калила и Димна*, въ пер. Аттаи, 137). Въ Магабаратѣ и въ Аваданахъ встрѣчаются сходныя сказки въ приложеніи къ мыши (Этн. Обозр. VIII, 52) Подобнаго рода мотивы встрѣчаются изрѣдка въ европейскихъ сказкахъ. Въ одной малорусской сказкѣ сто зайцевъ бѣгутъ жаловаться царю на людей за то, что они бьютъ ихъ и не даютъ проходу. Ихъ встрѣчаетъ котъ, идетъ впереди ихъ и передаетъ царю бѣдныхъ зайцевъ какъ подарокъ на жаркое (*Чубинскій*, II, 356). Въ малорусской сказкѣ этотъ эпизодъ имѣетъ значеніе вставки. Онъ стоитъ несомнѣнно въ родствѣ съ древнимъ повѣствовательнымъ мотивомъ о довѣрчивомъ зайцѣ и вѣроломной кошкѣ.

Литературный мотивъ о зайцѣ и кошкѣ въ Малороссіи отразился въ дѣтской игрѣ, записанной недавно въ Купянскомъ уѣздѣ, о которой мы говорили выше. Здѣсь литературный мотивъ воспроизводитъ древній религіозно-миѳическій космогоническій миѳъ. Въ дѣтской игрѣ, какъ въ сказкахъ, кошка стоитъ во враждебномъ отношеніи къ зайцу, и затѣмъ упоминается безъ основанія вода, что намекаетъ на существованіе воднаго источника въ тѣхъ незаписанныхъ разсказахъ о кошкѣ и зайцѣ, подъ вліяніемъ которыхъ возникла дѣтская игра въ зайца и сѣрую кошку; можетъ быть здѣсь скрывается источникъ луны Калилы и Димны.

Къ числу распространенныхъ сказочныхъ мотивовъ относится еще мотивъ о бѣгѣ въ перегонку зайца съ человѣкомъ или ежомъ. Въ малоруссской сказкѣ про трехъ братьевъ два человѣка спорятъ, кто кого перегонитъ; одинъ изъ нихъ говоритъ, что у него есть старый отецъ, весь сѣдой, тотъ перегонитъ, и выпускаетъ при этомъ зайца, который, понятно, обогналъ противника (*Чубинскій* II § 107). Въ галицко-русской сказкѣ мужикъ Тимко, чтобы выручить изъ ада проданную имъ жидовку, вступаетъ въ состязаніе съ чертомъ относительно быстроты бѣга. Увидѣвъ зайца, Тимко говоритъ черту: вотъ мой ребенокъ, и онъ тебя перегонитъ; чортъ бѣ-

Digitized by Google

житъ и проигрываетъ (*Kolberg*, Pokucie, IV, 193). Въ польскихъ сказкахъ ежъ и заяцъ бьются объ закладъ, кто кого перегонитъ. Ежъ схитрилъ; отъ поставилъ на томъ мѣстѣ, къ которому условлено было бѣжать, другого ежа, и бѣдный заяцъ, сколько ни бѣгалъ отъ одного пункта поля къ другому, всегда находилъ уже на мѣстѣ ежа (*Chelchowski*, Powiesci, II, 97, *Ciszewski*, Zbiór Wiadom., VI, 37).

Есть басня Хемницера: Зайцы и Ежъ; но здѣсь ежъ не споритъ о скорости бѣга, а колетъ иглами бѣдныхъ зайцевъ, пока не ударился на сукъ дерева; басня натянутая и неправдоподобная.

Въ одной французской сказкѣ (изъ Гаскони) пастухъ говоритъ отцу, что видѣлъ въ полѣ зайца съ вола Это слишкомъ; должно быть меньше, замѣчаетъ отецъ. Мальчикъ говоритъ, что заяцъ величиной съ лошадь, и выслушивая все же замѣчаніе отца, говоритъ далѣе, что заяцъ былъ съ годовалаго теленка, овцу, ягненка, кошку. Это вѣроятно, замѣчаетъ тогда отецъ, но бываютъ зайцы и меньше. Тогда мальчикъ говоритъ, что онъ былъ величиной съ кролика, крысу, муху. Э, мой милый, сказалъ тогда отецъ, да ты все врешь, и ты совсѣмъ не видѣлъ зайца (*Bladé*, Contes popul. de la Gascogne, III, 269—271). Сходныя сказки существуютъ и въ Россіи. Я слышалъ въ Малороссіи такую сказку: Мальчикъ пастухъ говоритъ отцу, что видѣлъ въ полѣ 12 волковъ, и на вопросъ отца, а можетъ меньше? понижаетъ цифру на 7, 4, 1 и кончаетъ, „а може то собака, а не вовкъ.“

Въ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обозр. VIII, 67—70) мы говорили о сказочныхъ мотивахъ, когда то или другое животное становится въ пригодѣ. Къ этимъ страницамъ здѣсь добавимъ, что и заяцъ въ сказкахъ оказываетъ услугу человѣку. Въ одной малорусской сказкѣ заяцъ въ благодарность за то, что герой сказки накормилъ его голодныхъ дѣтей, приноситъ цѣлющей воды, когда герой сказки былъ убитъ (*Чубинскій*, II § 80). Въ другой малорусской сказкѣ злая мачеха преслѣдуетъ свою падчерицу, обращаетъ ее въ гуску; у падчерицы есть маленькій ребенокъ, за которымъ въ роли няньки ухаживаетъ зайчикъ (ib. § 138). Въ эту сказку входитъ одинъ изъ самыхъ древнихъ и распространенныхъ

Digitized by Google

мотивовъ о благодѣтельномъ бычкѣ, и вся сказка представляетъ варіантъ второй части древней египетской повѣсти о двухъ братьяхъ (*Maspero*, Les contes popul. de l' Egypte ancienne, № 1). Та часть сказки, гдѣ зайчикъ ухаживаетъ за ребенкомъ и благополучно доставляетъ его матери, представляетъ значительное сходство съ одной греческой сказкою, гдѣ солнце увело 12-лѣтнюю дѣвочку и потомъ возвратило ее горюющей матери, причемъ проводникомъ и защитникомъ дѣвочки былъ зайчикъ (*Hahn*, Griech. und alb. Märchen, № 41).

Какъ воронъ, такъ и заяцъ въ народныхъ поговоркахъ служатъ для выраженія идеи невозможности. О бѣломъ воронѣ сербскихъ и французскихъ народныхъ поговорокъ мы уже говорили въ статьѣ о воронѣ въ IV кн. Этн. Обозр. и въ дополненіи къ ней въ VIII кн. Этн. Обозр. Въ Пермской губ. записана такая примѣта: пока черныя пятна съ ушей зайца не сойдутъ, бабамъ надъ мужиками не суживать,—такъ говорятъ о старшинствѣ въ семействахъ (*Этн. Обозр.* III, 183). Быть можетъ, та же идея невозможности скрывается въ вотяцкой поговоркѣ: конецъ міру будетъ тогда, когда кончики ушей у зайца не будутъ черны (*Верещагинъ*, Вотяки Соснов. края, 112).

Существуетъ много малорусскихъ поговорокъ о зайцѣ (см. *Номиса*, Укр. приказки, по указателю), большею частью не представляющихъ ничего характернаго. Въ однихъ поговоркахъ презрительнаго оттѣнка фигурируетъ соленый заяцъ, напр., „величится, якъ соленый заяць"; въ большинствѣ поговорокъ насмѣшливаго характера упоминается лишь хвостъ зайца, напр., „вбывся въ ристъ, якъ заець въ хвистъ" (§ 8604), „такій викъ, якъ у зайця хвистъ" (8267), „не було у зайця хвоста и не буде" (5496), „величается, якъ заяць хвостомъ" (2488). Заячій хвостъ встрѣчается во многихъ сказкахъ. Такъ, въ упомянутой греческой сказкѣ солнце уводитъ двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку. Когда она стала скучать, солнце отпустило ее домой, давши въ проводники зайца. Колдунья (ламія) гналась за ними, и при входѣ зайчика въ домъ матери дѣвочки оторвала у него хвостъ; благодарная мать посеребрила этотъ хвостикъ (*Hahn*, Griech. und alban. Märchen). Въ словинской сказкѣ лиса обвиняетъ зайца въ покражѣ меда: волкъ погнался

Digitized by Google

за зайцемъ, оторвалъ у него хвостъ; „вслѣдствіе этого и понынѣ заяцъ не имѣетъ цѣлаго хвоста и потому называется куцымъ". Въ одной нѣмецкой сказкѣ заяцъ (обыкновенно волкъ) ловитъ на льду въ проруби рыбу и отрываетъ примерзшій хвостъ. Готентоты причину отсутствія хвоста у зайца объясняютъ тѣмъ, что когда происходила раздача хвостовъ, то небо было покрыто тучами; заяцъ не рѣшался покинуть своей норы и просилъ другихъ звѣрей захватить для него хвостъ; но они ему не принесли, поэтому заяцъ и понынѣ безъ хвоста (*Колмачевскій*, Животный эпосъ, 82). „Хвостъ звѣрей играетъ въ народныхъ преданіяхъ нерѣдко весьма видную роль. Звѣри гордятся своимъ хвостомъ, лелѣютъ его въ качествѣ оружія или орудія: то лиса уноситъ на своемъ хвостѣ пѣтуха, то волкъ лису. Во многихъ сказкахъ хвостъ лисы является ей помѣхой; она разсуждаетъ съ нимъ, наказываетъ его и т. п. Словомъ, существованіе цѣлаго ряда подобныхъ преданій доказываетъ, что хвостъ звѣрей не замедлилъ обратить на себя вниманіе человѣка, стоявшаго на младенческой ступени развитія. Дѣлая свои наблюденія, послѣдній подмѣтилъ вскорѣ, какъ общее правило, что у громаднаго большинства звѣрей хвостъ длинный. И вдругъ—его глазамъ представляется звѣрь съ короткимъ хвостомъ. Это поражаетъ воображеніе человѣка, кажется ему явленіемъ не нормальнымъ, и онъ, такъ или иначе, старается его объяснить. И вотъ, являются сказки, которымъ можно бы дать общее заглавіе: отчего у извѣстнаго звѣря хвостъ короткій?.... Въ различныхъ странахъ народъ, давая объясненіе куцости извѣстнаго звѣря, исходилъ изъ того убѣжденія, что хвостъ укороченъ искусственнымъ путемъ, недоданъ, оторванъ, откушенъ" (ib. 81, 83).

Заяцъ входитъ въ народную медицину, напр., во Франціи мажутъ заячьимъ мозгомъ десна у ребенка, когда рѣжутся зубы, кладутъ заячью кожу на рану для остановки крови *Sauvé*, Le Folk-lore des Hautes Vosges, 37, 267 и др.). Въ Тиролѣ во время рожи прикладываютъ къ тѣлу кожу съ бѣлаго зайца (*Alpenburg*, Mythen u. Sagen Tyrols, 384). У монголовъ сердце, печень, легкое, даже пометъ зайца входятъ въ народную медицину (*Потанинъ*, II, 100). **Н. Ѳ. Сумцовъ.**

Digitized by Google

Дополненіе къ статьѣ: „Мышь въ народной словесности“ (Этн. Обозр., кн. VIII, 1891 № 1).

На стр. 87—88 приведена сказка о мыши-дѣвицѣ по Панчатантрѣ и Калилѣ и Димнѣ. Отраженія этой сказки въ древнихъ греческихъ басняхъ и др памятникахъ старинной литературы указаны Бенфеемъ въ предисловіи къ Панчатантрѣ (I § 158). Весьма любопытнымъ отголоскомъ этой древней повѣсти представляется популярная дѣтская сказка закавказскихъ татаръ, которую дѣти заучиваютъ въ школѣ со словъ хальфы (момощника муллы): старуха упала на льду и сказала: ледъ! видно ты силенъ. Ледъ говоритъ, что сильнѣе его солнце; солнце говоритъ, что сильнѣе его тучи; тучи болѣе сильными считаютъ дождь; дождь—траву; трава указываетъ на барана; баранъ на мясника; мясникъ на мышей, которыя поѣдаютъ его запасы; мышь на кошку, и только кошка сознаетъ, что она сильна; глаза ея какъ огонь, брюхо какъ барабанъ, лапки бархатныя, когти стальные; лѣтомъ она прохлаждается подъ окномъ, зимой грѣется у печи“. (*Захаровъ*, въ Сборн. матер. для опис. мѣстн. и плем. Кавказа. IX, ч. II, стр. 28—29).

Н. С.

Digitized by Google

Очеркъ кустарной промышленности
въ Тобольской губерніи.

I.

Вопросъ о положеніи кустарной промышленности въ Россіи вообще—вопросъ не новый и не легкій для разрѣшенія. Для того, чтобы только изложить исторію этого вопроса и современное его положеніе въ связи съ разсмотрѣніемъ тѣхъ мнѣній, какія появлялись въ печати, и тѣхъ мѣръ, какія были принимаемы правительствомъ, земствами и другими учрежденіями съ цѣлью улучшить бытъ кустарей, потребовалась бы особая обширная статья.

Множество газетныхъ и журнальныхъ статей и цѣлые томы отдѣльныхъ изслѣдованій трактовали и продолжаютъ трактовать объ этомъ вопросѣ и по мѣрѣ возможности двигаютъ его впередъ. Нельзя однако сказать, что всѣ области Россіи одинаково изучаются въ этомъ отношеніи. Наоборотъ, нѣкоторыя губерніи, преимущественно имѣющія земства, являются изслѣдованными довольно обстоятельно, тогда какъ другія области почти вовсе незатронуты. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Сибирь.

Кустарная промышленность въ Сибири находится въ полномъ забвеніи. Ею только интересуется печать, отчасти интеллигенція. Въ Сибири до сихъ поръ не предпринято никакихъ изслѣдованій для выясненія состоянія этой промышленной отрасли народнаго труда. А между тѣмъ Сибирь въ числѣ первыхъ фигурировала въ кустарномъ отдѣлѣ на Всероссійской выставкѣ въ Москвѣ 1882 г. Какъ первый почти

Digitized by Google

опытъ изученія сибирской кустарной промышленности мы ниже представимъ описаніе кустарныхъ промысловъ, существующихъ въ Тобольской губерніи.

Къ такимъ промысламъ относятся: *пимокатный* и *шерстобойный*, какъ-то: выдѣлка пимовъ, кошмъ для подстилки, войлока для подхомутниковъ, черезсѣдѣльниковъ и для прокладки печей; *лѣсной* — выдѣлка лопатъ, корытъ, сѣдёлокъ, пряслицъ, колесъ, дугъ, саней, дровней, кошевокъ, плетенокъ, деревянной, посуды разной мебели и другихъ хозяйственныхъ предметовъ; *лубочный*—выдѣлка туясковъ, табакерокъ, рѣшетъ, ситъ, рогожъ, попонъ, кульковъ; *шерстяной* — выдѣлка рукавицъ, возжей, поясовъ, крестьянскаго сукна; выдѣлка дорожекъ, половиковъ; *льняной*—выдѣлка крестьянскаго холста; *веревочный* — выдѣлка воровины и канатовъ; гонка *дегтя*.

Пимокатное и шерстобойное производства.—Главными инструментами при производствѣ служатъ: лучёкъ со струной для выколачиванія изъ шерсти пыли и грязи, модель сапога изъ клеенки и деревянныя колодки. Всѣ инструменты обходятся кустарю не болѣе 5 руб. Работаютъ большею частью вдвоемъ: одинъ выбиваетъ шерсть на струнѣ, большею частью подростокъ, другой укладываетъ шерсть, располагая послѣднюю ровнымъ, нигдѣ не просвѣчивающимъ слоемъ. Работаютъ въ жилыхъ избахъ, что тяжело отзывается на здоровьѣ кустарей, занимающихся этимъ промысломъ круглый годъ, почти безъ передышки. Такіе кустари блѣдны, истощены, со впалою грудью. Клочья разсѣянной въ воздухѣ шерсти въ видѣ отдѣльныхъ пылинокъ, попадая въ легкія, производятъ разрушительныя дѣйствія. Для производства пимовъ служитъ покупная шерсть, простая и поярковая, большею частью не мытая. У кустаря городского, само собою понятно, нѣтъ своей шерсти, ибо онъ не содержитъ овецъ, не ведетъ сельскаго хозяйства. Кустарь же деревенскій, занимающійся земледѣліемъ, не въ состояніи содержать болѣе 10 овецъ за скудостью корма; а отъ 10 овецъ много шерсти не наберешь: на рукавицы, на опояски, на чулки—„туда да сюда, глядь и вся вышла на хозяйство безъ убытку“. А потому и деревенскому кустарю приходится либо покупать шерсть на ярмаркахъ на наличныя деньги, либо въ кредитъ у кулаковъ-однодеревен-

Digitized by Google

цевъ, переплачивая противъ рыночной стоимости на нѣсколько процентовъ. Изъ пуда шерсти (не перебитой) выдѣлываютъ 4 пары мужскихъ и 4 пары женскихъ пимовъ. На пару пимовъ среднимъ числомъ выходитъ до 6 фунтовъ шерсти. Въ день рабочій можетъ выдѣлать при готовой шерсти одну пару пимовъ. Калошъ по деревнямъ не катаютъ, развѣ по заказу. Дѣтскіе пимы мало катаютъ: „не стоитъ катать, мало требуется, да и дешево платятъ, а на нихъ, поди, работы не меньше, чѣмъ на большіе пимы". Рыночная цѣна пимовъ колеблется между 1 р. — 1 р. 20 к., женскихъ 80 — 90 к. за пару, дѣтскихъ 30—50 коп. *). Пимы, выдѣлываемые крестьянами кустарями, продаются дешевле „мѣщанскихъ", выдѣлываемыхъ городскими кустарями. Разница въ цѣнѣ простирается до 1 — 2 гривенъ на парѣ. Пимы, выдѣлываемые городскими кустарями, изящнѣе деревенскихъ, но зато послѣдніе отличаются своей прочностью, добротою матеріала сравнительно съ первыми. Пимокатствомъ занимаются въ г. Гешимѣ до 20 семей Лемакарьевскаго уѣзда, Костромской губ. Часть ихъ состоитъ изъ самоходовъ, другая меньшая изъ поселыциковъ. Изъ 28 семей 4 семьи выдѣлываютъ при помощи 2—3 наемныхъ рабочихъ отъ 700 до 1000 паръ пимовъ. Въ дер. Гавриной Ишимскаго округа занимаются этимъ промысломъ до 10 семей. Встрѣчаются такіе кустари и въ другихъ деревняхъ.

Занятіе этимъ промысломъ служитъ нѣкоторымъ подспорьемъ для кустаря-земледѣльца. Сельское хозяйство уже не въ состояніи вполнѣ обезпечить существованіе земледѣльца даже въ годы урожайные, а въ неурожайные, безхлѣбные годы ставитъ этого земледѣльца въ самое безвыходное положеніе. И вотъ для того, чтобы выйти изъ этого затруднительнаго положенія и поддержать свое хозяйство, крестьянинъ прибѣгаетъ къ новой отрасли промышленности, къ новой сферѣ для приложенія своего труда, къ выдѣлкѣ пимовъ. Производство пимовъ какъ въ дер. Гавриной, такъ и въ другихъ деревняхъ Ишимскаго округа, какъ мнѣ пришлось слышать изъ разсказовъ кустарей, вылилось въ самыя типическія формы:

---

*) Подхомутники 15—20 коп.

Digitized by Google

„всѣ катаютъ пимы на себя, а не на людей“; во всѣхъ 10 дворахъ дер. Гавриной, не смотря на тяжелыя условія кредита, работа ведется самостоятельно, въ самомъ тѣсномъ кругу семейства, при совмѣстномъ сотрудничествѣ всѣхъ наличныхъ, способныхъ къ работѣ, членовъ семьи. Въ виду несущественнаго значенія производства сравнительно съ главною отраслью деревенскаго хозяйства—земледѣліемъ, сфера производства сужена, ограничена; она не распространяется на весь досугъ земледѣльца-пахаря. Считая по одной парѣ пимовъ въ день, 40 выдѣланныхъ паръ будетъ служить нормой для средняго кустаря - пахаря за весь сезонъ втеченіе ноября мѣсяца и до зимняго Миколы. Дневной заработокъ кустаря-хозяина — 30 коп., а работника-батрака — 10 коп., или 3 рубля въ мѣсяцъ на готовыхъ харчахъ.

Городскіе кустари занимаются пимокатствомъ круглый годъ, такъ какъ они не занимаются хлѣбопашествомъ. Посвящая все свое досужное время кустарному производству, городской кустарь не только выдѣлываетъ большее по количеству число паръ пимовъ, но и старается усовершенствовать самое производство. Въ годъ такой кустарь выдѣлываетъ до 200 паръ. Покупка шерсти ведется въ кредитъ, при чемъ и самый кредитъ ограниченъ (не свыше 25 р.). Кустарь изъ кожи лѣзетъ вонъ, чтобы вести дѣло помимо кулака-кредитора, сводить концы съ концами, работать самостоятельно, и подчасъ это ему удается. Заслышавъ про какой-нибудь выгодный заработокъ въ деревнѣ, гдѣ нѣтъ кустарей-пимокатовъ, кустарь бросаетъ въ городѣ все свое хозяйство, свою семью и переселяется въ деревню. Наскочитъ онъ на плохой годъ— новая бѣда: харчи дороги, весь прохарчится, не сдѣлавъ никакихъ сбереженій; попадетъ на хорошій годъ—и, смотришь, десятка 2-3 руб. выработаетъ чистоганомъ и бѣжитъ въ городъ. Найметъ онъ тамъ себѣ работника-кустаря, прихватитъ пудовъ 5 шерсти на наличныя во время ярмарки, и, глядишь, въ короткое время изъ захудалаго кустаря вырабатывается типъ ремесленника-хозяина; такой ремесленникъ хозяинъ находится въ тѣсныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ своему батраку, усердно работаетъ вмѣстѣ съ послѣднимъ, хлебаетъ съ нимъ щи изъ одной миски, спитъ въ

Digitized by Google

одной горницѣ, парится вмѣстѣ въ банѣ и подчасъ угощаютъ другъ-дружку водкой, испиваютъ малую толику. Но такія интимныя отношенія между хозяиномъ и работникомъ продолжаются не долго. Потихоньку да помаленьку, при накопленіи рабочей ренты, выручаемой изъ части продуктовъ труда работниковъ и обмѣниваемой на бумажныя цѣнности, при постепенныхъ и систематическихъ сбереженіяхъ, изъ ремесленника-хозяина со временемъ вылупляется, какъ изъ яица, хозяинъ-капиталистъ. Послѣдній не принимаетъ непосредственнаго участія наравнѣ съ батраками въ производствѣ издѣлій; онъ не гнетъ уже больше спины для скатыванія войлока, а вмѣсто него гнутъ спины другіе; онъ не хлебаетъ уже щей, не пьетъ „горемышной" вмѣстѣ со своими батраками за однимъ столомъ, а сидитъ себѣ „словно чурбанъ" въ отдѣльной чистой горницѣ, завѣшанной занавѣсками и устланной самодѣльными коврами, сидитъ за отдѣльнымъ столомъ, пожирая въ несмѣтномъ количествѣ всякаго рода убоины, курятины, гусятины съ жирной кашею и запивая все виномъ; онъ пересталъ ходить въ баню за-панибрата со своими батраками, а парится либо со своей дражайшей половиной, либо съ „полюбовницей", либо съ ученикомъ, который усердно отбиваетъ ему бока и спину баннымъ вѣникомъ и всячески старается услуживать своему патрону, надѣясь на его милость... Органическая связь между хозяиномъ и работниками-кустарями порвана. Существуетъ только одна чисто внѣшняя, но глубоко забирающая кабальная связь, основанная на взаимномъ договорѣ, причемъ всѣ выгоды отъ такого договора остаются на сторонѣ хозяина-капиталиста. Эти выгоды еще въ большей степени разжигаютъ алчность капиталиста. Жажда быстрой наживы охватываетъ всѣ помыслы, всю душу послѣдняго. Онъ бросается на всевозможныя аферы, сопряженныя подчасъ съ большимъ рискомъ и не имѣющія ничего общаго съ кустарнымъ производствомъ. Судьба ему часто благопріятствуетъ, и онъ еще больше обогащается, еще интенсивнѣе налегаетъ со своей мошной на очумѣвшаго на его непосильной работѣ несчастнаго кустаря-батрака.

Такъ какъ пимокатство тѣсно связано съ шерстобойнымъ промысломъ, а съ послѣднимъ—и выдѣлка кошмъ, то нельзя

Digitized by Google

не упомянуть въ нѣсколькихъ словахъ о развитіи этого промысла среди степныхъ киргизовъ. Выдѣлкою кошмъ въ степи занимаются главнымъ образомъ бѣдные киргизы, у которыхъ скупаютъ кошмы петропавловскіе татары. Кошмы бываютъ разноцвѣтныя, или бѣлыя, или черныя. Кошмы скупаются на мѣстѣ у киргизовъ отъ 40 до 50 коп. за аршинъ. Между тѣмъ ярмарочныя цѣны нерѣдко стоятъ въ два раза выше покупной суммы.

Производство лыка, мочала и туясковъ.—Этимъ промысломъ занимаются въ тѣхъ округахъ, гдѣ уцѣлѣли лѣса, главнымъ образомъ въ Тарскомъ округѣ, Каргалинской волости, въ дер. Жуковой, Рябой, Куликовой, также и въ Викуловской волости, въ дер. Бамечихи. Самая выдѣлка луба и мочала ведется слѣдующимъ образомъ: лубъ начинаютъ сдирать съ липняковъ весною, когда древесная кора настолько успѣла размягчиться древеснымъ сокомъ, что ее легко можно отдѣлить отъ ствола. Сдѣлавъ долевые надрѣзы, сдираютъ „корину" руками и содранную кору отвозятъ для моченія на запруды, гдѣ ее топятъ въ водѣ, наваливая на нее камни; это обыкновенно производится ночью, такъ какъ днемъ мѣшаютъ оводъ и гнусъ. Въ ночь, отъ зари до зари, при разстояніи рѣки отъ дачи на 2—4 версты можно потопить 20 „корынь" или лубовъ. Осенью, около Петрова дня, кору вынимаютъ изъ воды, сушатъ въ продолженіе 2 дней, а то и дольше, смотря по погодѣ. Изъ получившагося такимъ образомъ лыка дерутъ „лѣсиной" *) лубокъ. Содранное мочало развѣшиваютъ на жердяхъ по 150 лубковъ. Въ день одному человѣку можно „сладить" 10 лубковъ. Изъ мелкаго липняка можно содрать до 100 лубковъ. Лубъ послѣ вымочки тяжелѣетъ, а потому, въ виду существующихъ на мѣстѣ трудныхъ путей сообщенія, на одной лошади невозможно вывозить болѣе 5 пудовъ поклажи. Лубъ и мочало вывозятъ въ деревню по первому снѣжку. Растущія въ Тарскомъ округѣ липы мелки; обыкновенно онѣ имѣютъ въ діаметрѣ до 1—4 вершковъ, но 4-хъ вершковый липнякъ корявый, съ него нельзя содрать

*) Толщина лѣсины—2 вершка, длина $1^1/_2$ арш. Она дѣлается изъ калины или рябины и имѣетъ заостренный конецъ.

Digitized by Google

мочало; длина липняковъ простирается до $7^1/_2$—11 аршинъ. Липу снимаютъ съ корнемъ. Часто ободранный стволъ липы бросается крестьянами на мѣстѣ, пропадаетъ даромъ. „Ежели поближе живешь, то привозишь на овинъ, овинъ сушить, а подальше—не везешь, пропадаетъ. Ежели прямой тонкій липнякъ, то привозишь на „бастрикъ" для сѣна, либо на стулъ, —лѣсина мягкая, годная къ работѣ". Вершины-же съ сучьями большею частью оставляются въ лѣсу гнить, между тѣмъ какъ въ Костромской губ. эти самые сучья липняка утилизируются не только на топливо, но и на выдѣлку мочала, такъ какъ кора идетъ на лубья. Причина такого неразсчетливаго пользованія лѣсомъ съ одной стороны кроется въ относительномъ богатствѣ лѣсовъ, а съ другой въ плохихъ, подчасъ недоступныхъ путяхъ сообщенія.

Въ томъ же округѣ, въ волостяхъ Слабачиковской (село Слабачиковское, дер. Кайлы, Колпаково, Орѣхово, Каласунская) занимаются выдѣлкой рогожъ и попонъ, а въ Каргалинской (дер. Балахли) и Тамакульской - праслицъ, сѣделокъ корытъ (дер. Бѣлькова и Шушкова). Кромѣ того, по отдѣльнымъ волостямъ и селеніямъ Тарскаго округа занимаются крестьяне выдѣлкой туясковъ, квашней и табакерокъ. Рогожи ткутъ на особыхъ станкахъ. Станокъ рогожный состоитъ изъ двухъ вертикальныхъ перекладинъ вышиною въ $2^1/_2$—3 аршина. Въ каждой перекладинѣ просверлены дырочки, въ которыя продѣваются скрученныя на подобіе нитки мочала и концы завязываются узлами. Это и есть основа. Въ основу поперекъ вплетаютъ мочало—и получается рогожа. Но эта рогожа не прочна, она ниже тканой по своему достоинству и по цѣнѣ. Если поперечныя нити мочала посредствомъ бревна, въ которомъ черезъ дырочки продѣты нити основы, прибиваются тѣснѣе движеніемъ бревна съ верху въ низъ, то такая вытканная рогожа чрезвычайно прочна и лучше плетеной. Плетеныя рогожи продаются отъ 30 до 40 коп. за каждую, тканыя по 80 к.—1 р. Тканыя рогожи хотя и очень прочны, но дороги и притомъ поглощаютъ много труда. Поэтому кустари занимаются большею частью плетеніемъ рогожъ, какъ болѣе доступныхъ по своей дешевизнѣ большинству потребителей и не требующихъ на выдѣлку много времени. Въ день

Digitized by Google

при готовомъ мочалѣ одному можно выплести одну рогожу. Рогожи бываютъ длины $2^1/_2$ арш., ширины $1^1/_2$ арш.

Попоны плетутся на доскахъ, состоящихъ изъ 12 зарубокъ и 12 переплетовъ въ каждой. По обѣимъ сторонамъ попонъ въ длину вплетаются бичевки для прикрѣпленія попонъ къ шеѣ лошади. Цѣна попонъ отъ 3—5 коп. каждая. Плетеніемъ попонъ занимаются большею частью подростки-мальчики да старики: „дѣло не трудное, шутное“. Плести попоны, кульки и рогожи начинаютъ съ осени, въ случаѣ ранняго замерзанія болотъ и, представляемой вслѣдствіе этого прямой возможности къ перевозкѣ и доставкѣ луба въ деревню. На попону идетъ 2—3 лубка, смотря по размѣру и величинѣ липняка.

Пряслицы дѣлаются изъ ели и пихты. Для выдѣлки пряслицъ требуются слѣдующіе инструменты: скобель — 30 коп., топоръ—1 р. и ножъ 50—60 коп. для „вырѣзыванія заплечиковъ и подравненія верха“. На выдѣлку пряслицъ губится непроизводительно очень много лѣсу. Только пеньки лѣсинъ идутъ въ дѣло, а все остальное на бревна, либо бросается.

Для выдѣлки сѣделокъ и корытъ кустарю необходимо имѣть: топоръ, терпугъ для очистки и тюкавка для выдалбливанія желоба. Топоры покупаютъ по 1 рублю у поселенца дер. Гатапутовой (Ишимск. округа), занимающагося исключительно выдѣлкой топоровъ; тюкавки и терпуги покупаютъ въ г. Ишимѣ отъ 20 до 40—60 коп. за каждый инструментъ отдѣльно. Всѣ инструменты обходятся кустарю приблизительно въ 1 р. 70 коп.

Табакерки дѣлаются изъ луба мягкаго; на крышкѣ вырѣзываются всевозможныя украшенія. Табакерки продаются по 5—10 коп. штука. Производство табакерокъ особенно сильно распространено въ сосѣдней Пермской губ.

Лѣсного матеріала для выдѣлки кустарныхъ издѣлій, какъ то: корытъ, квашней, сѣделокъ, луба и пр., съ каждымъ годомъ становится все меньше и меньше. До введенія лѣсничества въ Зап. Сибири (1884 г.) кустари пользовались даромъ или съ незначительной приплатой лѣснымъ матеріаломъ. Теперь крестьяне принуждены платить пошлину, крайне несоразмѣрную съ доходностью, т. е. съ выгодою, получаемою отъ занятія лѣснымъ производствомъ. Цѣны на лѣсъ повы-

Digitized by Google

шены. Такъ, въ 1885 г. березовая лѣсина 7 вершк. въ діаметрѣ (длина не берется во вниманіе) продавалась по 20 к. Изъ нея можно сдѣлать 10 сѣделокъ. Гладкая осина въ 8 вершк.— 60 коп.; изъ такой осины выдалбливаютъ до 8 корытъ. Суч-коватая осина почти на половину дешевле противъ гладкой и даетъ 4 корыта. Осина идетъ на корыта и на дрова, а береза на сѣделки. Лиственница 8 вершк. толщины и 2 саж. длины -2 р., а въ Абатскѣ (Ишимск. окр.) на Крещенской ярмаркѣ по 3 руб.; она употребляется для столбовъ и на постройку избъ. Сосновая лѣсина, въ виду незначительности сосноваго лѣсу, „сутунокъ" въ 8 вершк. для плахъ—60 коп.; цѣна плахи въ 2 вершка толщины и въ 7 вершк. длины—80 к.

Выдѣлка сѣделокъ и корытъ требуетъ много труда. Одному въ недѣлю при готовомъ матеріалѣ можно сдѣлать 3 корыта. Для производтва корытъ кустарю необходимо имѣть кромѣ пилы еще и скобель, стоющій 30 коп. Къ работамъ кустари приступаютъ осенью послѣ Покрова. Вырубленныя корыта или скорѣе всего бревна оставляютъ до снѣга въ лѣсу, такъ какъ займища и болота препятствуютъ вывозу ихъ лѣтомъ. Въ снѣгъ и морозъ, когда топи и болота „станутъ" отъ мороза, отправляются изъ деревень кустари въ лѣсъ для вывоза бревенъ. Въ лѣсу большею частью остаются ночевать, такъ какъ лѣса отстоятъ отъ деревень на значительномъ разстояніи, 20—50 верстъ. Выѣзжаютъ изъ лѣсу съ бревнами рано утромъ. Бревна отъ вымочки очень тяжелы, такъ что на одной лошади можно везти не болѣе 5 бревенъ. Дома бревна складываютъ въ жарко натопленную баню, которую отапливаютъ въ продолженіе 3-хъ дней, чтобы бревна хорошо „взопрѣли", размягчились. По истеченіи 3-хъ сутокъ бревна вынимаютъ изъ бани и начинаютъ скоблить ихъ скобелемъ. Въ день кустарь выскабливаетъ 1—2 корыта. Рыночная цѣна на сѣделки колеблется между 30—80 к., смотря по достоинству сѣделокъ, а иногда доходятъ даже до $1^1/_2$ руб.; корыта на мѣстѣ продаютъ по 15—20 коп., а на Ишимской ярмаркѣ по 30 коп.

Выдѣлкой лопатъ занимаются неохотно. Промыселъ этотъ, какъ мы ниже увидимъ, мало выгоденъ. Инструменты для выдѣлки лопатъ несложны и недороги: топоръ,

Digitized by Google

ножъ для вырѣзыванія угловъ и скребелка. Ширина лопатицы 1½ четверти, длина 2½ четв. Для большей прочности лопаты просмаливаются. Изъ пня стараго дерева можно смастерить 20 лопатъ. При готовомъ матеріалѣ одинъ кустарь выдѣлываетъ 2—3 лопаты. Ярмарочная цѣна лопатъ на Никольской ярмаркѣ, (въ Ишимѣ) 20—25 коп. за штуку, а на мѣстѣ по сотнямъ—10 руб. за сотню. Этимъ промысломъ занимаются въ Гатапутовской волости, Ишимскаго округа.

Главною отраслью народнаго промысла въ Тарскомъ округѣ служитъ гонка дегтя. Этимъ занимаются кустари въ Слабачиковской, Викуловской, Каргалинской, Рыбинской, Гаевской, Бутаковской волостяхъ, Тарскаго округа. Кромѣ того, этимъ промысломъ спорадически занимаются и въ Тюкалинскомъ округѣ, въ Пановской волости, гдѣ „сидятъ до 100 бочекъ дегтю" и въ другихъ округахъ. Мнѣ не приходилось сталкиваться съ производителями дегтя, а потому я не могъ собрать болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этомъ промыслѣ, объ экономическомъ положеніи кустарей, занимающихся этимъ промысломъ. На ярмаркахъ я встрѣчалъ исключительно скупщиковъ дегтя. По ихъ разсказамъ, самый процессъ гонки дегтя состоитъ въ слѣдующемъ. Деготь гонятъ изъ старой коры, гнилыхъ пней и валежнику. Для высиживанія дегтя выбираютъ почву съ крѣпкимъ грунтомъ. Въ такомъ грунтѣ, состоящемъ изъ красной глины, выкапываютъ яму глубиною въ 7—8 четв., столько-же и въ діаметрѣ. Стѣнки и дно ямы обмазываютъ для лучшей прочности сѣрой глиной. На днѣ ямы выкапываютъ „подъямокъ" глубиною въ ½ арш., отверстіе котораго прикрывается деревянной крышкой (8 вершк. въ діаметрѣ), а крышка прикрывается землей. Крышка эта имѣетъ по срединѣ дырку въ „4 пальца ширины", черезъ которую и стекаетъ деготь въ подъямокъ. Такую яму наполняютъ цѣлымъ возомъ „корья". Сверху яма покрывается небольшимъ слоемъ хворосту. Сдѣлавъ предварительныя приготовленія, зажигаютъ „корье" сверху. Корье горитъ сутки, и деготь постепенно стекаетъ въ подъямокъ. Съ одного воза корья высиживаютъ 2 ведра дегтю, а при доброкачественномъ корьѣ—2½ ведра. Производство не требуетъ большихъ расходовъ. Въ 4 дня одному можно смастерить такую яму для

Digitized by Google

выкурки дегтя, а корья въ день можно набрать возъ. Въ этихъ же ямахъ гонятъ смолу. Кромѣ „ямъ низовыхъ" существуютъ и „верховыя ямы" для выкурки дегтя. Верховыя ямы состоятъ изъ сруба квадратнаго, имѣющаго 4 арш. кругомъ Стѣны такого сруба обмазываются толстымъ слоемъ глины для предохраненія сруба отъ пожара. При выкуркѣ дегтя и смолы помимо этого никакихъ побочныхъ продуктовъ не получается.

Выдѣлкой веревочныхъ издѣлій занимаются въ Ишимскомъ округѣ, въ Желяковской, Локтинской и Хоринской волостяхъ. Самый процессъ производства состоитъ въ слѣдующемъ. Для витья веревокъ устраивается помѣщеніе подъ сараемъ. Главнымъ орудіемъ при производствѣ служитъ деревянное колесо, вращающееся на 2-хъ деревянныхъ столбикахъ. Рядомъ съ колесомъ ставятся скалки, къ нимъ прикрѣпляется вьющаяся веревка. Однимъ словомъ, устройство мастерской самое простое, обыкновенное и все вмѣстѣ со „снастью" обходится въ 8 рублей. Веревки вьютъ изъ конопли. „Съ пуда конопли, если шибко кострична, выходитъ упала фунта съ 4, а то и 2". Сибирскими кустарями выдѣлывается веревка трехъ сортовъ: толстая воровина, тонкая воровина и возжевка. Семья, состоящая изъ мужика, жены и мальчика-подростка 10—14 лѣтъ, въ состояніи свить въ день $1^1/_2$ пуда веревки. Впрочемъ, для настоящей пряжи необходимо участіе въ работѣ 4 человѣкъ: одному колесо вертѣть, двоимъ нитки вить, а 4-му (женщинѣ) протирать. Четверо, работая на одномъ колесѣ, въ день могутъ сработать толстой воровины съ вершокъ въ діаметрѣ—$3^1/_2$ пуда, а тонкой $1^1/_2$—2 пуд. Колеса вертятъ обыкновенно подростки-мальчики, женщины протираютъ „смычаломъ" веревку, а мужчины вьютъ нитки.

Производствомъ холста, шерстяныхъ рукавицъ, возжей, опоясокъ, поясовъ, половиковъ, дорожекъ и крестьянскаго сукна занимаются крестьянки между дѣломъ. Всѣ эти крестьянскія издѣлія поступаютъ большею частью на удовлетвореніе семейныхъ потребностей. Продажей ихъ занимаются крестьянки только въ исключительныхъ случаяхъ, въ крайней нуждѣ. На Ишимской ярмаркѣ намъ приходилось встрѣ-

Digitized by Google

чать у многихъ крестьянъ въ телѣгѣ, либо на дровняхъ, рядомъ съ мѣшками, наполненными мукой и ячменемъ 1 — 2 штуки холста крестьянскаго, 5—10 опоясокъ, 1—3 пары возжей, 3 - 5 паръ рукавицъ. Въ нѣкоторыхъ деревняхъ Ишимскаго округа (дер. Свистуха, Смирнова и др.) занимаются, предпочтительнѣе передъ другими бабьими промыслами, плетеніемъ возжей и опоясокъ изъ разноцвѣтной шерсти, которая красится не самими кустарями, а особыми бабами-красильщицами. Дорожки либо плетутся, либо ткутся изъ всевозможныхъ обрѣзковъ и кусковъ, которые сшиваются длинными узкими лентами. Плетеныя дорожки и притомъ еще безъ рисунка дешевле вытканныхъ и съ рисункомъ. Дорожки плетутся и полосами: одна полоса бѣлая, другая синяя, третья красная и т. д. Цѣны на эти женскія издѣлія въ 1885 г. стояли слѣдующія: аршинъ плетеной дорожки отъ 10 до 15—20 коп., вытканной вдвое дороже; плетеныя шерстяныя рукавицы, покрытыя сверху бѣлымъ холстомъ (толстымъ), 20 коп. за пару, опояски мужскія 25—50 и даже 90 коп., смотря по длинѣ и ширинѣ каждой; возжи крашеныя 30 — 60 к. за пару. Холстъ толстый и тонкій отъ 8 — 10 к. *). Низкія цѣны на эти крестьянскія бабьи издѣлія, а съ другой стороны значительная трата времени при ихъ выдѣлкѣ отбиваютъ всякую охоту у средне-обезпеченной крестьянской семьи работать для рынка. Такъ, напр., для выдѣлки рукавицъ необходимо потратить одинъ рабочій день, на опоясокъ — 2 рабочихъ дня, а широкій опоясокъ, ширины въ $1^1/_2$ арш. и длины въ 5 арш., не выткешь и въ 2 дня. Простого холста въ 1 рабочій день „при одномъ дѣлѣ“ можно выткать до 10 арш. Что касается качества этихъ бабьихъ издѣлій, то нельзя не желать лучшаго. Возжи очень изящны и въ то же время прочны. По своей дешевизнѣ и практичности онѣ конкурируютъ съ фабричными привозными. То же самое слѣдуетъ сказать и о крестьянскихъ опояскахъ. Холстъ тонкій, ровный,

---

*) Собственно говоря, существуетъ три сорта холста: первый ткется изъ лучшей части льна—*почесной* отъ 18—20 к.; второй—изгребный отъ 10—15 коп.; третій вытыкается изъ подотрепокъ льняныхъ и продается отъ 8 до 10 к. за аршинъ. Изъ конопли дѣлается холстъ средней доброты. Пестрядь вытѣсняется ситцами всевозможныхъ цвѣтовъ отъ 8 до 15 к. за аршинъ.

Digitized by Google

плотный, не шероховатый, бѣлоснѣжный, на ощупь мягкій, какъ шелкъ. При такихъ его достоинствахъ на него существуетъ большой спросъ. На зимней Ишимской ярмаркѣ скупкой крестьянскаго холста занимается какая-то торговка изъ Тобольска. Она закупаетъ по нѣскольку сотенъ кусковъ холста. Скупкой опоясокъ, рукавицъ и возжей занимаются тобольскіе евреи изъ посельщиковъ. Они пріѣзжаютъ на зимнюю Ишимскую ярмарку съ рыбой, брусникой и мѣхами. Производство льняныхъ нитокъ, вслѣдствіе сильной конкурренціи послѣднихъ съ бумажными, привозными, ведется въ ограниченныхъ размѣрахъ.

Выдѣлкою конопляного масла занимаются преимущественно вдовы, не имѣющія ни земли, ни какого бы то ни было хозяйства, но поставленныя въ необходимость прокармливать личнымъ трудомъ цѣлую семью. Масло бьютъ въ простыхъ ступахъ, какъ напр. въ дер. Завьяловой Ишимскаго округа. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, какъ напр. въ Мезенской того же округа, заведены кустарями толчеи, что указываетъ на расширеніе области производства, на улучшеніе его процесса. Въ рабочій день вдвоемъ можно выбить пудъ сѣмени; изъ пуда хорошаго сѣмени получаютъ $3^1/_2$ безмѣна масла, а изъ плохого 2 безмѣна. Заработокъ производительницы конопляного масла находится въ зависимости отъ тѣхъ или другихъ цѣнъ на сѣмя. Въ 1885 г. сѣмя покупалось по 1 р. 20 к. за пудъ, а масло продавалось въ томъ же году на Ишимской ярмаркѣ по 60 коп. за безмѣнъ. Эта чисто-кустарная форма производства начинаетъ принимать характеръ заводской промышленности. Въ дер. Игнатьевой, у кулака N, рядомъ съ веревочнымъ заводомъ, существуетъ маслобойня; въ деревнѣ Мезенской тоже устроена богатымъ мужикомъ маслобойня *).

Выдѣлкой саней, ситъ и ковровъ занимаются исключительно въ Тюменскомъ округѣ. Намъ не приходилось встрѣчать на Ишимскихъ ярмаркахъ кустарей вышеприведенныхъ промысловъ. На ярмаркахъ главнымъ образомъ фигурируютъ скупщики, такъ какъ кустарямъ въ виду дальности разстоя-

*) По Гагемейстеру въ 1846 г. во всей Тобол. губ. было 17 маслобоенъ, которыя выдѣлывали масла на 10,000 руб.

ній нѣтъ возможности являться самолично на ярмарки. Поэтому свѣдѣнія, собранныя нами объ этихъ промыслахъ, крайне неполны; такъ, напр., о Тюменскихъ коврикахъ можно сказать, что они очень красивы, хотя не претендуютъ на изящество, отличаются однообразіемъ рисунка, прочностью и недороговизною (отъ 3 до 10 руб. и дороже). Тюменскія сани отличаются своею изящностью и легкостью. Цѣны отъ 15 до 100 руб. Тюменскія кошовки до 25 руб., а плетенки съ ходомъ до 40 руб. Тюменскія сита очень прочны. Выдѣлкой ихъ занимаются главнымъ образомъ въ селѣ Червывомъ. Въ селѣ считается до 100 дворовъ. Въ каждомъ домѣ работаютъ, мало кто изъ крестьянъ занимаются хлѣбопашествомъ; вся деревня плететъ *). Въ работѣ принимаютъ участіе всѣ наличныя способныя къ работѣ силы семьи; плетутъ старики, дѣти, бабы и мужики. Работаютъ по заказу и на себя. Кустари продаютъ свои произведенія на мѣстѣ скупщикамъ. „Другой 2 сѣтки выткетъ, ну и продастъ по нуждѣ". Мужчина съ женщиной могутъ въ рабочій день выткать до 8 рѣдкихъ или 5 частыхъ ситъ, а подростки съ 12 лѣтъ — 2 рѣдкихъ сита. Волосяныя сита скупаютъ у кустарей отъ 20—50 коп. за каждое, а продавали на ярмаркѣ по 25—55 коп.; сита съ металлической сѣткой скупаются по 50 к. и 1 руб. Скупкой ситъ у червышевскихъ кустарей занимаются до 10 человѣкъ. Всѣ эти скупщики, занявшись этимъ дѣломъ, побросали хлѣбопашество. Живутъ они неподалеку отъ с. Червываго, въ дер. Зырянской, и оттуда дѣлаютъ свои набѣги на село Червывое. Самый крупный изъ этихъ скупщиковъ Дмитрій Яковлевъ, который до 10000 ситъ заказываетъ ежегодно червышевскимъ кустарямъ. Скупщики развозятъ кустарныя произведенія по ярмаркамъ: Никольской (зимою въ Ишимѣ), Абатской (послѣ крещенія въ с. Абатскомъ), и др. На Никольской ярмаркѣ каждый изъ скупщиковъ сбываетъ отъ 500 до 2000 ситъ, смотря по году. Всѣ три скупщика заключили между собою условіе—не повышать цѣнъ на скупленныя кустарныя произведенія. Поэтому эксплоатація цѣлаго селенія въ 500 рев. душъ ведется скупщиками дружно,

*) Въ селѣ до 300 дворовъ и до 500 рев. душъ.

Digitized by Google

согласно, безо всякихъ пререканій. Каждый изъ скупщиковъ имѣетъ кромѣ того у себя извѣстное число закабаленныхъ кустарей, коихъ и эксплоатируетъ изъ года въ годъ, изо дня въ день. Ни полушки лишней не передаютъ при скупкѣ кустарныхъ произведеній противъ условленнаго, ни на копейку не поднимаютъ цѣнъ противъ разъ установленной нормы. Не вырваться кустарямъ изъ опутавшихъ ихъ кулацкихъ сѣтей!

II.

Упомянувъ о видахъ кустарной промышленности, существующей въ отдѣльныхъ округахъ Тобольской губ., мы невольно наталкивается на вопросъ о времени возникновенія здѣсь той или другой отрасли кустарнаго производства. При нашемъ обращеніи къ кустарямъ съ вопросами о времени возникновенія того или другаго производства, мы получили не вполнѣ опредѣленные отвѣты, въ родѣ: „такъ изстари ведется, еще прадѣды были знакомы съ эвтимъ рукомесломъ" (выдѣлка мочала, лыка, рогожъ, попонъ, сѣделокъ, корытъ, дегтя, холста и пр.); либо: „занесли посельщики, да самоходы, отъ нихъ научились и старожилы" (веревочное, пимокатное, санное, колесное, телѣжное производство и пр.). Гдѣ же искать начало этого неопредѣленнаго „изстари"?

Возникновеніе кустарныхъ промысловъ въ несложной, примитивной формѣ относится, всего вѣроятнѣе, къ эпохѣ первоначальнаго заселенія края. Они возникли вмѣстѣ съ появленіемъ перваго колониста въ краѣ, вмѣстѣ съ основаніемъ перваго сибирскаго поселка, вмѣстѣ съ первымъ ударомъ топора въ глухой непроходимой тайгѣ. Но въ эту отдаленную эпоху кустарная промышленность носила чисто обиходный характеръ. Она была ограничена узкой сферой удовлетворенія личныхъ потребностей производителя, который, будучи отдѣленъ отъ всего остальнаго міра необъятнымъ пространствомъ, состоящимъ изъ болотъ, непроходимыхъ горъ и первобытныхъ лѣсовъ, былъ поставленъ въ необходимость при посредствѣ личнаго труда и практической сноровки отыскивать средства къ огражденію своей личности отъ вліянія внѣшней стихіи и отъ вреда хищныхъ звѣрей, изобрѣтать снаряды для раздобыванія средствъ прокормленія и дру-

Digitized by Google

гіе необходимые для хозяйства и домашняго обихода предметы и орудія. При этомъ каждый полагался на свои личныя способности, на свой собственный трудъ въ борьбѣ за существованіе. Каждый работалъ исключительно самъ за себя и на себя и свою семью. Не было наемнаго кабальнаго труда со всѣми его невыгодными сторонами. Производитель всецѣло пользовался результатами своего труда, не выдѣляя ихъ изъ сферы своего хозяйства, не пуская ихъ въ мѣновой оборотъ. При такихъ условіяхъ каждый производитель является въ одно и то же самое время и потребителемъ выдѣланныхъ продуктовъ. Вся сумма его жизненныхъ отправленій, вся его дѣятельность направлена на исключительное удовлетвореніе своихъ семейныхъ потребностей. И въ этой работѣ каждаго на самаго себя и для себя, въ этомъ удовлетвореніи всѣхъ нуждъ и потребностей первобытнаго колониста при посредствѣ его собственныхъ силъ и кооперативномъ сотрудничествѣ всѣхъ наличныхъ членовъ семьи, въ этомъ чисто производительномъ раціональномъ направленіи всѣхъ физическихъ и интеллектуальныхъ силъ первобытной семьи, въ этомъ сосредоточиваніи въ одномъ трудящемся лицѣ производителя и потребителя продуктовъ былъ залогъ несомнѣннаго прогресса народной жизни, прогресса въ народномъ хозяйствѣ, прогресса хотя и односторонняго, но тѣмъ не менѣе вполнѣ гарантирующаго личность колониста отъ голоднаго измору, отъ матеріальной зависимости со стороны работодателя и другихъ приспѣшниковъ позднѣйшей цивилизаціи. Излюбленный принципъ соціально-экономической цѣлостности (totalität), проводимый въ общественной жизни, находитъ для себя полное выраженіе въ тогдашней формѣ общежитія.

Но съ теченіемъ времени, съ приходомъ новаго пришлаго элемента, съ истребленіемъ лѣсовъ, обмеленіемъ рѣкъ, повлекшими за собою паденіе нѣкоторыхъ промысловъ, какъ-то: звѣринаго, птичьяго, рыбнаго, съ переходомъ къ новой отрасли хозяйства, съ увеличеніемъ количества непроизводительнаго элемента, тормозящаго и безъ того пошатнувшееся народное хозяйство, съ увеличеніемъ государственныхъ податей, съ разростаніемъ натуральныхъ повинностей

Digitized by Google

и др. деревенскихъ платежей, однимъ словомъ, съ общимъ усложненіемъ экономическихъ условій страны, и пресловутый принципъ соціально-экономической обезпеченности уже не можетъ быть примѣняемъ къ существующему въ переходное время statu quo. Народные промыслы окончательно падаютъ. Земледѣліе уже не въ состояніи удовлетворить всѣхъ потребностей колониста. Послѣдній начинаетъ тогда искать выхода изъ затруднительнаго положенія. Отдавая раньше все свое время земледѣлію и занимаясь лишь на досугѣ кустарнымъ производствомъ, онъ начинаетъ, наоборотъ, удѣлять послѣднему больше времени. Усилившіяся сношенія между поселеніями, взаимный обмѣнъ крестьянскихъ произведеній еще въ болѣе сильной степени способствуютъ такому направленію народнаго хозяйства. Съ улучшеніемъ путей сообщенія, съ увеличеніемъ числа ярмарокъ и торговъ, съ паденіемъ сельскаго хозяйства, кустарная промышленность выдѣляется окончательно изъ сферы этого хозяйства, занимаетъ господствующее мѣсто въ народномъ хозяйствѣ и начинаетъ производить мѣновыя стоимости. Послѣднія обмѣниваются на деньги, либо на мѣновыя стоимости другихъ произведеній. Такого рода обмѣнъ однихъ произведеній на другія, обмѣнъ натурой, практикуется и по сіе время въ Тобольской губ., хотя, конечно, въ болѣе ограниченныхъ размѣрахъ, чѣмъ прежде.

Полное выдѣленіе кустарнаго производства изъ области сельскаго хозяйства составляетъ не общее явленіе существующаго народнаго хозяйства во всей Тобольской губ., а встрѣчается исключительно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, за отсутствіемъ всякихъ другихъ промысловъ, господствующее занятіе населенія—земледѣліе разстроено и пришло въ упадокъ *), какъ напр. въ нѣкоторыхъ волостяхъ Ишимскаго, Ялуторовскаго, въ особенности Тарскаго, Тюменскаго и отчасти Тюкалинскаго округовъ. Въ общемъ же, нужно замѣтить, кустарное производство сохранило тѣсную связь съ сельскимъ хозяйствомъ, нарушая, разрывая эту связь въ моменты неблагопріятно сложившихся сельско-хозяйственныхъ годинъ и эконо-

*) Въ особенности вслѣдствіе послѣднихъ неурожаевъ, продолжавшихся болѣе 3 лѣтъ на югѣ Тоб. губ.

Digitized by Google

мическихъ кризисовъ; въ переходное же время отъ неблагопріятныхъ годинъ къ болѣе благопріятнымъ эта, такъ сказать, сельскохозяйственная форма кустарнаго производства дѣлается менѣе всего устойчивой. Она уже не въ состояніи оправдать возлагавшихся на нее надеждъ, какъ на подспорье къ сельскому хозяйству, какъ на средство для покрытія части крестьянскаго бюджета. Значеніе ея дискредитируется. Ея продукты сильно переполняютъ рынокъ и вызываютъ пониженіе цѣнъ на кустарныя издѣлія, то, не оправдывая спроса на послѣднія, увеличиваютъ ихъ стоимость, въ которой мало заинтересованъ кустарь-производитель. Такимъ образомъ титаническая сила власти земли, которая прикрѣпляетъ крестьянина къ его благодарной пашнѣ и не даетъ ему разбрасываться по сторонамъ, служитъ неизбѣжнымъ регуляторомъ между спросомъ и предложеніемъ на кустарныя произведенія. Когда эта власть земли ослабляется, то прогрессивно увеличивается предложеніе кустарныхъ произведеній, и наоборотъ. Говоря иначе, въ хорошій урожайный годъ кустарь-земледѣлецъ между дѣломъ, на досугѣ занимается кустарнымъ производствомъ, и его издѣлія являются въ незначительномъ количествѣ на рынкѣ; напротивъ, въ голодный годъ нужда заставляетъ крестьянина сосредоточить всѣ свои силы на кустарномъ производствѣ, и его издѣлія наводняютъ рынокъ. И такъ какъ такіе рѣзкіе переходы отъ года неурожайнаго къ урожайному, отъ нужды къ довольству и обратно, стали чередоваться въ послѣднее время все чаще и чаще, то занятіе кустарнымъ производствомъ сдѣлалось для многихъ деревенскихъ исключительнымъ средствомъ къ существованію. Съ выдѣленіемъ кустарей въ отдѣльный производительный классъ, благосостояніе ихъ падаетъ вслѣдствіе постоянной зависимости производителей отъ всевозможныхъ кулаковъ и міроѣдовъ. На этой кабальной зависимости строится полукапиталистическое, а затѣмъ разцвѣтаетъ понемногу и полное капиталистическое производство [1]).

Сообразно этимъ тремъ отраслямъ кустарной промышлен-

[1]) Въ „Сибири“ за 1887 г. №№ 17, 21 и др. нами была помѣщена часть сырого матеріала въ видѣ описанія экономическаго положенія отдѣльныхъ кустарей.

Digitized by Google

ности, всѣхъ изученныхъ нами кустарей можно подвести подъ слѣдующія три категоріи:

Кустари-богатыри, временные и профессіоналисты. Кустарямъ этой категоріи въ случаѣ неимѣнія собственнаго сырья и дороговизны самого производства (веревочное, пимокатное) необходимъ оборотный капиталъ для закупки матеріала. Главное занятіе этихъ кустарей—земледѣліе, которое доставляетъ имъ предметы потребленія для удовлетворенія собственныхъ нуждъ и для покрытія путемъ продажи расходовъ семьи. Кустарнымъ производствомъ они занимаются на досугѣ, ради приращенія доходовъ семьи. Производство покоится на чисто-семейныхъ началахъ, при строгомъ раздѣленіи труда между способными къ работѣ членами семьи. При благопріятныхъ условіяхъ, какъ то: хорошемъ урожаѣ, высокихъ цѣнахъ на кустарныя издѣлія, дешевомъ кредитѣ, однимъ словомъ, при успѣшномъ сбереженіи и увеличеніи оборотнаго капитала, изъ этихъ кустарей со временемъ вырабатываются хозяева-ремесленники, представители полукапиталистическаго предпріятія.

Кустари *второй категоріи* приступаютъ къ производству либо безо всякаго оборотнаго капитала, если у нихъ есть подъ руками собственное сырье, либо обладаютъ небольшимъ капиталомъ въ нѣсколько рублей. Эти кустари принимаются за производство подъ вліяніемъ нужды, голодовки. Въ случаѣ достаточнаго количества собственнаго сырья, они подъ давленіемъ неумолимой нужды всецѣло предаются производству, хотя бы временно, и не набрасываются на другія занятія, не выискиваютъ другихъ выходовъ для обезпечиванія своихъ семей. Если же у нихъ нѣтъ собственнаго сырья, или же есть въ такомъ незначительномъ количествѣ, что выгоды отъ производства, къ тому же еще обремененнаго всевозможными пошлинами и промысловыми налогами, получаются отрицательныя, кустари пускаются на всевозможные „промысла", не брезгаютъ никакими средствами для выхода изъ затруднительнаго положенія. Они начинаютъ дѣйствовать обманомъ и надувательствомъ: запродавъ свои издѣлія двумъ, тремъ лицамъ и получивъ задатокъ съ каждаго покупателя отдѣльно, они скупаютъ задешево у своихъ односельчанъ ихъ кустарныя

Digitized by Google

произведенія, и въ то же самое время пользуются, въ случаѣ недохватки собственныхъ денегъ, кредитомъ у этихъ кустарей-одиночекъ; они набрасываются и на другія торговыя предпріятія, скупая соль, ленъ, кедровые орѣхи и продавая ихъ на ярмаркахъ. Это самый предпріимчивый типъ кустарей-земледѣльцевъ. Но проходитъ критическій моментъ въ жизни этихъ кустарей, наступаетъ урожайный годъ, и кустарь отрѣшается отъ своей эксплоататорской дѣятельности и переходитъ изъ разряда кустарей-спекуляторовъ и торговцевъ-аферистовъ въ разрядъ земледѣльцевъ-пахарей. Съ удвоенною энергіей онъ принимается ковырять свои пашни, видя въ этомъ тяжеломъ, неусыпномъ ковыряніи свое спасеніе, обезпеченность своего существованія, нравственное удовлетвореніе. И часто коварная стихійная природа какъ бы вчужѣ проникается сочувствіемъ къ этимъ труженикамъ, ниспосылаетъ благодать на ихъ орошаемыя слезами и трудовымъ потомъ пашни. Но случается и обратное: всѣ стихійныя силы природы тупо отмалчиваются на всѣ обращенные къ нимъ трудовые запросы замотавшихся кустарей-крестьянъ, разсѣивая, смывая и подвергая стужѣ въ самое неурочное время обработанныя и засѣянныя крестьянскія пашни. Въ такомъ разѣ никто не можетъ поручиться, что этотъ оголтѣлый отъ неудачи кустарь снова не примется за спекуляцію и, постепенно и незамѣтно погружаясь въ сферу спекулятивныхъ предпріятій, культивируясь въ развращенной средѣ безцеремоннаго торгашества и барышничества, свыкнувшись со всей окружающей его мерзостью, не превратится въ сформировавшагося вполнѣ скупщика-кулака.

Если у этой категоріи временныхъ кустарей нѣтъ своего собственнаго сырья для выдѣлки издѣлій, то они покупаютъ сырье въ долгъ съ обязательствомъ уплатить послѣдній немедленно послѣ продажи издѣлій кредитуемаго на ярмаркѣ. Въ случаѣ неуплаты долга къ извѣстному сроку, у кредитуемыхъ отбирается скотъ, что отражается самымъ гибельнымъ образомъ на крестьянскомъ хозяйствѣ. За неимѣніемъ рабочаго скота, кустари этой категоріи не только лишены возможности заниматься хлѣбопашествомъ, но даже не въ состояніи вывозить свои кустарныя издѣлія на ярмарки, не

Digitized by Google

въ состоянiи вести производство на болѣе или менѣе независимыхъ началахъ, и попадаются въ прямую зависимость и кабалу къ скупщикамъ и кулакамъ.

Изъ такихъ кустарей вербуются представители *третьей категорiи*. Къ этой категорiи кустарей принадлежатъ и тѣ изъ крестьянъ, которые забрасываютъ земледѣлiе изъ-за его невыгодности, необезпеченности. Такiе кустари-крестьяне занимаются исключительно производствомъ кустарныхъ издѣлiй. Имѣя подъ рукою сырье, но не обладая часто оборотнымъ капиталомъ для прiобрѣтенiя предметовъ потребленiя, они не въ состоянiи вести производство самостоятельно, и находятся въ зависимости у скупщиковъ, кредитующихъ ихъ денежными ссудами подъ кустарныя издѣлiя. Если стоимость издѣлiй вполнѣ покрываетъ размѣръ выданной впередъ, заблаговременно, ссуды, то временныя обязательства кустаря по отношенiю къ скупщику съ уплатой долга прекращаются. Хотя такiя благопрiятныя условiя кустарнаго производства явленiе рѣдкое (обыкновенно кустари этой категорiи бываютъ въ неоплатномъ долгу у скупщиковъ), но тѣмъ не менѣе, при возможности ихъ осуществленiя, положенiе кустаря-профессiоналиста не столь безнадежно. Кустарь не лишенъ права смѣны и выбора скупщика при уплатѣ стараго долга. Уже одно обладанiе этимъ правомъ, одна возможность выбора скупщиковъ сообразно хозяйственнымъ и промышленнымъ интересамъ въ состоянiи гарантировать кустарей отъ полнаго ихъ закабаленiя скупщиками. Но съ потерею этого права, съ истощенiемъ собственнаго сырья для производства, съ развертывающеюся со дня на день все болѣе незатѣйливой перспективой затруднительнаго прiобрѣтенiя предметовъ потребленiя и орудiй производства, положенiе кустаря-профессiоналиста становится самымъ безвыходнымъ. Онъ несетъ кулаку свое послѣднее достоянiе трудъ, и поступаетъ къ нему въ полную кабалу.

Незавидно положенiе такихъ кустарей, которые изо дня въ день, изъ года въ годъ, въ непосильной работѣ влачатъ свое жалкое существованiе, не предвидя исхода своему горю-злосчастiю, своему постепенному физическому и нравственному искалѣченiю, своимъ душевнымъ мукамъ. Нѣтъ никакой воз-

Digitized by Google

можности этимъ мученикамъ неблагодарнаго, отупляющаго труда выбраться на проторенную дорожку, выбиться изъ угнетающихъ условій жизни. Гдѣ, въ какихъ дебряхъ человѣческой мудрости искать имъ спасенія отъ этихъ безпощадныхъ, угнетающихъ условій?

Мы не беремся за рѣшеніе этого вопроса, потому что не ставимъ себѣ цѣлью въ настоящей статьѣ предлагать какія бы то ни было мѣры къ улучшенію кустарной промышленности въ Сибири, а желаемъ лишь дать краткій очеркъ ея современнаго состоянія, при томъ въ одной только губерніи. Поэтому, не вдаваясь въ теоретическія мечтанія, мы перейдемъ опять къ фактамъ и постараемся опредѣлить общую производительность труда кустарей по отдѣльнымъ промысламъ вмѣстѣ съ орудіями производства и безъ оныхъ.

Н. Д—и.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Digitized by Google

ОБЫЧНЫЕ СУДЫ

въ хуторахъ Донской Области.

Изученіе мѣстнаго народнаго суда, затрогивающаго, по выраженію Заруднаго, всѣ струны народной жизни, имѣетъ весьма важное значеніе въ изученіи народнаго быта. Мѣстный судъ для простого народа въ его обыденной жизни является тѣмъ мѣстомъ, гдѣ онъ отыскиваетъ правосудіе, защищаетъ и возстановляетъ свои права. „Этотъ судъ," выражаясь словами Бентама, „стоитъ у дверей каждаго гражданина-простолюдина и оберегаетъ всѣ его права и интересы, кажущіеся иногда ничтожными, но на самомъ дѣлѣ имѣющими для простого бѣднаго человѣка весьма важное и рѣшающее значеніе." Мѣстный судъ, являясь ближайшимъ органомъ оберегающимъ жизнь и безопасность простого народа, служитъ для него универсальною школою. Здѣсь простой народъ получаетъ свое нравственное, умственное и политическое воспитаніе; здѣсь онъ усваиваетъ принципы общественной жизни; здѣсь онъ убиваетъ эгоистическія стремленія и пріучается уважать общественные интересы; здѣсь онъ пріобрѣтаетъ понятіе о правѣ и справедливости; здѣсь онъ получаетъ знанія, соотвѣтствующія его бытовой обстановкѣ.

Мѣстный судъ руководствуется исключительно обычнымъ правомъ, еще никѣмъ не написаннымъ и извѣстнымъ во всей своей цѣлости только простому народу. Простой народъ въ своей обыденной жизни согласуется болѣе съ обычными правилами, записанными въ его памяти, нежели съ писаннымъ закономъ, который ему мало извѣстенъ. Обычное право, какъ выработанное самою жизнью народа и являющееся вѣрнымъ

Digitized by Google

ея выраженіемъ, въ мѣстномъ судѣ получаетъ свою защиту и является здѣсь въ выпуклой формѣ, весьма удобной для изученія. Мало того, обычное право, зарождаясь въ самой жизни, здѣсь, въ мѣстномъ судѣ, вырабатывается и развивается; здѣсь оно кодифицируется въ памяти народа и здѣсь санкціонируется.

Такова важна роль, принадлежащая мѣстнымъ обычнымъ судамъ въ народно-бытовой жизни. Не зная ихъ, нельзя вполнѣ изучить и понять народной жизни. Не смотря на это, изслѣдователи русскаго народнаго быта сравнительно мало удѣлили времени для этихъ судовъ. Въ настоящемъ очеркѣ мы изложимъ организацію обычныхъ судовъ, дѣйствующихъ въ хуторахъ Донской Области *).

Всѣ нынѣ существующіе обычные народные суды можно раздѣлить на двѣ категоріи: одни изъ нихъ предусмотрѣны дѣйствующимъ законодательствомъ, другіе не предусмотрѣны и дѣйствуютъ исключительно въ силу обычая. Суды, которые составятъ предметъ настоящаго изложенія, относятся къ послѣдней категоріи.

Своеобразный бытовой строй донскихъ казацкихъ общинъ заставляетъ предполагать и своеобразныя особенности въ мѣстныхъ народныхъ судахъ; поэтому мы, прежде чѣмъ приступить къ описанію этихъ народныхъ судовъ, напомнимъ здѣсь важнѣйшіе факторы, положившіе печать своеобразія на донскія общины, которыя, не смотря на то, что со второй четверти настоящаго столѣтія начали постепенно сливаться съ общимъ русскимъ населеніемъ, утрачивая свои самобытныя черты, и теперь представляютъ много своеобразныхъ и интересныхъ въ научномъ отношеніи особенностей.

Самый процессъ образованія казачества и тѣ условія и обстоятельства, при которыхъ этотъ процессъ совершался, безспорно отразились на внутренней и внѣшней жизни казаковъ. Первые колонизаторы края, энергичные и рѣшительные выходцы, неся съ собою зачатки гражданской жизни, вошли въ обѣтованную имъ землю съ войной, осѣлись въ ней воюя

*) Этотъ очеркъ относится главнымъ образомъ до хуторовъ Хоперскаго округа Д. О., причемъ имѣются въ виду хутора менѣе населенные и болѣе удаленные отъ станицъ съ преобладающимъ земледѣльческимъ характеромъ.

Digitized by Google

и далѣе продолжали жить среди военныхъ походовъ почти до послѣдняго времени. Это обстоятельство — военный образъ жизни, — конечно, имѣло громадное вліяніе на складъ общественной жизни казаковъ. Значеніе этого обстоятельства увеличивалось еще болѣе тѣмъ, что государство долгое время не вмѣшивалось во внутренній распорядокъ казаковъ. Отвоевавъ себѣ уголокъ, новые казаки стали въ какое-то неопредѣленное положеніе къ государству. Они образовали изъ себя какъ бы самостоятельное независимое государство. Такъ смотрѣло на нихъ само Московское государство. Оно не становилось съ ними долгое время ни въ юродическія, ни въ финансовыя отношенія; землю ихъ называло не Русскою, а Землею Войска Донскаго; оно искало ихъ дружбы, такъ какъ нуждалось въ нихъ, какъ пограничныхъ стражахъ, каковою услугою пользовалось не даромъ, а платило имъ за это извѣстное жалованье деньгами, оружіемъ, порохомъ и проч. Казаки же съ своей стороны относились не чуждо къ своему прежнему отечеству; они тянули и теперь къ нему душой и тѣломъ, позволяя себѣ впрочемъ иногда нападать на русскія купеческія суда. Такое отношеніе къ Московскому государству, такое невмѣшательство послѣдняго во внутреннюю жизнь дало возможность казакамъ выработатъ вполнѣ самобытный типъ общественной жизни. Кромѣ того. удаленность казачьей территоріи отъ политическихъ и промышленныхъ центровъ благопріятствовала естественному развитію общественной жизни. Ни политическія, ни экономическія событія внутренней Россіи не производили на нихъ тѣхъ вліяній, какія они производили въ нѣдрахъ Московскаго царства. Наконецъ, отсутствіе у казаковъ крѣпостного права должно было отозваться сильно на ихъ жизни. У нихъ съ самаго начала образованія казачества и до послѣдняго времени не было ни въ какой формѣ крѣпостничества; а разъ его не было, то нельзя искать здѣсь и тѣхъ послѣдствій крѣпостничества, какія мы находимъ въ другихъ мѣстахъ Россіи.

Достаточно и этихъ перечисленныхъ нами факторовъ, чтобы понять, что у казаковъ долженъ былъ явиться своеобразный общественный строй, а слѣдовательно и свое особенное судоустройство и судопроизводство, къ описанію которыхъ

Digitized by Google

мы и перейдемъ, бросивъ предварительно бѣглый взглядъ на историческое развитіе казачьяго суда.

Исторію казачьяго суда можно раздѣлить на три крупныхъ періода: первый—отъ начала образованія до 1835 года, т. е. до введенія Положенія объ управленіи Войска Донскаго; второй—отъ 1835 г. до 1870 года, т. е. до введенія Положенія объ управленіи въ казачьихъ войскахъ, и, наконецъ, третій—отъ 1870 г. до настоящаго времени.

Первый періодъ представляетъ много интереса въ научномъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, о немъ нѣтъ надлежащихъ свѣдѣній, а если они и есть, то очень мало, и данныя эти не только кратки, но къ тому же иногда сомнительны. Въ этотъ періодъ судъ былъ такимъ, какимъ выработала его сама жизнь; никакихъ внѣшнихъ вліяній онъ на себѣ не испыталъ, такъ какъ до 1835 г. правительство относительно организаціи донскихъ судовъ почти ничего не сдѣлало, и правосудіе на Дону отправлялось безъ всякаго писаннаго закона. Въ этотъ періодъ казацкая жизнь еще не выработала спеціальнаго органа правосудія; спеціальныхъ судей, насколько можно судить по разсказамъ стариковъ, въ это время еще не существовало, а правосудіе отправлялъ тотъ органъ, который сосредоточивалъ въ своихъ рукахъ всѣ вообще дѣла текущей жизни. Такимъ органомъ для всего Донского войска былъ Большой Войсковой кругъ, а для отдѣльныхъ станицъ Малый Станичный кругъ, или сходъ. Станичные сходы, состоявшіе изъ гражданъ одной станицы, вѣдали всѣ административныя и судебныя дѣла, за исключеніемъ дѣлъ особенной важности и дѣлъ о юртовыхъ границахъ, которыя разсматривались въ войсковыхъ кругахъ. Войсковой кругъ состоялъ изъ представителей всего Донского войска и собирался въ городкѣ Черкасскѣ.

Станичныхъ сходовъ было два вида: обыкновенныя собранія стариковъ, почти ежедневно собиравшихся на „майданѣ" у станичной избы, и экстренные сходы, собираемые станичнымъ атаманомъ черезъ „есаульца" и отличавшіеся отъ первыхъ только своимъ многолюдствомъ.

Какимъ образомъ станичные сходы успѣвали разбирать всѣ судебныя и административныя дѣла, почему не было по-

Digitized by Google

требности въ спеціальныхъ судьяхъ и почему даже представитель общественнаго самоуправленія — атаманъ не вѣдалъ судебныхъ дѣлъ, это, конечно, прежде всего объясняется простотою общественной жизни, которая давала мало дѣлъ, и тѣмъ, что станичный сходъ въ старое время не было нужды собирать и дожидаться его сбора, такъ какъ онъ собирался едвали-ли не каждый день. Въ старину у казаковъ было обыкновеніе въ свободное время, а его было тогда много, собираться на „майданѣ“ — мѣсто общественныхъ собраній при станичномъ правленіи. Это было любимѣйшее препровожденіе времени казаковъ. Здѣсь они ежедневно собирались и за плетеніемъ сѣтей или другою какою-либо работою вели бесѣды о былыхъ и предстоящихъ походахъ, о текущихъ дѣлахъ, о событіяхъ дня; здѣсь же творили судъ и расправу, такъ что всякій обиженный, ищущій правосудія, шелъ въ станичный домъ и здѣсь находилъ собраніе стариковъ, къ которымъ обращался съ своею жалобой, и получалъ удовлетвореніе.

Въ этихъ ежедневныхъ собраніяхъ участвовали молодые и старые казаки, женщины же никогда не допускались на нихъ. Активное участіе въ рѣшеніи судебныхъ дѣлъ и обсужденіи различныхъ вопросовъ принимали только старики; они только могли трактовать о дѣлахъ, молодые же должны были стоять сзади и слушать, о чемъ говорятъ старики, отнюдь не позволяя себѣ ни говорить, ни дѣлать своихъ замѣчаній.

Большая часть дѣлъ, возникавшихъ между одностаничниками, разбиралась этими ежедневными сходами или собраніями; лишь дѣла болѣе или менѣе важныя и дѣла, рѣшеніемъ которыхъ оставались не довольны стороны, разбирались полнымъ общественнымъ сходомъ. Если же стороны оставались недовольны рѣшеніемъ полныхъ сходовъ, то они обращались за разрѣшеніемъ спорнаго дѣла въ Большой Войсковой кругъ. Иногда за нѣсколько сотъ верстъ тяжущіеся отправлялись вмѣстѣ въ Черкасскъ и нерѣдко, пройдя половину пути, одумывались, мирились и возвращались домой, гдѣ ихъ торжественно встрѣчали и поздравляли съ миромъ.

Каковъ былъ порядокъ на станичныхъ сходахъ при разсмотрѣніи дѣлъ, какія тогда существовали правила,—теперь

Digitized by Google

трудно возстановить; но это отчасти можетъ быть восполнено описаніемъ современныхъ хуторскихъ судовъ. Поэтому, въ виду предстоящаго изложенія, мы не будемъ подробно останавливаться на описаніи старинныхъ судовъ.

„Коротокъ и простъ былъ судъ въ старину", говорятъ старики. „Въ куль да въ воду", „разложатъ и высѣкутъ", а то и такъ „поширяютъ, поширяютъ въ глаза, потазаютъ хорошенько, да тѣмъ дѣло и кончатъ". „Скажутъ: отдай—и отдашь; возьми—пойдешь и возьмешь, никто ни слова не скажетъ" и проч. Такими словами характеризуютъ свои старинные суды современные старики казаки. И дѣйствительно, краткость и простота были выдающеюся чертою старинныхъ судовъ. Сегодня возникъ гражданскій споръ между двумя казаками, завтра они встрѣчаются на майданѣ, гдѣ присутствуютъ ихъ свидѣтели и защитники, и поднимаютъ вопросъ о возникшемъ спорномъ отношеніи. Начинается судъ: стороны спорятъ между собою, свидѣтели даютъ свои показанія, старики высказываютъ свои соображенія; во время этого шума разрѣшается спорное отношеніе, выясняется мнѣніе стариковъ, которому стороны добровольно подчиняются, и здѣсь же исполняютъ опредѣленное; не исполнить его нельзя, потому что это значитъ пойти противъ собранія, иногда представляющаго изъ себя цѣлое общество, навлечь на себя его гнѣвъ и подвергнуться послѣдствіямъ раздраженной толпы. Сегодня совершена кража, сегодня же потерпѣвшій заявляетъ объ этомъ на майданѣ, гдѣ находятся и свидѣтели, и если нѣтъ обвиняемаго, посылаютъ за нимъ; его тотчасъ приводятъ; минутный споръ, и передъ собраніемъ кающійся обвиняемый стоитъ на колѣняхъ, или потерпѣвшій наказываетъ его розгами, приговаривая: „не я тебя бью, а бьетъ тебя честная станица", а изъ толпы кричатъ: „прибавь", наконецъ раздаются голоса: „довольно"—и судъ конченъ; дѣло разобрано, обвиняемый обвиненъ и наказанъ.

Точно также разбирались судебныя дѣла и на полныхъ станичныхъ сходахъ, съ тѣмъ развѣ различіемъ, что на послѣднихъ болѣе дѣятельное участіе принималъ атаманъ, который руководилъ всѣмъ сходомъ.

Изъ наказаній, налагаемыхъ за преступленія, было болѣе

Digitized by Google

употребительно наказаніе розгами; весьма часто практиковались позорящія наказанія въ видѣ, напримѣръ, проведенія обвѣшаннаго крадеными вещами вора по улицамъ. Нерѣдко на общественныхъ сходахъ вмѣсто наказаній дѣлалось внушеніе, что казаки называютъ „поширять въ глаза“ или „потазать“.

Смертная казнь употреблялась весьма рѣдко и за особенно важныя преступленія, какъ напримѣръ за измѣну и др. Наказаніе же въ видѣ покупки водки для угощенія стариковъ, нынѣ весьма распространенное, въ старыхъ судахъ, насколько можно судить по разсказамъ стариковъ, не употреблялось. Отъ упомянутыхъ выше наказаній не избавлялся совершившій проступокъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда онъ примирялся съ потерпѣвшимъ лицомъ. Въ современныхъ станичныхъ судахъ примиреніе допускается по всѣмъ дѣламъ; если потерпѣвшій помирится съ воромъ, то по большей части станичные судьи прекращаютъ это дѣло, и часто можно замѣтить, какъ бываютъ недовольны казаки, когда въ мировомъ судѣ имъ объявляютъ, что помириться по дѣлу о кражѣ нельзя. Въ старину же примиренія по этимъ дѣламъ не допускалось; хотя бы воръ и помирился съ потерпѣвшимъ, хотя бы послѣдній и не жаловался сходу, но если сходъ узнаетъ объ этомъ, то обвиняемаго привлекали къ отвѣтственности и наказывали. Полная судебная дѣятельность станичныхъ сходовъ продолжалась до 1835 года, до введенія положенія объ управленіи въ Донскомъ войскѣ.

Положеніе 1835 года произвело большую ломку въ общественномъ управленіи донскихъ казаковъ. Этимъ положеніемъ вводятся на Дону новые спеціальные суды, и кругъ вѣдомства станичнаго схода по всѣмъ вообще дѣламъ суживается. Всѣ важныя дѣла отошли въ вѣдомство коронныхъ судовъ, маловажныя дѣла остались въ вѣдѣніи станичнаго схода и станичнаго правленія. По новому положенію станичному правленію, которое состояло теперь изъ атамана и двухъ судей, предоставляется принимать жалобы, какъ отъ жителей станицы, такъ и постороннихъ, и чинить разборъ по онымъ въ искахъ, проостирающихся не свыше 50 руб. (ст. 132 ч. XII). Кромѣ того станичному правленію предоставляется по доходящимъ къ нему жалобамъ и свѣдѣніямъ производить

Digitized by Google

словесныя изысканія, разсматривать оныя и полагать мнѣніе свое объ исправительныхъ средствахъ: за неповиновеніе дѣтей родителямъ и оскорбленіе ихъ, за сварливость въ семействѣ и съ сосѣдями, за лѣность, пьянство, буйство, распутство, обманъ всякаго рода и кражу ниже 20 руб., потраву чужого хлѣба или сѣна и прочіе подобные поступки, не заключающіе въ себѣ важнаго преступленія (ст. 122 ч. XII). Они, т. е. атаманъ и судьи, принимаемую жалобу и учиненный розыскъ записываютъ въ журналъ и, излагая мнѣніе свое сообразно съ существомъ дѣла, предлагаютъ оное станичному обществу на сборѣ. Станичное же общество, повѣривъ обстоятельства дѣла, или соглашается съ мнѣніемъ атамана и судей, или полагаетъ свое рѣшеніе (ст. 124 и 125 ч. XII). Кромѣ того, станичное общество на полномъ сборѣ судитъ и опредѣляетъ мѣру исправительнаго наказанія за маловажные проступки. Оно по усмотрѣнію своему можетъ наказывать и за бродяжничество по міру такихъ неимущихъ своей станицы, которые получили отъ нея призрѣніе. Станичное общество налагаетъ денежныя взысканія за своевольство и повреждение въ общественныхъ довольствіяхъ (98, 99 и 100 ст. ч. XII). Наказаніе на тѣлѣ опредѣляется станичнымъ сборомъ въ такой мѣрѣ, чтобы не причиняло ни увѣчья, ни поврежденія въ здоровьи виновнаго (127 ст. ч. XII).

Такимъ образомъ положеніе 1835 года создало два вида народныхъ судовъ: судъ станичнаго схода и судъ станичнаго правленія. Въ этихъ судахъ попрежнему примѣнялись всѣ обычаи, выработанные предшествующей жизнью, такъ какъ формъ и обрядовъ судопроизводства Положеніе не предписывало почти никакихъ. Да и само опредѣленіе подсудности дѣлъ, по свидѣтельству источниковъ и разсказамъ стариковъ, на самомъ дѣлѣ первоначально не существовало: станичный сходъ попрежнему принималъ къ своему разбирательству всѣ дѣла, хотя бы они ему и не были подсудны по Положенію.

Но, тѣмъ не менѣе, Положеніе 1835 года имѣло весьма большое вліяніе на устройство казацкихъ судовъ. Съ этого времени судебная власть станичнаго схода постепенно начала ослабѣвать; станичные сходы вслѣдствіе ослабленія интереса казаковъ къ общественнымъ дѣламъ стали собираться рѣже,

Digitized by Google

поэтому и не могли уже отправлять постоянно правосудіе. Въ силу этого станичное правленіе все больше и больше принимало дѣлъ къ своему разбирательству, пріобрѣтая тѣмъ самымъ и большую силу и значеніе. Въ особенности же значеніе станичнаго правленія, какъ судебнаго мѣста, увеличивалось съ тѣхъ поръ, когда въ составъ его вошли депутаты, выбираемые обществомъ. Съ этихъ поръ всѣ маловажныя дѣла разрѣшались атаманомъ съ депутатами, такъ что къ 1860 — 70 гг. станичные сходы рѣшали весьма мало дѣлъ и то лишь тогда, когда они собирались для какихъ-либо иныхъ цѣлей.

Наконецъ, „Положеніе объ общественномъ управленіи въ казачьихъ войскахъ 1870 года" окончательно отняло отъ станичнаго суда судебную власть, передавъ ее въ руки спеціально избираемыхъ судей. Положеніе 1870 года создало новое учрежденіе—„станичный судъ", состоящій изъ 4—12 ежегодно выбираемыхъ обществомъ судей. Теперь право суда принадлежитъ исключительно станичному суду: ни атаманъ, ни станичный сходъ по новому закону не имѣютъ права суда.

Станичному суду подвѣдомственны какъ войсковые обыватели, не пользующіеся особыми правами состоянія, такъ и всѣ вообще временно или постоянно проживающіе на земляхъ станичнаго общества лица податного состоянія, отставные и безсрочно-отпускные нижніе военные чины и ихъ семейства (ст. 33). Станичный судъ рѣшаетъ окончательно всѣ споры и тяжбы собственно между подвѣдомственными ему лицами цѣною до 100 руб. включительно, какъ о недвижимомъ и движимомъ имуществахъ въ предѣлахъ общаго станичнаго надѣла, такъ и по займамъ, покупкамъ, продажамъ и всякаго рода сдѣлкамъ, а равно и дѣла на вознагражденіе за убытки и ущербъ имущества, этимъ лицамъ причиненные, когда цѣна убытка и ущерба не превышаетъ 100 р. (ст. 35). Кромѣ того, станичный судъ разбираетъ и приговариваетъ къ наказанію подвѣдомственныхъ ему лицъ за маловажные проступки, когда они не находятся въ связи съ уголовными преступленіями, кои подлежатъ разсмотрѣнію общихъ судебныхъ мѣстъ (ст. 38). Станичный судъ властенъ приговаривать виновныхъ къ общественнымъ работамъ до 6 дней,

Digitized by Google

или денежному взысканію до 3 рублей, или къ аресту до 7 дней (ст. 38). Станичный судъ рѣшаетъ дѣла на основаніи мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ казачьемъ быту (44 ст.) и т. д. Вообще, устройство станичнаго суда сходно съ устройствомъ крестьянскихъ волостныхъ судовъ, имѣя впрочемъ пріятныя особенности, такъ какъ тѣлесныхъ наказаній въ современныхъ станичныхъ судахъ не существуетъ и они дѣйствующимъ Положеніемъ не предусмотрѣны.

Такимъ образомъ, нынѣ дѣйствующимъ Положеніемъ объ управленіи въ казачьихъ войскахъ предусмотрѣна одна только форма народнаго суда—станичный судъ, въ которомъ должны разбираться въ своихъ тяжбахъ и спорахъ какъ жители станицъ, такъ и жители хуторовъ. Но благодаря исторической привычкѣ разбираться въ своемъ кругу и мѣстнымъ условіямъ, а именно удаленности хуторовъ отъ станицъ, какъ атминистративныхъ и судебныхъ центровъ [1]), въ хуторахъ и теперь продолжаютъ существовать свои обычные суды, въ которые хуторскіе жители обращаются болѣе охотно, нежели въ станичные суды, которые не всегда являются выразителями мѣстныхъ обычаевъ и въ которыхъ нерѣдко могарычъ рѣшаетъ всѣ дѣла [2]). Хуторскіе суды представляютъ много интереса въ научномъ отношеніи, потому что они и въ настоящее время являются такими, какими выработала ихъ сама жизнь; законодательная рука ихъ еще не коснулась; это суды чисто обычные, естественные, если можно о нихъ такъ выразиться.

Въ хуторахъ можно насчитать пять формъ суда: 1) судъ поселковаго атамана, 2) судъ понятыхъ, 3) судъ стариковъ, 4) судъ хуторского схода или сбора и, наконецъ, 5) третейскій судъ. Каждый изъ перечисленныхъ судовъ, кромѣ третейскаго суда, составляетъ особую судебную инстанцію по отношенію къ другимъ. Высшей инстанціей для суда поселковаго атамана служитъ судъ понятыхъ и судъ ста-

---

1) Нѣкоторые хутора отстоятъ отъ своей станицы верстъ на 50 и болѣе.

2) Насколько неудовлетворительны станичные суды, можно судить по тѣмъ частымъ упрашиваніямъ казаковъ мирового принять неподсудное ему дѣло и по тому множеству дѣлъ въ мировыхъ учрежденіяхъ съ умышленно-увеличенными исками до 101, 102, 105 руб.

Digitized by Google

риковъ, а для этихъ послѣднихъ высшая инстанція судъ хуторского схода, который всѣ дѣла рѣшаетъ окончательно, такъ что сторона, недовольная судомъ хуторского атамана, обращается или къ суду понятыхъ, или къ суду стариковъ, смотря по обстоятельствамъ дѣла, а недовольная рѣшеніемъ этихъ послѣднихъ обращается къ суду хуторского схода; жалобъ на рѣшенія этого послѣдняго суда въ настоящее время приносить некуда, такъ какъ оффиціальные суды не признаютъ этихъ рѣшеній, какъ не предусмотрѣнныхъ закономъ, и такъ какъ судъ станичнаго схода, куда прежде приносились жалобы на рѣшеніе хуторскихъ сборовъ, теперь почти прекратилъ свое существованіе, поэтому рѣшеніе хуторского схода приводится въ исполненіе, или дѣло переносится въ оффиціальные суды, гдѣ разсматривается вновь. Всякое дѣло, рѣшенное нисшей инстанціею, можетъ быть перенесено въ высшую. Опредѣленныхъ сроковъ для этого не выработано обычаемъ, или по крайней мѣрѣ ихъ трудно опредѣлить; но если приговоръ нисшей инстанціи былъ приведенъ въ исполненіе, напр., спорная вещь была отобрана, и если съ этого времени недовольная сторона долго не жаловалась, то обыкновенно къ новому разсмотрѣнію высшая инстанція не принимаетъ этого дѣла, говоря просителю: „ты чего раньше думалъ? это ужъ давно было“ и т. п. А каково это давно, трудно опредѣлить; во всякомъ случаѣ, говорятъ казаки, если прошелъ годъ, то ужъ нельзя возбуждать такого дѣла. Въ хуторскихъ судахъ дѣла изъ нисшей инстанціи въ высшую переносятся не только по жалобѣ недовольной стороны, какъ это бываетъ въ оффиціальныхъ судахъ, но весьмо часто случается, что дюло переходитъ на разсмотрѣніе высшаго суда по жалобѣ стороны, каторая довольна рѣшеніемъ. Въ хуторахъ нѣтъ особаго органа, который приводилъ бы рѣшенія суда въ исполненіе; это по большей части предоставляется на добрую волю сторонъ. Поэтому часто случается, въ особенности въ послѣднее время, что присужденная сторона не исполняетъ добровольно рѣшенія, положимъ, суда стариковъ; тогда та сторона, въ пользу которой рѣшено дѣло и которая довольна рѣшеніемъ суда, обращается съ жалобой въ судъ хуторского схода, который не ограничивается понужденіемъ противной

Digitized by Google

стороны къ исполненію уже постановленнаго рѣшенія, а разсматриваетъ вновь дѣло и постановляетъ то или иное рѣшеніе, и это рѣшеніе, какъ рѣшеніе суда болѣе многолюднаго и компетентнаго, исполняется по большей части добровольно, а если не исполняется, то приводится въ исполненіе тѣмъ или инымъ способомъ. Для того, чтобы дѣло было разсмотрѣно хуторскимъ сходомъ, вовсе не требуется, чтобы оно было разсмотрѣно нисшимъ судомъ. Правила, по которому дѣло, не разбиравшееся въ нисшемъ судѣ, не можетъ быть разсмотрѣно въ высшемъ, въ хуторахъ нѣтъ. Поступленіе дѣла въ ту или иную инстанцію зависитъ отъ обстоятельствъ дѣла, такъ что если дѣло возникло наканунѣ или во время схода, то оно прямо и поступаетъ на его разсмотрѣніе. При разсмотрѣніи дѣла въ высшей инстанціи судьи, принимавшіе участіе въ рѣшеніи этого дѣла въ нисшей инстанціи, не только не устраняются, а напротивъ, какъ болѣе знакомые съ дѣломъ, принимаютъ болѣе дѣятельное участіе.

Общая черта всѣхъ видовъ хуторскихъ судовъ—отсутствіе письменности. Хуторскіе суды есть суды словесные: здѣсь все происходитъ на словахъ, на письмѣ же ничего. Впрочемъ, благодаря перемѣнамъ послѣдняго времени и упадку нравовъ, письменность начинаетъ проникать и сюда. Въ нѣкоторыхъ хуторахъ хотя и невсегда, но записываются рѣшенія судовъ въ весьма оригинальной формѣ, именно въ формѣ мировыхъ записей. Потребность въ этихъ мировыхъ записяхъ вызывается частыми злоупотребленіями. Нерѣдко случается, что стороны, разобравшись въ хуторскомъ судѣ, остаются повидимому довольны рѣшеніемъ; вдругъ одна изъ сторонъ подаетъ жалобу въ станичный судъ, разсчитывая на невниманіе судей или подкупивъ ихъ, а они и рѣшаютъ иначе дѣло, отмѣняя, конечно, рѣшеніе судей, стоящихъ весьма близко къ дѣлу и неподкупныхъ, потому что цѣлый сходъ подкупить нельзя, а если и можно, то это будетъ дороже самого дѣла. Во избѣжаніе такихъ злоупотребленій и начинаютъ по рѣшеніи дѣла заключать мировыя записи, при существованіи которыхъ станичные суды такихъ дѣлъ къ своему разсмотрѣнію не принимаютъ. Эти записи совершаются теперь сравнительно рѣдко, а вмѣсто нихъ дѣло обыкно-

Digitized by Google

венно заканчивается угощеніемъ судей водкой, послѣ котораго не исполнить рѣшенія суда считается позорнымъ. Это угощеніе является ничѣмъ инымъ, какъ переживаніемъ той пени, которую брали древніе судьи за отправленіе правосудія. Угощаютъ судей въ гражданскихъ дѣлахъ по преимуществу обѣ стороны, въ уголовныхъ же дѣлахъ по преимуществу обвиняемый, для котораго это угощеніе иногда служитъ и наказаніемъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изложенію отдѣльныхъ видовъ хуторского суда, мы должны остановиться на томъ, какъ и кто приводитъ въ исполненіе рѣшенія этихъ судовъ, потому что безъ этого объясненія дальнѣйшее изложеніе будетъ не такъ понятно. На вопросы, какъ и кто приводитъ въ исполненіе рѣшенія хуторскихъ судовъ, казаки затрудняются дать отвѣтъ и обыкновенно говорятъ: „больше рѣшаемъ миромъ", „всѣ дѣла кончаемъ миромъ", стараемся склонить къ миру" и т. п., т. е. даютъ такіе отвѣты, какіе даютъ крестьяне относительно своихъ сельскихъ и волостныхъ судовъ. Изъ такихъ отвѣтовъ можно бы было заключить, что хуторскіе суды, и вообще народно-обычные суды, въ сущности, не разбираютъ дѣлъ, не постановляютъ по нимъ рѣшеній, а потому имъ и нечего приводить въ исполненіе, что хуторскіе суды являются лишь посредниками между сторонами, которыя при ихъ посредствѣ сами разрѣшаютъ возникшее между ними спорное отношеніе, и что дѣйствительно всѣ дѣла въ хуторскихъ судахъ кончаются добровольнымъ примиреніемъ сторонъ. Но такое заключеніе было бы ошибочно и не соотвѣтствовало бы дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ хуторскіе суды разбираютъ дѣла, постановляютъ и произносятъ приговоры, которые и приводятся въ исполненіе. Уже изъ нѣкоторыхъ отвѣтовъ самихъ казаковъ можно заключить, что не всѣ дѣла кончаются миромъ, придавая даже этому выраженію обыкновенный смыслъ. „Больше дѣла рѣшаемъ миромъ", говорятъ казаки; а меньшее число дѣлъ, значитъ, не оканчивается примиреніемъ. Подъ этимъ меньшимъ числомъ разумѣются дѣла, по которымъ постановленныя рѣшенія приводятся въ исполненіе насильственно или самимъ судомъ или тѣмъ, кто будетъ на это уполномоченъ.

Digitized by Google

Приведеніе въ исполненіе своихъ рѣшеній самими хуторскими судами встрѣчается нерѣдко. Часто сходъ, разсмотрѣвъ уголовное дѣло и порѣшивъ хорошенько проучить обвиняемаго, тотчасъ самъ приводитъ это въ исполненіе, т. е. высѣкутъ или изобьютъ обвиняемаго; если же порѣшатъ наказать обвиняемаго денежнымъ штрафомъ, то тутъ же на сходѣ требуютъ денегъ; нѣтъ ихъ,—раздѣнутъ обвиняемаго или отнимутъ какую-либо вещь, заложатъ ее въ кабакѣ и купятъ водки. Нѣрѣдко, разобравъ гражданское дѣло, сходъ предлагаетъ истцу самому осуществить выспоренное право; но если онъ встрѣтитъ сопротивленіе, отвѣтчикъ будетъ „супорствовать", то тогда сходъ самъ приведетъ въ исполненіе свое рѣшеніе: пойдетъ во дворъ, сдѣлаетъ тамъ погромъ, найдетъ тамъ спорную вещь или отниметъ другую и удовлетворитъ, кого слѣдуетъ. Такимъ образомъ, меньшее число дѣлъ хуторскіе суды разбираютъ, постановляютъ по нимъ свои приговоры и приводятъ въ исполненіе сами или тѣ, которымъ это будетъ поручено. Большая часть дѣлъ, по словамъ казаковъ, кончаются миромъ, но это однако не значитъ, что эти дѣла хуторскіе суды не разбираютъ и не постановляютъ по нимъ своихъ рѣшеній, что стороны сами при участіи судей разрѣшаютъ возникшій между ними споръ. И эти дѣла хуторскіе суды, также какъ и въ первомъ случаѣ, разбираютъ и постановляютъ по нимъ свои рѣшенія; вся разница заключается лишь въ приведеніи въ исполненіе этихъ рѣшеній. Въ первомъ случаѣ судъ самъ приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе, здѣсь же стороны добровольно исполняютъ или соглашаются исполнить приговоръ суда, заканчивая это однако обрядомъ примиренія, т. е. кланяются въ ноги, цѣлуются, покупаютъ водку и т. п. Обоюднаго же, добровольнаго соглашенія разрѣшить возникшій споръ такъ, какъ разрѣшилъ сходъ, между сторонами далеко не бываетъ. Часто обѣ стороны бываютъ недовольны рѣшеніемъ схода, однако онѣ исполняютъ его здѣсь же на сходѣ и, исполняя его, мирятся между собою; но этимъ миромъ разрѣшается не спорное дѣло, которое уже разрѣшено судомъ, а разрѣшаются тѣ непріязненныя личныя отношенія, которыя возникли по поводу спорнаго дѣла. Здѣсь миръ не предшествуетъ разрѣшенію дѣла, а слѣдуетъ за нимъ.

Digitized by Google

Пояснимъ это. Является на судъ хуторского схода истецъ и проситъ присудить ему съ отвѣтчика за потраву; отвѣтчикъ отказывается уплатить искомую сумму. Слѣдуетъ разборъ дѣла, заключающійся въ допросѣ свидѣтелей и въ спорѣ сторонъ, судей и свидѣтелей, спорѣ шумномъ и доходящемъ по большей части до брани; во время этого спора большинство судей приходятъ къ опредѣленному мнѣнію, послѣ чего представитель большинства, обращаясь къ отвѣтчику или обѣимъ сторонамъ, говоритъ: „мирись“ или „миритесь“, диктуя при этомъ условія мира: „ты, отвѣтчикъ, заплати столько то, а ты, истецъ, больше не требуй, потому что твоя потрава больше не стоитъ“. Вотъ въ этихъ то диктуемыхъ условіяхъ мира хуторской судъ и выражаетъ свой приговоръ. Хуторской судъ, говоря: „мирись„ и диктуя при этомъ условія мира, какъ будто произноситъ: „разобравъ дѣло, мы пришли къ такому-то заключенію“, положимъ: „ты, отвѣтчикъ, долженъ заплатить истцу столько-то“. Итакъ, дѣло разобрано, приговоръ объявленъ, должно слѣдовать его исполненіе. Отвѣтчикъ, зная, что если онъ добровольно не исполнитъ приговора суда, то онъ самъ приведетъ его въ исполненіе, добровольно уплачиваетъ присужденную сумму, а истецъ, зная, что если онъ не согласится принять присужденной суммы, останется недоволенъ рѣшеніемъ суда, то лишится и присужденнаго, или при настоящемъ положеніи долженъ перенести дѣло въ оффиціальный судъ, что сопряжено съ немалыми издержками, также соглашается принять присужденную сумму. Слѣдовательно, дѣло рѣшено, истецъ удовлетворенъ. Но хуторской судъ не останавливается на этомъ; онъ хочетъ изъ враговъ сдѣлать друзей, поэтому заставляетъ ихъ примириться, „потоптать своего врага“. Стороны примиряются, покупается водка, угощаются судьи, и дѣло окончательно считается оконченнымъ. Такимъ образомъ, тотъ „миръ“, которымъ разрѣшается по словамъ казаковъ большинство дѣлъ въ ихъ обычныхъ судахъ, не есть добровольное и обоюдное соглашеніе сторонъ такъ или иначе разрѣшить возникшее спорное отношеніе; это есть добровольное исполненіе приговора суда, приговора, выраженнаго въ продиктованныхъ условіяхъ мира.

Digitized by Google

Конечно, и на хуторскихъ судахъ дѣла кончаются миромъ въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Придутъ тяжущіеся на сходъ; отвѣтчикъ проситъ простить его или помириться; старики судьи тоже совѣтуютъ помириться, но дѣло еще не разбираютъ, и иногда стороны соглашаются помириться такъ, какъ онѣ хотятъ, а не такъ, какъ имъ предлагаютъ. Но если истецъ отвѣтчику и другимъ принимающимъ участіе въ склоненіи къ миру отвѣтитъ: „не желаю, какъ старики разсудятъ, такъ пусть и будетъ", то послѣ этого начинается уже разборъ дѣла.

Итакъ разбираемыя хуторскими судами дѣла можно раздѣлить на три разряда: 1) дѣла, рѣшенія по которымъ приводятся самимъ судомъ или тѣмъ, въ пользу кого присуждено; 2) дѣла, рѣшенія по которымъ исполняются добровольно, и 3) дѣла, кончаемыя примиреніемъ.

Судъ хуторского атамана.

Этотъ видъ хуторского суда состоитъ изъ одного хуторского атамана. Дѣятельность его весьма незначительна. Сами атаманы по большей части, не чувствуя подъ собою достаточно твердой почвы, отказываются единолично разбирать дѣла и всегда посылаютъ за сторонами. И чѣмъ некультурнѣе мѣстность, тѣмъ дѣятельность атамана, какъ судьи, менѣе, и наоборотъ. Вѣдомству суда хуторского атамана подлежатъ маловажныя дѣла, какъ уголовныя, такъ и гражданскія, напр. дѣла о ссорахъ, дракахъ, обидахъ, незначительныхъ кражахъ и потравахъ и т. п.; кромѣ того, вѣдѣнію хуторского атамана подлежатъ дѣла, не терпящія отлагательства, какъ то: дѣла о перепашкахъ, захватахъ и т. п. Если къ атаману обращаются съ дѣломъ, которое по его мнѣнію превышаетъ его подсудность, то онъ, не приступая къ разбирательству, посылаетъ за стариками, съ которыми и приступаетъ къ дѣлу.

Хуторской атаманъ разбираетъ дѣла гласно, такъ что всякій можетъ присутствовать при разборѣ дѣла и, мало того, всякій, имѣющій право голоса, можетъ принять участіе въ разборѣ дѣла; поэтому нерѣдко бываетъ, что судъ полкового атамана обращается въ судъ стариковъ. Дѣла разбираетъ

Digitized by Google

атаманъ или у себя въ домѣ или на мѣстѣ происшествія и вообще тамъ, гдѣ указываютъ обстоятельства. Особыхъ обрядовъ судопроизводства въ судѣ хуторского атамана не существуетъ. Обыкновенно является къ нему истецъ или обиженный и, разсказавъ суть дѣла, проситъ послать за отвѣтчикомъ или обвиняемымъ и за свидѣтелями, которые впрочемъ по большей части приводятся просителемъ, а если не приводятся, то самъ проситель идетъ и призываетъ ихъ; за отвѣтчикомъ же посылаетъ атаманъ полицейскаго. Пришедшему отвѣтчику атаманъ вкратцѣ излагаетъ дѣло. Послѣ этого начинается споръ между сторонами, потомъ въ немъ начинаетъ принимать участіе самъ атаманъ и свидѣтели, которые вообще на хуторскихъ судахъ не спрашиваются каждый отдѣльно, а они сами, когда начнутся пренія сторонъ, отрицаютъ или утверждаютъ тѣ или иныя обстоятельства и такъ или иначе во время спора выскажутъ то, что знаютъ по разбираемому дѣлу. Послѣ этого спора атаманъ объявляетъ резолюцію, свое рѣшеніе, высказываетъ свое мнѣніе по данному дѣлу. Обращаясь къ одной или обѣимъ сторонамъ, онъ говоритъ: „ты заплати ему (истцу) столько-то", или „отдай такую-то вещь", „а ты (истецъ) уважь, не гонись за большимъ, будя и этого" и т. п. Если стороны согласны поступить такъ, какъ предлагаетъ атаманъ, довольны его рѣшеніемъ, то дальше идутъ толки о томъ, сколько и кто долженъ купить водки, если этого не опредѣлилъ атаманъ въ своемъ рѣшеніи, что онъ дѣлаетъ въ такой формѣ: „ты, отвѣтчикъ, заплати столько-то, да купи столько-то водки", или „ты заплати ему (истцу), а ты (истецъ) купи столько-то водки". Наконецъ, покупается водка, которая и распивается всѣми участвующими въ дѣлѣ. Если кто-либо изъ сторонъ недоволенъ судомъ атамана, то отъ этого могутъ быть слѣдующіе случаи: атаманъ или отпускаетъ тяжущихся, или по просьбѣ одной изъ сторонъ посылаетъ за стариками, и дѣло вновь разсматривается ими при участіи атамана, или рѣшеніе приводится въ исполненіе, если это возможно по обстоятельствамъ дѣла; напр., если вещь фигурировала на судѣ, то вещь отдается тому, кому присуждена, или, если атаманъ разбиралъ дѣло о томъ, что одинъ занялъ у другого часть мѣста городьбою, то истецъ

Digitized by Google

съ помощью свидѣтелей разрушаетъ городьбу и возстановляетъ свое владѣніе.

Уголовныя дѣла хуторскимъ атаманомъ разбираются точно такъ же, какъ и гражданскія, такъ какъ изъ уголовныхъ дѣлъ атаманъ принимаетъ къ своему разбирательству только тѣ, которыя кончаются вознагражденіемъ или удовлетвореніемъ потерпѣвшаго. Казалось бы, что при теперь дѣйствующемъ Положеніи объ управленіи въ казачьихъ войскахъ хуторской атаманъ болѣе всего могъ бы разбирать уголовныя маловажныя дѣла, такъ какъ 62 статьею этого Положенія ему предоставляется право наказывать виновныхъ въ маловажныхъ полицейскихъ проступкахъ арестомъ до двухъ дней, штрафомъ до одного рубля и назначеніемъ на общественныя работы до двухъ дней. Однако, на самомъ дѣлѣ этимъ правомъ хуторскіе атаманы почти никогда не пользуются и никогда не примѣняютъ выше переименованныхъ наказаній. Это объясняется прежде всего зависимостью и связью выборнаго хуторского атамана съ обществомъ и тѣмъ вліяніемъ, которымъ пользуется общественный сходъ въ хуторской жизни. Атаманъ боится что-либо сдѣлать безъ согласія общества, чтобы не навлечь на себя неудовольствія. Общество же боится, чтобы имъ выбранный атаманъ не узурпировалъ принадлежащую ему власть, и зорко за этимъ слѣдитъ. Насколько не любятъ хуторяне атамановъ, энергично дѣйствующихъ помимо воли общества, настолько они любятъ тѣхъ, которые все дѣлаютъ съ согласія общества. Кромѣ того, наложеніе этихъ наказаній по закону должно сопровождаться извѣстной письменной процедурой, которая не подъ силу хуторскимъ атаманамъ, по большей части малограмотнымъ, а то и совсѣмъ неграмотнымъ. Наконецъ, такія наказанія, какъ штрафъ въ доходъ общества, арестъ и назначеніе на общественныя работы, далеко не удовлетворяютъ простой народъ, такъ какъ потерпѣвшій отъ такихъ наказаній ничего не выигрываетъ. Даже въ оффиціальныхъ судахъ назначеніе штрафа въ доходъ земства, напр. за обиду, вызываетъ въ простомъ народѣ возраженіе: „причемъ тутъ земство, онъ земство не оскорблялъ, поэтому ему и платить нечего; онъ меня оскорбилъ, пусть мнѣ и платитъ“.

Digitized by Google

Чаще всего въ видѣ наказанія употребляется покупка обвиняемымъ водки для угощенія. Обыкновенно атаманъ, опредѣляя размѣръ вознагражденія, опредѣляетъ, сколько водки долженъ купить обвиненный. Если же этого атаманъ не сдѣлаетъ, то потерпѣвшій или свидѣтели, заявляя свое неудовольствіе на рѣшеніе атамана, требуютъ, чтобы обвиненный купилъ водки, угрожая въ противномъ случаѣ перенесть дѣло въ оффиціальный судъ; поэтому обвиняемый по большей части и соглашается исполнить требованіе относительно угощенія. Въ заключеніе должно замѣтить, что дѣятельность атаманскаго суда въ настоящее время стала сильно ослабѣвать вслѣдствіе того, что сами атаманы уклоняются единолично разбирать дѣла. Кромѣ того, нерѣдко начало случаться, что отвѣтчикъ не является добровольно на судъ къ хуторскому атаману. а такъ какъ разбирать заочно дѣла въ народныхъ судахъ не практикуется, то поэтому атаманъ отказывается удовлетворить просителя, который послѣ этого обращается съ своей жалобой или въ оффиціальный судъ или къ суду стариковъ или схода, неявка на который иногда угрожаетъ разладомъ съ цѣлымъ обществомъ.

Судъ стариковъ.

Дѣятельность атаманскаго суда, какъ мы выше замѣтили, невелика; болѣе широкая дѣятельность принадлежитъ суду стариковъ. Эта форма суда вызвана къ жизни потребностью въ быстротѣ правосудія. Не всегда возможно и удобно разбираться хуторскимъ жителямъ въ судѣ общественнаго схода, этого главнаго судилища въ хуторской жизни. Предположимъ, что на мѣстѣ обработки земли возникаетъ споръ между двумя лицами изъ-за владѣнія этой земли. Обратиться за разрѣшеніемъ этого спора въ хуторской сходъ—значитъ пріостановить обработку и дожидаться его собранія, а это по большей части значитъ пропустить удобное для обработки земли время. Во избѣжаніе такихъ неудобствъ въ этомъ и подобныхъ ему случаяхъ та или другая сторона или обѣ вмѣстѣ призываютъ ближайшихъ стариковъ, которые и разрѣшаютъ споръ. Вслѣдствіе того, что этотъ судъ разбираетъ по большей части дѣ-

Digitized by Google

ла, не терпящія отлагательства, онъ не имѣетъ опредѣленной и постоянной организаціи. Его составъ зависитъ отъ обстоятельствъ, времени и мѣста. Можно сказать, что почти для каждаго дѣла организуется особый составъ суда стариковъ.

Судъ стариковъ собирается самъ собою или созывается хуторскимъ атаманомъ, или одною изъ заинтересованныхъ сторонъ. Всякій споръ, сопровождаемый шумомъ, всякое происшествіе въ хуторахъ тотчасъ привлекаютъ къ себѣ сосѣдей и всѣхъ тѣхъ, до слуха которыхъ это доходитъ. Вокругъ спорящихъ тотчасъ собирается толпа, которая не является въ этихъ случаяхъ безучастною, безмолвною свидѣтельницей, а напротивъ, тѣ изъ нея, которые имѣютъ право голоса и пользуются извѣстнымъ положеніемъ въ обществѣ, тотчасъ входятъ въ обсужденіе возникшаго спора и разрѣшаютъ его, принуждая стороны такъ или иначе исполнить свое рѣшеніе. Если справедливость рѣшенія очевидна, если оно имѣетъ подъ собою твердую почву, то оно, несмотря на несогласіе той или другой стороны, тутъ же приводится силою въ исполненіе. Въ противномъ случаѣ, т. е. если рѣшеніе стариковъ неопредѣленно, неустойчиво, если съ нимъ не вполнѣ и не всѣ согласны, то исполнить его предоставляется на добрую волю сторонъ. Не исполнено оно, дѣло переходитъ на разсмотрѣніе хуторского схода, рѣшеніе котораго почерпаетъ силу не только въ своей справедливости, но и въ томъ значеніи мнѣнія схода, какое оно имѣетъ для каждаго въ отдѣльности. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нарушеніе чьего-либо права или какой либо проступокъ совершаются тихо, не привлекая къ себѣ вниманія постороннихъ, въ этихъ случахъ обиженная сторона обращается къ атаману съ жалобой и проситъ его созвать стариковъ, которые, выслушавъ жалобу и находя ее заслуживающей уваженія, посылаютъ самого же просителя или полицейскаго за стариками, противной стороной и свидѣтелями. По собраніи всѣхъ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ атаманъ предлагаетъ имъ разобрать дѣло, принимая и самъ во всемъ участіе и руководя до нѣкоторой степени собраніемъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда нѣтъ атамана или почему либо къ нему нельзя обратиться съ жалобой, обиженная сторона сама собираетъ стариковъ и проситъ ихъ удовлетворить. Число стариковъ,

Digitized by Google

требуемое для состава суда, должно быть не менѣе трехъ и лишь въ крайнихъ случаяхъ допускается двое; притомъ, чѣмъ болѣе будетъ собрано стариковъ, тѣмъ считается лучше. Каждый служивый казакъ можетъ принять участіе въ судѣ, хотя бы онъ и не былъ приглашенъ, поэтому нерѣдко бываетъ: начнутъ нѣсколько стариковъ въ праздникъ разбирать дѣло, къ нимъ начинаютъ подходить другіе, и въ концѣ концовъ образовывается цѣлый сходъ, а дѣло все продолжаетъ разбираться, такъ что, начавшись въ судѣ стариковъ, оно оканчивается въ судѣ хуторского схода. Что касается вопроса, кто имѣетъ право войти въ составъ суда стариковъ, должно замѣтить, что прежде безусловно требовалось, чтобы въ составъ суда входили люди преклоннаго возраста, т. е. лица 50—70 лѣтъ, старики въ буквальномъ смыслѣ этого слова. Въ настоящее же время, хотя это правило и продолжаетъ существовать, однако стали свободно допускаться въ судьи и лица средняго возраста, т. е. 40 — 50 лѣтъ. Правда, въ случаѣ необходимости могутъ быть судьями и болѣе молодые казаки, но непремѣнно требуется, чтобы таковой отбылъ первую службу — „сходилъ уже на службу,“ что совпадаетъ съ 25 — 30-лѣтнимъ возрастомъ. Кромѣ того, требуется, чтобы принимающій участіе въ качествѣ судьи былъ домохозяинъ, имѣлъ право голоса, каковое право только въ силу личныхъ особенностей иногда можетъ принадлежать и не домохозяину.

Кого призвать изъ гражданъ для разбора дѣла, зависитъ отъ атамана, но часто одна или обѣ стороны просятъ атамана послать за извѣстными стариками, разсчитывая при этомъ не на симпатіи ихъ къ себѣ и не на пристрастіе ихъ, а на болѣе близкое знакомство ихъ съ даннымъ дѣломъ, поэтому атаманъ эту просьбу всегда исполняетъ. Если же эти указанные судьи не явятся по тѣмъ или инымъ причинамъ для разбора дѣла, то тогда атаманъ призываетъ стариковъ по своему усмотрѣнію.

Что касается отвода судей-стариковъ, то должно замѣтить, что относительно этого опредѣленныхъ и точныхъ обычныхъ правилъ не существуетъ. Вообще же можно сказать, что отводы судей весьма рѣдко практикуются, что и понятно. Если въ судьи призываются по желанію сторонъ, то обѣ

Digitized by Google

отводѣ не можетъ быть и рѣчи; если-же за судьями-стариками посылаетъ атаманъ, то онъ, зная отношенія всѣхъ и каждаго, не посылаетъ за такими стариками, которые не могутъ отнестись безпристрастно къ дѣлу. Однако, по обычаю, каждый служивый казакъ можетъ принять участіе въ разбираемомъ дѣлѣ, поэтому близкій родственникъ или другъ одной изъ сторонъ можетъ оказаться въ числѣ судей, и въ этихъ случаяхъ таковаго не устраняютъ; онъ можетъ принять самое горячее участіе въ разборѣ дѣла, его мнѣніе можетъ имѣть значеніе какъ и посторонняго судьи. Но если во время разбора судья--родственникъ или другъ выразятъ явное пристрастіе къ дѣлу, то его тотчасъ „оборвутъ", напомнятъ ему о его близкихъ отношеніяхъ къ тому, въ чью пользу онъ клонитъ. И это по большей части замѣтитъ не противная сторона, а тотъ изъ стариковъ-судей, съ кѣмъ онъ вступитъ въ споръ. Вообще можно сказать, что отвода судей въ хуторскихъ судахъ не практикуется, что было-бы несовмѣстимо съ правиломъ, по которому всякій полноправный казакъ имѣетъ право принять участіе какъ судья въ разборѣ дѣла.

Судъ стариковъ принимаетъ къ своему разбору всякія дѣла, за исключеніемъ дѣлъ особенной важности, какъ-то: о большихъ кражахъ, о кражахъ хотя и незначительныхъ, но совершенныхъ лицомъ неоднократно судившимся за этотъ проступокъ, дѣлъ сопряженныхъ съ значительными исками и проч. Кромѣ того безусловно не подсудны суду стариковъ дѣла, сопряженныя съ общественнымъ интересомъ. Эти дѣла можетъ разбирать только хуторской сходъ. Что касается самаго порядка производства въ этомъ судѣ, то онъ такой-же, какой и на судѣ хуторскаго схода, поэтому здѣсь мы на этомъ не будемъ останавливаться.

Судъ понятыхъ.

Весьма близко къ суду стариковъ по своему сходству подходитъ судъ понятыхъ. Это собственно тотъ-же судъ стариковъ съ тѣмъ только различіемъ, что онъ исключительно вѣдаетъ дѣла, требующія личнаго осмотра судей или свѣдущихъ людей, и не пользуется тѣмъ авторитетомъ, какимъ

Digitized by Google

пользуется судъ стариковъ, такъ что послѣдній иногда перевершаетъ дѣла перваго. Этотъ судъ составляется изъ тѣхъ-же самыхъ лицъ, изъ какихъ и судъ стариковъ, хотя въ него свободнѣе допускаются болѣе молодые казаки. Въ тѣхъ случаяхъ, когда требуется личный осмотръ судей или свѣдущихъ людей, атаманъ, судъ стариковъ или цѣлый сходъ, усмотрѣвъ въ этомъ необходимость, отряжаетъ нѣсколько человѣкъ, но не менѣе трехъ, и посылаетъ ихъ для осмотра; въ болѣе важныхъ случаяхъ съ понятыми всегда отправляется самъ атаманъ. Въ случаяхъ, когда невозможно предварительно обратиться въ судъ, стороны сами призываютъ понятыхъ. Понятые на мѣстѣ осмотра не ограничиваются однимъ только осмотромъ; они здѣсь также разбираютъ дѣло: допрашиваютъ свидѣтелей, если они есть, постановляютъ рѣшеніе и, если позволяютъ обстоятельства, приводятъ его въ исполненіе.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда стороны добровольно соглашаются исполнить рѣшеніе понятыхъ, то здѣсь же дѣло и заканчивается угощеніемъ понятыхъ и примиреніемъ тяжущихся. Если же стороны не исполняютъ добровольно рѣшенія понятыхъ, то судъ расходится, и дѣло переносится на судъ стариковъ или хуторского схода, гдѣ оно разсматривается вновь. Здѣсь понятые объявляютъ результаты своего осмотра и свое рѣшеніе, послѣ чего начинается разборъ дѣла, въ которомъ понятые играютъ двоякую роль: съ одной стороны они являются дѣятельными судьями, а съ другой—свидѣтелями. При назначеніи понятыхъ обращается болѣе строгое вниманіе на особыя отношенія тяжущихся къ назначаемымъ. Здѣсь, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда понятые назначаются для осмотра такихъ обстоятельствъ, которыя могутъ впослѣдствіи исчезнуть или вторично провѣрить ихъ будетъ трудно, обращается вниманіе, чтобы въ числѣ понятыхъ не были близкіе родственники, друзья и пріятели и вообще лица, заинтересованныя въ данномъ дѣлѣ.

Въ настоящее время вслѣдствіе возникновенія массы дѣлъ, требующихъ осмотра понятыхъ, и вслѣдствіе того, что многіе отказываются быть понятыми, такъ что никого не дозовешься, въ нѣкоторыхъ хуторахъ выработался обычай избирать въ началѣ года лицъ, которыя въ случаѣ надобности

Digitized by Google

должны быть понятыми, за что имъ опредѣляется незначительное вознагражденіе, напр., лишній травяной паекъ, отдается въ ихъ пользованіе озеро и т. п. Эти понятые должны по требованію хуторского атамана или по просьбѣ потерпѣвшаго являться на мѣсто осмотра. А такъ какъ они не ограничиваются однимъ осмотромъ, но и разбираютъ возникшее дѣло, склоняютъ стороны къ миру, то ихъ роль весьма близко подходитъ къ роли спеціальныхъ судей. Если въ настоящее время ихъ и нельзя еще назвать спеціальными судьями, то нѣтъ сомнѣнія, что въ недалекомъ будущемъ изъ нихъ выработаются таковые. Это избраніе спеціальныхъ понятыхъ, избираемыхъ на опредѣленное время, встрѣчается въ настоящее время очень рѣдко и лишь въ тѣхъ хуторахъ, въ которыхъ жизнь болѣе развита и въ которыхъ земледѣльческій бытъ смѣняется земледѣльческо-промышленно-торговымъ *).

Судъ хуторского схода.

Судъ общественнаго схода въ хуторахъ есть высшее судебное мѣсто, рѣшающее всѣ дѣла окончательно. Такъ какъ жалобъ на рѣшеніе этого суда въ настоящее время приносить некуда, поэтому остается исполнить рѣшеніе суда, если стороны желаютъ разобраться въ обычныхъ судахъ; если же онѣ этого не желаютъ, то должны обратиться въ оффиціальные суды и начать дѣло снова. Прежде, когда общественные станичные сходы могли рѣшать судебныя дѣла, то на рѣшеніе хуторского схода приносились жалобы станичному; въ настоящее же время по Положенію 1870 г. судебная власть отъ общественныхъ сходовъ отнята, и станичные сходы, за весьма рѣдкимъ исключеніемъ, никакихъ тяжбъ не разбираютъ и жалобъ на рѣшенія хуторскихъ сходовъ не принимаютъ.

Судъ хуторского схода состоитъ изъ хуторского атамана и изъ гражданъ, имѣющихъ право голоса. Роль атамана на этомъ судѣ весьма незначительна; онъ только наблюдаетъ за порядкомъ, посылаетъ за свидѣтелями и тяжущимися, иногда докладываетъ дѣла и объявляетъ рѣшенія схода; въ

*) Такъ, напр., хуторъ Перевозинскій Аннинской станицы, находящійся близъ станціи Филонов Грязе-Царицынской желѣзной дороги.

Digitized by Google

остальномъ же онъ пользуется одинаковыми правами съ другими. Хуторскіе сходы обыкновенно собираются въ праздничные дни въ опредѣленномъ мѣстѣ, по большей части около какого-нибудь дома, сами собою безъ всякаго приглашенія. Но иногда бываетъ, что сходъ атаманъ собираетъ и въ будничный день для разбора какого-нибудь важнаго дѣла и для разрѣшенія какого-либо общественнаго вопроса.

Право принимать участіе въ рѣшеніи дѣлъ на хуторскомъ сходѣ принадлежитъ каждому самостоятельному домохозяину; за отсутствіемъ его можетъ принять участіе сынъ или зять. Право же присутствовать на сходѣ принадлежитъ не только всѣмъ казакамъ, но и женщинамъ, которыя въ лѣтнюю пору всегда окружаютъ сходъ и иногда оказываютъ сходу нѣкоторую услугу. Когда требуется привесть въ исполненіе какое либо позорящее наказаніе, то бабы являются лучшими исполнителями. Осмѣять кого нибудь, наплевать въ глаза, провесть вора по хутору съ краденымъ — все это бабы и молодые ребята исполняютъ съ большою охотою, но не иначе, какъ съ явнаго или молчаливаго согласія схода. Что касается вопроса, сколько требуется человѣкъ для того, чтобы судъ хуторского схода считался состоявшимся, то относительно этого опредѣленныхъ правилъ не существуетъ. Вообще для болѣе важныхъ дѣлъ требуется и болѣе полный сходъ, такъ что одинъ и тотъ же сходъ при одинаковомъ составѣ одни дѣла разбираетъ, другія откладываетъ до другого раза въ виду того, что мало собралось народа. Случается, что потолкуютъ старики на сходѣ о дѣлѣ и порѣшатъ дѣло отложить до другого раза, такъ какъ народу собралось мало, что однако не мѣшаетъ имъ разбирать другія менѣе важныя дѣла.

Хуторской сходъ принимаетъ къ своему разбору всѣ споры и тяжбы безъ опредѣленія цѣны иска, дѣла объ обидахъ, дракахъ, мошенничествахъ, кражахъ и т. п. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ хуторскіе сходы отказываются разбирать важныя уголовныя дѣла, какъ напр. дѣла о крупныхъ кражахъ, совершенныхъ со взломомъ, заставляя при этомъ своего атамана донести по начальству о совершившемся преступленіи. Но этотъ отказъ мотивируется не тѣмъ, что сходъ считаетъ

Digitized by Google

себя не компетентнымъ разбирать данное дѣло, а желаніемъ его подвергнуть обвиняемаго болѣе строгому наказанію; въ этихъ случаяхъ по большей части предполагается, что обвиняемаго постигнетъ продолжительное тюремное заключеніе или ссылка въ Сибирь. Хуторской сходъ приступаетъ къ разбору по просьбѣ одной или обѣихъ сторонъ, по заявленію частныхъ лицъ и по непосредственному усмотрѣнію. Жалобы и заявленія приносятся сходу непосредственно или чрезъ хуторского атамана, который уже и излагаетъ сущность дѣла передъ сходомъ. Всѣ жалобы и просьбы приносятся во время самаго схода, такъ что правила заранѣе заявлять и просить о разборѣ своего дѣла въ хуторскихъ судахъ не существуетъ. По непосредственному усмотрѣнію схода разбираются не только уголовныя дѣла, задѣвающія интересы цѣлаго общества, но даже и гражданскія, когда затрогиваются права и интересы одного лица. Случается, что одинъ изъ присутствующихъ, обращаясь къ другому, упрекаетъ его, что онъ поступилъ неправильно съ такимъ-то, что онъ не платитъ такому-то долга, что напрасно удерживаетъ такую-то вещь. Присутствующіе тотчасъ входятъ въ обсужденіе возникшаго между извѣстными лицами спора, а обиженная сторона лишь присоединяется къ этому обсужденію и, смотря по обстоятельствамъ, получаетъ удовлетвореніе. Такъ что въ этихъ случаяхъ обиженный предварительно не проситъ сходъ возстановить его нарушенное право, но сходъ самъ, усматривая явную несправедливость и иногда беззащитность обиженнаго, разрѣшаетъ возникшій споръ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда ищущій защиты самъ обращается къ сходу, то онъ не излагаетъ подробности своей жалобы, а ограничивается однимъ лишь заявленіемъ. По большей части бываетъ, что предлагаемое для разбора дѣло сходу или по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ изъ присутствующихъ на немъ уже хорошо извѣстно—или изъ частныхъ разговоровъ, или потому, что это дѣло уже разбиралось судомъ низшей инстанціи,—поэтому проситель лишь говоритъ, обращаясь къ суду: „господа старики! разберите мое дѣло съ такимъ-то“, и тотчасъ слѣдуетъ разборъ. Но если дѣло новое, еще никому неизвѣстное, то истецъ обязанъ

Digitized by Google

изложить передъ сходомъ болѣе подробно свою жалобу самъ, или попросить объ этомъ хуторского атамана. Выслушавъ такую жалобу, сходъ тотчасъ приступаетъ къ разбору дѣла, если стороны и свидѣтели на лицо; если же отвѣтчика или обвиняемаго нѣтъ на сходѣ, то послѣдній предварительно входитъ въ разсмотрѣніе основательности жалобы, и если не найдетъ ее заслуживающей уваженія, то въ отсутствіи отвѣтчика отказываетъ въ просьбѣ; въ противномъ случаѣ сходъ, находя жалобу основательной, требуетъ, чтобы атаманъ распорядился о призывѣ участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Въ настоящее время отвѣтчикъ рѣдко является самъ добровольно на общественный сходъ, за нимъ по большей части приходится посылать полицейскаго; но въ старину, разсказываютъ казаки, никогда не было въ этомъ нужды, такъ какъ отвѣтчикъ и истецъ вмѣстѣ являлись на судъ и вмѣстѣ просили разобрать возникшій между ними споръ. Мало того, въ настоящее время стали нѣкоторые уклоняться отъ явки на судъ даже по требованію хуторского атамана. Въ этихъ случаяхъ сходъ или отказывается разбирать дѣло и предоставляетъ истцу обратиться въ оффиціальный судъ, или же раздраженный постановляетъ, такъ сказать, заочный приговоръ въ пользу истца и самъ самоуправно приводитъ въ исполненіе свое рѣшеніе: идутъ, напр., нѣсколько человѣкъ изъ схода и отнимаютъ у отвѣтчика спорную вещь и удовлетворяютъ истца несравненно въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ онъ просилъ. Сопротивленій отвѣтчикъ оказать не можетъ, какъ въ виду ихъ безполезности, такъ и потому, что за это онъ можетъ поплатиться жестокими побоями и немалымъ имущественнымъ ущербомъ. Вслѣдствіе этого и теперь, гдѣ сила и авторитетъ хуторского общества стоятъ высоко, уклоненія отъ явки на общественый судъ бываютъ весьма рѣдко. Въ большинствѣ случаевъ бываетъ, что всѣ участвующіе въ дѣлѣ лица присутствуютъ на сходѣ, поэтому разборъ дѣла тотчасъ и начинается послѣ словеснаго заявленія просителя.

Какъ разбираются дѣла на хуторскомъ сходѣ, какіе существуютъ обряды и формы судопроизводства, трудно изложить, потому что весь процессъ состоитъ изъ постепенно развивающагося говора, доходящаго иногда до невообразимаго

Digitized by Google

шума и брани. Едва только заявитъ свою просьбу жалобщикъ, тотчасъ ему возражаетъ отвѣтчикъ или кто либо другой; на эти возраженія слѣдуютъ новыя возраженія со стороны другихъ лицъ, которымъ также возражаютъ. Стороны начинаютъ спорить между собою, съ судьями - стариками и свидѣтелями, свидѣтели между собою и съ сторонами, судьи между собою, съ свидѣтелями и сторонами: словомъ, поднимается иногда невообразимый шумъ, во время котораго стороны даютъ свои объясненія, свидѣтели показанія, а судьи высказываютъ свой взглядъ на разбираемое дѣло, и все это дѣлается вмѣстѣ. На хуторскихъ судахъ, какъ на судѣ стариковъ, такъ и на судѣ общественнаго схода, нѣтъ никакого порядка и постепенности. Здѣсь стороны даютъ объясненія не каждый отдѣльно, а каждый во время спора самъ безъ всякаго приглашенія удостовѣряетъ то или иное обстоятельство, приводя свои соображенія, когда это требуется для дѣла. Исключеніе бываетъ лишь тогда, когда допрашиваются малолѣтніе или женщины; послѣднія, впрочемъ, иногда также вступаютъ въ споръ. Этихъ свидѣтелей послѣ допроса обыкновенно удаляютъ изъ круга.

Во время такого безпорядка и шума, казалось-бы, невозможно хоть сколько-нибудь уяснить себѣ дѣло; но на самомъ дѣлѣ стоитъ только привыкнуть къ этому шуму, дѣло такъ выясняется, какъ можетъ быть оно не выяснилось-бы ни на одномъ оффиціальномъ судѣ, что и понятно, потому что здѣсь каждое показаніе свидѣтеля, каждое объясненіе сторонъ, каждое обстоятельство тотчасъ подкрѣпляется или опровергается самымъ несомнѣннымъ образомъ. Положимъ, что обвиняемый отрицаетъ за собою вину, тотчасъ потерпѣвшій и всѣ свидѣтели возражаютъ ему, приводя самыя точныя и мельчайшія подробности дѣла, уличая его самымъ рѣшительнымъ образомъ. Положимъ, что обвиняемый приводитъ оправдывающее его обстоятельство, тотчасъ-же слѣдуетъ его подкрѣпленіе; всѣ могущіе удостовѣрить это удостовѣряютъ съ жаромъ и убѣдительно со всѣми подробностями и тонкостями, которыя не оставляютъ въ слушателѣ никакого сомнѣнія. Положимъ, что у одной изъ сторонъ подговоренные, подкупленные свидѣтели и даютъ жныя показанія, имъ тотчасъ-же возража-

Digitized by Google

ютъ, уличаютъ ихъ въ ложныхъ показаніяхъ, и оправданіе или обвиненіе, построенное на лжи, тотчасъ-же разлетается.

Приведемъ для примѣра дѣйствительный случай. На хуторскомъ сходѣ обвинялся одинъ молодой казакъ въ кражѣ сѣна и выставилъ подкупленныхъ двухъ свидѣтелей, которые удостовѣряли, что въ ночь кражи обвиняемый вмѣстѣ съ ними ѣздилъ верстъ за 15 бродить въ озеро, гдѣ и пробылъ всю ночь. Потерпѣвшій прямыхъ доказательствъ сходу не представилъ никакихъ. Когда обвиняемый былъ призванъ на сходъ, то объяснилъ, что кражу онъ не могъ совершить, потому что въ эту ночь былъ верстъ за 15 отъ мѣста кражи и бродилъ съ А. и Б. всю ночь въ озерѣ рыбу. А. и Б. тотчасъ-же это подтвердили. Но едва только они сказали, какъ одинъ изъ присутствующихъ возражаетъ одному изъ свидѣтелей: „постой, ты гдѣ былъ?“—„Бродить ѣздилъ съ нимъ туда-то“, отвѣчаетъ свидѣтель. „Врешь, ты ѣхалъ тогда туда-то и былъ тамъ-то. Гдѣ такой-то? онъ былъ со мной“. Является этотъ и удостовѣряетъ то-же. Въ это время другой казакъ заявилъ, что другого свидѣтеля въ эту ночь онъ обогналъ совершенно въ противоположной сторонѣ. Стали спрашивать обвиняемаго, когда онъ привезъ находящееся у него на дворѣ сѣно. Онъ указалъ день. Но одинъ изъ стариковъ уличилъ его во лжи, сказавъ, что въ этотъ день онъ видѣлъ его въ лѣсу ищущимъ своихъ быковъ. Такимъ образомъ, благодаря такому разбирательству, воръ былъ уличенъ, пристыженные свидѣтели незамѣтно исчезли изъ схода, а обвиняемый сталъ просить сходъ о помилованіи, и сходъ опредѣлилъ, чтобы обвиняемый возвратилъ два воза потерпѣвшему и купилъ ведро водки. Словомъ, при такомъ порядкѣ, когда всякій знающій что-нибудь относящееся къ дѣлу можетъ свободно говорить, когда каждый каждаго знаетъ какъ самого себя, не смотря на шумъ и безпорядокъ, дѣло выясняется настолько, что не остается мѣста никакому сомнѣнію; стоитъ, конечно, немного привыкнуть къ этому шуму, къ которому простой народъ, понятно, привыкъ и разгадываетъ истину во время этого шума и спора прекрасно.

Когда дѣло достаточно выяснится и судьи-старики придутъ къ тому или иному заключенію, шумъ начинаетъ мало-по-малу стихать, и слѣдуетъ объявленіе рѣшенія схода, которое совер-

Digitized by Google

шается, какъ раньше упомянуто, въ формѣ предложенія условій мира. Атаманъ или кто-либо повліятельнѣе изъ стариковъ, обращаясь къ сторонамъ, говоритъ: „ты, отвѣтчикъ, заплати ему (истцу) столько-то, да помирись съ нимъ“, или: „ты возврати ему то-то, да поставь намъ четверть водки“, или: „ты, отвѣтчикъ, отдай ему то-то, а ты, истецъ, заплати столько-то, а намъ поставьте полведерка водочки“ и т. п. Стороны, выслушавъ въ такой формѣ рѣшеніе схода, которое они уже могли предугадать изъ предшествующаго спора, обыкновенно прямо или косвенно выражаютъ свое согласіе добровольно его исполнить. Послѣ этого тотъ, кто объявлялъ резолюцію, или другой, обращаясь къ тяжущимся, говоритъ: „ну помиритесь“, и слѣдуетъ обрядъ примиренія, заключающійся въ томъ, что стороны кланяются другъ-другу въ ноги. Затѣмъ покупается водка и слѣдуетъ угощеніе, что, однако, не мѣшаетъ разбирать слѣдующія дѣла.

Но иногда бываетъ, что послѣ объявленія резолюціи слѣдуетъ возраженіе со стороны истца или отвѣтчика и судей, несогласныхъ съ объявленнымъ рѣшеніемъ; снова поднимается шумъ, и если послѣднихъ, т. е. несогласныхъ съ объявленнымъ рѣшеніемъ, окажется большинство, то объявляется новое рѣшеніе, съ которымъ можетъ оказаться также большинство не согласно, и опять поднимается споръ и вырабатывается еще иное рѣшеніе и т. д. до тѣхъ поръ, пока не объявится рѣшеніе, съ которымъ согласны всѣ или большинство, и это рѣшеніе стороны волею-неволею, а исполняютъ. Но бываютъ случаи, что отвѣтчикъ не соглашается добровольно исполнить рѣшеніе схода, тогда начинаютъ сначала уговаривать и убѣждать его въ томъ, что рѣшеніе справедливо и онъ долженъ его исполнить; потомъ увѣщаніе переходитъ въ ругань, а отвѣтчикъ все упирается, „супорствуетъ“, не желаетъ исполнить приговора. Въ такихъ случаяхъ разсерженные судьи говорятъ истцу: „бери ее“, т. е. спорную вещь, и если она на судѣ, истецъ тотчасъ же и беретъ ее, если же ея нѣтъ на судѣ, то выдѣляются нѣсколько человѣкъ и идутъ туда, гдѣ она находится и тамъ передаютъ ее истцу. Если же дѣло шло о долговомъ обязательствѣ, то иногда судьи отнимаютъ силою что нибудь у от-

Digitized by Google

вѣтчика и этимъ удовлетворяютъ истца. Но къ такимъ самоуправнымъ дѣйствіямъ судьи прибѣгаютъ не всегда, подъ опасеніемъ уголовной отвѣтственности; поэтому нерѣдко бываетъ, что поругаютъ, побранятъ отвѣтчика, плюнутъ и скажутъ истцу: „подавай на него въ судъ", разумѣя подъ послѣднимъ оффиціальный судъ. Вообще же должно замѣтить, что въ общемъ случаевъ уклоненій отъ исполненія рѣшенія схода бываетъ весьма мало, потому что не исполнить рѣшенія схода значитъ стать одному противъ всѣхъ, рискуя иногда подвергнуться чрезвычайно грубому насилію.

Въ настоящее время въ нѣкоторыхъ хуторахъ установился обычай: въ тѣхъ случаяхъ, когда невозможно немедленно исполнить рѣшенія схода, заключать письменныя мировыя записи, въ которыхъ излагаются условія примиренія, т. е. то, что сходъ опредѣлилъ; кромѣ того, въ нихъ всегда оговаривается, что если какая либо изъ сторонъ подастъ въ судъ (оффиціальный) по тому же дѣлу, то должна заплатить противной извѣстный штрафъ. И если кто подастъ по этому же дѣлу въ станичный судъ и противная сторона представитъ эту мировую, то станичный судъ, не разбирая дѣла, штрафуетъ предъявившую сторону и штрафъ обращаетъ въ пользу противной стороны.

Въ судѣ хуторского схода можетъ принять участіе всякій полноправный хуторянинъ, поэтому можетъ случиться, что въ числѣ судей будетъ ближайшій родственникъ, другъ или пріятель одного изъ тяжущихся; отсюда является вопросъ: можетъ ли таковой принимать участіе въ разборѣ дѣла? Относительно этого должно замѣтить, что отвода судей вообще въ хуторскихъ судахъ не практикуется, такъ что въ какихъ бы отношеніяхъ ни стоялъ судья къ тяжущемуся, его устранить отъ разбора дѣла никоимъ образомъ нельзя. Но если въ комъ либо изъ судей увидятъ пристрастное отношеніе къ дѣлу, то таковому тотчасъ же замѣтятъ объ этомъ, и его слова уже такого значенія не имѣютъ.

Въ числѣ судей хуторского схода можетъ оказаться свидѣтель по разбираемому дѣлу. Такой судья не только не устраняется отъ разбора дѣла, а наоборотъ, какъ болѣе знакомый съ дѣломъ, онъ принимаетъ въ немъ и болѣе дѣятельное участіе.

Digitized by Google

То-же самое можно сказать и объ отводѣ свидѣтелей. Свидѣтелемъ на хуторскихъ судахъ можетъ быть всякій. Нерѣдко бываетъ, что отецъ является свидѣтелемъ по дѣлу сына, а сынъ по дѣлу отца. Словомъ, показанія всякаго принимаются судьями. Какое придаютъ значеніе этимъ показаніямъ, то это больше зависитъ отъ личности самого свидѣтеля, отъ содержанія показаній, отъ способа дачи ихъ и т. п. обстоятельствъ. Впрочемъ, при разспросѣ казаковъ относительно свидѣтелей они высказывали такой взглядъ, что на хуторскихъ судахъ родственники независимо отъ степени родства допускаются, друзья же и кумовья не допускаются, или по крайней мѣрѣ не такъ свободно допускаются, какъ первые. Въ станичномъ же судѣ наоборотъ: родственники устраняются, друзья и пріятели допускаются. Такимъ образомъ, по словамъ казаковъ, въ хуторахъ дѣйствуетъ принципъ дружбы, а въ станицахъ принципъ родства. Такой взглядъ на отводъ свидѣтелей объясняется слѣдующимъ: нѣкоторые хутора отчасти и въ настоящеее время представляютъ собою поселенія разросшейся какой нибудь семьи, на что указываютъ и ихъ названія, какъ напр. хут. Горбуновъ, Секуровъ, Абрамовъ, Казаринскій и т. п.; въ каждомъ такомъ хуторѣ преобладаетъ соотвѣтствующая его названію фамилія казаковъ. Вслѣдствіе такого образованія хуторовъ въ нихъ почти всѣ между собою родственники, поэтому, если строго держаться принципа родства, то никто или весьма многіе не могли бы быть свидѣтелями. Кромѣ того, родство здѣсь парализуется взаимностью. Если свидѣтель родственникъ, положимъ, истцу, то навѣрное можно предполагать, что онъ родственникъ и отвѣтчику; поэтому родственная связь здѣсь не можетъ играть такой роли, какую она играетъ въ поселеніяхъ, какъ напр. станицахъ, гдѣ далеко не всѣ между собою родственники. Другое дѣло дружба и кумовство въ хуторахъ. Они ставятъ въ хуторахъ двухъ родственниковъ въ болѣе близкія отношенія, поэтому и ожидать отъ нихъ безпристрастныхъ показаній невозможно. Отсюда-то и выработался выше сказанный взглядъ у казаковъ на отводъ свидѣтелей; хотя нужно замѣтить, что это только взглядъ, на самомъ же дѣлѣ и въ хуторахъ въ качествѣ свидѣтелей допрашиваются друзья и

Digitized by Google

кумовья, хотя, правда, къ ихъ показаніямъ относятся весьма осторожно.

Существеннаго различія между гражданскимъ и уголовнымъ процессами въ хуторскихъ судахъ не замѣчается. Уголовныя дѣла разбираются такъ же, какъ и гражданскія, и также заканчиваются обрядомъ примиренія, но это не значитъ, что обвиненный не несетъ должнаго наказанія. Въ уголовныхъ дѣлахъ, какъ и въ гражданскихъ, примиреніемъ разрѣшаются по большей части не правовыя отношенія, возникшія вслѣдствіе проступка, а лишь непріязненныя и враждебныя отношенія возникшія, по поводу преступленія. Съ перваго взгляда можетъ показаться, что многія дѣла на хуторскихъ судахъ оканчиваются примиреніемъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, т. е. потерпѣвшій съ обвиняемымъ мирятся на извѣстныхъ условіяхъ, и обвиняемаго не постигаетъ никакое наказаніе. Но если ближе всмотрѣться въ условія примиренія, нужно будетъ прійти къ иному заключенію. Эти условія, иногда весьма тягостныя для обвиненнаго, далеко не соотвѣтствуютъ вреду и ущербу, понесеннымъ потерпѣвшимъ отъ проступка; часто обвиняемый соглашается вознаградить потерпѣвшаго вдвое, втрое и болѣе, такъ что въ самыхъ условіяхъ примиренія заключается наказаніе обвиняемаго. Можно сказать, что въ хуторскихъ судахъ примиреніемъ дѣлъ кончается несравненно меньше, чѣмъ въ станичныхъ. Въ послѣднихъ сплошь и рядомъ бываетъ, что является потерпѣвшій съ воромъ и заявляетъ, что онъ помирился, и станичный судъ прекращаетъ дѣло, не подвергая обвиняемаго наказанію; мало того, нерѣдко бываетъ, что самъ станичный судъ склоняетъ стороны къ примиренію. Этого почти не бываетъ въ хуторахъ, въ особенности, гдѣ сохранилась чистота нравовъ и гдѣ земледѣліе является преобладающимъ занятіемъ. Здѣсь хотя бы обвиняемый помирился съ потерпѣвшимъ, но его постигнетъ то или иное наказаніе. Даже болѣе, хотя бы потерпѣвшій не заявлялъ хуторскому сходу о случившемся проступкѣ, хотя бы онъ давно примирился съ обвиняемымъ, но если сходъ узнаетъ объ этомъ, онъ помимо жалобы привлечетъ виновнаго къ суду и накажетъ.

Digitized by Google

При разсмотрѣніи уголовныхъ дѣлъ хуторской сходъ не ограничивается сужденіемъ о данномъ проступкѣ обвиняемаго; онъ входитъ въ разсмотрѣніе и всѣхъ прежнихъ проступковъ обвиняемаго, и если онъ какой-либо изъ нихъ станетъ отрицать и никто на сходѣ не можетъ удостовѣрить, то посылаютъ за тѣми, кто это можетъ удостовѣрить. Словомъ, на хуторскомъ сходѣ возстановляется полная характеристика обвиняемаго и сообразно съ ней опредѣляется ему наказаніе.

Разсмотримъ наиболѣе употребительныя наказанія въ хуторскихъ судахъ.

Часто вмѣсто всякихъ наказаній старики на сходѣ, выражаясь словами казаковъ, „потазаютъ“ только виновнаго, т. е. побранятъ его, сдѣлаютъ ему выговоръ или внушеніе, „наширяютъ ему въ глаза“, какъ иначе они еще объ этомъ выражаются. Это, повидимому, ничтожное наказаніе имѣетъ на самомъ дѣлѣ чрезвычайно важное значеніе и весьма большую силу, если принять во вниманіе ту постоянную связь и зависимость каждаго хуторского жителя отъ цѣлаго общества. Это одно изъ самыхъ симпатичныхъ по своимъ результатамъ наказаній, практикуемыхъ въ хуторскихъ судахъ. Выслушать цѣлую массу простыхъ, но сильныхъ и справедливыхъ упрековъ отъ цѣлой окружающей толпы, готовой въ минуту раздраженія подвергнуть обвиняемаго сильнымъ побоямъ, настолько дѣйствуетъ на преступниковъ, что они среди толпы принимаютъ видъ истинно кающагося грѣшника. Весьма употребительно наказаніе — наложеніе штрафа въ видѣ покупки водки для угощенія стариковъ. Сходъ, признавъ виновнымъ обвиняемаго и сдѣлавъ ему выговоръ, „потазавъ“ его, обязываетъ его купить для угощенія водки, соразмѣряя ея количество съ степенью виновности обвиняемаго. Иногда количество ея доходитъ до весьма большихъ размѣровъ; обвиняемый долженъ угощать цѣлый сходъ нетолько одинъ разъ, но въ продолженіе нѣсколькихъ дней, что сопряжено съ большими и весьма чувствительными издержками, такъ что обвиненный предпочелъ бы иногда отсидѣть нѣсколько мѣсяцевъ въ острогѣ или въ арестномъ домѣ.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда обвиняемый не исполняетъ добровольно опредѣленнаго наказанія, т. е. не покупаетъ водки,

Digitized by Google

у него отнимаютъ какую-нибудь вещь и закладываютъ въ кабакѣ. Наложеніе штрафа на виновнаго почти не практикуется на хуторахъ. Этимъ видомъ наказанія далеко не удовлетворяется простой народъ. Отъ такого наказанія потерпѣвшій не чувствуетъ себя достаточно удовлетвореннымъ, а судьи остаются не вознагражденными. Другое дѣло наказаніе въ видѣ покупки водки для угощенія: здѣсь потерпѣвшій получаетъ пріятное удовлетвореніе, а судьи пріятное вознагражденіе. Этотъ видъ наказанія, не смотря на свое дурное содержаніе, имѣетъ свои хорошія стороны; оно предупреждаетъ и воздерживаетъ многихъ отъ проступковъ. Хуторскіе сходы собираются почти въ каждый праздникъ и, естественно, на нихъ является желаніе выпить; поэтому каждый вспоминаетъ, кто за предшествующіе будни сдѣлалъ какой-либо проступокъ, и, вспомнивъ его, докладываетъ обществу. Призываются обвиняемые, разбираются дѣла, опредѣляются наказанія виновнымъ и покупается угощеніе. Такимъ образомъ, рѣдкій проступокъ въ хуторской жизни проходитъ безъ наказанія; рано или поздно за него придется расплатиться. Каждый совершившій будничный проступокъ искупляетъ его праздничнымъ угощеніемъ. Нельзя сказать, чтобы такое наказаніе вело за собою пристрастіе и несправедливость; оно, какъ и всякое наказаніе, налагается съ большою осторожностью.

Менѣе употребительно въ хуторахъ тѣлесное наказаніе; наказаніе розгами почти не употребляется, а вмѣсто этого обыкновенно практикуютъ рукопашную расправу. Во время разбора дѣла, признавъ обвиняемаго виновнымъ въ какомъ-либо важномъ проступкѣ, сходъ по молчаливому согласію начинаетъ бить обвиняемаго. Во время самаго разгара, шума толкнетъ или ударитъ кто-нибудь, обыкновенно потерпѣвшій, обвиняемаго; тотчасъ на него набрасываются другіе и начинаютъ его бить иногда самымъ немилосерднымъ образомъ, при этомъ бить стараются всѣ, чтобы никто не могъ быть свидѣтелемъ. Хуторской атаманъ на это время удаляется.

Большимъ сочувствіемъ, какъ мѣра наказанія, пользуется выселеніе подозрительныхъ людей; но оно практикуется весьма рѣдко, потому что сопряжено съ большими формальностями, упущеніе которыхъ влечетъ за собою недѣйствительность

Digitized by Google

общественнаго приговора. Кромѣ того, эта мѣра наказанія весьма опасна, такъ какъ приговоренный къ выселенію всегда остается на свободѣ, что ставитъ общество въ весьма опасное положеніе.

Не всегда хуторской судъ оканчивается опредѣленіемъ наказанія виновному. Иногда общественный сходъ или судъ стариковъ заставляетъ хуторского атамана составить протоколъ и представить его „по начальству", предполагая, что обвиняемаго постигнетъ болѣе строгое наказаніе, чѣмъ какое можетъ опредѣлить хуторской судъ.

Третейскій судъ.

О пятомъ видѣ хуторского суда—третейскомъ судѣ приходится сказать очень мало, потому что онъ среди казаковъ вообще, а въ особенности въ хуторахъ, распространенъ весьма мало. Третейскій судъ или „третьяковый судъ", какъ иногда называютъ его, по словамъ казаковъ избирается по дѣламъ о семейныхъ раздѣлахъ или по дѣламъ, по которымъ стороны «ходятъ, ходятъ по судамъ, а ихъ никакъ нигдѣ не разберутъ; надоѣстъ имъ ходить, и они рѣшатъ разобраться третейскимъ судомъ», для чего избираютъ одного или нѣсколькихъ судей.

Число третейскихъ судей не ограничено, но требуется, чтобы стороны назначили судей поровну. Иногда стороны избираютъ судей не каждая отдѣльно, а сообща, по общему соглашенію, или же, избравъ каждая отдѣльно по одному судьѣ, избираютъ одного общаго. Третейскіе судьи разбираютъ дѣла только одни между собою, мѣшать имъ никто не можетъ. При этомъ дѣла они разрѣшаютъ не тотчасъ по ихъ избраніи, а иногда совѣщаются нѣсколько дней и даже мѣсяцевъ и во все это время на досугѣ совѣщаются между собою. А когда придутъ между собою къ соглашенію, идутъ на сходъ и здѣсь объявляютъ свое рѣшеніе. Жалобъ на рѣшеніе третейскаго суда ни въ коемъ случаѣ не допускается, и стороны всегда добровольно исполняютъ рѣшенія суда.

Въ заключеніе скажемъ о томъ вліяніи, какое имѣютъ хуторскіе суды на станичные суды. Раньше мы упоминали, что

Digitized by Google

въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣшеніе хуторского суда записано въ формѣ мировой записи, то станичные суды, по представленіи таковой, не разбирая дѣла, штрафуютъ предъявившую сторону, если этотъ штрафъ былъ оговоренъ. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда нѣтъ такихъ записей, станичные суды путемъ разспроса сторонъ и свидѣтелей разузнаютъ, какъ порѣшилъ это дѣло тотъ или иной хуторской судъ, и по большей части такъ и разрѣшаютъ дѣло. Такое значеніе хуторскихъ судовъ, признаніе ихъ авторитета самими казаками объясняется правотою ихъ рѣшеній. Эти суды, стоящіе весьма близко къ дѣйствительной жизни и наиболѣе соотвѣтствующіе бытовой обстановкѣ, примѣняютъ исключительно правила обычнаго права, а потому и нейдутъ въ разрѣзъ съ юридическимъ міровоззрѣніемъ народа. Если эти суды и имѣютъ нѣкоторые недостатки, то можно думать, что многіе изъ нихъ отпали бы сами собою съ признаніемъ за хуторскими судами законной силы.

А. Казминъ.

Digitized by Google

Нѣсколько данныхъ для характеристики быта сѣверныхъ бурятъ *).

I. Замѣтки о внѣшнемъ бытѣ въ старину.

1. *Жилище.*

Въ старину, во времена звѣроловческаго быта, у бурятъ не было ни домовъ, ни юртъ, а были такъ называемые *бухэки* и *балаганы*. Бухэкъ устраивался такимъ образомъ: въ землю втыкали нѣсколько длинныхъ жердей такъ, чтобы онѣ образовали конусъ; верхніе концы жердей упирались одинъ въ другой и скрѣплялись. Снаружи жерди обвертывались большими полостями, сшитыми изъ звѣриныхъ шкуръ; верхъ оставался не закрытымъ, и въ щели между жер-

*) Замѣтки эти составлены М. Н. Хангаловымъ, природнымъ бурятомъ, имѣющимъ постоянное жительство въ Хара-нурскомъ улусѣ, Балаганск. окр., Иркутск. губ. Г. Хангаловъ—самый усердный собиратель устныхъ памятниковъ древности среди бурятскаго народа. Кромѣ большой статьи „Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ", составившей отдѣльный выпускъ Записокъ Восточно-сибирск. Отдѣла И. Р. Геогр. Общ. по этнографіи (т. I, вып. 1), въ изданіяхъ того же Отдѣла было напечатано нѣсколько мелкихъ его замѣтокъ, какъ напр. о легендѣ о первомъ шаманѣ, о разныхъ повѣрьяхъ у бурятъ, объ древней облавѣ на звѣрей и пр. Кромѣ того, г. Хангаловъ помогалъ г. Агапитову, своему учителю, въ составленіи статьи: „Матеріалы для изученія шамановъ въ Сибири", помѣщенной въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, т. XIV, в. 1—2. Первая часть настоящей статьи, „Замѣтки о внѣшнемъ бытѣ" есть извлеченіе изъ рукописи г. Хангалова, другія части которой были уже напечатаны въ изданіяхъ В.—Сиб. Отдѣла; а именно, по словамъ завѣдывавшаго Отдѣломъ Г. Н. Потанина, все относящееся до обычая облавы было напечатано въ „Извѣстіяхъ" Отдѣла, т. XIX, в. 3, подъ названіемъ „Зэгэгэ-аба, облава на звѣрей у древнихъ бурятъ"; легенды же изъ этой рукописи помѣщены въ „Запискахъ" Отдѣла по этн., т. I, в. 1 (Бурятскія сказки и повѣрья, Иркутскъ. 1889)

Digitized by Google

дями выходилъ дымъ. Иногда бухэкъ строился изъ молодыхъ сосновыхъ стволовъ, а низъ его вмѣсто мѣховыхъ одѣялъ закладывался снаружи хвойными вѣтками, а зимой засыпался снѣгомъ. Перекочевывая съ одного мѣста на другое, буряты брали только мѣховыя шкуры, покрывавшія бухэкъ, оставляя бревна на мѣстахъ. Лѣтомъ мѣховыя покрышки не употреблялись. Слово *бухэк* происходитъ отъ бурятскаго слова *бухэхэ*—„наклоняться“, такъ какъ входъ въ бухэкъ дѣлался очень низкій.

Впослѣдствіи стали дѣлать деревянные балаганы, по-бурятски *бумах̈ан* *). Со временемъ стали строить также деревянныя юрты, дѣлая ихъ восьмигранными. Юрты изъ войлока появились у сѣверныхъ бурятъ впослѣдствіи и, надо думать, заимствованы у забайкальскихъ бурятъ.

2. *Одежда и обувь.*

Одежда состояла изъ шубы, шапки и унтовъ. Въ зимнее время подъ шубу надѣвали узкое и короткое платье, плотно охватывавшее тѣло; оно называлось *самса* (въ настоящее время словомъ „самса“ буряты называютъ рубаху.) Поверхъ самсы надѣвалась шуба, которая шилась изъ звѣриныхъ шкуръ; поверхъ шубы подпоясывались. Въ сильные холода сверхъ шубы надѣвали *доху*—шубу, сшитую мѣхомъ вверхъ, съ разрѣзомъ назади ради удобства при верховой ѣздѣ.

Лѣтомъ носили одежду того же покроя, но сдѣланную изъ замши. Для этого преимущественно употребляли шкуры козуль. Ихъ гноили до того, чтобы шерсть вся выпала; затѣмъ голую шкуру выдѣлывали и дымили надъ сосновыми шишками. Изрѣдка встрѣчались одежды изъ шелковыхъ матерій, которыя получали изъ Китая черезъ Монголію, вымѣнивая на звѣриныя шкуры. На рукахъ носили рукавицы *бэлэ*. На голову надѣвали шапки изъ звѣриныхъ шкуръ съ наушниками.

Женская одежда отличалась нѣсколько отъ мужской по-

*) Знакомъ х̈ означается тотъ звукъ *х*, который въ другомъ нарѣчіи переходитъ въ *с*, напр. *х̈айн—сайн*.

Digitized by Google

кроемъ, но шилась также изъ звѣриныхъ шкуръ; замужнія женщины носили сверхъ шубы *дэглэ*, который ради удобства при верховой ѣздѣ имѣлъ разрѣзъ сзади. Женская и дѣвичья одежда отъ мужской покроемъ не отличалась, но дѣлалась наряднѣе, опушалась сверху полосами болѣе дорогого мѣха и украшалась вышивками.

Обувь у бурятъ была двухъ сортовъ: одна дѣлалась изъ звѣриныхъ лапъ или изъ шкуръ съ ногъ козуль и оленей; это—унты. Другая называлась *хэхэ-годохон*; она шилась съ длинными голенищами; носокъ дѣлался очень твердый и выдавался немного кверху шишкой. Во время единоборства буряты били своего противника этой шишкой сапога и иногда убивали его этимъ орудіемъ.

3. Сбруя и оружіе.

Узда дѣлалась такая же, какъ и нынѣ, и называлась *хазар*; если украшалась серебромъ, то называлась *мöнгöн хазар*.

Сѣдло, *эмэл*, старинное было нѣсколько больше нынѣшнихъ, украшалось желѣзными высеребренными бляхами.

Старинное оружіе бурятъ составляли лукъ (номо) и стрѣлы. *Номо*, лукъ, приготовлялся слѣдующимъ образомъ. Лукъ дѣлали изъ березоваго дерева; затѣмъ съ внутренней стороны оклеивали рогомъ или костью; сверху дерева съ наружной стороны оклеивали жилами, а сверху жилъ наклеивали бересту. Луки дѣлались двухъ сортовъ: одинъ былъ плоскій и широкій; онъ бывалъ очень упругъ и далеко бросалъ стрѣлу; такой лукъ буряты называли *манза-номо*. Такіе луки буряты доставали изъ Монголіи; въ сказкахъ и преданіяхъ такіе луки называются *бухар шара номо*. Другого сорта луки буряты дѣлали сами; они были почти круглые, снаружи берестяные, изнутри оклеенные жилами.

Стрѣла—*годоли* или *утхэ*,—это были стрѣлы оперенныя; если же стрѣла не была оперена, тогда она называлась *мохо*. Наконечники стрѣлъ, по-бурятски *х̆ума*, дѣлались различные: одни были плоскіе и продолговатые; и теперь дѣлаются такіе же, только меньшихъ размѣровъ. Были еще наконечники трехгранные; къ концу наконечника грани постепенно умень-

Digitized by Google

шались и дѣлались острыми. Такіе наконечники дѣлались для того, чтобы рана была больше и вслѣдствіе того опаснѣе.

Стрѣлы *бахарган* были такія же трехгранныя, но грани ихъ были больше и каждое крыло грани имѣло одно или два отверстія. Такими стрѣлами рѣдко стрѣляли въ звѣрей, такъ какъ онѣ были тяжелы и не могли летѣть далеко; притомъ *бахарган* сильно свистѣла въ воздухѣ и потому пугала звѣря.

Зэбэ-ҳума четвертый видъ стрѣлъ. Онѣ имѣли конусообразные круглые наконечники. Эти стрѣлы дѣлали небольшія раны, но зато проходили глубоко въ тѣло или били на вылетъ. Ими стрѣляли очень издалека и въ маленькихъ звѣрей, даже въ птицъ.

Пониже наконечника на стрѣлу надѣвали граненый шарикъ *зэн*; иногда въ шарикѣ дѣлались отверстія, и тогда они служили какъ бы свисткомъ. Зэнъ надѣвали на стрѣлу для того, чтобы рану сдѣлать больше. На конусообразныхъ стрѣлахъ шарики дѣлались маленькіе, чтобы не разрывать шкурки.

Колчанъ для стрѣлъ по-бурятски назывался *хадак*. Съ лицевой стороны хадакъ украшался вышивками и желѣзными высеребренными бляхами. Лукъ клали въ футляръ *хормого*; его привязывали съ лѣваго бока, а хадакъ со стрѣлами на правомъ боку.

Во время религіознаго обряда на *таилганахъ* было въ обычаѣ снимать съ себя лукъ и стрѣлы. Въ настоящее время послѣ совершенія обряда *сасали бирьха*, когда совершающіе обрядъ брызгаютъ изъ своихъ чашекъ *курунгу* (кислое молоко) и *тарасунъ* (молочную водку) и затѣмъ бросаютъ и самыя чашки кверху, гадая по ихъ паденію, участники вырываютъ нѣсколько травы и втыкаютъ ее себѣ за поясъ. По словамъ ихъ, это означаетъ: надѣть на себя колчанъ и лукъ.

У бурятъ были также мечи, называемые *сэлмэ*; ихъ ковали свои бурятскіе кузнецы, а лучшіе получались изъ Монголіи.

Были у нихъ также копья *жада*; они дѣлались двухъ сортовъ: одни съ простымъ древкомъ, а другія имѣли на древкѣ поперечную перекладину; послѣднія употреблялись на охотѣ за крупнымъ звѣремъ. Впрочемъ, жада, повидимому, было болѣе военное оружіе, чѣмъ охотничье.

Хотӧго, ножъ не очень большихъ размѣровъ, буряты по-

Digitized by Google

стоянно носили на поясѣ слѣва. Ножи носили всѣ, и большіе, и маленькіе, и женщины. Въ землѣ находятъ небольшіе круглые ножи; для чего они употреблялись, неизвѣстно.

4. *Пища.*

Въ старину, когда буряты только еще переходили отъ быта звѣроловческаго къ скотоводству, они очень дорожили скотомъ. По ихъ преданіямъ, сѣверо - байкальскіе буряты добывали скотъ, главнымъ образомъ, совершая набѣги на жителей Забайкалья и Монголіи. Въ памяти народа и теперь еще сохранилось нѣсколько именъ лицъ, наиболѣе прославившихся такими набѣгами. Угонять конечно было удобнѣе лошадей, вслѣдствіе чего рогатый скотъ размножался у бурятъ медленнѣе лошадей, а потому и колоть скотъ у бурятъ не было въ такомъ обычаѣ, какъ теперь. Но у нихъ въ то время существовалъ обычай *ханаха*. Не желая убивать скотину и въ то же время имѣя желаніе поѣсть мясного, буряты ловили лошадь или рогатую скотину, дѣлали у нея на шеѣ надрѣзъ и кровь, бѣжавшую изъ раны, собирали въ посуду; выпустивши нѣкоторое количество крови, ее останавливали, и животное отпускали. Добытую такимъ образомъ кровь варили въ котлѣ и ѣли. У нынѣшнихъ бурятъ обычай ханаха не существуетъ.

Прежніе буряты употребляли въ пищу нѣкоторыя растенія и коренья; они заготовляли ихъ и на зиму. Вмѣсто чая прежде употребляли корень травянистаго растенія *хӧдӧ* [1]). Корень выкапывали во время цвѣтенія и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли и заваривали кипяткомъ.

Мэхэр или *Мэхэрiэне* [2])—тоже травянистое растеніе. Употребляли такъ же, какъ предъидущее.

Синэ [3])—употребляли корни; пили, какъ чай. Въ большомъ количествѣ это растеніе вредно дѣйствуетъ на здоровье.

Сайнъ ӧбӧхӧн (красивая трава)—трава съ мелкими бѣлыми

---

1) Вѣроятно Sanguisorba.
2) Polygonum viviparum L.
3) Paeonia anomala.

Digitized by Google

цвѣтами, нѣжно пахнущими. Цвѣты сушили на солнцѣ, послѣ чего заваривали, какъ чай, и пили.

Современные буряты изъ перечисленныхъ растенiй пьютъ отваръ корней *ходö* и отваръ изъ цвѣтовъ *сайн обöхöн*.

Хара ȟарана — травянистое растенiе. Выкапывали корни, сушили и варили цѣлыми, не толкли.

Öеюнö — травянистое растенiе; копали корни, тщательно очищали и сушили на солнцѣ, затѣмъ толкли въ ступѣ. Получалась мука, изъ которой мѣсили на растопленномъ салѣ или сметанѣ лепешки, называемыя *бöн*.

Сабаȟан—травянистое растенiе; употребляли такъ же, какъ и предъидущее.

Гэшигэнэ [1])—травянистое растенiе; изъ корней приготовляли муку. Въ настоящее время стебли употребляютъ въ лѣкарство; изъ нихъ дѣлаютъ припарки при внутреннихъ болѣзняхъ и опухоляхъ.

Хонгино или *далан халиȟан* — травянистое растенiе; въ пищу употребляли корни въ сыромъ видѣ или варили въ водѣ и какъ приправу къ мясу. На вкусъ корень сладкiй. Буряты запасали его на зиму.

Аситаши — многолѣтнее растенiе, кустарникъ; въ пищу употребляютъ корни; большею частью жуютъ въ сыромъ видѣ, высасывая сокъ, иногда варятъ и пьютъ отваръ

Азаргана—трава. Въ пищу употребляется только верхняя часть растенiя; ѣдятъ въ сыромъ видѣ.

Мура-öбöхöн — трава; въ пищу употребляютъ стебли въ сыромъ видѣ; корни не ѣдятъ.

Гэшугэнэ,—трава; ѣдятъ или въ сыромъ видѣ, или варятъ и пьютъ отваръ; выварки бросаютъ.

Хулганан-шинэн—трава }
Бальширгана—трава } ѣдятъ въ сыромъ видѣ.
Унхэ-сур—трава }

Гöгöхöно—травянистое растенiе; стебли употребляютъ въ сыромъ видѣ; корни ѣдятъ сырые и вареные.

Саган ȟарана [2])—травянистое растенiе; луковичный корень

---

[1]) Potentilla anserina L.
[2]) Lilium tenuifolium Fisch

Digitized by Google

этого растенія употребляютъ какъ въ сыромъ, такъ и въ вареномъ видѣ. Прежде буряты запасали его на зиму.

Шари ҳарана (желтая сарана [1]); луковицы нѣсколько мельче, чѣмъ у предъидущаго растенія; употребляется такъ же.

Нагда; корни этого растенія выкапывали, пекли въ горячей золѣ, тогда они становились мягкими и сладкими.

Манигхан — трава; употребляется и стебель и корень въ сыромъ и въ вареномъ видѣ. Прежде это было самое употребительное растеніе.

Халяр — трава; употребляется такъ же, какъ мангиханъ.

Буряты употребляли также въ пищу ягоды и весной древесный сокъ.

5. *Посуда, орудія и т. п.*

Въ старину у бурятъ посуды было немного. Были котлы изъ мѣди и изъ желѣза. Иногда для варки пищи употребляли выдолбленные изъ дерева корыта, называемыя *тэбши*. Въ такое корыто наливали воду и, положа въ воду мяса, пускали въ корыто до-красна накаленные камни. Были также котлы, сшитые изъ бересты, но послѣдніе были конечно крайне непрочны. Чашки были долбленыя изъ дерева и назывались *айга*; иногда чашки тоже шились изъ бересты.

Ложки, *халбаги* и поварешки, *шинага*, тоже дѣлались долбленыя или сшитыя изъ бересты и прикрѣплялись къ деревянному черенку.

Изъ бересты также шили особыя лукошки, по возможности украшая ихъ; они служили для складыванья костей и погребальныхъ остатковъ.

Во время переѣздовъ буряты возили свое имущество въ переметныхъ сумахъ, сшитыхъ изъ шкуръ животныхъ; онѣ называются *ута*. Кромѣ ута шились еще мѣшки изъ кожи, очищенной отъ шерсти; эти мѣшки называются *башлык*.

Хухэнэк былъ мѣшокъ для стрѣлъ и прочаго оружія; это былъ скорѣе предметъ украшенія, такъ какъ его очень убирали серебряными бляхами, раковинами и вышивками (см. ниже, стр. 154).

---

[1] Lilium Martagon L.

Digitized by Google

Топоры у бурятъ были прежде не такіе, какъ теперь; лезвее его приходилось поперекъ топорища, а не вдоль, какъ у нынѣшнихъ. Такой топоръ назывался *ҳухэ*. Кромѣ того былъ *оми-ҳухэ* съ круглымъ лезомъ; его употребляли для долбленія деревянныхъ чашъ, корытъ и лодокъ.

Гахана были особаго рода лопаточки, которыми выкапывали корни съѣдобныхъ растеній. Полукруглый желѣзный наконечникъ гахана насаживался на древко.

Были ли косы у бурятъ въ древнее время, трудно заключить; впослѣдствіи они стали дѣлать косы на подобіе серповъ, съ небольшими, не длиннѣе фута, черенками. Сѣнокошеніе у бурятъ производилось близко къ осени и продолжалось около двадцати дней, что можно заключить изъ бурятской поговорки, въ которой упоминается о желтыхъ листьяхъ въ связи съ сѣнокошеніемъ.

У бурятъ издавна употребляется неводъ — *гульмэ*, острога — *хэрэ*, удочка—*гохо*, морда—*гур*. Невода приготовляются изъ волосъ конскаго хвоста и гривы; дѣлаютъ ихъ буряты сами. Гуръ плетутъ изъ тальниковыхъ вѣтвей. *Гэрдэхэ* по-бурятски значитъ лучить рыбу. Лучатъ обыкновенно осенью. Почти всѣ рыболовныя снасти имѣютъ своихъ *заяновъ* (духовъ), которые носятъ соотвѣтствующія названія. Такъ, напримѣръ, *гульмэ* имѣетъ заяна *Гульмэши ноён*. *Гур* имѣетъ *Гурши хатун*. Есть *Хорэши ноён*, *Гохоши ноён*.

Въ преданіяхъ бурятъ упоминаются лодки деревянныя, долбленыя; впослѣдствіи они заимствовали у кого-то изъ своихъ сосѣдей берестяныя лодки, но сами дѣлать ихъ не умѣли.

II. Остатки старины въ обычаяхъ и обрядахъ.

1. *Родинные обряды.*

У бурятъ Кудинскихъ до сихъ поръ соблюдается слѣдующій обрядъ. Когда родится у кого-нибудь ребенокъ, то въ юртѣ выкапываютъ яму, противъ двери за очагомъ, въ томъ мѣстѣ, которое буряты называютъ *хоймор тала* и гдѣ большею частью сидятъ женщины. Въ то же время варятъ саламату (мука съ масломъ и сметаной) и ставятъ ее въ трехъ

Digitized by Google

чашкахъ по тремъ сторонамъ ямы; въ ямѣ разводятъ немного огня. На огонь кладутъ саламату и немного масла. Въ яму кладутъ *томто* [1]), кость отъ лытки, такъ называемую у бурятъ *барбагай*, калъ новорожденнаго и всѣ нечистоты, которыя выдѣлились вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Для совершенія этого обряда приглашаютъ трехъ или пять женщинъ, а мужчинъ и дѣтей высылаютъ изъ юрты, потому что этотъ обрядъ считается нечистымъ. Одну изъ приглашенныхъ женщинъ выбираютъ быть матерью новорожденнаго; она должна въ это время быть неотлучно возлѣ ребенка. Женщины ходятъ вокругъ ямы пó-солонь и потомъ съѣдаютъ приготовленную саламату, никому не давая ее. Потомъ эту яму тщательно закрываютъ доской, такъ чтобы ничего не утратилось изъ ямы. Если же что пропадетъ, то ребенокъ не будетъ счастливъ и не выростетъ большой. Въ ямѣ будетъ столько томто, сколько въ семьѣ родится ребятъ.

Второй обрядъ называется *öлöдö урулха*, а у Балаганскихъ бурятъ—*торомо*. На второй или на третій день послѣ рожденія ребенка у бурятъ устраивается праздникъ; покупаютъ водки или дома высиживаютъ нѣсколько котловъ тарасуна и колютъ барана или бычка. Всѣ родственники и сосѣди собираются въ домъ новорожденнаго. Когда всѣ соберутся, варятъ саламату и мясо; послѣднее раскладываютъ въ корзины, а лытку отъ задней ноги беретъ въ руки и держитъ посаженная (избранная) мать ребенка, которая сидитъ возлѣ новорожденнаго. Рядомъ стоитъ люлька [2]) со всѣмъ, что къ ней нужно, и сидитъ маленькій мальчикъ или дѣвочка: если новорожденный мальчикъ, то и возлѣ люльки мальчикъ, а если дѣвочка, то и возлѣ люльки дѣвочка. Какая нибудь старуха держитъ на рукахъ новорожденнаго. Посаженная мать въ правой рукѣ держитъ лытку съ большимъ ножомъ, или еще чаще употребляютъ при этомъ кинжалъ; прежде, говорятъ, для этого употребляли стрѣлу. Эту кость и кинжалъ она, не выпуская изъ рукъ, держитъ надъ люлькой и спрашиваетъ мальчика

[1]) Томто—не послѣдъ ли? (Потанинъ).

[2]) Люлька дѣлается изъ тонкихъ досокъ или изъ луба; низъ ея укрѣпленъ на круглыхъ обручахъ, отъ чего люлька легко раскачивается.

Digitized by Google

или дѣвочку: кого слѣдуетъ положить въ люльку, ребенка или кость? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Тогда мать опять спрашиваетъ: кого нужно положить въ люльку, ребенка или кинжалъ? Мальчикъ отвѣчаетъ: ребенка! Эти вопросы повторяются до трехъ разъ, и каждый разъ на нихъ отвѣчаютъ: ребенка! Послѣ этого посаженная мать спрашиваетъ мальчика или дѣвочку: вверхъ или внизъ (головой?) положить въ люлькѣ ребенка? Мальчикъ отвѣчаетъ: вверхъ! Этотъ вопросъ тоже повторяютъ три раза, и каждый разъ получаютъ тотъ же отвѣтъ. Послѣ этого кость отдаютъ мальчику или дѣвочкѣ, которые отвѣчали на вопросы, а они съѣдаютъ мясо съ кости. А новорожденнаго послѣ этого кладутъ въ люльку и пеленаютъ ремнями, какъ это всегда дѣлается у бурятъ. Потомъ у него стригутъ немного волосъ и кладутъ въ мѣшечекъ, который вѣшаютъ на задней стѣнкѣ колыбели, такъ что по числу мѣшечковъ можно видѣть, сколько было дѣтей въ семьѣ. Затѣмъ всѣ гости изъ вина и саламаты дѣлаютъ *дуаха*—брызганье, а отъ мяса бросаютъ въ огонь по частичкѣ и начинаютъ угощаться. Когда лытка, игравшая роль въ обрядѣ, будетъ очищена отъ мяса, тогда ее кладутъ въ люльку или привѣшиваютъ къ ней. Этимъ обрядъ „öлгöдö урулха“ оканчивается.

У Балаганскихъ бурятъ прежде было въ обычаѣ, во время праздника *торолго*, дѣлать *милага*, т. е. отдавать въ это время народу кобылицу. Родители новорожденнаго загоняютъ на свой дворъ табунъ лошадей, и одна изъ старухъ, участвующая въ обрядѣ, должна надѣть на голову кобылицы арканъ (волосяная веревка); послѣ этого мужчины ловятъ кобылицу, колютъ ее, и мясомъ ея угощаются, а сажу съ котла мѣшаютъ съ масломъ и этимъ стараются марать мужчинъ; это служитъ для нихъ въ этотъ день забавой.

2. *Свадебные обряды.*

Сватовство у бурятъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Отецъ жениха съ нѣкоторыми сосѣдями пріѣзжаетъ къ родителямъ невѣсты. Если родители невѣсты согласны, то ведутся дальнѣйшіе переговоры, и отецъ жениха надѣваетъ

Digitized by Google

на невѣсту золотую монету, такъ называемую *холобши*. При сватовствѣ очень рѣдко принимаютъ во вниманіе желаніе самихъ жениха и невѣсты. Если монета принята, тогда отецъ невѣсты подаетъ вино; имъ, по обычаю, „брызгаютъ", а затѣмъ его распиваютъ; послѣ этого договариваются о величинѣ калыма. Калымъ раньше бывалъ незначителенъ, въ настоящее время больше.

Главный моментъ сговора, когда все условлено, заключается въ томъ, что родители жениха и невѣсты мѣняются между собой поясами. Послѣ обмѣна поясовъ договоръ считается неразрывнымъ. Пированіе по случаю сговора продолжается иногда нѣсколько дней. Во время пированія родители невѣсты шьютъ отцу жениха новую шубу, и при его отъѣздѣ надѣваютъ на него эту шубу.

Послѣ этого отецъ жениха начинаетъ выплачивать калымъ, что продолжается не одинаково; одинъ дольше, другой скорѣе выплачиваетъ, почему и сватовство не разъ совершалось тогда, когда женихъ и невѣста еще очень молоды. Когда калымъ выплаченъ, тогда отецъ жениха объявляетъ, что онъ требуетъ невѣсту къ себѣ. Родители невѣсты тогда начинаютъ готовить приданое дочери, шить ей одежду. Въ прежнее время невѣстѣ приготовляли также лукъ и стрѣлы и дѣлали *хухэнэк;* давали также коня съ полной сбруей и съ сѣдломъ. Въ настоящее время невѣстамъ даютъ сколько нибудь скота. Все приданое называется *онжи;* скотъ онжи считается неотъемлемой собственностью невѣсты. *Хухэнэк*—это большой, аршина въ два, мѣшокъ трехугольной формы, сшитый изъ звѣриныхъ шкуръ и на лицевой сторонѣ украшенный вышивками, желѣзными, покрытыми серебромъ, бляхами и мелкими раковинами, *юбун* по-бурятски [1]). По бокамъ хухэнэкъ имѣетъ по девяти ремней, а на лицевой сторонѣ, нѣсколько ниже половины высоты, имѣетъ рядъ ременныхъ кистей. Дѣлаются ли ремни только для украшенія или они имѣли какое либо символическое значеніе, неизвѣстно. Въ настоящее время хухэнэкъ выводится, но его еще можно встрѣтить изрѣдка. Въ

---

1) Вѣроятно, змѣиными головками, Cypraea moneta (Потанинъ).

Digitized by Google

1881 г. намъ случилось видѣть хухэнэкъ, въ которомъ торчали три стрѣлы и двѣ бараньихъ лытки, очищенныя отъ мяса.

Приготовившись, родители невѣсты назначаютъ день, когда они повезутъ невѣсту, и приглашаютъ къ себѣ всю свою родню. Молодежь съѣзжается раньше, и въ домѣ невѣсты устраивается пиръ, причемъ молодежь играетъ въ игры и пляшетъ. Иногда съѣзжаются только наканунѣ, а иногда за нѣсколько дней. Попировавши въ домѣ невѣсты, всѣ переходятъ въ дома ея родственниковъ; иногда пируютъ не только въ улусѣ невѣсты, но переходятъ пировать и въ сосѣдніе улусы въ родственные дома. Родственники принимаютъ гостей радушно; это считается какъ-бы ихъ обязанностью.

Въ день отъѣзда всѣ собираются въ домъ невѣсты; раньше собирались всѣ въ полномъ вооруженіи верхомъ на лошадяхъ, и невѣста также ѣхала верхомъ; въ настоящее время ѣдутъ на телѣгахъ и тарантасахъ или саняхъ. Когда всѣ соберутся, тогда родители невѣсты колютъ животныхъ и брызгаютъ тарасуномъ и просятъ при этомъ благословенія своей дочери. Мяса и вина берутъ съ собой каждый по состоянію.

Передъ отъѣздомъ дѣвицы не пускаютъ невѣсту. Онѣ посадятъ ее въ самый уголъ, а сами, взявшись за руки и связавшись поясами, чтобы представлять собой неразрывную цѣпь, садятся впереди нея, нѣкоторыя даже ложатся на невѣсту, чтобы защищать ее своимъ тѣломъ. Если дѣвицъ много, то очень трудно бываетъ освободить невѣсту; борьбу съ дѣвицами ведутъ мужчины, приглашенные участвовать въ свадебномъ поѣздѣ. Послѣ этого всѣ ѣдутъ въ улусъ жениха.

Узнавши, что поѣздъ приближается, отъ жениха нѣсколько человѣкъ ѣдутъ на встрѣчу и везутъ мясо и вино. Эту встрѣчу называютъ *х̆ал;* при встрѣчѣ всѣ слѣзаютъ съ коней и отъ присланнаго мяса отрѣзаютъ по кусочку и бросаютъ въ огонь; точно также брызгаютъ въ огонь виномъ; это называется *дэши барьха*, а возліянія виномъ—*дух̆ах̆а;* послѣ этого ѣдутъ дальше. Въ прежнее время х̆алъ высылался за день до свадьбы въ сопровожденіи вооруженныхъ людей; они сопровождали потомъ свадебный поѣздъ. Между тѣмъ въ улусѣ жениха дѣлаются приготовленія: готовятся угощенія; кромѣ того, срубаютъ березку, такъ называемую *турэ*, ставятъ

Digitized by Google

ее передъ юртой жениха, и къ ней привязываютъ домашняго онгона [1]). Около березы разводится огонь; старики и почетныя лица со стороны жениха садятся у огня, образуя полукругъ.

Отъ невѣсты прежде всѣхъ пріѣзжаетъ *туруше;* это обыкновенно бываетъ пожилой человѣкъ, знающій обычаи. Его встрѣчаютъ обыкновенно съ большимъ почетомъ. Туруше везетъ въ рукахъ стрѣлу и при входѣ въ юрту жениха втыкаетъ ее въ столбъ юрты, въ *хоймор тэнги.* Туруше сажаютъ на почетное мѣсто и начинаютъ потчевать виномъ; иногда стараются напоить туруше до пьяна еще до пріѣзда свадебнаго поѣзда. Слово *туруше* происходитъ отъ бурятскаго слова *туру*—первый, передній.

За туруше пріѣзжаетъ поѣздъ съ невѣстой. Стариковъ сажаютъ на правой сторонѣ юрты, по-бурятски—*барун-тала* (западная сторона); женщинъ усаживаютъ на сѣверной сторонѣ *хоймор-тала*; невѣсту съ дѣвицами прячутъ за занавѣской *хошогён хойно.* Прежде всего на столъ ставятъ молоко или таракъ (нѣчто вродѣ простокваши); всѣ гости пробуютъ это угощеніе; это называется *сагалха* [2]).

Отцы жениха и невѣсты сидятъ рядомъ у очага; впереди ихъ стоитъ въ посудѣ вино. Два шамана, одинъ съ жениховой стороны, другой съ невѣстиной, брызгаютъ виномъ; во время брызганія они держатъ другъ-друга за руки; это совмѣстное обращеніе къ заянамъ во время брызганья означаетъ, что они соединяютъ членовъ двухъ родовъ въ супружескій союзъ. Послѣ этого начинается попойка до утра. На другой день передъ юртой жениха въ землѣ укрѣпляютъ березку *тургэ*; на тургэ вѣшаютъ божка *хотхо-онгон*, если онъ есть въ домѣ. Затѣмъ ставятъ жердь, прислонивъ ее однимъ концомъ къ березкѣ, и на ней вѣшаютъ шубу матери жениха. На сѣверъ отъ тургэ разводятъ огонь; около огня ставятъ въ посудѣ вино и мясо. Около этого огня садится благословитель, *öрöрши*, т. е. старикъ, который будетъ говорить благословеніе, *орёль*, жениху и невѣстѣ.

[1]) Онгонъ—домашній фетишъ.

[2]) Обычай подавать молочное угощеніе каждому гостю очень древній; если домохозяинъ не подавалъ *сагалга*, это означало, что онъ не хочетъ принимать его, какъ ровню.

Покровителемъ свадьбы у бурятъ считается *Тулман-саган-нойон*, сѣдой старикъ, который имѣетъ мѣстопребываніе на горѣ Тулма.

Родители невѣсты всей роднѣ жениха, присутствующей на свадьбѣ, повязываютъ ленты или платки; этотъ обычай называется *зала-зухэ*; на шею собаки также повязываютъ красный суконный ошейникъ, или изъ другой матеріи краснаго цвѣта. Этотъ обычай повидимому ведетъ начало отъ быта звѣроловческаго, когда собака была необходимымъ помощникомъ; этимъ хотѣли и ее сдѣлать участницей общей семейной радости. Красный кусокъ сукна навязывали также на крюкъ, по-бурятски *дэгэ*, которымъ буряты достаютъ мясо изъ котла.

Въ это утро косу невѣсты расплетаютъ и заплетаютъ ей *хабига*; это значитъ, что на одной сторонѣ ей заплетаютъ десять косъ, и на другой сторонѣ восемь; послѣ этого ее одѣваютъ въ полную женскую одежду.

Когда все готово, тогда невѣсту выводятъ изъ юрты; къ ней подходитъ женихъ, и они, взявшись за руки, идутъ. Надъ ними несутъ большую шаль за четыре угла, называя это *харабши*, въ переводѣ—„сарай". Лицо невѣсты при этомъ должно быть занавѣшено какой-нибудь матеріей. Съ лѣвой стороны невѣсты идетъ женщина, такъ называемая мать, по-бурятски *эхэ*; матерью невѣсты не можетъ быть вторая жена, а вседа должна быть первая. Такъ они идутъ вокругъ юрты, и когда, сдѣлавши кругъ, они приближаются къ тургэ, кто-нибудь изъ провожающихъ невѣсту говоритъ: „ӧрӧрши аб!" благословитель, возьми! Тогда ӧрӧрши-ӧбӧгӧнъ начинаетъ благословлять невѣсту; въ это время идущіе подъ шалью останавливаются. Когда орёль (благословеніе) конченъ, они снова двигаются впередъ; снова говорятъ: „ӧрӧрши аб!" и ӧрӧрши ӧбӧгӧнъ снова благословляетъ; такъ повторяется до трехъ разъ *).

Когда ӧрӧрши закончитъ третье благословеніе, тогда невѣста входитъ въ юрту съ своими провожатыми и останавливается у дверей. Въ это время родители невѣсты сидятъ

*) Подлинные тексты благословеній (орёль) отлагаемъ до слѣдующей книжки, такъ какъ не поспѣлъ во-время русскій переводъ ихъ. *Ред.*

Digitized by Google

около очага на *хмойор тала.* Разстилаютъ потникъ передъ очагомъ и на него ставятъ невѣсту.

Женихъ въ это время уходитъ къ тургэ; здѣсь сидящіе люди отрѣзываютъ отъ приготовленнаго мяса три куска и подаютъ ему; женихъ бросаетъ ихъ въ разложенный около тургэ огонь. Послѣ этого отрѣзываютъ еще три куска мяса и даютъ въ руки жениху; съ этимъ мясомъ онъ уходитъ въ юрту и становится тамъ на потникъ, рядомъ съ невѣстой, и, кланяясь огню, бросаетъ куски мяса въ огонь очага. Это означаетъ, что женихъ признается равноправнымъ членомъ своего общества и домохозяиномъ; онъ уходитъ послѣ этого къ тургэ.

Невѣстѣ, оставшейся на потникѣ, приносятъ три куска жиру; она, кланяясь, бросаетъ ихъ въ огонь очага. Послѣ этого невѣстѣ приносятъ еще нѣсколько кусковъ жира; она бросаетъ ихъ прямо въ грудь своего свекра, *хадам* по-бурятски. Свекоръ часть жира бросаетъ въ огонь, часть съѣдаетъ, а остальное раздаетъ присутствующимъ; этотъ обычай называется *ухэ хайха*—бросать жиръ; онъ означаетъ, что, входя въ домъ мужа, женщина приноситъ честь и изобиліе; и что она обѣщаетъ быть вѣрной женой и дочерью. Совершивши обрядъ бросанія жира, невѣста уходитъ за занавѣску и сидитъ тамъ.

У тургэ въ это время оставшееся отъ бросанья въ огонь мясо дѣлятъ на три части. Одну часть называютъ, *онгони мäхан*—мясо онгоновъ; его откладываютъ подъ тургэ, и не трогаютъ до тѣхъ поръ, пока всѣ свадебные гости не уѣдутъ; вторую часть мяса съ грудиной откладываютъ въ сторону: это—доля борцовъ; имъ оставляютъ также водки или тарасуна; третью часть мяса съѣдаютъ присутствующіе и выпиваютъ также вино.

Въ юртѣ черезъ нѣсколько времени невѣста съ матерью и съ своими женщинами и дѣвушками снова выходитъ изъ-за занавѣски, подходитъ къ огню и кланяется ему. Ей даютъ чашку съ молокомъ; она нѣсколько капель проливаетъ на огонь и послѣ этого отпиваетъ молока изъ чашки и потчуетъ имъ своихъ провожатыхъ женщинъ; послѣ этого чашку возвращаютъ

Digitized by Google

обратно. Этотъ обычай называется *сагалха*. [1]) Затѣмъ свекоръ подаетъ невѣсткѣ растопленнаго масла въ чашкѣ, и она немного выливаетъ на огонь; тогда свекровь въ свою очередь подаетъ ей чашку съ масломъ, и она опять выливаетъ немного масла въ огонь. По совершеніи этихъ обрядностей невѣста кланяется огню, поворачиваетъ полѣнья на огнѣ и подкладываетъ нѣсколько новыхъ полѣньевъ. Это значитъ, что какъ увеличивается огонь очага, такъ должно увеличиться семейство ея мужа, а также, что она становится хозяйкой дома. Послѣ этого дарятъ невѣсту, сначала свекоръ и свекровь, а затѣмъ и остальная родня жениха. Дарятъ золотыми и серебряными монетами, а невѣста при этомъ угощаетъ присутствующихъ гостей уже какъ членъ новой семьи.

Когда обрядовая часть свадьбы кончится, тогда начинается настоящій пиръ. Около тургэ борются борцы и состязаются въ бѣгѣ, затѣмъ устраиваютъ скачки. Обыкновенно состязаются борцы съ двухъ сторонъ, со стороны жениха и со стороны невѣсты. Угощеніе бываетъ равное и побѣдителю и побѣжденному. Но въ настощее время эти обычаи выводятся. Погулявши и попировавши въ домѣ у жениха, гости переѣзжаютъ въ домъ его родныхъ; такимъ образомъ пиры продолжаются нѣсколько дней.

Кромѣ скачекъ, бѣга лошадей и борьбы во время угощенія гостей, прежде устраивалось также состязаніе стрѣлковъ, выходившихъ по одному съ каждой стороны по-очереди, а равно и другія игры. Молодежь обоего пола устраивала пляски. Для этого всѣ ставали въ кругъ, держа за руки другъ друга и медленно двигались по солнцу; при этомъ они пѣли пѣсни. Затѣмъ сдвигались плотнѣе и скакали, двигаясь все время по солнцу; въ это время и мотивъ пѣсни изъ протяжнаго становился болѣе отрывистымъ. Пляска эта существуетъ и до нынѣ и называется *хатарха*. Кромѣ хатарха буряты имѣли и другія пляски, которыя состояли въ подражаніи разнымъ животнымъ, звѣрямъ и птицамъ. Какъ народъ охотничій, буряты должны были постоянно наблюдать звѣрей, чтобы умѣть перехитрить ихъ въ случаѣ надобности;

---

[1]) *Сагалха* буквально—„бѣлить".

Digitized by Google

потому и въ играхъ и въ пляскахъ ихъ выразилась наблюдательность и подражательность въ этомъ отношеніи. Буряты плясали такъ называемый *хор надан*; въ переводѣ на русскій это будетъ *глухариная игра*. Пляшущіе садились вдвоемъ на корточки, держась на однихъ носкахъ ногъ; руки держали вытянутыми наравнѣ съ плечами; такъ поднятыя руки представляли крылья глухаря. Пляшущіе, подпрыгивая на носкахъ, сходились и расходились; третій пляшущій представлялъ глухариную самку, которая во время пляски проходила между самцами, и самцы дрались за самку. Пляшущіе подражали также и крику глухаря. Другая подобная пляска называлась *хошомо*, и также исполнялась на корточкахъ съ распростертыми въ воздухѣ руками; но ее плясали парами, другъ противъ друга, то подскакивая близко, то удаляясь назадъ. Пляску *мэндэшелгэ* плясали, стоя на ногахъ, одинъ противъ другого, и также сходясь и расходясь; во время мэндэшелгэ пѣли пѣсню.

У Кудинскихъ бурятъ свадебные гости всегда возвращаются домой въ тотъ же день, и на свадьбу пріѣзжаютъ всегда верхами; это болѣе древній обычай. Невѣста иногда остается въ домѣ свекра, а иногда уѣзжаетъ обратно домой.

Свадьбы обыкновенно устраиваютъ лѣтомъ. Балаганскіе буряты время года не разбираютъ, но у нихъ сохранялся повидимому очень древній обычай до очень недавняго времени. Свадебные гости, уѣзжая домой, старались какъ можно ловчѣе угнать нѣсколько штукъ рогатаго скота, но немного. Сосѣди жениха бросались за похитителями въ погоню; происходила драка, иногда скотъ возвращали, а иногда его угоняли въ улусъ невѣсты, гдѣ его кололи и мясо съѣдали, а кожу дѣлили поровну между всѣми.

Въ настоящее время свадебнымъ гостямъ передъ отъѣздомъ подаютъ вино, называемое *ухэри архи*, что въ переводѣ значитъ „скотское вино“ *), вино за скотъ. Это означаетъ, что родители невѣсты угощаютъ своихъ гостей, чтобы они не угоняли скота у жениха, почему можно думать, что угонъ

*) *Ухер*—корова; *архи*—вино.

Digitized by Google

скота бывалъ только въ томъ случаѣ, если гости оставались недовольны угощеніемъ въ домѣ жениха.

Провожая свадебныхъ гостей, родители жениха, взамѣнъ привезеннаго ими мяса, которое носитъ названіе *сахемэжа*, даютъ въ свою очередь мяса и вина, что называется *мэнхэни оёр* — „дно посуды„ буквально. По бурятскому обычаю посуду, привезенную съ чѣмъ нибудь въ подарокъ, нельзя возвращать обратно пустую. Возвратившись домой, родители невѣсты приглашаютъ къ себѣ стариковъ и старухъ, не ѣздившихъ на свадьбу, и угощаютъ ихъ привезеннымъ мясомъ и виномъ.

Въ домъ жениха послѣ отъѣзда свадебныхъ гостей, также собираются старики и старухи и послѣ небольшого религіознаго обряда: *дэши барьха* и *духаху*, мясо, оставленное подъ тургэ подъ именемъ „онгоннаго мяса“, съѣдаютъ и выпиваютъ вино, потомъ расходятся по домамъ.

Въ настоящее время невѣста пріѣзжаетъ жить въ домъ жениха спустя нѣсколько мѣсяцевъ послѣ свадьбы. Въ это время ей готовятъ приданое, шьютъ одежду; надобно, чтобы она носила свою одежду въ домѣ свекра. Ей даютъ также скотъ, и этотъ скотъ не колютъ и не продаютъ, поэтому онъ быстро размножается.

На житье невѣста пріѣзжаетъ въ домъ жениха въ сопровожденіи нѣсколькихъ родныхъ, человѣкъ до десяти; ихъ опять угощаютъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней Въ это время молодая женщина носитъ названіе *бэри*. Она уже одѣвается въ женскую одежду и щеголяетъ ею, носитъ много косъ, такъ называемыхъ *хабига*, и украшаетъ голову монетами и маржанами (кораллами). Когда пройдетъ около полугода, тогда хабига перемѣняютъ на другую прическу—*болто*, двѣ косы. У Кудинскихъ бурятъ много косъ носятъ до старости и постепенно уменьшаютъ ихъ число. Когда нужно расплетать хабига, тогда приглашаютъ старухъ, которыя варятъ сметану и мясо; все это въ чашкахъ и корзинахъ ставятъ на столѣ около очага, а въ это же время возлѣ очага молодую женщину сажаютъ, расплетаютъ ей косы и заплетаютъ въ двѣ косы, послѣ чего немного саламаты и мяса бросаютъ въ огонь, а остальное съѣдаютъ. Послѣ этого молодая должна еще совершить обрядъ поклоненія онгонамъ. Женщинѣ, носящей

Digitized by Google

хабига, не позволяется молиться родовымъ онгонамъ мужа; она какъ бы еще считается чужой. Чтобы окончательно войти въ домъ, она должна совершить обрядъ: *онгондо орхо*— входъ къ онгонамъ. Для этого она съ мужемъ берутъ барана, саламаты и вина; заколовши по религіозному обряду барана и побрызгавъ виномъ и саламатой въ огонь, они кланяютя онгонамъ. Послѣ поклоненія домашнимъ онгонамъ молодые дарятъ отца и мать новыми одеждами, при этомъ они кланяются родителямъ въ ноги и просятъ у нихъ благословенія. Родители благословляютъ ихъ и дарятъ скотомъ.

Отношеніе невѣсты къ свекру и роднымъ мужа таково. Невѣстка ни подъ какимъ видомъ не должна называть своего свекра и свою свекровь по имени. Всѣхъ родственниковъ своего мужа старше его и свекра она должна называть *хадам*. Даже когда старики уже умерли, а невѣстка состарѣлась, она не произноситъ именъ своихъ хадамъ. Мало того: имена тѣхъ чужихъ мужчинъ, которыя одинаковы съ именемъ свекра, бурятка не должна произносить. Молодая бурятка никогда не должна быть передъ своими хадамъ безъ шапки и безъ *хамжула*; хамжулъ этотъ только покрываетъ спину; его носятъ вмѣсто прежней *дэглэ*, хотя у бурятъ Кудинскихъ, Капсальскихъ, Верхоленскихъ и Ольхонскихъ до сихъ поръ замужнія женщины носятъ дэглэ; Балаганскія, Идинскія и Аларскія бурятки носятъ хамжулъ. Буряты говорятъ: „öндöр тэнгэридэ ороё харулха угэй, улгэн ехэ дэлхэдэ арая харулха угэй!“ т. е. высокому небу женщина не должна показывать верхушку головы, и великой землѣ не должна показывать спину. Переодѣваться или раздѣваться передъ своими хадамъ женщина не должна; ея постель должна быть въ отдѣльной юртѣ, а если она находится тутъ-же, то непремѣнно за занавѣской. Хадамъ также не долженъ раздѣваться передъ своей невѣсткой, и ни въ какомъ случаѣ не смѣетъ сѣсть или лечь на ея постель. Входя въ юрту, гдѣ находится невѣстка, хадамъ долженъ предупредить ее о томъ, что онъ идетъ, и нѣсколько постоять у входа, чтобы она могла привести свою одежду въ порядокъ. Хадамъ не долженъ также произносить неприличныхъ словъ передъ своей невѣсткой; еслибы случилось, что онъ произнесъ что нибудь нескромное, невѣстка

должна выйти изъ юрты и не входить, пока разговоръ не прекратится. Невѣстка не должна входить въ юрту съ правой стороны и не должна проходить въ юртѣ направо отъ очага, чтобы не подходить близко къ онгонамъ, которые помѣщаются всегда направо отъ очага. Вообще замужнимъ женщинамъ запрещается быть на правой сторонѣ юрты. Если невѣсткѣ встрѣтится ея хадамъ, она должна обойти его кругомъ, никакъ не пересѣкая ему дороги. Совершенно немыслимо, чтобы хадамъ поѣхалъ съ невѣсткою въ одной телѣгѣ или въ саняхъ; вообще находиться близко къ своимъ хадамъ считается для нея неприличнымъ. Говорить при нихъ что-либо непристойное или нескромное грѣшно. Съ своей стороны хадамъ передъ своими невѣстками долженъ вести себя скромно и прилично; въ противномъ случаѣ онъ не пользуется уваженіемъ.

Весь этотъ этикетъ въ отношеніяхъ хадамъ и невѣстки называется по бурятски *сэрхэхэ*. Слово состоитъ изъ двухъ: *сэр* грѣхъ и *хэхэ*—дѣлать; смыслъ сэрхэхэ—„не дѣлать грѣха", при чемъ должно думать, что частица отрицанія—*угэй* выпущена для краткости.

3. *Похоронные обряды.*

Въ прежнее время буряты имѣли обычай сожигать своихъ покойниковъ безъ различія пола и возраста. Когда кто-нибудь умиралъ, то его родня и сосѣди, т. е. соплеменники, собирались къ покойнику, кто бы онъ ни былъ. Они одѣвали его въ его лучшую одежду; если была возможность, то шили новую. На покойника надѣвали и цамцу, и шубу, и унты, и шапку,—однимъ словомъ все то, что онъ носилъ при жизни. Покойнику привязывали къ поясу ножны съ ножемъ и ложку деревянную или металлическую; на шею надѣвали кисетъ съ табакомъ или также привязывали табакъ къ поясу. Подлѣ покойника клали колчанъ съ лукомъ и копье. Съ покойникомъ клали также съѣстные припасы, такъ какъ по мнѣнію бурятъ душа покойника живетъ послѣ смерти той-же жизнью, какъ и на землѣ. Класть покойникамъ огниво, молочную пищу и волосяныя веревки считается великимъ грѣхомъ.

Приготовивъ все необходимое, собравшіеся буряты сна-

Digitized by Google

ряжали коня для покойника, на коня надѣвали всю лучшую сбрую и лучшее сѣдло. Готоваго коня привязывали къ *сэргэ*, къ столбу для привязыванья лошадей. Послѣ этого покойника выносили и сажали на коня, поддерживая его съ обѣихъ сторонъ; коня велъ за поводъ одинъ изъ участниковъ въ похоронахъ, или слуга покойника, если онъ у него былъ. На покойника надѣвали полное его вооруженіе, и покойникъ ѣхалъ впереди, а за нимъ слѣдовали всѣ его родичи. На пути одну стрѣлу изъ колчана покойника выстрѣливали назадъ; при возвращеніи эту стрѣлу брали съ собой въ домъ. Этотъ обычай сохраняется до нынѣ у Кудинскихъ бурятъ при похоронахъ шамана.

Если покойникъ былъ такъ бѣденъ, что не имѣлъ коня, тогда его несли къ мѣсту сожженія на рукахъ. Такой безконный покойникъ, по мнѣнію бурятъ, былъ осужденъ всю дальнѣйшую свою загробную жизнь проводить также безъ коня; поэтому всякій бурятъ старался имѣть къ смерти коня. Впослѣдствіи, съ умноженіемъ скота у бурятъ, бѣдняковъ покойниковъ отвозили иногда на быкѣ. Если покойникъ былъ богатый или какой нибудь силачъ *бöхö*, который былъ начальникомъ *зэгэтэ-аба*, т. е. въ звѣриной облавѣ, то онъ по обычаю долженъ былъ имѣть при похоронахъ своихъ слугу, котораго насильственно убивали и сожигали вмѣстѣ съ покойникомъ; этотъ слуга долженъ былъ на томъ свѣтѣ служить душѣ покойника. Такого слугу обыкновенно называли: *мори барюхäн эмэль тохухäн*. Если покойникъ при жизни не имѣлъ слуги, то по обычаю ему не полагалось слуги и при похоронахъ.

Когда похоронная процессія пріѣзжала на мѣсто сожженія, то приготовляли дрова, складывали ихъ четыреугольникомъ, на дрова клали покойника, снявши его съ коня, подъ покойника постилали потникъ, а въ головы ему подкладывали сѣдло; такимъ же образомъ на токумѣ (подсѣдельномъ потникѣ) и на сѣдлѣ спали буряты во время своихъ облавъ и походовъ. Потомъ все оружіе и всѣ вещи раскладывали около покойника, а иногда стрѣлы, лукъ, копье и прочія вещи ломали; коня покойника убивали; если былъ слуга, то и его убивали. Послѣ этого дрова зажигали, и покойникъ со всѣмъ

Digitized by Google

тѣмъ, что его окружало, сгоралъ. По окончаніи этого всѣ присутствующіе уѣзжали домой. Возвращаясь, никто не долженъ былъ оглядываться; если же кто оглядывался, того, по мнѣнію бурятъ, покойникъ возьметъ съ собою, т. е. вѣрили, что такой человѣкъ скоро умретъ. Если покойникъ былъ изъ предводителей или отличался физической силой и мѣткостью въ стрѣльбѣ изъ лука, то при похоронахъ его соплеменники пѣли пѣсни, въ которыхъ восхваляли его дѣйствія и подвиги при жизни. У Кудинскихъ бурятъ и нынѣ существуетъ обычай пѣть пѣсни во время похоронъ шамана, въ которыхъ описываются событія изъ его жизни. На третій день послѣ сожженія покойника родня и сосѣди покойника собирались къ его семьѣ, и всѣ, взявши съ собою съѣстные припасы и все, что нужно, пріѣзжали на мѣсто сожженія покойника. Здѣсь они собирали всѣ оставшіяся отъ сожженія кости и металлическіе остатки отъ оружія и отъ прочихъ вещей. Все собранное складывали, по словамъ преданія, въ берестяное, изукрашенное узорами лукошко и закапывали въ землю на мѣстѣ сожженія. Послѣ того угощались привезенными съѣстными припасами и возвращались домой. Этотъ обрядъ назывался *яха барьха*—кости собирать. Это выраженіе сохранилось и до сегодня, хотя обычай сожигать покойниковъ уже почти совсѣмъ вывелся; такъ въ настоящее время называютъ обычай поминать покойника на третій день пиромъ. Въ настоящее время изрѣдка находятъ сгорѣвшія кости, пепелъ и остатки металлическихъ вещей, сложенные въ берестяныя лукошки въ землѣ; но попадаются также эти вещи и въ глиняныхъ горшкахъ, между тѣмъ преданія совсѣмъ не упоминаютъ о гончарномъ искусствѣ у бурятъ. Можетъ быть, такіе горшки буряты получали отъ сосѣднихъ народовъ путемъ обмѣна.

Особыхъ похоронныхъ мѣстъ у бурятъ повидимому не было; хоронили покойника тамъ, гдѣ онъ умиралъ. Во время кочевого быта всѣ родичи оставались втеченіе трехъ дней, гдѣ было совершено сожженіе, послѣ чего перекочевывали подальше. Дѣлалось это потому, что думали, что душа покойника первые три дня не удаляется отъ дома. Дни эти назывались *хартай*, т. е. черными днями.

М. Хангаловъ.

Digitized by Google

Кавказско-русскія параллели.

Уже не разъ въ литературѣ нашего эпоса были указываемы параллели между нѣкоторыми типами и сюжетами кавказскихъ нартскихъ сказаній и нашихъ былинъ. Авторъ одного изъ послѣднихъ по времени изслѣдованій по русскому эпосу, г. Халанскій, отмѣчая нѣкоторыя подобныя параллели, пытается даже обосновать нѣкоторыми историческими соображеніями специальныя черты родства кавказско-русскихъ эпическихъ мотивовъ. „Связи Руси съ Кавказомъ, говоритъ г. Халанскій [1]), во всѣ періоды нашей исторіи были такъ живы и постоянны, что a priori можно было ожидать встрѣчи съ вопросомъ объ отношеніяхъ кавказскихъ народныхъ сказаній къ русскому народному творчеству. Народы, осѣвшіе на этомъ этнографическомъ днѣ великой Европейской равнины, находились въ частомъ и долгомъ общеніи съ югомъ и востокомъ Руси. Непремѣнно должны были отразиться въ народномъ творчествѣ слѣды ихъ вліянія, какъ отразились они въ языкѣ, бытѣ, общемъ складѣ русской народности. Позднѣе казачество Запорожское и Донское было естественнымъ проводникомъ кавказскихъ мотивовъ на Русь. Loci communes русскихъ былинъ—шелки *шемаханскіе*, сѣдла *черкасскія*, черкесы *пятигорскіе* объясняются именно живыми сношеніями съ Кавказомъ“.

[1]) Великорусскія былины Кіевскаго цикла, стр. 33.

Digitized by Google

Оставляя для дальнѣйшаго вопросъ объ историческихъ отношеніяхъ Руси къ Кавказу, затронутый г. Халанскимъ, сдѣлаемъ нѣсколько замѣчаній о сѣверо-кавказскихъ эпическихъ сказаніяхъ вообще, и укажемъ, въ какихъ спеціальныхъ мотивахъ они роднятся съ нашимъ эпосомъ. Матеріалы, до сихъ поръ изданные по эпическимъ кавказскимъ сказаніямъ—кабардинскимъ, балкарскимъ, осетинскимъ, чеченскимъ, позволяютъ установить фактъ, что богатырскія сказанія названныхъ сѣверо-кавказскихъ народностей представляютъ собою одинъ эпическій циклъ, который можно назвать сѣверокавказскимъ и который нѣкогда сложился въ степяхъ сѣверо западнаго Кавказа, а впослѣдствіи зашелъ въ горы, гдѣ главнымъ образомъ и сохранился. На плоскостное происхожденіе указываютъ весьма ясно кабардинскія и осетинскія нартскія сказанія. Въ первыхъ нарты совершаютъ набѣги къ рѣкамъ Тану (Дону) и Идылю (Волгѣ) и встрѣчается упоминаніе горы Бештау. Такъ, нартъ Сосруко говоритъ про свои года: „Когда Бештау былъ не больше кочки и чрезъ Идыль шагали мальчики, я былъ старикъ въ полной силѣ [1])". Въ осетинскихъ сказаніяхъ похожденія нартовъ совершаются внѣ предѣловъ нынѣшней Осетіи, въ Касажской (т. е. Черкесской) равнинѣ (Кэсэджи быдыръ), гдѣ нѣкогда жили предки Осетинъ.

Наибольшее число нартскихъ сказаній сохранилось у Кабардинцевъ и Осетинъ. Горскіе Татары, живущіе въ горной, южной Кабардѣ (Урусбіевцы, Чегемцы, Хуламцы, Бизенгійцы и Балкарцы), какъ позднѣйшіе пришельцы, повидимому, заимствовали нѣкоторые типы нартовъ у Кабардинцевъ или нашли ихъ на новой родинѣ, раньше ихъ населенной Осетинами. Что касается Чеченцевъ, то ихъ нартскія сказанія находятся подъ вліяніемъ осетинскихъ, на что можно найти указанія у собирателя ихъ чеченца Чаха Ахріева. Постоянное жительство чеченскихъ *нартовъ*, по его словамъ, есть сосѣдняя съ Чечней Осетія, именно Саниба [2]). Конечно, не смотря на плоскостное происхожденіе сѣверо-

[1]) См. Сбор. Свѣд. о Кавк. Горцахъ. Вып. V, отд. II, стр. 50. „Изъ кабардинскихъ сказаній".

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV, отд. II, стр. 2.

Digitized by Google

кавказскаго эпоса, въ народностяхъ, разсказывающихъ преданія о нартахъ, встрѣчается стремленіе прикрѣпить своихъ героевъ къ родной мѣстности. Такъ, при первомъ знакомствѣ съ осетинскими сказаніями кажется, что они прикрѣплены къ почвѣ Осетіи: напримѣръ, по дорогѣ изъ восточной Осетіи въ Дигорію, при поворотѣ въ долину Уруха, внизу подъ ауломъ Наръ, мнѣ показывали усыпальницу нарта Сослана, недалеко оттуда-же овальную площадку, обложенную камнями и называемую *нарты ныхас*—нартское сборище. Въ аулѣ Стуръ-Дигорѣ живетъ родъ Хамицайта, производящій себя отъ нарта Хамица; осетинскія святилища—Рекомъ, Мыкалы габыртэ, по сказаніямъ, явились изъ слезъ, пролитыхъ Богомъ надъ трупомъ нарта Батраза; въ нѣкоторыхъ древнихъ кладбищахъ, напримѣръ, близъ аула Дзивгиса въ Куртатинскомъ ущельи, указываютъ могилы нартовъ. Но подобныя, позднія пріуроченія встрѣчаются у Осетинъ на тѣхъ-же правахъ, какъ у Кабардинцевъ, Чеченцевъ или какъ у нашихъ онежскихъ сказителей. Такъ, въ Кубанской области нѣкоторыя урочища связаны съ именами кабардинскихъ нартовъ. „Мнѣ разсказывали очевидцы,—говоритъ г. Урусбіевъ, [1]) что при впаденіи рѣки Тиберды въ Кубань, близъ Хумаринскаго укрѣпленія, находится на одной высокой скалѣ большой замокъ, носящій названіе „Чуана". По преданіямъ въ немъ нѣкогда жилъ нартъ Гиляхсыртанъ злоязычный. Близъ Чуана лежитъ большой камень, называемый камнемъ нарта Сосруко. По одному сказанію, Сосруко взъѣхалъ на этотъ камень на своей лошади, и она оставила на камнѣ слѣды своихъ копытъ. Тамъ-же виднѣются слѣды собаки, которая тоже взошла на камень". По словамъ Чаха Ахріева, мѣстомъ дѣйствія чеченскихъ нартовъ служитъ западная часть территоріи, населенной Чеченцами (ингушами), именно Галгаевское ущелье, по которому протекаетъ рѣка Асса [2]). Это ущелье, посѣщенное мною въ 1886 г., изобилуетъ всякими памятниками старины, развалинами церквей, замковъ, кладбищами и т. п.,

---

[1]) См. Сбор. Матер. для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. I. Отд. II, стр. III.

[2]) Сб. Св. о К. Горц. IV. Отд. II, стр. 2.

Digitized by Google

чѣмъ, конечно, въ связи съ близостью къ Осетіи, объясняется прикрѣпленіе къ нему подвиговъ нартовъ.

Въ настоящее время сѣверо-кавказскія нартскія сказанія уже переживаютъ періодъ вымиранія. У Осетинъ ихъ знаютъ теперь только нѣкоторые старики; молодое-же поколѣніе имѣетъ о нартахъ такое-же смутное понятіе, какъ, напримѣръ, олонецкая крестьянская молодежь о былинныхъ богатыряхъ.

Въ Кабардѣ нартскія сказанія пѣлись въ прежнее время бродячими пѣвцами-поэтами, называвшимися гегуако, которые разъѣзжали по всей Кабардѣ исключительно съ цѣлью присутствовать на народныхъ собраніяхъ, увеселеніяхъ, погребальныхъ и иныхъ процессіяхъ, гдѣ и пѣли свои пѣсни о минувшихъ временахъ. Но съ распространеніемъ магометанской религіи гегуако впадаютъ въ немилость у муллъ, какъ ихъ соперники по вліянію на народъ, и съ теченіемъ времени исчезаютъ. Есть поэтому полное основаніе думать, что извѣстныя намъ кабардинскія горско-татарскія, осетинскія и чеченскія сказанія представляютъ лишь скудный остатокъ болѣе полнаго и богатаго цикла.

Въ настоящее время циклъ нартскихъ сказаній далеко не богатъ содержаніемъ. Главные мотивы, варьирующіеся въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ, слѣдующіе:

1. Враждебныя встрѣчи богатырей съ великанами (кабард. эмегенами, осет. ойгутами, чечен. орхустойцами). Въ сказаніяхъ проходитъ та мысль, что раньше поколѣнія *нартовъ* на землѣ жили великаны, отличавшіеся непомѣрной силой, но вмѣстѣ и глупостью. Между нартами и великанами велась постоянная борьба, въ которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались побѣдителями [1].

2. Поѣздки съ цѣлью набѣговъ для угона скота, причемъ нарты возвращались съ богатой добычей, обыкновенно благодаря одиночному подвигу одного изъ нихъ, самаго молодого. Такія поѣздки до послѣдняго времени, какъ извѣстно, составляли бытовую черту сѣверо-кавказскихъ племенъ.

[1]) См. Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа, I. Отд. II, стр. II. Сбор. свѣд. о Кавк. Горцахъ. V. Отд. II, стр. 48.

Digitized by Google

3. Пиры въ свободное отъ набѣговъ время, у кабардинцевъ въ домѣ Алиговыхъ, у осетинъ въ домѣ Бораевыхъ, Алагаевыхъ, причемъ на пиру нарты хвастаются своими подвигами, состязаются въ пляскѣ и играхъ. Нерѣдко игры кончаются ссорой и борьбой, что также представляетъ бытовую черту.

4. Кровная месть обыкновенно за убитаго отца. Сильнѣйшій изъ нартовъ (Батразъ) жестоко мститъ убійцѣ и всѣмъ его одноаульцамъ, причемъ месть за отца переходитъ въ борьбу одного противъ всѣхъ.

5. Чудесное рожденіе нѣкоторыхъ нартовъ, напримѣръ Батраза изъ нароста, образовавшагося на спинѣ его отца отъ плевка уходящей отъ мужа жены; Сосруко — изъ камня, богатырской жены Сатаны отъ мертвой матери.

Въ соотвѣтствіи съ политическими обстоятельствами, не выработавшими среди сѣверо-кавказскихъ народностей центральной государственной власти, и эпосъ не имѣетъ такого центра, хотя въ немъ и проявляются попытки сводить нартовъ на пиру въ наиболѣе выдающихся семьяхъ. Въ одномъ кабардинскомъ сказаніи (о Пши Бадиноко) упоминается какой то князь-дѣдушка или господинъ дѣдушка во главѣ нартовъ, которые пируютъ, имѣя его во главѣ, и Сосрыко на посылкахъ. Издатель этого сказанія предполагаетъ, что князь-дѣдушка вѣроятно старѣйшій нартъ, проживавшій въ томъ аулѣ [1]). Но никакихъ другихъ указаній на эту личность въ кабардинскомъ эпосѣ не встрѣчается.

Какъ въ нашъ эпосъ богатырскій были вовлечены съ теченіемъ времени отдѣльные сказочные сюжеты и прикрѣплены къ похожденіямъ того или другого богатыря, такъ было и въ сѣверо-кавказскомъ эпосѣ. Особенно сильное вліяніе оказали на осетинскій эпосъ нѣкоторые иранскіе сюжеты (Рустемъ, Бежанъ) и грузинскія сказанія о Дареджановыхъ, вѣроятно, также иранскаго происхожденія.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній перехожу къ разсмотрѣнію отдѣльныхъ мотивовъ кавказскихъ эпическихъ сказаній, представляющихъ параллели или аналогіи нашимъ былиннымъ.

---

[1]) Сб. св. о Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 63.

Digitized by Google

I.

Въ нашемъ эпосѣ личность Святогора, иногда смѣшивающаяся съ Самсономъ, представляетъ unicum. Какъ извѣстно, покойный К. Аксаковъ въ этомъ вымирающемъ старшемъ богатырѣ видѣлъ послѣдняго представителя поколѣнія титановъ русской миѳологіи. Однако дальнѣйшія изслѣдованія, главнымъ образомъ акад. А. Н. Веселовскаго [1]), указали въ сказаніяхъ о немъ такъ много элементовъ книжныхъ и сказочныхъ, что въ настоящее время уже едва ли кто нибудь рѣшится отыскивать въ Святогорѣ какіе нибудь миѳологическіе элементы. Слагается даже убѣжденіе, что типъ этого богатыря возникъ не на русской почвѣ, а попалъ на нее изъ другихъ мѣстъ и только отчасти вошелъ въ кругъ русскихъ богатырей, хотя все же стоитъ къ нимъ нѣсколько особнякомъ:

„Не ѣзжалъ онъ на святую Русь,
Не носила его да мать сыра земля" [1]).

Уже г. Халанскій указалъ на то, что „для сравненія съ русскими сказаніями о Святогорѣ... представляютъ интересъ кавказскія сказанія о столкновеніяхъ нартовъ съ великанами [3]), и отмѣтилъ нѣкоторыя черты сходства между осетинскимъ Муккарой и Святогоромъ. Муккара напоминаетъ послѣдняго своей величиной, силой и неуязвимостью. Какъ Святогоръ находится въ связи съ *горами*, такъ Муккара называется *княземъ скалъ*. Въ одномъ сказаніи осетинскомъ [4]) о Сосрыко, когда этотъ нартъ бросился съ мечемъ на замороженнаго въ морѣ великана, послѣдній, дунувъ, отбросилъ его на полдневный путь назадъ. Какъ на крыльяхъ прилетѣлъ вновь Сосрыко, и когда, вынувъ мечъ, онъ подъѣхалъ снимать голову великану, тотъ сказалъ: „еслибы я не былъ глупый

[1]) Журн. М. Н. Пр. 1884. Іюнь.—Зап. И. Акад. наукъ, т. 34. кн. I. прилож. 1879.

[2]) Гильфердингъ, № I, стр. 7.

[3]) Великор. былины Кіевск. цикла, стр. 184.

[4]) Сбор. Св. о К. Г. V. Отд. II, стр. 53—56

Digitized by Google

великанъ, какъ было мнѣ не догадаться по двумъ твоимъ колѣнямъ, что ты Сосрыко". Приведя этотъ эпизодъ, г. Халанскій припоминаетъ, что и Святогоръ хотѣлъ дохнуть мертвымъ духомъ на братца названнаго (Илью), и послѣднему достался мечъ-кладенецъ Святогора, какъ нарту Сосрыко чудный кинжалъ Муккары [1])". Съ своей стороны замѣтимъ, что „богатырское дуновеніе" вродѣ „мертваго духа" Святогора встрѣчается и въ другихъ кавказскихъ сказаніяхъ. Такъ въ осетинскомъ сказаніи о Батразѣ разсказывается, что когда этотъ насильникъ былъ сраженъ *балсаговымъ* колесомъ, по повелѣнію Бога, за то, что онъ бился противъ небесныхъ духовъ (уастырджіевъ и уациллаовъ), то ангелы снесли его тѣло въ софійскій склепъ. Когда его положили туда, онъ пустилъ на ангеловъ свой духъ и шестьдесятъ изъ нихъ пали [2]). Здѣсь мы находимъ черту, извѣстную изъ нашихъ былинъ— наказаніе божеское богатырей за борьбу съ силой нездѣшней, а насильникъ Батразъ, испускающій изъ гроба мертвый духъ. спеціально напоминаетъ Святогора. Другая черта Святогора— погрязаніе въ землѣ за похвалу перевернуть всю землю, находитъ себѣ аналогію въ грузинскомъ сказаніи объ Амиранѣ, который за свои насилія и гордость по волѣ Божьей также погрязаетъ въ землю [3]).

Въ нашихъ былинахъ мы не находимъ мотива о настоящемъ боѣ между представителемъ младшихъ богатырей и великаномъ Святогоромъ. При несоразмѣрности ихъ силъ удары Ильи кажутся Святогору уколами комара и кончаются тѣмъ, что великанъ засаживаетъ Илью въ глубокъ карманъ [4]). Напротивъ, есть намеки на дружелюбныя ихъ отношенія. Святогоръ назвалъ Илью меньшимъ братомъ и выучилъ его „всѣмъ похваткамъ, поѣздкамъ богатырскимъ" [5]). Но все же встрѣча Ильи со Святогоромъ не проходитъ для послѣдняго благополучно: въ одной былинѣ разсказывается о связи Ильи съ женой Святогора, въ другой—о смерти его въ при-

---

1) Назв. соч., стр. 186.

2) Осет. Этюды. I. стр. 25.

3) Груз. газета «Иверія», 1887, № 145.

4) Гильферд. №№ 265. 270, 273.

5) Рыбн. I, стр. 40.

Digitized by Google

сутствіи Ильи (эпизодъ съ гробомъ). Въ кавказскихъ сказаніяхъ встрѣчи нартовъ съ великанами обыкновенно враждебны и кончаются смертью послѣднихъ, причемъ встрѣчается и мотивъ овладѣнія богатыремъ женою великана. Г. Халанскій отмѣтилъ его въ осетинскомъ сказаніи о состязаніи нарта Сосрыко съ великаномъ Муккарой, кончающемся тѣмъ, что Сосрыко обманнымъ образомъ убиваетъ Муккару и беретъ за себя его красавицу жену [1]). Весьма близкую параллель этому мотиву, а также связи Ильи со Святогоровой женой, представляетъ пшавское сказаніе о Ростомѣ, сообщенное въ газетѣ „Иверія" (1889, № 82). Ростомъ присутствуетъ при боѣ чернаго гиганта съ краснымъ изъ-за красавицы и остается у побѣдителя — чернаго—въ качествѣ слуги (=Святогоръ и меньшій братъ Илья). Это безславное положеніе стало ему наконецъ невыносимо, и онъ задумалъ убить великана. Подкравшись къ нему во время сна [2]), онъ пытался отрубить ему голову его же кинжаломъ, но не могъ даже поднять оружіе великана. Тогда онъ *своимъ* кинжаломъ отрубилъ обѣ ноги великана, затѣмъ убилъ его и взялъ себѣ его красавицу, отъ которой и родился у него сынъ Зорабъ [3]). Въ имеретинскомъ варіантѣ того же сюжета, Ростомела помогаетъ девятиголовому деви отнять жену, похищенную у него 12-тиголовымъ деви. „Ростомела, какъ вихрь, понесся къ послѣднему, бросилъ въ него копьемъ, и деви упалъ на землю мертвымъ; моментально онъ подскочилъ къ нему, отрѣзалъ ему головы, а жену повелъ къ мужу. Но она оказалась такою красавицей, что Ростомела убилъ и девятиголоваго деви, а самъ сдѣлалъ ее своей женою". (Отъ нея у него родился сынъ Абрамела—Зорабъ [4]).

---

[1]) Назв. соч., стр. 185.

[2]) Этногр. Обозрѣніе. Кн. II. стр. 13. «Отголоски иранскихъ сказаній на Кавказѣ».

[3]) Вспомнимъ, что Илья во время сна Святогора дѣлаетъ дѣло повелѣнное его женой,—а также ту черту, что Илья, намѣреваясь по просьбѣ Святогора ударить Святогоровымъ мечемъ по крышкѣ его гроба, не былъ *въ состояніи* его даже поднять, пока Святогоръ не вдохнулъ въ него часть своей силы. (Рыбн. I, стр. 42).

[4]) Сбор. мат. для описанія мѣстн. и племенъ Кавказа. Вып. IX, Отд. II, стр. 168.

Digitized by Google

Такимъ образомъ, восточный сказочный мотивъ, наслоившійся на Святогора и Илью въ эпизодѣ о связи Ильи съ его женою [1]), наслоился и на предполагаемый нами прототипъ Ильи, на кавказскаго Ростома, хотя въ иранскомъ эпосѣ мы не знаемъ *такого* похожденія Рустема. Едва ли такое совпаденіе игра случая.

Такой же восточный сказочный сюжетъ находимъ въ *побывальщинѣ* о женитьбѣ Святогора, и снова на Кавказѣ въ татарской сказкѣ «Отъ судьбы не уйдешь» [2]), открывается самый близкій по деталямъ къ нашему изводъ этого сказанія. Въ виду того, что я посвятилъ этой параллели отдѣльную замѣтку [3]), я напомню здѣсь только въ краткихъ чертахъ содержаніе кавказской сказки и отмѣчу детали, совпадающія въ ней съ русской побывальщиной.

Молодой царевичъ заблудился въ лѣсу на охотѣ, провелъ тамъ ночь и утромъ набрелъ на домикъ, въ которомъ увидѣлъ дряхлаго старика, читавшаго большую книгу, и что то по временамъ записывавшаго тростниковымъ перомъ. Царевичъ спросилъ у него объясненіе его занятія. Тотъ долго отказывался и наконецъ сказалъ, что записываетъ въ книгу судьбы каждаго человѣка. На вопросъ царевича о предстоящей ему судьбѣ, старикъ посмотрѣлъ въ книгу и объявилъ, что царевичу суждено жениться на дочери бѣднаго пастуха, которая давно страдаетъ неизлѣчимою болѣзнью. Царевичъ разсердился на старика, ушелъ изъ его хижины и побрелъ, куда глаза глядятъ. Идя ночью на свѣтъ огонька, онъ пришелъ къ хижинѣ одного бѣдняка, который предложилъ ему у себя ночевать. „Если не побрѣзгуетъ твоя милость",—сказалъ онъ,—«то я помѣщу тебя въ моей хижинѣ; тамъ спитъ только моя больная дочь». — «Больная дочь?» спросилъ царевичъ,—«а кто же ты самъ?» — «Я бѣдный пастухъ, твой покорный рабъ, мой милостивый ага». Царевичъ тотчасъ догадался, что больная дѣвушка — предназначенная ему невѣста, и рѣ-

[1]) См. ст. *А. Н. Веселовскаго.* Филологич. Записки, 1876 г. Вып. VI, стр. 1—12.

[2]) Сб. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. VI. отд. II. Сказки закавказ. Татаръ, № 2.

[3]) См. Ж. М. Н. Пр. 1889, часть CCLIX. отд. 2, стр. 337—341.

Digitized by Google

шился ее погубить. Онъ легъ ночевать въ комнатѣ больной, а пастухъ съ женой спали на дворѣ. Ночью царевичъ, убѣдившись, что хозяева спятъ глубокимъ сномъ, подошелъ къ спящей дѣвушкѣ и ударилъ ее кинжаломъ въ животъ. Она громко вскрикнула и замолкла. Думая, что она мертва, царевичъ положилъ около нея мѣшокъ съ червонцами, вышелъ тихонько изъ хижины и исчезъ въ темнотѣ. По уходѣ царевича, когда утромъ отецъ и мать вошли въ хижину, то увидѣли дочь свою совсѣмъ здоровой. Оказалось, что ударъ кинжаломъ исцѣлилъ ее, такъ какъ она страдала водянкой. Обрадованные родители вмѣстѣ съ дочерью переселились въ городъ, гдѣ купили себѣ домъ на деньги, оставленныя царевичемъ. Дочь ихъ стала замѣчательною красавицей. Однажды царевичъ увидалъ ее у крыльца дома, влюбился въ нее и сталъ умолять отца своего дозволить на ней жениться. Царь изъ любви къ сыну соглашается исполнить его просьбу. Однажды молодая царевна съ матерью и сестрами своего мужа пошла въ баню. Онѣ замѣтили у нея глубокій шрамъ и сказали царевичу. Онъ разспросилъ жену и убѣдился, что жена его именно та дѣвушка, которую онъ покушался убить. [1])

Приведенная сказка какъ въ цѣломъ, такъ и во многихъ деталяхъ, близко напоминаетъ побывальщину о женитьбѣ богатыря Святогора, записанную Рыбниковымъ (I, стр. 40—41). Желая узнать свою судьбу, Святогоръ, по совѣту Микулы, ѣдетъ къ «Сивернымъ» горамъ и пріѣзжаетъ къ кузницѣ, гдѣ кузнецъ куетъ два тонкихъ волоса. „Говоритъ богатырь таковы слова: А что ты куешь, кузнецъ? Отвѣчаетъ кузнецъ: я кую судьбину, кому на комъ жениться.—А мнѣ на комъ жениться?—Твоя невѣста въ царствѣ Поморскомъ, въ престольномъ во городѣ, тридцать лѣтъ лежитъ во гноищѣ. Стоитъ богатырь, пораздумался: дай-ка я пойду въ тое царство Поморское и убью тую невѣсту. Пріѣхалъ онъ къ царству Поморскому, ко тому ко городу ко престольному, пріѣзжалъ къ домишечку убогому, входитъ въ избу: никого нѣтъ дома, одна только дѣвка лежитъ во гноищѣ; тѣло у ней—точно еловая кора. Вынулъ Святогоръ-богатырь пятьсотъ рублей и по-

[1]) Срв. легенду терск. казак. въ Этн. Об., кн. VIII, стр. 135—136 и 260.

Digitized by Google

ложилъ на столъ, и взялъ свой вострый мечъ и билъ ее мечомъ по бѣлой груди, а затѣмъ и уѣхалъ изъ царства Поморскаго. Проснулась дѣвка, смотритъ: съ нея точно еловая кора спала, а на столѣ лежитъ денегъ пятьсотъ рублей; и стала она красавицей: такой на свѣтѣ не видано, на бѣломъ не слыхано. На тыя деньги начала она торговать и нажила безсчетну золоту казну, строила кораблики червленые, накладала товары драгоцѣнные и поѣхала по славну, по синю морю. Пріѣхала она ко городу великому на святыхъ горахъ и стала продавать товары драгоцѣнные. Слухъ про ея красоту пошелъ по всему городу и по всему царству. Пришелъ и Святогоръ-богатырь посмотрѣть на красавицу; полюбилась она ему. Сталъ онъ ю сватать за себя, и она пошла за него замужъ. Какъ поженился на ней богатырь, увидѣлъ онъ рубчикъ на ея бѣлой груди и спрашивалъ жену: что у тебя за рубецъ на бѣлой груди? Отвѣчала ему жена: въ наше царство Поморское пріѣзжалъ невѣмъ человѣкъ, оставилъ въ нашей избѣ денегъ пятьсотъ рублей, а я спала крѣпкимъ сномъ. Какъ проснулась, у меня рубецъ на бѣлой груди и точно еловая кора спала съ бѣла тѣла, а до той поры-времени я лежала во гноищѣ цѣло тридцать лѣтъ. Тутъ Святогоръ-богатырь дознаЛъ, что отъ судьбины своей никуда не уѣдешь". Въ виду смѣшенія въ нашихъ былинахъ личностей Святогора и Самсона, и послѣднему богатырю приписываетъ одна побывальщина женитьбу въ Поморскомъ царствѣ на дочери Луки Калѣки, которая тридцать лѣтъ лежала въ гноищѣ. [1])

Разсматривая записанную Рыбниковымъ побывальщину, мы замѣчаемъ, что она сохраняетъ въ отдѣльныхъ выраженіяхъ еще яркіе слѣды своего предшествующаго состоянія, то-есть былины. Таковы: Сиверныя горы, Святыя горы, Поморское царство и друг. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, чувствуется, что эта былина еще раньше, прежде чѣмъ сложилась въ былинный размѣръ, была сказкой, только случайно прикрѣпившеюся къ личности Святогора или Самсона. Притомъ нельзя не замѣтить, что эта сказка, перейдя въ былину, утратила значительную долю логичности и осмысленности въ деталяхъ.

[1]) Рыбниковъ, III, 3

Digitized by Google

именно вслѣдствіе того, что въ нее вторгнулись некстати реминисценціи изъ другихъ былинъ, связанныхъ съ именемъ Святогора и Самсона. Къ такимъ былиннымъ отголоскамъ, внесшимъ въ сказку запутанность и неосмысленность, нужно отнести, напримѣръ, кузнеца, кующаго два тонкіе волоса, о которыхъ далѣе въ побывальщинѣ нѣтъ никакого упоминанія[1]), и Святыя горы, находящіяся съ связи съ именемъ богатыря Святогора. Страннымъ и не мотивированнымъ представляется также оставленіе Святогоромъ 500 рублей у дѣвушки, которую онъ убиваетъ, между тѣмъ какъ тотъ же мотивъ является вполнѣ умѣстнымъ въ татарской сказкѣ, такъ какъ мѣшокъ съ деньгами, оставленный царевичемъ, долженъ служить вознагражденіемъ родителямъ дѣвушки, оказавшимъ царевичу гостепріимство, за которое онъ отплатилъ имъ убійствомъ ихъ больной дочери. Вѣроятно, въ какомъ-нибудь другомъ изводѣ русской побывальщины была подробность, болѣе близкая къ татарской сказкѣ, то-есть упоминались родители Святогоровой суженой; по крайней мѣрѣ въ побывальщинѣ о женитьбѣ Самсона упоминается отецъ больной дѣвушки, какой-то Лука Калѣка, который, вѣроятно, по логикѣ сказки (въ какомъ-нибудь изводѣ) получалъ деньги, оставленныя богатыремъ и послужившія затѣмъ къ обогащенію исцѣленной дочери.

Наши изслѣдователи былинъ указали въ нѣкоторыхъ сказкахъ мотивы и отдѣльныя черты, напоминающія побывальщину о женитьбѣ Святогора[2]). Изъ указанныхъ ими сказокъ только одна дѣйствительно напоминаетъ побывальщину. Это пермская сказка о невѣстѣ-горбуньѣ, напечатанная въ Пермскомъ Сборникѣ[3]). Но эта сказка значительно подновлена

[1]) Эти два волоса, вѣроятно, реминисценція тѣхъ золотыхъ волосъ, отъ которыхъ зависѣла сила Самсона.

[2]) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, 239, примѣч. 146. *И. Ждановъ*. Къ литературной исторіи русской былевой поэзіи, стр. 140 и слѣд. *А. Н. Веселовскій*, Разысканія въ области русскаго духовнаго стиха. XI—XVII, вып. V, стр. 203 и слѣд.

[3]) Искалъ одинъ человѣкъ себѣ невѣсту. Пришелъ разъ въ церковь. Старикъ одинъ говоритъ ему: чего ты ищешь? — Невѣсту. Взялъ его за руку, подвелъ къ нищимъ и указалъ на горбатую нищую: «вотъ твоя, говоритъ,

Digitized by Google

въ подробностяхъ и, какъ уже сказалъ г. Ждановъ, въ ней умалчивается о многомъ такомъ, о чемъ разсказываетъ побывальщина: поѣздка куда-то далеко, сонъ суженой, деньги, оставляемыя богатыремъ [1]). Притомъ, вмѣсто одной встрѣчи, въ сказкѣ упоминаются двѣ встрѣчи юноши съ суженой: въ церкви и въ богадѣльнѣ. Такимъ образомъ пермскую сказку нельзя и сравнивать съ кавказскою по отношенію близости той и другой къ побывальщинѣ о женитьбѣ Святогора-Самсона. Кавказская сказка содержитъ всѣ главныя и существенныя черты побывальщины и притомъ съ болѣе осмысленною мотивировкой.

Къ какому-же заключенію можно прійти, сравнивая нашу побывальщину съ кавказскою сказкой? Мы склонны думать, что та и другая восходятъ къ одному оригиналу, который возникъ, во всякомъ случаѣ, не въ Россіи, а зашелъ въ нее съ востока, вѣроятно, путемъ сѣвернаго Кавказа. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ такой-же примѣръ вторженія восточной сказки въ русскую былину и пріуроченія сказочнаго мотива къ имени русскаго богатыря, какой уже давно указанъ въ другомъ разсказѣ о томъ-же Святогорѣ и его невѣрной женѣ, которую онъ носитъ въ хрустальномъ ларцѣ [2]).

Въ заключеніе, чтобъ не возвращаться къ Святогору, напомню, что хотя изслѣдованія А. Н. Веселовскаго указали на книжность мотива о „тягѣ“ земной, которую, по невѣдѣнію, старается приподнять Святогоръ, но тотъ-же изслѣдователь отмѣтилъ также кавказскія параллели нашей сумочки пере-

---

судьба: не обойдешь, не объѣдешь»... Постой-же, думаетъ мужикъ, я засѣку ниншую. Нишша эта жила въ богадѣльнѣ; вотъ, онъ ночью пріѣхалъ туда, выкликалъ горбунью, хватилъ ее тесакомъ и самъ ушелъ скоро. Думатъ дорогой: засѣкъ теперь нишшу, вотъ и судьба моя!» Однако, горбунья отъ удара тесака не умерла, а стала красивой дѣвкой и поступила въ кухарки къ одному офицеру. Назначенный ей судьбою женихъ встрѣтился съ нею и присватался. Она согласилась. Когда молодые пошли въ баню, мужъ увидѣлъ у нея рубцы, разспросилъ ее и узналъ, что она именно та самая, которую онъ покушался убить. См. Пермскій Сборникъ, кн. II, отд. 2, стр. 166.

[1]) *Ждановъ*, назв. соч., 143.

[2]) См. *Ор. Миллеръ*. Илья Муромецъ, стр. 166, примѣч. 5. *Вс. Миллеръ*. Отчетъ Московскаго университета за 1875 г. *А. Н. Веселовскій*. Филологич. Записки 1876 г., вып. 6. *Rambaud*. La Russie épique, pp. 49—50.

Digitized by Google

метной въ сумочкѣ, встрѣченной на дорогѣ нартомъ Сосланомъ, [1]) и мѣшкѣ съ тяжестью всей земли, который пытался поднять осетинскій насильникъ Батразъ [2]).

Замѣтимъ также, что кавказскіе великаны засаживаютъ, подобно нашему Святогору, людей въ карманъ, въ сумку, даже въ дупло зуба. Такъ, чеченскій богатырь Говда, убѣгая отъ людоѣдовъ, встрѣчаетъ слѣпого великана и проситъ у него защиты. Тотъ сжалился надъ нимъ и сунулъ его себѣ въ карманъ съ конемъ и оружіемъ [3]). Мингрельскій великанъ Кажи, посадившій двухъ другихъ великановъ въ карманъ, долженъ былъ спасаться бѣгствомъ отъ болѣе сильнаго *лѣсного* великана (Ндіи) и на дорогѣ увидѣлъ великана-пахаря, который, запрягши въ плугъ нѣсколько десятковъ паръ буйволовъ, пахалъ землю. Кажи попросилъ его спасти отъ Ндіи. Тогда земледѣлецъ, напоминающій нашего Микулу-Селяниновича, положилъ его въ сумку, изъ которой доставалъ сѣмя [4]). Кавказскіе великаны нерѣдко представляются *слѣпыми*, что напоминаетъ *темнаго* (т. е. слѣпаго) отца Святогора [5]).

Въ Далевскихъ отмѣткахъ изъ народныхъ преданій объ Ильѣ Муромцѣ мы находимъ глухое указаніе на какую-то встрѣчу Ильи съ богатырскимъ костякомъ. „Разогнавъ шайку разбойничью тѣмъ, что разщепилъ сырой дубъ стрѣлою въ черенки ножевые, Илья наѣхалъ на остовъ, костякъ богатырской, предалъ его честно землѣ и засыпалъ великимъ курганомъ, который гдѣ-то и теперь стоитъ“ [6]). Неизвѣстно, была-ли эта встрѣча Ильи обработана въ какой-нибудь недошедшей до насъ былинѣ, неизвѣстно, почему Илья счелъ долгомъ предать честному погребенію исполинскій остовъ (хотя слѣдуетъ думать, что не безъ основанія), но во всякомъ случаѣ указанный мотивъ весьма древенъ и едва-ли случайно при-

---

1) Слово о двѣнадцати снахъ Шаханши, стр. 42.

2) См. Сбор. свѣд. о Кавказѣ. I, стр. 169, ст. Пфафа. Ср. также *Жданова*. Къ литерат. исторіи, стр. 97, 98 и 129.

3) *Н. Семеновъ*. Сказки и легенды Чеченцевъ, стр. 4.

4) Сбор. Матер. для опис. мѣст. и плем. Кавказа. Вып. X, отд. III, стр. 84 «Мингрельскія сказки».

5) *Рыбниковъ*, III, 6.

6) *Кирѣевск.*, I. прилож., стр. XXXIII.

Digitized by Google

крѣпленъ къ Ильѣ. Вспомнимъ, что тотъ-же Илья, по былинамъ, участвуетъ въ смерти великана Святогора и, такъ сказать, укладываетъ его въ гробъ. Съ другой стороны древность мотива подтверждается тѣмъ, что въ сказкѣ о Еруслане Лазаревичѣ, имѣющей несомнѣнное отношеніе къ былинной исторіи Ильи, этому мотиву соотвѣтствуетъ встрѣча Еруслана съ исполинской головой, которая оказываетъ ему содѣйствіе въ его дальнѣйшихъ подвигахъ [1]. Мотивъ встрѣчи богатырей съ исполинскимъ костякомъ очень распространенъ въ кавказскихъ сказаніяхъ. Осетинскіе богатыри (Дарезаны) случайно ночью проѣзжаютъ чрезъ отверстіе крестцовой кости исполина [2], или ночуютъ въ его черепѣ, принявъ его за пещеру [3]. Обыкновенно, по молитвѣ богатырей, Богъ воскрешаетъ великана и онъ разспрашиваетъ нартовъ о современномъ житьѣ-бытьѣ, послѣ чего, недовольный новыми порядками, снова обращается въ костякъ.

Къ категоріи великановъ принадлежитъ и Идолище (Одолище), котораго убиваетъ Илья. Типическая черта былинъ объ этомъ подвигѣ Ильи та, что Идолище не узнаетъ Ильи и разспрашиваетъ его про него-же самого. Подобная черта распространена въ кавказскихъ сказаніяхъ о встрѣчѣ нарта (Сосрыко) съ великаномъ. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи великанъ Елтаганъ разспрашиваетъ нарта Созрыко, не узнавъ его, какъ силенъ нартъ Созрыко, и оказывается, что Елтаганъ гораздо крѣпче его. Однако, не смотря на это, Созрыко убиваетъ Елтагана, какъ Илья Идолище, такъ какъ оказывается хитрѣе глупаго великана [4].

Кромѣ великановъ, встрѣчающихся съ богатырями, въ

---

[1] Ср. также дагестанскую сказку объ *Арсланъ*-ханѣ, который встрѣчаетъ человѣческій черепъ, дающій ему совѣтъ, какъ избавиться отъ *чернаго дэва* (Сборн. Мат. для опис. мѣст. и плем. Кавказа II, отд. II, стр. 122) и русс. сказку у *Афанасьева* (VIII, стр. 53 и 54), гдѣ царевичъ хоронитъ великана, за что получаетъ его коня богатырскаго.

[2] Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа VIII, отд. II, стр. 16. (Великанъ и Даредзаны).

[3] Осет. Этюды I, стр. 137 и 61.

[4] Осет. Этюды. I, стр. 31—33. Срав. Кабард. сказаніе о Сосрыко въ Сбор. Св. о Кав. Горцахъ. V. отд. II, стр. 54 слѣд.

Digitized by Google

нашемъ эпосѣ мелькаетъ изрѣдка типъ великанши—бабы Горынинки, Златогорки, Латыгорки и др., которыя совершенно противоположны мужественнымъ женамъ нашего эпоса, въ родѣ женъ Ставра, Дуная, Данилы Ловчанина. „Великанши-поленицы,—говоритъ г. Халанскій,—слабо связаны съ народнымъ эпосомъ и исторіей, сказанія о нихъ являются какими-то отрывками, примыкающими совсѣмъ къ другому, не русскому порядку отношеній", въ виду чего излѣдователь склоненъ думать, что „образъ женщины-великанши русскихъ былинъ могъ быть заимствованъ изъ кавказскихъ сказаній" [1]). Не рѣшаясь пока высказаться рѣшительно за этотъ взглядъ г. Халанскаго, я только отмѣчу вслѣдъ за нимъ нѣкоторыя черты, которыми кавказскія страшныя великанши (эмегены, карты) напоминаютъ нашу бабу Горынинку.

Кавказскія великанши-эмегены отличаются безобразіемъ, силой и жестокостью и постоянно враждебны нартамъ: встрѣчи нашихъ великаншъ-поленицъ съ богатырями также враждебны: какъ эмегены, онѣ жестоки и кровожадны:

Если богатырь не прилюбится,
На долонь кладу, другой прижму
И въ овсяный блинъ его да сдѣлаю.

Какъ кавказскія эмегены отличаются не меньшей глупостью, чѣмъ великаны, такъ и наши великанши. Какъ эмегены отличаются безобразіемъ, такъ и наши великанши. Напр., про бабищу Мамаишну говорится, что „головище у ней съ дощанище, глазища съ пивные корцы. (*Кир*. I, 66). Какъ эмегены связаны съ горами, живя въ пещерахъ, такъ наши великанши носятъ названія, связанныя съ горами: Горынинка, Златы-горка [2]). Но, кромѣ этого сходства въ типѣ, можно найти и сходство въ положеніяхъ. Такъ, одинъ нартъ, Алауганъ, женится на великаншѣ-эмегенѣ и везетъ ее на своей лошади домой, причемъ отъ двойной тяжести спина лошади согнулась [3]). Это нѣсколько напоминаетъ, какъ указалъ уже г. Халанскій [4]), встрѣчу Добрыни съ поляницей,

[1]) Назв. соч., стр. 33.
[2]) Халанскій, стр. 33.
[3]) Сб. мат. для опис. мѣстн. и пл. Кавказа. I, отд. II, стр. 10.
[4]) Назв. соч., стр. 32 и 26.

Digitized by Google

засадившей богатыря себѣ въ карманъ, и отказъ ея коня везти двухъ богатырей, встрѣчу, кончающуюся бракомъ [1]).

Съ своей стороны можемъ привести кавказскую параллель той бабѣ Горынинкѣ, отъ которой у Ильи родился сынъ. Любопытно, что на Кавказѣ типъ матери Зораба двоится, какъ въ нашемъ эпосѣ типъ матери Сокольника-Сбута. Въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ она, подобно персидской Техмимэ, ненаглядная красавица [2]), какъ, вѣроятно мать Сбута—королевна Задонская, Политовская и пр.; въ другихъ она напоминаетъ по типу эмегеновъ и нашу Горынинку. Такъ, въ одномъ осетинскомъ сказаніи Ростомъ находитъ въ *горной* пещерѣ клыкастую женщину, отъ связи съ которой у него родился сынъ Амиранъ (Зорабъ) [3]). Эта черта, сближающая Илью съ Ростомомъ, опять таки едва ли случайна.

Если всѣ вышеприведенныя параллели еще недостаточны для утвержденія, что кавказскія сказанія о великанахъ, составляющія весьма обильный отдѣлъ кавказскихъ народныхъ сказаній вообще, непосредственно повліяли на нашихъ былинныхъ великановъ и великаншъ, то для насъ достаточно пока и того вывода, что между кавказскими и русскими сказаніями можетъ быть намѣчено спеціальное родство, какъ бы оно ни объяснялось, и что послѣднее отчасти намѣчаетъ путь распространенія на Руси нѣкоторыхъ сказочныхъ мотивовъ.

II.

Въ предыдущемъ по поводу Святогора и бабы Горынинки намъ пришлось указать и на нѣкоторые мотивы, связанные съ Ильей и находящіе себѣ параллели на Кавказѣ. Поищемъ теперь другихъ подобныхъ мотивовъ въ нартскихъ сказаніяхъ, и спросимъ себя, нѣтъ ли среди нартовъ какого-нибудь типа, напоминающаго Илью, или въ ихъ похожденіяхъ чего-нибудь похожаго на похожденія Муромца.

[1]) Гильферд., 37—39. Кир. II, 29.

[2]) Напр., Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. II, Отд. II, стр. 158; IX, отд. II, стр. 168.

[3]) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. VII. Отд. II, стр. 20.

Digitized by Google

Между нартами всего болѣе напоминаетъ Илью Урызмагъ, конечно, не всѣмъ своимъ типомъ и не всѣми подвигами, а только нѣкоторыми чертами, такъ какъ Урызмагъ носитъ такой же спеціально-кавказскій характеръ, какъ Илья народный русскій. Чѣмъ можетъ быть объяснено это отношеніе Урызмага къ Ильѣ—увидимъ ниже. Урызмагъ (или Урызмекъ) хорошо извѣстенъ горско-татарскимъ и осетинскимъ сказаніямъ.

Какъ Илья, онъ принадлежалъ (по одному горско-татарскому сказанію) къ *простому* сословію [1]), что однако не мѣшаетъ ему быть главою нартовъ, ихъ постояннымъ предводителемъ въ разныхъ предпріятіяхъ.

Подобно Ильѣ, онъ и по возрасту старшій между нартами: сказанія нерѣдко упоминаютъ его *снѣжную* или сѣдую бороду и говорятъ о его старости [2]).

Подобно Ильѣ, онъ отличается спокойной самоувѣренностью, благодушіемъ къ молодымъ нартамъ и заботливостью о нартахъ вообще. Такъ, когда оборванный молодой Шауай, ссылаясь на бѣдность матери, проситъ его принять въ число дружины, отправляющейся на добычу, Урызмекъ жалостливо говоритъ ему: „Ахъ, бѣдный юноша! Тебѣ трудно будетъ съ нартами: самъ ты еще очень молодъ и не имѣешь лошади, кромѣ этой клячи“. Затѣмъ онъ отсовѣтываетъ ему ѣхать въ походъ, но потомъ по добротѣ соглашается и дорогой добродушно поощряетъ юношу. Такъ же благосклонно относится Илья къ юнымъ богатырямъ: Ермаку, Дюку Степановичу, Алешѣ Поповичу и другимъ.

Еще когда Урызмекъ былъ очень молодъ, онъ выступаетъ уже защитникомъ, охранителемъ всего народа, къ которому всегда относился сострадательно. Его возмущаетъ, что нарты пла-

1) Сбор. мат. для опис. мѣстн. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 1.

2) Сбор. св. о К. Горц. V. Отд. II, стр. 15. Урызмагъ *снѣжно-бородый* былъ славный мужъ: между тѣми, которыхъ Богъ сотворилъ подъ собою, не было такого мужа. Ср. Сборн. мат. для оп. мѣст. и племенъ Кавказа. I. Отд. II, стр. 38: въ это время Урызмекъ, *глава* нартовъ, находился на старости лѣтъ, и они начали высказывать недовольство, что во главѣ ихъ находится старикъ“; также Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IX. Отд. II, стр. 22 (сѣдобородый Урызмагъ). Старикомъ называется Урызмэгъ и въ осетинскихъ текстахъ Шифнера, стр. 72. Хвалебная пѣснь въ честь нарта Урызмага).

Digitized by Google

тать дань князю Пуку, но въ особенности его поражало, говоритъ преданіе, „когда одна бѣдная женщина несла въ чашкѣ что-то съѣстное, и за нею бѣжали оборванныя, голодныя малютки, ея дѣти, съ плачемъ крича: „мама, мы голодны, дай немного!“ Это такъ подѣйствовало на Урызмека, что онъ рѣшается возстать противъ Пука и затѣмъ убиваетъ его [1]. Когда нарты терпятъ голодъ, Урызмэгъ выручаетъ ихъ, питая ихъ у себя на дому [2]). Не напоминаетъ ли это нашего Илью, стоятеля за народъ и защитника вдовъ и сиротъ?

Кромѣ общаго сходства въ типѣ, нѣкоторыя черты первыхъ похожденій Урызмага (кабардинскаго) напоминаютъ выѣздъ Ильи изъ родительскаго дома. Рѣшивъ ѣхать къ князю Пуку, которому платили дань нарты, Урызмагъ сообщаетъ объ этомъ своему отцу: „Отецъ!—говоритъ онъ,—я твердо рѣшился исполнить свои намѣренія относительно Пука, и не думай уговаривать меня, а лучше подай совѣтъ, какъ мнѣ совершить все мною задуманное: нѣтъ у меня ни лошади, ни вооруженія“ [3]). Это напоминаетъ нѣсколько нашего Илью, отпрашивающагося у отца, чтобъ ѣхать къ князю Владиміру. Затѣмъ, какъ Илья, по одному варіанту, достаетъ коня въ подземельѣ, такъ, съ согласія отца, Урызмекъ беретъ его коня, скрытаго въ подземельѣ. Какъ Илья, сѣвъ на коня, дѣлаетъ *три* скока богатырскихъ, такъ пѣгій конь Урызмага „при первомъ ударѣ плетью три раза поднялся съ нимъ на небо и опустился на землю [4]).

Конечно, такія детали, какъ отцовскій конь, добываемый изъ подземелья, или 3 скока, встрѣчаются и въ другихъ сказкахъ [5]), но любопытно, что онѣ наслоились въ данномъ слу-

[1]) Сбор. матер. etc. I. Отд. II, стр. 1.

[2]) Сбор. св. о К. Г., V, Отд. II, стр. 21, и тексты Шифнера, стр. 72.

[3]) Сб. матер. I. Отд. II, стр. 3.—[4]) Тамъ же.

[5]) Отмѣтимъ, что мотивъ выбиванія источниковъ конемъ богатыря, приписываемый народными преданіями коню Ильи Муромца (*Рыбн.* IV, 24), встрѣчается въ чеченскихъ преданіяхъ о нартѣ Соскѣ-Солсѣ. Между жителями Галгаевскаго общества существуетъ повѣрье, „что когда однажды Солса проѣзжалъ мимо аула Накиста и попросилъ у жителей напиться воды, то получилъ отказъ. Тогда конь его, какъ бы по приказанію своего хозяина, ударилъ копытомъ въ землю, и изъ подъ него хлынула вода и образовался колодезь, который до сихъ поръ носитъ названіе Солса“ (Сбор. св. о Кав. Горцахъ. IV, отд. II, стр. 2).

Digitized by Google

чаѣ равно на Илью и Урызмага, напоминающихъ другъ друга и нѣкоторыми другими чертами.

Какъ у Ильи, у Урызмага былъ сынъ, о существованіи котораго онъ не зналъ и котораго убилъ нечаянно. Впрочемъ, сама фабула убіенія Урызмагомъ сына не имѣетъ ничего общаго съ формулой Рустема и Зораба. Жена Урызмага отдала безъ вѣдома его своего сына на воспитаніе водянымъ—Донбеттырамъ,—и, находясь у нихъ въ гостяхъ, Урызмагъ случайно уронилъ кинжалъ и убилъ прислуживавшаго ему мальчика, который и былъ его безыменнымъ сыномъ. Впослѣдствіи этотъ мальчикъ, отпросившись у Барастыра изъ царства мертвыхъ въ побывку на землю, оказалъ отцу нѣсколько услугъ [1]. Если такимъ образомъ мотивъ *борьбы* отца съ сыномъ, столь популярный въ кавказскихъ сказаніяхъ о Ростомѣ, не пріуроченъ къ Урызмагу, то *подобный* мотивъ прикрѣпленъ къ другимъ нартамъ: кабардинскому Насранжаке, горско-татарскому Насырану, *сѣдобородымъ* предводителямъ нартовъ, весьма похожимъ на Урызмага. Встрѣча ихъ съ юнымъ богатыремъ-племянникомъ кончается узнаніемъ. Но трагическую развязку мы отмѣтили въ Экскурсѣ V [2]) въ столкновеніи кабардинскаго нарта Сосрыко съ юнымъ Тотырешемъ [3]) и осетинскаго Созрыко съ Тотрадзомъ [4]), столкновеніи враждебномъ, кончающемся коварнымъ убіеніемъ дядей юнаго племянника. Тамъ же были отмѣчены нами въ юномъ богатырѣ (Тотрадзѣ, Тотырешѣ) обычныя черты богатырскаго сына (Зораба). Вообще, слѣдуетъ думать, что иранскій популярный мотивъ боя отца съ сыномъ, столь обильно представленный на Кавказѣ завѣдомо заносными сказаніями

Ильѣ, пробующему свою силу, полученную отъ каликъ, на чисткѣ займища (Гильфердингъ, 648), соотвѣтствуетъ юный богатырь Асаго, который, по приказанію своего воспитателя великана, ночью очистилъ отъ деревьевъ въ семь разъ большее пространство, чѣмъ сколько нужно было для тока. Сборн. Даш. Этн. Муз. В. I. Осет. сказки. № IV: Асаго.

1) См. Тексты Шифнера, стр. 75. Сбор. свѣд., Кавк.-Горцахъ. V. Отд. II. стр. 23 и слѣд.

2) «Русская Мысль».

3) Сбор. Св. и Кав. Горц. V. Отд. II, стр. 56—59. Сходство этого сюжета съ былиной о боѣ Ильи съ Жидовиномъ было уже указано г. Халанскимъ (наз. соч., стр. 181).—4) Тамъ же, стр. 13.

Digitized by Google

о Ростомѣ и Зорабѣ, отразился и на нѣкоторыхъ другихъ личностяхъ сѣверокавказскаго эпоса, подвергшись при этомъ значительной переработкѣ. Примѣромъ такого перенесенія одного эпизода „Рустеміады“ на личность Урызмэга можетъ служить одно похожденіе этого нарта, живо напоминающее таковое же иранскаго Рустема. Фирдоуси разсказываетъ, что однажды Рустемъ врасплохъ былъ схваченъ дивомъ Акваномъ, взнесенъ на небо и сброшенъ въ море, откуда затѣмъ пехлеванъ вышелъ невредимымъ [1]). По одному осетинскому сказанію, Урызмэгъ былъ врасплохъ унесенъ орломъ и сброшенъ на черный камень среди Чернаго моря, гдѣ нартъ посѣщаетъ Донбеттыровъ (водяныхъ) [2]). Кстати можно замѣтить, что и Ильѣ угрожала на морѣ какая-то чудовищная птица Сизый-орелъ. Къ сожалѣнію „Отмѣтки“ Даля сохранили только глухой намекъ на это похожденіе [3]).

При томъ смѣшеніи именъ нартовъ и ихъ подвиговъ, которое такъ же замѣтно въ кавказскихъ сказаніяхъ [4]), какъ и въ нашихъ былинахъ, не мудрено найти нѣкоторые эпическіе мотивы, прикрѣпленные къ Ильѣ, въ сказаніяхъ о Батразѣ, хотя какъ насильникъ, какъ нартъ, бьющійся со всѣмъ нартскимъ родомъ, онъ скорѣе напоминаетъ по типу Василія Буслаева. Мы имѣемъ въ виду преданіе о смерти Батраза. Гордый своей несокрушимой силой Батразъ, не найдя соперниковъ на землѣ, начинаетъ сокрушать силу „нездѣшнюю“, духовъ уацилловъ (св. Илій) и уастырджіевъ (св. Георгіевъ). Онъ убиваетъ множество этихъ духовъ; другіе же идутъ жаловаться на него Богу, который посылаетъ противъ него какое-то чудное Балсагово колесо; замѣтивъ колесо, Батразъ сказалъ: „вѣрно, Богу нужно меня убить, иначе къ чему онъ послалъ за мной Балсагово колесо!“ И дѣйствительно, оно догнало его и убило [5]). Но богъ, убившій Батраза, все же лю-

[1]) *Mohl*, Livre des Rois. III, стр. 221—223. [2]) Осет. тексты Шифнера, стр. 73.
[3]) См. Кирѣев. I. Приложеніе, стр. XXXIV, 1-е изд.
[4]) Напр., смѣшеніе Батраза съ Созрыко и Сосланомъ, Амирана съ Батразомъ и Зорабомъ.
[5]) Осет. Этюды. I, стр. 25—27. (Смерть чрезъ Балсагово колесо приписывается въ другихъ сказаніяхъ нарту Сосрыко (Сб. св. о К. Горц. V, Отд. II. стр. 10—12) и Сослану.

билъ его и называлъ своимъ сыномъ. Поэтому, онъ сказалъ ангеламъ: „хотя вы на него и жаловались, но ступайте теперь отнесите его въ Софійскій склепъ". Когда ангелы отнесли его туда, но онъ не поддавался, то самъ богъ явился къ склепу и сказалъ: „Мой названный сынъ, чего ты не слушаешься? – Потому что тебя я не видѣлъ! — Тогда богъ три слезы на него выронилъ, и изъ нихъ одна была (святыня) Таранджелосъ, другая Мыкалыгабыртэ, третья Рекомъ. Такъ положили Батраза въ склепъ, гдѣ онъ и теперь находится.

Въ приведенномъ осетинскомъ сказаніи находимъ *два* мотива, извѣстные русскому эпосу. Первый—гибель Ильи и другихъ богатырей за похвальбу справиться съ силой небесной, и неудачный бой съ нею. Второй—мотивъ перенесенія Ильи въ пещеры кіевскія. Какъ, въ осетинскомъ сказаніи, ангелы переносятъ Батраза, *нерожденнаго* сына бога, по его повелѣнію, въ какой то Софійскій склепъ, такъ, по словамъ одной былины,

„Прилетала невидима сила ангельска,
А взимали-то ёго (Илью) да со добра коня
И заносили въ пещеры-ты во кіевскія,
И тутъ же вѣдь старый опочивъ держалъ" [1]).

Конечно, въ послѣднемъ мотивѣ можно видѣть черту агіологическую, одну изъ такихъ, которыя наслоились и на исцѣленіе Ильи каликами; конечно, перенесеніе тѣла Ильи въ пещеры кіевскія ангелами напоминаетъ чудесное воздушное путешествіе мощей Св. Николая Чудотворца и находится въ связи съ мощами Св. Ильи въ Кіевѣ, но подобныя же черты можно указать и въ осетинскомъ сказаніи [2]). Во всякомъ случаѣ остается тотъ фактъ, что тѣло самаго сильнаго изъ

[1]) Гильфердингъ, стр. 313.

[2]) Напр. *Софійскій* склепъ, слезы, изъ которыхъ происходятъ святыни; ср. происхожденіе архангеловъ Михаила и Гавріила изъ слезъ Господа въ сванетской легендѣ (Сбор. мат. для описанія мѣст. и племенъ Кавказа. В. X, Отд. II стр. 247. и Этногр. Обозрѣніе. V, стр. 40).

богатырей (и нартовъ) было погребено, по повелѣнію Бога, ангелами, — черта, раздѣляемая русскимъ эпосомъ съ кавказскимъ, какъ бы она ни была объясняема [1]).

Вс. Миллеръ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

1) Кстати, замѣтимъ, что въ слышанномъ г. Безсоновымъ разсказѣ о смерти Ильи, который, какъ полагалъ О. Миллеръ, здѣсь смѣшанъ со Святогоромъ, (назв. соч., стр. 247), Илья наѣхалъ на *диво невеличко*, поборолся съ нимъ и тотъ намялъ ему бока. Нѣтъ ли какого отношенія между этимъ загадочнымъ *дивомъ* и не менѣе загадочнымъ Балсаговымъ колесомъ, которое представляется живымъ существомъ, одареннымъ словомъ (Сб. св. о К. Г. V, Отд. II. стр. 10)

Digitized by Google

КРИТИКА И БИБЛІОГРАФІЯ.

1. Книги, ученыя и справочныя изданія.

Труды Четвертаго Археологическаго Съѣзда въ Россіи. Т. I. (Казань. 1884 г. стр. CXLIV+48+120+7+6+4+258+65+4 in 4°) **т. II.** (Казань 1891 г. стр. X+235+20+24+6+18+4+300+73 in 4°).

Въ текущемъ году закончено печатаніе Трудовъ IV Археологическаго Съѣзда, бывшаго въ Казани въ 1877 г. (отъ 31-го Іюля до 18-го Авг.). Медленный ходъ печатанія, заставившій появиться послѣдній томъ черезъ 14 лѣтъ послѣ Съѣзда, объясняется отчасти неимѣніемъ средствъ на изданіе Трудовъ, отчасти трудностями, которыя встрѣчали при печатаніи, заказахъ рисунковъ и т. п. члены редакціоннаго комитета. Содержаніемъ обоихъ томовъ являются рефераты, представленные членами Съѣзда—отчасти читанные въ засѣданіяхъ, отчасти нечитанные по разнымъ обстоятельствамъ. Хотя, какъ и слѣдовало ожидать въ виду спеціальныхъ цѣлей Съѣзда, большинство рефератовъ имѣетъ исключительный археологическій интересъ, тѣмъ не менѣе въ обоихъ томахъ встрѣчается довольно значительное количество статей, имѣющихъ прямое или косвенное отношеніе къ этнографіи. Изъ помѣщенныхъ въ I-мъ томѣ укажемъ на статью *Н. В. Калачова*: Нѣкоторыя данныя о разработкѣ матеріаловъ въ нашихъ архивахъ и объ изученіи нашего народнаго быта; *I. Р. Аспелина*: О потребности изученія формъ предметовъ и постепенномъ развитіи этихъ формъ въ доисторическихъ временахъ; *В. Б. Антоновича*: О похоронныхъ типахъ Юго-Западнаго края. *Его-же*: О пещерахъ каменнаго вѣка на среднемъ теченіи Днѣпра. *П. Д. Шестакова*: Напоминаніе о др. гор. Маджарѣ. *А. Ѳ. Можаровскаго*: Гдѣ искать въ наше время потомковъ тѣхъ Можаръ, которые въ 1551 г. среди поля Арскаго бились съ Казанцами. Авторъ этой статьи дѣлаетъ гипотезу, что потомковъ этихъ можаръ слѣдуетъ видѣть въ населяющихъ современный Тетюшскій у. чувашахъ, рѣзко отличающихся по языку, внѣшности, быту и одеждѣ отъ чувашей, населяющихъ Чебоксарскій, Ядринскій и Цивильскій у. По предположенію автора можары были по-

Digitized by Google

глощены превосходящими ихъ численностью тетюшскими чувашами. *И. А. Износкова:* О сохранившихся преданіяхъ по поводу названія русскихъ и инородческихъ поселеній въ Казанской и сосѣднихъ съ нею губ. и приложенія къ этой статьѣ, составленныя тѣмъ-же авторомъ: 1) Списокъ населенныхъ мѣстъ Мамадышскаго у. и 2) О личныхъ инородческихъ именахъ. На основаніи преданій и названій мѣстностей г. Износковъ рисуетъ картину колонизаціи русскими Казанскаго края. Въ непосредственной связи съ указанными статьями г. Износкова стоятъ статьи *Н. И. Золотницкаго*: Алфавитный списокъ древнихъ инородческихъ именъ..... служащихъ къ объясненію названій населенныхъ мѣстностей Казанской губ. и *Н. И. Вечеслава*: Къ вопросу о народныхъ преданіяхъ въ Казанской губ. относительно первыхъ заселеній въ ней русскихъ и о ихъ борьбѣ съ туземцами. Въ послѣдней статьѣ собраны нѣкоторыя преданія, впрочемъ довольно скудныя и отчасти уже извѣстныя, о построеніи нѣкоторыхъ городовъ (Свіяжска, Косьмодаміанска и др.) и селеній въ Казанскомъ краѣ. Непосредственное по своему содержанію отношеніе къ этнографіи имѣютъ помѣщенныя статьи *кн. Кострова:* Преданія томскихъ инородцевъ о подданствѣ ихъ Россіи и Очерки быта Минусинскихъ татаръ. Въ первой изъ этихъ статей собраны интересныя преданія о покореніи томскихъ инородцевъ Россіи, основаніе г. Кузнецка и т. д. Интересно заявленіе покойнаго кн. Кострова, что у русскихъ жителей преданій о заселеніи ими указанныхъ мѣстностей не сохранилось. Во второй статьѣ, составленной какъ на основаніи собственныхъ изслѣдованій автора, такъ и на основаніи печатныхъ источниковъ, кн. Костровъ даетъ описаніе внѣшности, одежды, жилища и быта Минусинскихъ татаръ. Онъ подробно останавливается на обрядахъ при встрѣчѣ и проводахъ гостя, на занятіи населенія и его пищѣ. Далѣе авторъ описываетъ свадебные обряды и семейный бытъ. Въ послѣднемъ сохранилось большое количество остатковъ сѣдой старины: напр. дѣти никогда не произносятъ имени своихъ родителей, жена также не называетъ своего мужа по имени, равно и родственниковъ его, она не имѣетъ права входить въ юрту свекра дальше порога и т. п. Затѣмъ авторъ переходитъ къ изложенію нѣкоторыхъ нормъ обычнаго права, описанію обрядовъ при рожденіи и погребеніи, увеселеніямъ населенія, народному творчеству и вѣрованіямъ, при чемъ особенно подробно описываетъ шамановъ. Указанный трудъ кн. Кострова, какъ, впрочемъ, и всѣ труды покойнаго этнографа, отличаются полнотою свѣдѣній и тщательной обработкой Приложеніемъ къ I-му тому Трудовъ Съѣзда служитъ прекрасно исполненный атласъ (изданный въ Казани въ 1889 г.), который служитъ прекрасной иллюстраціей къ нѣкоторымъ статьямъ, помѣщеннымъ въ указанномъ томѣ.

Переходимъ теперь ко II-му тому „Трудовъ". Въ немъ статей, непосредственно касающихся этнографіи, больше, чѣмъ въ предыдущемъ. Такъ, останавливаютъ на себѣ вниманіе 1) сообщеніе *В. Н. Витевскаго*: Преданіе о Пугачевѣ среди Уральскихъ казаковъ, записанное покойнымъ I. И. Желѣзновымъ со словъ старухи, помнившей Пугачева, 2) статья

Digitized by Google

Н. А. Аристова: О народныхъ праздникахъ въ Пензенской губ., гдѣ сообщены небезъинтересныя свѣдѣнія объ обрядахъ, сопровождающихъ празднованіе св Флора и Лавра, св. Георгія, Косьмы и Даміана и др. Значительный интересъ представляетъ статья *Ц. М. Софійскаго*: О киреметяхъ крещеныхъ татаръ, изъ дер. Тивель, Чистопольск. у., Казанск г. Въ ней авторъ, указавъ на то, что слово киреметь употребляется для означенія 1) духовъ или геніевъ, 2) мѣста, гдѣ таковые духи обитаютъ и 3) жертвы, которую имъ приносятъ, приступаетъ къ описанію киреметей—жертвоприношеній, бывшихъ выставленными въ этнографическомъ Отдѣлѣ выставки при Съѣздѣ. Дѣлая подробное описаніе жертвенныхъ предметовъ, г. Софійскій сообщаетъ много интересныхъ и сродныхъ преданій объ установленіи этихъ жертвоприношеній и постепенной замѣнѣ кровныхъ жертвъ безкровными. Литература о вотякахъ обогатилась трудомъ *Б. Г. Гаврилова:* Повѣрья. обряды и обычаи вотяковъ Мамадышскаго у., Урясь-Учинскаго прихода. Статья г. Гаврилова, не смотря на то, что за послѣдніе годы появилось большое количество цѣнныхъ работъ о вотякахъ, представляетъ значительный интересъ многими данными, которыя до сихъ поръ еще не появлялись въ печати. Рядомъ съ свѣдѣніями уже извѣстными мы встрѣчаемъ въ упомянутомъ трудѣ не мало новыхъ фактовъ. Крайне интересными являются сообщаемые авторомъ разсказы знакомаго ему туно, описаніе празднествъ. пріуроченныхъ къ христіанскимъ праздничнымъ днямъ, описаніе драматическихъ представленій, повѣрья, примѣты и т. п. Если въ отношеніи миѳологіи вотяковъ. ихъ свадебныхъ, похоронныхъ и т. п. обрядовъ мы въ настоящее время и обладаемъ болѣе обстоятельными свѣдѣніями, то съ другой стороны большое количество новыхъ данныхъ придаетъ труду г. Гаврилова существенный интересъ и не лишаетъ его значенія, какое имѣлъ-бы этотъ трудъ, еслибъ онъ былъ напечатанъ раньше, когда наши свѣдѣнія о вотякахъ были еще крайне незначительны. Добавимъ еще, что г. Гавриловъ имѣлъ случай неоднократно сталкиваться съ вотяками, видѣть многіе обряды, которые вотяки тщательно скрываютъ отъ посторонняго взгляда—все это придаетъ сообщаемымъ г. Гавриловымъ свѣдѣніямъ гарантію достовѣрности и значеніе, какое имѣетъ всякій фактъ, сообщаемый очевидцемъ.

Изъ дальнѣйшихъ статей отмѣтимъ доклады: 1) *Л. Н. Майкова:* О старинныхъ рукописныхъ сборникахъ народныхъ былинъ и пѣсенъ, 2) *Н. И. Петрова:* Сказаніе о Соловецкомъ монастырѣ и объ Аѳонѣ; 3) *Стеф. Верковича:* О Родопскомъ открытіи (переводъ съ болгарскаго М. П. Петровскаго); въ этомъ сообщеніи приведены описанія народныхъ праздниковъ и народныя пѣсни. 4) *И. Я. Порфирьева:* О Соловецкой библіотекѣ, находящейся нынѣ въ Казанской духовной Академіи. 5) *Его-же* Апокрифическія молитвы по рукописямъ Соловецкой библіотеки. 6) *П. Д. Шестакова:* Гдѣ книги, писанныя зырянскою или пермскою азбукою, составленною св. Стефаномъ Великопермскимъ? 7) *Его-же:* Замѣтки о вліяніи русскаго языка на языки инородческіе. 8) *А. Я. Гаркави:* Крымскій полуостровъ до монгольскаго нашествія въ арабской литературѣ.

Digitized by Google

Авторъ этой небольшой статьи даетъ сводку извѣстій о Крымѣ у арабскихъ писателей, сообщаетъ свѣдѣнія о сношеніяхъ древнихъ руссовъ съ таврическимъ полуостровомъ и толкуетъ непонятныя или темныя названія, встрѣчаемыя въ сочиненіяхъ арабовъ. Сообщеніе *Н. И. Золотницкаго:* О старой чувашской вѣрѣ, несмотря на свой небольшой объемъ, содержитъ интересныя свѣдѣнія по указанному вопросу. Интересенъ обычай чувашъ въ случаѣ неурожая красть чужую землю; обрядъ сопровождающій эту кражу носитъ характеръ сватовства: одинъ изъ парней, обыкновенно бѣдный, за извѣстныя условія соглашается взять на себя роль жениха, сватающаго землю. Такого рода женихъ, по народному представленію, никогда не доживаетъ до старости. Объясненіе слова „беляк". Статья *г. Витевскаго:* Сказки, загадки и пѣсни нагайбаковъ Верхнеуральскаго у. Оренбургской губ. содержитъ значительное количество бытовыхъ, хороводныхъ и др. пѣсенъ нагайбаковъ, 19 загадокъ и 2 сказки. Въ предпосланномъ сырому матеріалу предисловіи указывается на происхожденіе нагайбаковъ и ихъ исторіи. Нагайбаки считаютъ себя потомками арскихъ татаръ Казанской губ., что подтверждается и документами; кромѣ того къ нимъ примѣшался въ значительной степени чуждый элементъ изъ переселенцевъ персовъ, турокъ, армянъ, каракалпаковъ, бухарцевъ, узбековъ и т. д.

Не имѣя возможности подробно разбирать указанныя нами статьи, изъ которыхъ многія имѣютъ несомнѣнный научный интересъ, отмѣтимъ только что IV Археологическій Съѣздъ сдѣлалъ не мало для изученія народнаго быта, вслѣдствіе чего его Труды, отведшіе довольно значительное мѣсто этнографіи, имѣютъ большой вѣсъ для всякаго этнографа и вносятъ цѣнный вкладъ въ науку народовѣдѣнія.

Н. Х.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Русск. Геогр. Общ., кн. XI. (Омскъ, 1891 г.).

Въ этой книжкѣ помѣщены, между прочимъ, два списка растеній, собранныхъ въ долинѣ Абакана и на его притокахъ въ 1883 и 1884 годахъ гг. Клеменцомъ и Венцковскимъ. Въ спискахъ встрѣчаются указанія на народное употребленіе растеній, а также, особенно въ спискѣ 1883 г., приведены инородческія названія ихъ. Есть указанія на употребленіе въ лѣкарства, въ пищу (Paeonia anomala L., по-татарски *синне* или *сигне*; Adenophora Lamarkii Fisch., по-татарски *мелен-гир, каскым-от*). Съ другими связаны повѣрья; о Delphinium elatum L. русскіе думаютъ, если лошадь тонетъ при переправѣ вплавь, стоитъ хлестнуть ее этой травой,—выплыветъ. О травѣ Goniolimon speciosum Boiss., по сагайски *пюр-отт*, „волчья трава", сообщаются слѣдующія повѣрья сагайскихъ татаръ. Листья ея употребляются въ видѣ отвара, какъ лѣкарство отъ ломоты и разстройства желудка. Мужчины употребляютъ экземпляры съ развитой цвѣтоножкой и цвѣтами; женщины — экземпляры съ одними корневыми листьями. Поэтому

Digitized by Google

различаютъ мужскую и женскую волчью траву. Если выкопать пюръ оттъ и не заровнять ямки—будетъ ненастье. Раненный или больной волкъ ищетъ пюръ-оттъ, и если у него еще хватитъ силъ сорвать зубами и съѣсть немного этой травы, онъ оправится отъ своихъ ранъ.

А. И—скій.

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отд. И. Р. Г. Общ. XXII т., 1. *Свящ. И. Подгорбунскій.* Идея бурятъ-шаманистовъ о душѣ, смерти, загробномъ мірѣ и загробной жизни.—Въ протоколѣ общаго собранія членовъ Отдѣла, 16-го ноября 1890 г., приведено краткое содержаніе реферата *Д. А. Клеменца:* „О свадебныхъ обрядахъ у забайкальскихъ бурятъ" а) церемоніи и обряды, сопровождающіе заключеніе сватовства и б) обряды, сопровождающіе заключеніе самого брака. **2,3.** *Грогамъ Сандбергъ.* Городъ Ласса (изъ „The Nineteenth century", 1889, octob., № 152; статья составлена на основаніи главн. образ. путешествія въ Лассу бенгальца Бабу-Саратъ-Чандра-Дасъ).

А. И—скій.

Отчетъ Якутскаго Областнаго Статистическаго Комитета за 1889 г. (стр. 37 in 8°).—Краткость сообщенныхъ „Отчетомъ" свѣдѣній, недостаточная обработка ихъ въ значительной степени уменьшаютъ значеніе „Отчета"; нельзя поэтому не пожелать, чтобы свѣдѣнія, сообщенныя Статистическимъ Комитетомъ, въ особенности такой далекой, сравнительно мало извѣстной области, какъ Якутская, отличались большею подробностью и большимъ разнообразіемъ. Не смотря на указанные недостатки, мы все таки находимъ въ „Отчетѣ" нѣкоторыя интересныя подробности: такъ напримѣръ число жителей области сравнительно съ 1888 г. уменьшилось па 1994 ч. о. п., что при общей цифрѣ населенія въ 246,170 ч. о. п. составляетъ около0,8%. Такое уменьшеніе населенія слѣдуетъ приписать отчасти переселенію бродячихъ инородцевъ Якутскаго и Верхоянскаго округовъ—тунгусовъ, ламутовъ и др. (переселилось 1204 чел.), отчасти и усиленной смертности вслѣдствіе оспенной эпидеміи (число умершихъ превысило число родившихся на 790 чел.). Населеніе раскинуто на огромной площади, занимаемой Якутской областью (3489689,3 кв. верстъ) крайне рѣдко, именно въ среднемъ одинъ житель приходится на 13,71 кв. в. Наиболѣе населенъ Якутскій округъ, гдѣ одинъ человѣкъ приходится на 4,84 кв. в. наименѣе—округъ Колымскій (одинъ чел. на 99,79 кв. верстъ). Инородцы составляютъ подавляющее большинство населенія, именно 92,82%. Къ сожалѣнію «Отчетъ» не указываетъ, въ какомъ процентномъ отношеніи стоятъ другъ къ другу различныя инородческія племенныя группы. Не касаясь отдѣловъ объ экономическомъ положеніи жителей области и нѣкоторыхъ другихъ рубрикъ «Отчета», упомянемъ въ заключеніе еще о количествѣ преступленій, разсмотрѣнныхъ въ отчетномъ году судебными инстанціями. Число всѣхъ разсмотрѣнныхъ дѣлъ равнялось 537; изъ нихъ наибольшее число падаетъ на дѣла о кражѣ, истребленіи и поврежденіи

Digitized by Google

чужого имущества (155); затѣмъ слѣдуютъ дѣла о нарушеніи общественнаго спокойствія и порядка (120); значительно также число преступленій противъ жизни, здоровья и свободы частныхъ лицъ (94).

Н. Х.

Сборникъ матеріаловъ для статистики Сыръ-Дарьинской области (подъ ред. И. И. Гейера, изд. Сыръ-Дарьинскаго Обл. Статист. Комитета. Ташкентъ. 1891, стр. 317+108 in 8°).—Этотъ обширный Сборникъ дѣлится на два отдѣла: въ отд. I сообщаются статистическія свѣдѣнія о населеніи разныхъ мѣстностей области, его промышленности, землевладѣніи, нѣкоторыя медицинскія наблюденія и мн. др. Во II отдѣлѣ мы видимъ собранными нѣсколько этнографическихъ матеріаловъ. Прежде чѣмъ остановиться на этихъ послѣднихъ, укажемъ на нѣкоторыя статьи изъ I отд., имѣющія интересъ для этнографа.

Отмѣтимъ статью *И. Оракулова:* Статистическія данныя о Кишлакѣ Чиназѣ; въ ней помѣщены интересныя свѣдѣнія объ основаніи и первоначальномъ заселеніи Чиназа. Статья *И. Гейера:* „Ишаны“—содержитъ въ себѣ подробное описаніе значенія ишановъ, характера ихъ проповѣди исламизма, способа обученія и наконецъ вліянія ихъ на киргизскую среду; въ этой же статьѣ мы находимъ краткій, но очень рельефный очеркъ современнаго религіознаго состоянія киргизовъ и свѣдѣнія о дѣятельности среди киргизовъ Авузя—мюрида, одного изъ ишановъ Исчана, и о способахъ, къ которымъ прибѣгалъ Авузь для привлеченія къ себѣ послѣдователей. Далѣе укажемъ на статью *Н. Васильева*: Ташкентскіе татары (ихъ браки, рожденія и смертность), въ которой авторъ освѣщаетъ статистическія данныя указаніемъ на условія быта ташкентскихъ татаръ. Изъ остальныхъ работъ помѣщенныхъ въ I отдѣлѣ «Сборника» отмѣтимъ еще работу *В. Гильянова:* Статистическія данныя о кустарной, ремесленной и фабричной промышленности русской части г. Ташкента, и двѣ работы, касающіяся мѣстнаго землевладѣнія: 1) *В. Благовѣщенскаго*: Къ вопросу о вакуфахъ Сыръ-Дарьинской области и 2) *И. Гейера*: Свѣдѣнія по современному состоянію распредѣленій земледѣльческихъ угодій среди населенія Ташкентскаго у.

Отдѣлъ II «Сборника» открывается обширной работой *Н. Остроумова:* Пословицы и поговорки туземнаго населенія Туркестанскаго края. Работа Н. Остроумова является продолженіемъ начатаго имъ въ I вып. «Сборника» печатанія пословицъ, которыхъ было приведено 492; въ этомъ выпускѣ напечатаны №№ 493—1110. Какъ и въ I выпускѣ, переводъ пословицъ сопровождается и самимъ текстомъ. Въ этомъ обширномъ собраніи пословицъ мы имѣемъ полную характеристику взгляда туземцевъ на семейныя, родственныя и общественныя отношенія, образцы народной мудрости и т. п. Интересно отмѣтить и здѣсь часто встрѣчающееся въ пословицахъ двойственное отношеніе къ одному и тому же факту. Такъ, напр., въ пословицахъ, рисующихъ отношенія между родителями и дѣтьми рядомъ съ пословицами вродѣ: „Оскорбившій своего отца не осуществитъ своихъ желаній“, или: „если отецъ укажетъ тебѣ дѣло, прекрати

Digitized by Google

молитву и исполни", встрѣчаются и такія: „если есть отецъ и мать, пускай будутъ, лишь бы не было ихъ ртовъ и носовъ" (т. е. лишь бы не кормить ихъ), или: „имущество лучше отца и матери"... Въ отношеніи взглядовъ на женщину мы видимъ также двойственность: напримѣръ: „женщина — наказаніе Божіе; ея ласки—ядъ змѣи"; „хитрость одной женщины составитъ поклажу для 40 ословъ"; „у собаки нѣтъ измѣны, у женщины нѣтъ вѣрности" и рядомъ съ этимъ: „хорошая жена — благополучіе дома...", „жена помощница мужа..", „мужъ и жена—пара соединенныхъ ярмомъ воловъ"; „два арбуза не умѣстятся подъ одной подмышкой" (т. е. нельзя любить двухъ женъ) и т. п. Не останавливаясь болѣе подробно на пословицахъ, приводимыхъ г. Остроумовымъ, замѣтимъ лишь, что его трудъ является цѣннымъ вкладомъ въ дѣло изслѣдованія Туркестана. Нельзя вмѣстѣ съ тѣмъ не пожалѣть, что г. Остроумовъ, затратившій такъ много труда на собираніе пословицъ, не отмѣчаетъ ни народности, ни мѣстности, въ которой данная пословица записана. Далѣе слѣдуютъ записанныя *А. А. Диваевымъ* 4 киргизскія сказки, собранныя въ Чикментскомъ и Ауліе-атинскомъ у., и сартское заклинаніе вѣтра.

Н. Х.

Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Вып. XII. (Тифлисъ, 1891 г.)

Настоящій выпускъ, посвященный народной поэзіи, грамматикѣ и словарю кабардинскаго языка, состоитъ изъ трехъ частей: первая часть отведена преданіямъ, сказаніямъ и сказкамъ кабардинцевъ (144 стр.), вторая часть занята кабардинскими текстами съ объяснительнымъ къ нимъ словаремъ (106 стр.) и третья часть посвящена кабардинской грамматикѣ (о звукахъ и формахъ) и русско-кабардинскому словарю съ указателемъ (299 стр.). Весь этотъ громадный трудъ исполненъ *Л. Г Лопатинскимъ*. Сказаніе о „Красавицѣ-Еленѣ и Богатырь-женщинѣ" освѣщено замѣткой проф. *В. Ѳ. Миллера*. Въ видѣ введенія Л Г. Лопатинскій помѣстилъ замѣтку о Кабардѣ и кабардинцахъ, принадлежащихъ къ племени Адыге. Изъ этой замѣтки читатель узнаетъ, что кабардинцы переселились къ Пятигорью, къ рр. Малкѣ и Тереку съ восточнаго берега Чернаго моря, „разметали въ разныя стороны татарскія племена", которыя они тамъ застали.

На основаніи ихъ преданій Шорабекъ Мурзинъ-Ногмовъ въ 1843 г. составилъ исторію адагскаго племени. Ихъ сказанія, по словамъ Ногмова, упоминаютъ объ императорѣ Юстиніанѣ, о введеніи при немъ христіанской вѣры и завоеваніи Идаромъ, внукомъ Инала, Тмутаракани и пр. Число этихъ преданій, имѣющихъ историческій интересъ, значительно пополнено г. Лопатинскимъ (см. „Переселеніе Кабарды" Тамбіева, „Крымцы въ Кабардѣ" и др.). На основаніи текста „Бзіекская битва", составлена почтеннымъ авторомъ „Замѣтка о Кяхскомъ нарѣчіи" адыгскаго племени, собственно бредухскомъ его говорѣ". Къ выпуску приложена этнографическая карта Кабарды (масштабъ 20 в.).

А. Х—овъ.

Digitized by Google

Сношенія Россіи съ Кавказомъ въ XVI—XVIII ст. Рѣчь проф. А. А. Цагарели, читанная на годичномъ актѣ Императорскаго С.-Петербургскаго Университета 8 февраля 1891 г. (С.-Пб. 1891. 51 стр.). „Въ настоящемъ году исполнится ровно 50 лѣтъ—такъ начинаетъ проф. Цагарели свою рѣчь—съ тѣхъ поръ, какъ въ стѣнахъ нашего Университета впервые началось чтеніе лекцій по грузинскому языку, литературѣ и исторіи... Въ настоящемъ же году исполнится 400 лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ Грузія отправила въ Москву первое свое посольство". По поводу этихъ событій почтенный профессоръ считаетъ своевременнымъ представить обзоръ сношеній Грузіи съ Россіей въ періодъ XVI—XVIII ст. Сношенія Кавказа съ Россіей начались давно—съ IX—X вѣка. Связи, на которыхъ поддерживалось общеніе между ними, были военно-политическія, религіозно-научныя и торговыя. Восточная Грузія, Кахетія, первая вступила въ переписку съ Россіей: спустя 40 лѣтъ послѣ паденія Константинополя, въ 1491 г., было отправлено царемъ Александромъ посольство въ Москву къ великому князю Іоанну III съ грамотой, откуда можно заключить, что надежды, возлагаемыя на Византію, послѣ ея паденія перенесены на московскаго государя. При Екатеринѣ II Грузія трактатомъ 1783 года ставитъ себя въ вассальныя отношенія къ Россіи. По смерти царя Георгія XII Грузія въ 1801 году была объявлена присоединенной къ Россіи.

Въ „статейныхъ спискахъ" русскихъ пословъ сохранилось много любопытныхъ чертъ, характеризующихъ современное имъ грузинское общество. Толмачъ Ѳеодоръ Ельгинъ и священникъ Павелъ въ 1639 году были въ Мингреліи. Владѣтельный ея князь Дадіанъ не принялъ ихъ, извиняясь тѣмъ, что онъ въ трауръ по женѣ, по обычаю страны, сбрилъ волосы на головѣ, бороду и одинъ усъ, и въ такомъ видѣ не можетъ ихъ принять. Послы были на храмовомъ праздникѣ св. Георгія. Къ вечернѣ, по ихъ словамъ, начали трубить въ трубы, звонить въ колокола, стучать въ доски и громко пѣть. Такъ провели двое сутокъ, обходя церковь, у дверей которой каждый повертывался кругомъ на лѣвую ногу.

Благодаря этимъ сношеніямъ въ русской литературѣ появляется сказаніе „Слово и дивна повѣсть о дѣвицѣ Иверскаго царя дщери Динарѣ царицѣ"—о войнѣ царицы Тамары съ персами. Въ русскихъ космографіяхъ является статья „о царствѣ Иверскомъ и Грузинскомъ". Свѣдѣнія о Кавказѣ нашли мѣсто въ книгѣ Большаго Чертежа, у Герберштейна въ его „Запискахъ о Москвѣ".

А. Х—овъ.

Татарская учительская школа въ Казани (Казань. 1890, стр. 26 in 8°).
Авторъ этой небольшой брошюры имѣетъ цѣлью обрисовать строй указанной школы и уяснить ея значеніе для татарскаго мусульманскаго населенія. Школа основана въ 1876 г. по иниціативѣ извѣстнаго академика В. В. Радлова, при содѣйствіи П. Д. Шестакова. Цѣлью школы является приготовленіе молодыхъ татаръ-мусульманъ въ учителя русскаго

Digitized by Google

языка и ариѳметики въ начальныя татарскія училища. Въ 1890 году въ школѣ было 25 учениковъ, изъ нихъ 24 казеннокоштныхъ Не смотря на кратковременное свое существованіе, школа оказала уже свое вліяніе: въ настоящее время рѣдкій поступающій (ученики принимаются не моложе 16-ти лѣтъ) не знаетъ уже русскаго языка, которому онъ обучался у себя на родинѣ отъ татаръ-учителей, бывшихъ воспитанниковъ указанной школы. Интересенъ фактъ, что большинство воспитанниковъ—пріѣзжіе изъ Вятской и Уфимской губ.; изъ Казанскихъ, особенно городскихъ, татаръ, почти никто не отдаетъ своихъ дѣтей въ это учебное заведеніе изъ боязни, чтобы ихъ дѣти не потеряли вѣры и не утратили своей національности. Опасенія эти, однако, лишены всякаго основанія, такъ какъ все, начиная отъ преподаванія и кончая костюмомъ воспитанниковъ, направлено къ тому, чтобы не оскорблять ни религіознаго, ни національнаго чувства татаръ. Причину этой нелюбви Казанскихъ татаръ къ школѣ слѣдуетъ, повидимому, искать въ обособленности ихъ отъ русскаго элемента, въ характерѣ ихъ и образѣ ихъ жизни, краткій очеркъ которой и даетъ намъ авторъ брошюры.

Если нельзя не согласиться съ авторомъ, что „изученіе финскихъ народностей Волжско-Камскаго края должно быть теперь какъ можно интенсивнѣе въ виду того быстро совершающагося процесса, который переживаютъ теперь эти инородцы, процесса ассимиляціи съ русскимъ населеніемъ", то слѣдуетъ признать также правдивыми его слова, что тюркское населеніе, особенно татары, представляетъ немалый интересъ для этнографа. Въ этомъ отношеніи въ особенности выдаются Казанскіе городскіе татары. Ведя обширную торговлю, занимаясь ремеслами, они сохраняютъ свой своеобразный бытъ, доселѣ еще неизслѣдованный. Авторъ брошюры правъ, восклицая: „Да, этотъ міръ совсѣмъ особый съ своими интересами: религіозными, умственными, коммерческими, міръ, закрытый пока отъ глазъ этнографа-наблюдателя, но полный интереса для него". Желательно было бы, чтобы мѣстные этнографы обратили свое вниманіе на находящуюся подлѣ нихъ интересную племенную группу, изслѣдовали ее, и сдѣлали ея бытъ доступнымъ для науки. **Н. Х.**

Азбучный указатель горъ, озеръ, рѣкъ, населенныхъ мѣстъ и урочищъ, упоминаемыхъ въ „Топографіи Оренбургской губ." Рычкова. (Оренб. 1891, стр. 18 in 8°). Отмѣчаемъ этотъ небольшой, но крайне цѣнный указатель къ указанному труду Рычкова. Указатели, къ сожалѣнію, не завоевали еще себѣ надлежащаго положенія въ нашихъ научныхъ сочиненіяхъ; если таковые и встрѣчаются, то они во всякомъ случаѣ представляютъ собой явленіе спорадическое Между тѣмъ, не можетъ быть спора о пользѣ подобныхъ указателей, въ особенности для сочиненій, которыхъ объемъ и разностороннее содержаніе сильно препятствуютъ пользованію ими для справокъ. Нельзя поэтому не пожелать, чтобы подобные указатели были составлены и для многихъ другихъ сочиненій, чѣмъ значительно облегчилась бы работа всякаго, долженствующаго пользоваться

Digitized by Google

ями. Отмѣченный указатель представляетъ собой довольно значительныя добавленія сравнительно съ изданнымъ, годомъ раньше, „Алфавитнымъ указателемъ населенныхъ мѣстъ, главнѣйшихъ горъ, рѣкъ и озеръ“ къ тому же сочиненію Рычкова (22 стр. in 16⁰) Такъ напримѣръ р. Яикъ упомянута въ указателѣ 1891 г. встрѣчающеюся въ „Топографіи“ 56 разъ, тогда какъ въ указателѣ 1890 г. лишь 22 раза. „Яицкій городокъ“ въ указателѣ 1891 г.—15 разъ; въ указателѣ 1890 г,—2 раза. „Башкирія“—33 раза, въ указателѣ 1890 г. -9 разъ. Кромѣ того, въ указателѣ 1891 г. мы встрѣчаемъ нѣсколько именъ, которые не упомянуты въ указателѣ 1890 г. Такихъ словъ подъ одной литерой А мы находимъ 20. Съ другой стороны въ указателѣ 1890 г. встрѣчается нѣсколько словъ, которыя въ указателѣ 1891 г. не помѣчены. Это кажущееся разногласіе, повидимому, слѣдуетъ объяснить тѣмъ обстоятельствомъ, что указатели составлены для разныхъ изданій того же сочиненія Рычкова. Вслѣдствіе этого при пользованіи этими указателями слѣдуетъ имѣть это въ виду, иначе читатель можетъ быть введенъ въ заблужденіе. Нельзя поэтому не пожалѣть, что составитель указателя 1891 г. не снабдилъ его краткимъ предисловіемъ, изъ котораго можно было бы узнать, къ какому изданію онъ относится. Что до указателя 1890 г., то онъ составленъ къ упомянутому сочиненію Рычкова, изд. 1762 г. и перепечатанному Оренбургскимъ Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ. въ 1887 г.

Н. Х.

Свящ. Г. И. Сорокинъ: Мѣстечко Дмитровка. Опытъ историко-статистическаго и этнографическаго описанія. (Херсонъ, стр. II+65 in 8⁰).

Трудъ о. Г. И. Сорокина является отвѣтомъ на програму для этнографическаго изученія Херсонской губ., напечатанную въ „Сборникѣ Херсонскаго Земства“ (1889 г. № 3). Въ предисловіи къ программѣ указывалось на значеніе работъ мѣстныхъ изслѣдователей, которые стоятъ близко къ населенію и вслѣдствіе этого имѣютъ возможность наблюдать бытъ населенія и болѣе систематично, и болѣе разносторонне и глубоко, чѣмъ изслѣдователь заѣзжій. Мысли, высказанныя въ предисловіи указанной програмы, нашли сочувственный откликъ въ лицѣ о. Сорокина, представившаго свой, хотя и небольшой, но тщательно составленный и обработанный трудъ. Священствуя въ теченіе довольно долгаго времени въ м. Дмитровкѣ (Херсонской губ., Александрійскаго у.), авторъ внимательно присматривался къ матеріальному и духовному быту населенія, и въ настоящемъ своемъ описаніи даетъ намъ свѣдѣнія, касающіяся какъ исторіи мѣстности, такъ и экономическаго состоянія населенія и особенностей его быта. М. Дмитровка принадлежитъ къ числу однихъ изъ наиболѣе населенныхъ. Въ 1887 г. числилось въ немъ 7641 д. о. п. (изъ нихъ 577 евреевъ, остальные православные). Достигнувъ въ концѣ XVIII в. довольно высокой степени развитія, Дмитровка постепенно стала падать и въ 1824 г. въ ней оставалось только 270 д. м. п., въ то время какъ въ 1785 г. ихъ считалось 1524. Съ 1824 г. населеніе Дмитровки на-

Digitized by Google

чинаетъ быстро рости благодаря приходу новыхъ насельниковъ изъ окрестныхъ селеній. Населеніе было смѣшанное (малороссы и великороссы); выбирая себѣ мѣста, переселенцы селились такъ, чтобы какъ можно меньше смѣшиваться съ прежними жителями. «Даже и теперь,—пишетъ о. Сорокинъ, ...на малороссійской сторонѣ не встрѣтите усадьбы великоросса и наоборотъ.... За 28 лѣтъ службы моего отца въ санѣ священника въ Дмитровкѣ было *три* случая, что великороссы (вдовцы) женились на малороссках... *Одинъ* только случай былъ, что малороссъ женился на великороссkѣ... Въ 1886 г. при 200 крещеніяхъ былъ только одинъ случай, что великороссъ воспринималъ ребенка у малоросса». Эти факты, рисующіе обособленность каждой изъ двухъ племенныхъ группъ, населяющихъ Дмитровку, объясняютъ также, что у каждой группы свои обычаи и нравы, сохраненные ими изстари. На описаніе различій въ обычаяхъ и направлена главнымъ образомъ 2-я глава труда о. Сорокина. Такое параллельное описаніе, съ указаніемъ чертъ сходства и различія въ обычаяхъ и обрядахъ обѣихъ племенныхъ группъ, составляетъ несомнѣнное достоинство работы автора. Отсылая желающихъ познакомиться ближе съ этимъ отдѣломъ къ самому труду о. Сорокина, отмѣтимъ еще, что авторъ приводитъ 17 заговоровъ, описаніе нѣсколькихъ наиболѣе распространенныхъ игръ и нѣсколько интересныхъ обычаевъ, среди которыхъ отмѣтимъ обрядъ побратимства и посестримства, совершаемый особенно торжественно. Отмѣтимъ также констатированный авторомъ фактъ стремленія населенія къ образованію. Желающихъ поступить въ школу часто бываетъ больше, чѣмъ школа можетъ принять; такъ, напримѣръ, въ 1885 г. число желающихъ превысило комплектъ на 47 человѣкъ.

Въ слѣдующихъ главахъ о. Сорокинъ описываетъ матеріальный бытъ населенія. Этого отдѣла мы касаться не будемъ: ограничимся замѣчаніемъ, что и здѣсь мы видимъ ту же тщательность, съ которой авторъ обращается съ своимъ обширнымъ матеріаломъ.

Въ заключеніе пожелаемъ, чтобы примѣръ о. Сорокина нашелъ себѣ возможно большее число подражателей; — трудами, подобными вышеуказанному, мѣстные изслѣдователи обогатили бы въ значительной степени наши свѣдѣнія о мѣстномъ населеніи и принесли бы большую пользу русской наукѣ отечествовѣдѣнія.

Н. Х.

А. А. Исаевъ: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Спб. 1891, стр. 192 in 8°). — Масса переселенцевъ, ежегодно оставляющихъ свои родныя мѣста, идутъ изъ Европейской Россіи въ Сибирскія, Кавказскія и Среднеазіатскія области и губерніи. Ихъ судьба, причины, побуждающія ихъ къ переселеніямъ, трудности, которыя имъ приходится испытывать на пути, способы ихъ водворенія, отношенія къ нимъ старожиловъ—все это является уже давно предметомъ основательнаго изученія нашихъ ученыхъ и публицистовъ. Кромѣ экономическаго значенія переселеній, вопросъ о колонизаціи, обширнымъ потокомъ идущей изъ

разныхъ мѣстъ Европейской Россіи, имѣетъ существенный интересъ для этнографа. Ежегодно переселяется въ разныя мѣста Сибири, Кавказа и Средней Азіи около 50,000 чел. изъ разныхъ губерній Европейской Россіи. Оставивъ свои мѣста, гдѣ та или другая семья жила иногда въ теченіе столѣтій, переселенцы въ своемъ поступательномъ — колонизаціонномъ движеніи сохраняютъ языкъ, нравы и обычаи, завѣщанные имъ вѣками отъ ихъ дѣдовъ и прадѣдовъ. Поселяясь, на новыхъ мѣстахъ они сталкиваются обыкновенно со старожилами, уже давно обжившихся въ мѣстныхъ условіяхъ, смѣшиваются съ ними,—и благодаря новымъ условіямъ и новымъ входящимъ въ нихъ элементамъ видоизмѣняются, вырабатываютъ свой особенный типъ, отличающій ихъ и отъ старожиловъ и отъ ихъ сородичей въ губерніяхъ Европейской Россіи. Естественно, всякій этнографъ, занимающійся изученіемъ мѣстности, въ которой переселенцы составляютъ большій или меньшій % населенія, долженъ обратить вниманіе на отличія, отдѣляющія ихъ отъ старожиловъ; онъ долженъ указать, что осталось у переселенцевъ отъ ихъ прежняго быта, что появилось подъ вліяніемъ новыхъ условій жизни, какъ видоизмѣнились ихъ старые взгляды, какой характеръ приняли ихъ прежніе обычаи и обряды на новомъ мѣстѣ. Для того, чтобы рѣшить эти вопросы, ему необходимо знать причины переселеній, количество лицъ, оставляющихъ свои насиженныя мѣста, направленіе переселенческаго движенія и т. п. Въ этомъ отношеніи огромную пользу можетъ оказать ему трудъ г. Исаева.

Работа не мало потрудившагося по этому вопросу г-на Исаева должна служить исходной точкой для всякаго этнографа, обращающаго свои силы на изученіе мѣстностей, гдѣ переселенцы играютъ болѣе или менѣе видную роль. Изслѣдователь найдетъ въ ней массу новыхъ фактовъ, могущихъ служить ему руководящей нитью при его работѣ. Важно и то, что авторъ имѣлъ возможность лично познакомиться съ переселенцами, наблюдать ихъ непосредственно и наконецъ пользоваться новѣйшими данными о переселенцахъ, что придаетъ еще большій интересъ прекрасному по своей обработкѣ труду г. Исаева.

Не имѣя въ данномъ случаѣ цѣлью всесторонне разбирать серьезный трудъ г. Исаева, ограничусь лишь указаніемъ на два факта, не безъинтересныхъ для этнографа. Естественъ прежде всего вопросъ, изъ какихъ частей Европейской Россіи двигаются главнымъ образомъ переселенцы. Оказывается, что за послѣдній годъ главный контингентъ идущихъ на новыя мѣста въ Сибирь крестьянъ выходитъ изъ Курской губ. (1241 семья), затѣмъ слѣдуетъ губ. Тамбовская (269 семьи), Вятская (182 с.), Пермская (129 с.), Нижегородская (119 с.), Казанская (109) и т. д. Второй вопросъ, интересный для этнографа, это опредѣленіе благосостоянія переселенцевъ. Въ этомъ отношеніи г. Исаевъ приводитъ цифры за 1890 г., рисующія намъ положеніе переселенцевъ далеко не въ привлекательномъ видѣ. „По оффиціальнымъ даннымъ, отъ 1-го сентября, пишетъ авторъ,— изъ пришедшихъ въ Томскъ въ 1890 г. имѣли собственныхъ денегъ: ничего и до 10 р.—1,499 семей, отъ 10—50 р.—590 с., 50—100 р.—

Digitized by Google

115, отъ 100—300 р.—70 с., болѣе 300 р.—8 семей". Слѣдовательно, если считать даже, что на обзаведеніе хозяйства требуется хотя бы только 100 р., окажется, что около 96% стоятъ въ матеріальномъ отношеніи ниже этого уровня, а слишкомъ 65% находятся въ крайне-бѣдственномъ положеніи: либо не имѣютъ денегъ вовсе, либо имѣютъ сумму, не превышающую 10 р. При такихъ условіяхъ естественно, что лишь выдаваемыя субсидіи и дѣятельность частной благотворительности могутъ поддержать переселенцевъ, помочь имъ устроиться на новыхъ мѣстахъ; естественно также, что переселенцы часто попадаютъ въ кабалу къ ростовщикамъ, хозяевамъ и т. п. Европейская Россія, высылая отъ себя лицъ необставленныхъ въ матеріальномъ отношеніи удовлетворительно, даетъ однако Сибири въ лицѣ переселенцевъ людей преимущественно энергичныхъ, способныхъ на долгую и упорную борьбу съ трудностями, которыя ожидаютъ ихъ на новыхъ мѣстахъ. Вотъ впечатлѣніе, которое переселенцы оставили на г. Исаева: „многіе,—пишетъ онъ,—похоронили въ Тюмени близкихъ людей; многіе истощили послѣдніе гроши и на пароходѣ жили впроголодь; и, все-таки, задумчивые, сосредоточенные, они бодро ожидали конца путешествія.... Какъ скоро пароходъ останавливался гдѣнибудь около селенія и неподалеку отъ пристани виднѣлось поле или лугъ,—они бѣжали туда, смотрѣли, хороша ли рожь и трава и... дѣлали сравненіе съ тѣмъ, что бываетъ въ Тамбовской или Курской губерніяхъ... И такъ ѣхали они день за днемъ, съ вѣрою въ Бога, терпѣливо перенося свою трудную долю, никому не жалуясь, ни на кого не ропща". Далѣе авторъ приводитъ примѣры стойкости отдѣльныхъ переселенцевъ; такъ напр. въ Томскѣ авторъ видѣлъ женщину, пришедшую изъ Саратовской губ. съ 4 дѣтьми; она пробиралась въ Алтайскій округъ, къ своему мужу, туда переселившемуся за годъ передъ тѣмъ. Другая женщина прошла изъ Глазовскаго у. до Тюмени (1200 верстъ) съ двумя дѣтьми, изъ которыхъ меньшаго она везла все время въ тачкѣ и т. д.

Въ заключеніе повторимъ, что прекрасный трудъ г. Исаева, являясь цѣннымъ вкладомъ въ нашу литературу о переселеніяхъ, оказывается и важнымъ подспорьемъ для этнографа, изучающаго смѣшанное русское населеніе Сибири; онъ почерпнетъ изъ него много данныхъ, которыя помогутъ ему освѣтить и понять многія бытовыя особенности какъ сибирскихъ старожиловъ, такъ и вновь прибывающаго пришлаго элемента.

Н. Х.

Виленскій Календарь на 1891. Это изданіе, какъ извѣстно, ведется Виленскою 1-ю гимназіею и заключаетъ въ себѣ по обыкновенію, кромѣ справочныхъ свѣдѣній, также довольно большой литературный отдѣлъ со статьями преимущественно историческаго содержанія. Въ настоящемъ году здѣсь помѣщены, между прочимъ: историч. очеркъ княжества Туровскаго, историч. очерки городовъ Минска и Могилева, біографіи князей Конст. Ив. и Конст. Конст. Острожскихъ.

Digitized by Google

2. Журналы.

Владивостокъ. 21. *К.* Къ торгово-промышленному вопросу восточныхъ окраинъ Сибири (эксплуатація иностранцами чукчей).

Воскресный День. 33,34. Евангельская проповѣдь среди язычниковъ (алтайская и киргизская миссіи за 1890 г.).

Восточное Обозрѣніе. 21. Способны-ли сибиряки къ сельско-хозяйственному прогрессу и общинной жизни? (по поводу доклада А. А. Кауфмана: «О вліяніи переселенцевъ на мѣстное населеніе Сибири» въ Имп. Вольно-Эконом. Общ.). 22. *А. Ивановскій.* Заселеніе Маньчжуріи.—*И. К.* О рыбныхъ и тюленьихъ промыслахъ на озерѣ Байкалѣ (содержаніе доклада И. Д. Кузнецова въ Петерб. Обществѣ Рыболовства). 23. Къ исторіи скопческаго хозяйства въ Якутской области. 24. *В. Ошурковъ.* Новая работа по обычному праву («Le régime patriarcal et le droit coutumier des Kirghiz, par Victor Dingelstedt». Paris, 1891). 26. *Ѳ. Н. Лаврентьевъ.* Земледѣліе въ Сибири.—*Дм. Даурскій.* На родинѣ Чингисъ-хана (изъ путевыхъ впечатлѣній по южному Забайкалью). 27. *Ѳ. Н. Лаврентьевъ.* Свобода охоты въ Сибири и ея результаты. 28. Захватно-родовое владѣніе землей и община.

Вѣстникъ Европы. *Май—Е. Е. Картавцевъ.* Поѣздка въ Стовратныя Ѳивы. 1889. I.—Путевыя впечатлѣнія автора. Подробнѣе описаны остатки Карнакскаго храма и Гробницы царей.—*В. Пругавинъ.* Кустарная промышленность, ея судьба и значеніе. I—VI. Перечисливъ мѣры правительства и земствъ для развитія кустарныхъ промысловъ, авторъ указываетъ на съѣзды, какъ на мѣру, которая могла-бы сильно двинуть впередъ какъ знакомство съ этимъ видомъ промышленности, такъ и ее саму. Затѣмъ, указавъ на то, что въ изслѣдованіяхъ кустарной промышленности главное вниманіе было обращено обыкновенно на экономическую сторону ея, и мало имѣлась въ виду бытовая, этнографическая, онъ набрасываетъ картину кустарной промышенности въ Нижегородской губерніи, основываясь преимущественно на матеріалѣ, собранномъ въ Нижегородскомъ Сборникѣ (Т. VII и VIII. Ниж. Новг. 1887 и 1889 г., подъ редакціей А. С. Гацисскаго). Рец. на кн. Н. М. Ядринцева: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Этнографическія и статистическія изслѣдованія, съ прилож. статистическихъ таблицъ (Спб. 1891. Изд. И. М. Сибирякова). Рец. на кн. В. И. Межова: Сибирская библіографія. Указатель книгъ и статей о Сибири на русскомъ языкѣ и однихъ только книгъ на иностранныхъ языкахъ за весь періодъ книгопечатанія. Т. I. Источники и матеріалы для исторіи Сибири: библіографическіе указатели, историческ. и историко-юридическ. акты и документы, письма и мемуары. (Изд. И. М. Сибирякова. Спб. 1891). Рец. на Терскій Календарь на 1891 годъ. Годъ I. (Изд. Терскаго областнаго статистическаго Комитета. Владикавказъ. 1890). Рец. на Терскій Сборникъ. (Приложеніе къ Терскому Календарю на 1891 годъ. Вып. I. Подъ редакціей секретаря Комитета П. Стефановскаго. Владикавказъ. 1890). Рец. на кн. А. А. Исаева: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Спб. 1891). *Іюнь—Е. Е. Картавцевъ.* Поѣздка въ Стовратныя Ѳивы. (1889. II. Окончаніе). Описаны развалины Мединетъ-Абу, Луксора, Колоссы Мемнона и пр.; краткій очеркъ египетской миѳологіи; мѣстами въ этой статьѣ разбросаны живыя картинки мѣстной жизни.—Рец. на: «Соловушко. Сборникъ русскихъ художественныхъ и народныхъ пѣсенъ». Сост. М. М. Ледерле. (Спб. 1891).—Рец. на кн. Л. В. Ходскаго: Земля и земледѣлецъ. (Въ двухъ томахъ. Спб. 1891). *Августъ.—А. Н. Пыпинъ:* Первыя извѣстія о Сибири и русское ея заселеніе.—*Н. М. Ядринцевъ:* Десятилѣтіе переселенческаго дѣла.—Рец. на кн. Ал. С. Фаминцына: Домра и сродные ей музыкальные инструменты русскаго народа. Балалайка, кобза, бандура, торбанъ, гитара. Историческій очеркъ съ многочисленными рисунками и нотными примѣрами. (Спб. 1891).

Джеджили (грузинскій журналъ). IV. Великанъ Гаргантуа (французская легенда). Сказка о дочери царя. Она измѣннически была брошена въ рѣку, превратилась въ золотую рыбку и была доставлена рыболовомъ опечаленному царевичу-мужу. Одна ея косточка упала въ сѣняхъ, когда ее зарѣзали. Изъ косточки выросло кипарисовое дерево, которое наклоненіемъ своихъ вѣтвей привѣтствовало царевича, а ночью, обращаясь

Digitized by Google

въ женщину, входила къ нему въ спальню и, обнявъ его, горько плакала; на разсвѣтѣ же она исчезала. Царевичъ разъ притворился спящимъ, поймалъ ее и узналъ, кто виновница ея гибели.—Анекдоты и загадки.

Иверія. *Май*. Изъ прошлой жизни Грузіи. Молитва царя Ираклія II (рукопись XVIII в.).—*Іюнь*. Нѣсколько о«Ростоміани», переводъ Шахъ-Намэ. *А. Хахановъ*. Распространеніе грузинскаго языка въ Сванетіи. О грузинской литературѣ. Письмо Панискертель-Цицишвили (Рукопись Общества распространенія грамотности среди грузинъ). Изъ этого письма выясняется, что до грамматики Католикоса Антонія II существовала грамматика Католикоса Виссаріона («Бесаріони»). Даже въ XI — XII вв. существовали грамматики философа Іоанна Петрици и Евфимія. Первая часть рукописи касается древнихъ обычаевъ и нравовъ грузинъ (свадьба, похороны, празднованіе Новаго года и пр.). *Іюль*. Письмо изъ Дагестана. О состояніи шелководства, садоводства и выдѣлки оружія. Грузинская нотная рукопись X вѣка.—*Августъ*. Письмо изъ Адчары (Западная, омусульманившаяся часть Грузіи). О количествѣ населенія, состояніи образованія (пишутъ и читаютъ по-грузински даже въ Турецкой Грузіи). Законодательство Беки и Агбучи. (Продолженіе). *Н. Урбнели*. Изъ исторіи Грузіи. Нашествіе Ага-Магомметъ-Хана.

Мукемси (изд. на грузинскомъ языкѣ). **11**, **15**. *Д. П. Пурцеладзе*. Д. І. Чубиновъ, профессоръ С.-Петербургскаго университета по грузинской словесности (некрологъ). **14**. Объ исторіи печатанія въ Грузіи церковно-богослужебныхъ книгъ съ XVII в. Кн. Маміа Гуріели. Продолженіе церковныхъ актовъ, изъ которыхъ актъ Бичвинтскаго собора можетъ служить блестящимъ дополненіемъ къ донынѣ извѣстнымъ грузинскимъ церковнымъ законамъ.

Пастырь (вых. 2 раза въ мѣсяцъ въ Кутаисѣ). **12—13**. Экспедиція въ Святую землю проф. Кондакова. **14—15**. О хирургіи у Кавказскихъ горцевъ.

Русское Обозрѣніе. *Іюнь. Іюль. А. В. Елисѣевъ*: Въ подземныхъ пещерахъ уден. Описаніе посѣщенныхъ авторомъ подземныхъ пещеръ Іудеи: ихъ устройство и внутренняя отдѣлка: входы, спиралеобразныя лѣстницы, ведущія въ нижнія пещеры, ниши, колонны, скульптурныя изображенія, находящіяся въ нихъ, надписи, орнаментовка стѣнъ и пр. Авторомъ были найдены каменныя орудія и остатки костяковъ древнихъ обитателей этихъ пещеръ. Въ этой же статьѣ мы знакомимся съ нѣкоторыми легендами арабовъ, а также съ мелкими деталями ихъ быта.—*Августъ*. *Д. П. Гессе*. Великая Кабилія (замѣтки туриста). — *Е. Ө.* Изящная литература древнихъ египтянъ. Гл. I.—IV. Здѣсь читатель знакомится съ содержаніемъ, а мѣстами и съ текстомъ нѣкоторыхъ древнеегипетскихъ сказокъ и лирическихъ стихотвореній. Кромѣ того, статья даетъ разнообразныя и интересныя свѣдѣнія о бытѣ древнихъ египтянъ.

Сѣверный Вѣстникъ. *Май*. Рец. на кн. Исаева: Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ.—*Іюнь*. Областной отдѣлъ. *П. Астыревъ*: Субботники въ Россіи и Сибири. Статья распадается на слѣдующія главы: I. Старинная ересь жидовствующихъ. II. Слѣды существованія жидовствующихъ въ позднѣйшій періодъ. III. Вѣроученіе и черты быта субботниковъ, IV. Субботники Иркутской губерніи. — Рец. на кн. Алтай. Историко-статистическій сборникъ по вопросамъ экономическаго и гражданскаго развитія Алтайскаго горнаго округа подъ редакціей *П. А. Голубева*. (Томскъ, 1890 г.)—Рец. на кн. В. И. Межова: Сибирская библіографія Т. I. Изд. И. М. Сибирякова, С.-Пб., 1891 г.—*Іюль*.—*И. Лучицкій*: Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. Областной отдѣлъ. *С. Марусинъ*. Переселенческое движеніе на Алтай. Статья рисуетъ печальныя условія, въ которыя поставлены переселенцы: недостатокъ денежныхъ средствъ, утомленіе, болѣзни, голодъ во время слѣдованія въ Сибирь, а на мѣстѣ заселенія упорная борьба, въ которой съ невыгодной стороны выказываютъ себя въ одинаковой степени и старожилы и переселенцы. Хотя Алтай и является мѣстомъ, гдѣ могли бы оправдаться надежды переселенцевъ—однако ко времени прибытія своего ихъ силы настолько истощены, что воспользоваться выгодами мѣстности имъ почти невозможно.—Рец. на кн. Л. Ходскаго: Земля и земледѣлецъ. 2 тома. Спб 1891.—Рец. на кн. Н. М. Ядринцева: Сибирскіе инородцы, ихъ бытъ и современное положеніе. Спб. 1891.—*Августъ*. Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, Западной Двины и Волги. Очерки *проф. Д. Анучина*. Цѣль поѣздки проф. Д. Н. Анучина была по преимуществу географическая, а поэтому и сама статья носитъ географическій характеръ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ въ ней разбросано не мало цѣнныхъ этнографическихъ

Digitized by Google

свѣдѣній. Въ разговорахъ съ мѣстными жителями проф. Анучинъ знакомился съ легендами, пріуроченными къ извѣстнымъ мѣстностямъ и различными другими преданіями.—*Н. Астыревъ.* Одинъ изъ вопросовъ дня: сервитутныя отношенія въ юго-западномъ краѣ.—*Проф. И. Лучицкій.* Крестьяне и крестьянская реформа въ Лифляндіи. Статья первая. (Продолж.).—*А. А. К.* Хозяйственный и общинный бытъ крестьянъ и инородцевъ Иркутской губерніи.

Трудъ (приложеніе къ «Всемирной Иллюстраціи»). **2, 3.** Легенды индѣйцевъ сѣверо-запада Америки (записаны І.-Адр. Якобсеномъ): 1) какъ индѣйцы научились отъ волка танцамъ съ масками; 2) гримасничающій духъ; 3) богъ грома Сейуксъ; 4) происхожденіе человѣческаго рода; 5) потопъ индѣйцевъ племени Атсъ; 6) какъ индѣйцы достали огонь; 7) какъ индѣйцы научились китоловству; 8) медвѣжья легенда племени Белла-Белла; 9) превращеніе чудовищъ въ звѣрей силою Гани-Килла-ко; 10) какъ индѣйцы племени Хайда научились дѣлать «тотемъ» («тотемъ» или «тоданимъ»—изображеніе животныхъ, являющихся родоначальниками и покровителями каждаго рода канадскихъ индѣйцевъ; 11) каннибалъ Бекъ-Бекъ-Квала-нитъ и вождь Уноако; 12) месть бога солнца Токьо; 13) что̀ случилось съ ворономъ Ко̀д у бога моря Сни-анза-Котъ. **4—6.** ***А. В. Потанина.*** Буряты, — этнограф. очеркъ: страна, занимаемая бурятами; подраздѣленіе ихъ на 11 племенъ и племенъ — на рода или аймаки; численность (до 200 тыс. душъ); мѣстожительство каждаго племени; управленіе (тайши, шуленги, степныя думы и инородч. управы); языкъ; распространеніе грамотности; религія: шаманство (черные и бѣлые шаманы, шаманское дѣйствіе), почитаніе огня, три разряда духовъ: тэнгри, хаты и заяны, онгоны (духи-покровители) и бумалъ-шилуны (камни, упавшіе съ неба); ламы и монастыри; общественныя (таилганы) и частныя (кырыкъ) жертвоприношенія; христіанская проповѣдь среди бурятъ и результаты ея; обычай умерщвлять стариковъ, доживших до 70-лѣтняго возраста; свадебные обычаи и слѣды давней старины въ нихъ (военный захватъ дѣвицъ и, какъ возмездіе за это, угонъ скота; поступленіе жениха въ домъ невѣсты; въ обычаяхъ родильныхъ сохранился намекъ на то, что отецъ или, можетъ быть, родъ долженъ рѣшить,—оставлять ребенка въ живыхъ или бросить); цѣломудріе дѣвушекъ; положеніе женщины; наклонность къ разводамъ; покупка малолѣтнихъ дѣтей; погребеніе умершихъ; звѣроловство, скотоводство и въ позднѣйшее время хлѣбопашество; облавы и ихъ организація; жилища; пища: арса (сквашенное молоко или творогъ), тарасунъ (молочная водка слабая), араки (та же водка, но крѣпкая), курунга (кислое молоко), чай, мясо, дикій лукъ, луковицы сараны (lilium martagon) и картофель; рыболовство; плотничное и кузнечное ремесла; домашняя утварь (преданіе о варкѣ пищи въ старину посредствомъ опусканія въ воду накаленныхъ камней); пряжа и тканье; приготовленіе священныхъ статуетокъ и рисованныхъ изображеній боговъ; одежда и обувь; обыденная жизнь бурятъ; общественные праздники (цаганъ-саръ—новый годъ); игры и пляски; антропол. типъ бурятъ. Статья, богатое и разнообразное содержаніе которой только что приведено, составлена на основаніи какъ литературныхъ данныхъ, такъ и личныхъ наблюденій самого автора А. В. Потаниной, извѣстной путешественницы по Монголіи и Китаю. **6.** ***М. А. О.*** Огненное погребеніе. **8.** ***М. А. О.*** Привѣтствія у разныхъ народовъ. **9.** Негрскія басни (изъ собранія д-ра Эмина). **13—17.** *М. Н. Пыляевъ.* Стародавніе старчики, пустосвяты и юродцы.

Чтенія въ Обществѣ люб. духовн. просв. *Мартъ, май* и *іюнь.* *А. Я. Дородницынъ.* Шалапутская община.

3. Газеты.

Варшавскій Дневникъ. 1890.—254. *Н. Юскій.* Библіограф. зам. о Пам. книж. Кѣлецкой губ. 1890 г.—**255.** ***Ф.*** Библ. зам. о кн. Д. И. Эварницкаго: «Вольность запорожскихъ казаковъ».—**268.** Двѣ статьи (некрол. изъ Прав. В. и фельетонъ ***Н. Ю.***) о литераторѣ Г. П. Данилевскомъ († 6 дек. 1890 г.), извѣстномъ, кромѣ своихъ романовъ, также изданіемъ сборника «Украинская Старина», удостоеннаго въ 1878 г. Уваровской преміи (содерж.: изслѣдованіе о юж.-русс. народн. школахъ и біографіи Основяненка, Сковороды и Каразина). Бытовые романы покойнаго сами по себѣ тоже

Digitized by Google

имѣютъ этнографическій интересъ, такъ какъ выводимые въ нихъ типы (напр., крѣпостныхъ, бѣглыхъ и т. п.), по заявленію самого автора, списаны имъ съ дѣйствительности во время его командировокъ. — **277.** *К. Я.* «Коляда въ Холмской Руси». Продолженіе см. въ 1891 г. въ № 4, а не 41-мъ, какъ ошибочно было указано въ кн. IX, стр. 183.— **278.** *М. Р.* «Сказка или быль?»— святочный разсказъ изъ мѣстнаго быта. **1891.**—**29.** О собраніи древн. документовъ (отъ Іоанна IV до 18 в. включ.) и другихъ рукописей, принадлежащемъ П. С. Соломкѣ (въ Кіевѣ). Есть сказаніе о Задонскомъ боѣ (17 в.), о Тушинскомъ ворѣ и много выписокъ изъ римскихъ архивовъ, отчасти сдѣланныхъ покойнымъ Алексан. Н. Поповымъ, извѣстнымъ своими изслѣдованіями объ отношеніяхъ Россіи къ Польшѣ.—**32.** *К Г.* Библ. зам. о I и II вып. «Живой Старины».—**42, 44, 45.** *Вэвэся.* «Демографія Ц. Польскаго»,—по поводу Трудовъ Варш. стат. комитета.—**43.** Зам. о штундистахъ («Волынь»).—**44.** По поводу предстоящ. въ 1892 г. 900-лѣтія утвержденія православія на Волыни.—**54.** Некрологъ Фр. Миклошича съ перечнемъ главнѣйшихъ трудовъ его.

Витебскія Губ. Вѣд.—**37.** Древность человѣческой расы въ Америкѣ (изъ Нов.).—**39.** Городъ Суздаль. Описаніе города съ нѣк. истор. справками.—**66, 68** и **70.** *О. М. Киселевъ.* Матеріалы къ описанію Двины и судоходства по Двинѣ.—**70.** О раскопкахъ курганнаго кладбища въ им. Каховкѣ, произведенныхъ Е. Р. Романовымъ.

Волынскія Г. В.—**45.** *Братчиковъ.* Къ исторіи народныхъ обычаевъ: Купала.

Волынскія Еп. Вѣд. — **13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25.** Продолженіе Историко-статистическаго описанія церквей и приходовъ Волынской епархіи.—**21, 22.** *Н. Никифорскій.* Краткія замѣчанія объ отношеніи русскихъ сектъ къ государству (изъ Сам. Еп. Вѣд.). — **23. 24, 25.** Чешскіе поселки на Волыни: 1) Подгайцы, 2) Новины, 3 и 4), Дорогостаи и Московщина (неок.).—**23.** *Н. Теодоровичъ.* Архивъ князей Сангушекъ, томы 1, 2, 3 и 4. Подробная библіографическая замѣтка по поводу изданія этого архива во Львовѣ (1887—90 гг.), заключающаго въ себѣ массу цѣнныхъ документовъ, писанныхъ большею частью на русск. яз., начиная съ XIII в.—**25.** Извѣстіе о выходѣ въ свѣтъ книги Ал. Алексѣева: «Очерки домашней и общественной жизни евреевъ, ихъ вѣрованія, обряды, праздники, талмудъ и кагалъ», съ замѣткой автора, изъ которой видно, что авторъ, бывшій еврей, издалъ свои очерки первымъ изданіемъ въ 1881 году, а въ настоящее время пополнилъ ихъ новымъ отдѣломъ, внеся въ него: «разсказы талмуда о жизни патріарховъ, о Моисеѣ, о Синайскомъ законодательствѣ, о сраженіи Моисея съ дьяволомъ и побѣдѣ его надъ нимъ».

Воронежскія Г. В.—**22.** Рецензія на изслѣдованіе Л. Б. Вейнберга: «Очеркъ замѣчательнѣйшихъ древностей Воронежской губ.» (Правит. В.).

Вятскія Г. В.—**2, 3, 5—9.** *Н. Загоскинъ.* Изъ Волынской старины. (Изъ прошлаго Волги и Поволжья). Очеркъ первый. По Волгѣ въ 1636 году. (Изъ описанія путешествія Олеарія).—**10.** То-же. (Продолженіе).—Елабужскій уѣздъ. Инородческое населеніе уѣзда. Его школы. Внѣшній бытъ его. (В. В.).—**11.** *Н. Загоскинъ.* Изъ Волжской старины. По Волгѣ въ 1636 году. (Окончаніе). (Волж. Вѣст.).—*П. Сорокинъ.* Городища Сосновской и Шарканской волостей Сарапульскаго уѣзда. Арская дорога.—**12.** *П. Сорокинъ.* То-же. (Окончаніе).—**16.** Новая секта. О возникновеніи среди черемисъ новой секты «Кугу-Сарта». (Вят. Еп. Вѣд.). — **18.** Рецензія на книгу И. А. Гончарова: «Въ Восточной Сибири. Въ Якутскѣ и Иркутскѣ». (Правит. Вѣст.).—**22.** Елабужскій уѣздъ. Промыслы Елаб. уѣзда; чуваши.—**25.** Отчетъ о дѣятельности и занятіяхъ Вятскаго Губернскаго Статистическаго Комитета за 1890 г. Свѣдѣнія объ археологическихъ находкахъ.—**29.** Елабужскій уѣздъ. Старо-крещеные татары. (Волж. Вѣст.). — **30.** Засѣданіе Общества археологіи, исторіи и этнографіи. Доклады: *М. Н. Пинегина* — О свадебныхъ обычаяхъ казанскихъ татаръ и *Н. Н. Смирнова* — О погребальныхъ обычаяхъ и остаткахъ языческой старины у пермяковъ. (Казанск. Бирж. Лист.).—**38.** Изъ смутнаго времени на Вяткѣ. Броженіе среди инородцевъ въ 1608 — 9 годахъ.—*Магницкій:* Матеріалы для исторіи Елабужскаго уѣзда: 1) Челобитная башкирцевъ дер. Кучуковой Вагима Иштерякова съ товарищи, 1713 года, 2) Списокъ съ ясашныхъ книгъ 1713 г.—**43—45.** *А. Бломквистъ.* Кустарная промышленность въ Вятской губ. — **47.** *Магницкій.* Матеріалы для исторіи Елабужскаго уѣзда, 3) Изъ указа Сената о спорныхъ земляхъ Башкирцевъ съ помѣщикомъ Шевкелевымъ. — **48.** Изъ исторіи смутнаго времени на Вяткѣ. Мятежъ инородцевъ и отчасти русскаго на-

Digitized by Google

селенія въ 1609 и 1610 годахъ. (Волж. Вѣстн.). — **49.** Елабужскій уѣздъ. Забавы деревенской молодежи—черемисской и вотяцкой. Нравы вотяковъ и черемисъ. Мусульманскія дѣвушки.

Gazeta Radomska. 1891.—**55, 56.** *Раф. Любичъ:* Періодическія изданія радомскія и сандомірскія отъ нач. XVIII в.,—библіографич. статья.—**56.** Замѣтка объ изданіи Р. Любичемъ программы о «соботкахъ» (обрядовыхъ огняхъ) съ обѣщаніемъ отъ редакціи помѣщать въ своей газетѣ относящіяся къ этому обряду пѣсни, собранныя въ Климонтовѣ, хотя таковыя въ вышедшихъ №№ не появлялись. — **60.** Въ корр. изъ Опатова приведено три строфы народн. пѣсенъ («краковяковъ»).—**70, 71.** Извѣстія объ устройствѣ въ Радомѣ выставки старинныхъ и археологическихъ вещей съ благотвор. цѣлью.—**71—73.** *Е. А.* «Къ вопросу о жидовскомъ жаргонѣ». — **76.** «Наука и отношеніе къ ней провинціальной интеллигенціи», — передовая статейка, касающаяся главнымъ образомъ антропологіи и этнографіи съ указаніемъ на тотъ матеріалъ, какой могли бы дать для этихъ наукъ школа и практика врачей.

Гродненскія Г. В. 1890.—**33.** Отчетъ о дѣйствіяхъ Гродн. Губ. Статистическаго Комитета за 1889 — **1891.** — 7. *И. Бичъ.* Суевѣрія, порождаемыя галлюцинаціями. — **8, 12.** Библ. зам. *Е. Ф. О.* о «Виленскомъ Календарѣ» на 1891 г.—**15—17.** Краткое описаніе с. Ятвѣска Волковыскаго у. Гродн.г.—**19.** Памятники старины: два кургана и преданія по поводу ихъ. Одинъ (около д. Яноча, Кобр. у.) насыпанъ будто-бы «одноглазыми камлуками»; другой (около д. Пыховчицы, Гродн. у.)—на мѣстѣ стычки двухъ свадебныхъ поѣздовъ, не желавшихъ уступить другъ другу дороги; подъ камнемъ на этой насыпи найдена монета времени Екатерины II.—**15, 16, 17, 21, 22, 23, 24, 25.** Краткое описаніе с. Ятвѣска, Грод. губ., Волковыскаго у.; описаны бытъ и занятія населенія, а въ № **24** помѣщено 7 пѣсенъ.—**29.** Описаніе гор. Слонима (по Бобровскому).—**33, 34.** Народные мотивы. Королiувскій говоръ. Весеннія пѣсни, запис. въ с. Тростяницѣ, Бѣльск. у. (съ Пасхи до Ѳоминой нед. и съ Ѳоминой недѣли до молотья пшеницы, около Троиц. дня). — **35.** О серебряномъ ковчежцѣ въ византт. стилѣ IX в., хранящемся въ одномъ изъ Варш. костеловъ, какъ древнѣйшемъ памятникѣ христіанства въ Польшѣ.—**36.** Народные мотивы. Весен. пѣсни, зап. въ м. Бездѣжи, Кобринск. у., Грод. г. — **38, 40, 42, 44** и **48.** *М. Милаковскій.* Описаніе г. Слонима (матер.: Балинскій, Липинскій, Вобровскій, Вѣст. Зап. Росс. и др.).—**43.** Наша деревня. I. Крестьяне-поджигатели.—**44.** Изъ Пружанскаго уѣз. О вредѣ обычая совмѣстнаго ночлега дѣвушекъ и парней въ общемъ сараѣ съ весны до осени съ цѣлью пораньше встать и выгнать на пастбище воловъ. — **46.** Наша деревня. II. Деревенскіе знахари. Авторъ различаетъ шесть типовъ знахарей.—**55.** Корр. изъ Гродн. у. о курганѣ при д. Пыховчицахъ (см. № 19) съ фантастическими преданіями о провалившейся на немъ церкви и съ описаніемъ нѣк. находокъ въ немъ (каменный топорикъ и челов. кости). Другой (уже разрытый) курганъ—«Скарбище»; преданія о немъ.—**60, 69.** Наша деревня. III, IV. Въ сельской лѣчебницѣ.—**73.** Село Ляховцы, Брестск. у. Очеркъ (неок.).

Донскія Е. В. 1—3, 8. Краткое описаніе станицъ области войска Донскаго.—**3.** *Н. Кутеповъ.* Объ языческихъ капищахъ или хурулахъ у донскихъ калмыковъ.

Екатеринбургская Недѣля. 19. *Вс. У—въ.* Пермскія письмена въ рукописяхъ XV вѣка. **21, 24, 26, 28.** Народное творчество въ деревнѣ Косой-Бродъ, Сѣверской волости, Екатеринбургскаго уѣзда. **23 — 25.** *Д. Н—скій.* Краткій очеркъ села Бѣлоярскаго, Екатеринбургскаго уѣзда, съ данными о движеніи населенія Бѣлоярскаго прихода за 10 лѣтъ. **25.** *А. Дмитріевъ.* Новый трудъ о пермякахъ (по поводу монографіи проф. И. Н. Смирнова: «Пермяки. Истор.-этнограф. очеркъ»). **30.** *Ив. Дятловъ.* Забытый уголокъ (о Сургутскомъ краѣ).—*Ив. Воробьевъ.* Шерьинская волость, Оханскаго уѣзда.

Екатеринославскія Г. В. 15. *А. Е.* Новая книга Д. И. Эварницкаго. Рецензія на его «Вольности Запорожскихъ казаковъ».—**40.** Хроника. Сообщеніе объ открытіи г. Эварницкимъ въ дер. Богодарѣ, Александровскаго у., Екатеринославской губ., кургана бронзоваго вѣка и описанія найденныхъ въ немъ вещей. (Харьк. Губ. Вѣд.).

Енисейскія Г. В. 26 — 28. Свѣдѣнія по переселенію въ Енисейскую губернію. **29—31.** Отчетъ о состояніи казачьяго населенія Енисейской губ. за 1890 г.

Извѣстія по Казанской епархіи.—**4.** *Гр. Филиппов.* Чуваши Бичуринскаго прихода.

Digitized by Google

Иркутскія Е. В. 4—6. *Свящ. Н. Шастинъ.* Миссіонерскій отчетъ по Цакирскому стану за 1885 — 89 гг. (о бурятахъ, ихъ жилищахъ, домашней обстановкѣ и вѣрованіяхъ). 8. *С. И. П.* Драгоцѣнныя четки бодисатвъ (перев. съ монгольскаго). **24.** Нѣчто о ламахъ и бурятахъ.

Калужскія Г. В. 18. Въ плѣну у дикарей. Разсказъ г. Байоля о казняхъ Дагомейскаго короля.—**23.** Сообщеніе г. Бонвало. О его путешествіи въ Тибетъ.—*А. Прозоровскій.* Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ.—**45.** Китайскій анекдотъ. Дѣдъ сталъ бить внука за безтолковость; въ это время вернулся его сынъ, отецъ мальчика, и сталъ бить себя. «Ты съума сошелъ?» спросилъ его старикъ. «Нѣтъ»—отвѣтилъ сынъ. «Я не сошелъ съ ума, но разъ ты наказываешь моего ребенка, я отмщаю на твоемъ сынѣ».—**49, 50.** *А. Прозоровскій.* Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ. (Продолженіе).—*Гульбатъ.* Тритино. (Грузинская легенда). О вступленіи на престолъ персидскій Тритино (Апридунъ).—*А. Прозоровскій.* Историческая справка о городахъ Калужской губ. V. Мосальскъ. (Окончаніе).—**65.** Происхожденіе женщины и мужчины. (Индійская легенда). Магадева создалъ сперва женщину; потомъ по ея просьбѣ создалъ птицъ, змѣй, обезьяну, льва, собаку и, наконецъ, мужчину.

Киргизская Газета. 17. Скотоводство и коневодство въ Средней Азіи. **18.** *Гамхоровъ.* Корресп. изъ Павлодарскаго у., Семипалат. обл., о причинахъ раззоренія киргизовъ.—*А. М—овъ.* Лисица и Левъ (киргиз. сказка).—Корресп. изъ Иргиза, Тургайской обл., о мѣстномъ интернатѣ для киргизскихъ дѣвочекъ. **19.** О повивальныхъ бабкахъ въ степныхъ областяхъ. **20.** Лѣсоводство въ Средней Азіи. **22.** Жизнь кочевыхъ народовъ. **23, 24.** *Гульбатъ.* Тритино (по-грузински Апридунъ),—восточ. легенда. **24.** Болѣзни киргизъ и народныя средства врачеванія ихъ. **26.** Коневодство и коннозаводство въ Тургайской области. **27.** Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ.

Кишиневскія Е. В. 1. *Свящ. М. Нильскій.* О причинахъ живучести народныхъ суевѣрій.

Ковенскія Г. В. (Прибавленіе). 1890. —14. *К—анъ.* «Дѣтоубійство» — о существованіи этого обычая у разныхъ народовъ.—**15.** *Е. Ш.* «Еврейка — мелкая торговка», бытовой очеркъ, характеризующій положеніе женщины у евреевъ.—**26, 30.** *Е. Ш.* «Выборки изъ свѣдѣній о Ков. губ.» (по матер. губ. стат. комитета). — **31, 33, 35.** *И. К.* «Этнографическіе очерки: I. Бѣлорусская свадьба» (въ Новоалександровск. уѣздѣ); описаніе обычая, тексты пѣсенъ. **31, 32, 33.** Объ арестантскихъ работахъ въ тюрьмахъ Ков. губ.—**32.** Народная школа въ Ков. губ.—**39.** *И. К.* «Этногр. очерки: II. Жатва у бѣлоруссовъ» (Новоалександр. уѣз.), съ пѣснями. — **42, 43.** «Общественное призрѣніе въ селахъ и деревняхъ».—**45.** *И. К.* «Этногр. оч.: III. Купалка (Купалё)»; приведена купальская пѣсня—собственно щедровка.—**47, 48, 50, 51.** *Л.* «Письма къ другу» касаются состоянія народнаго образованія въ краѣ.—**53, 55.** *Рудманъ.* «Хедеры и меламеды», воспитаніе и обученіе еврейскихъ дѣтей.—**76, 78.** О коробочномъ сборѣ у евреевъ.—**82.** *Григоровичъ.* Къ юбилею М. О. Кояловича.—**89.** Причины эмиграціи въ Бразилію; дополнительныя замѣтки есть и въ слѣд. №№.

1891.—1. «Незнайка»—литовская сказка, запис. въ Ковен. г. и переведена Дѣделевымъ. — **3.** Библ. зам. о брош. Б. А. Фридмана: «Юридическія воззрѣнія и обычаи крестьянъ с.-з. края». («Этногр. Об.», кн. VII).—**6.** «Запросы литовско-жмудской деревни и ихъ удовлетвореніе. I.» (по вопросу о народн. образованіи).—**7.** Библ. зам. о Пам. кн. Ков. губ. на 1891 г.—**9, 10, 12.** *Конунгъ.* «Нѣсколько словъ о религіозной жизни евреевъ».

Костромскія Г. В. 21. Кургановѣдѣніе. Краткое изложеніе лекціи В. Б. Антоновича о кургановѣдѣніи. (Кіев. Слово).

Крымъ. 63. Татарская легенда о «Богѣ-дождѣ». По повѣрью татаръ, дождемъ безконтрольно распоряжается »Богъ-дождь», страшно лѣнивый и всегда спящій. Наступаетъ пора страшной засухи, все живое умираетъ и томится отъ жажды, люди шлютъ горячія моленія къ небесамъ о ниспосланіи дождя, а «Богъ-дождь» спитъ и не просыпается. Многочисленный сонмъ духовъ, его окружающихъ, употребляетъ всѣ силы, всѣ старанія, чтобы разбудить «Бога-дождя», но ничего не помогаетъ. Наконецъ, повелитель дождей просыпается и, пробормотавъ: «пусть идетъ дождь», переворачивается на другой бокъ и вновь засыпаетъ. И вотъ начинается непрерывный дождь, не пере-

Digitized by Google

стающій до тѣхъ поръ, пока не удастся разбудить «Бога-дождя». — **71.** С. Каясты. (Симф. у.). Сообщеніе о поклоненіи татаръ своимъ мученикамъ (40), находящимся въ пещерѣ близь с. Каясты, и описаніе самой пещеры.—**76.** *Ѳ. Лашковъ.* Древности Новороссійскаго края на выставкѣ Императорской археологической коммиссіи въ Петербургѣ.

Кубанскія Обл. В. 14. *И. С. Кравцовъ.* Старѣйшіе въ Кубанскомъ казачьемъ войскѣ «Хоперскіе казаки». (Историческій очеркъ). Гл. I. Отъ первоначальнаго основанія въ исходѣ XVII в. на рѣкѣ Хопрѣ до переселенія на Кавказъ въ 1777 г.—**12,13.** Очеркъ исторій письма.—**17.** *Ив. Дмитренко.* О писанкахъ. Краткое изложеніе лекціи проф. Сумцова о писанкахъ. Первое появленіе писанки и распространеніе ея у всѣхъ народовъ. Двѣ христіанскія легенды о появленіи писанокъ.—Какъ обѣдаетъ султанъ.—**18.** Май мѣсяцъ. Происхожденіе названія его. Обряды и обычаи, связанные въ 1 мая у Римлянъ. Празднованіе 1 мая новыми народами. (Кавказъ).—**25. 26.** *Е. Фелицынъ.* Столѣтіе побѣды ген. Гудовича надъ турками и взятіе крѣпости Анапы 22 іюня 1791 года. Краткая исторія заселенія Анапы и ея окрестностей съ древнѣйшихъ временъ.—съ II в. до Р. Хр. Босфорское царство и его судьбы до взятія Анапы русскими.

Минскія Еп. Вѣд. 12. Свящ. *Василій Шеметилло.* Жизнь крестьянъ до и послѣ выхода изъ крѣпостной зависимости. Авторъ, между прочимъ, приводитъ нѣсколько молитвъ, представляющихъ или сильное искаженіе церковныхъ молитвъ или что-то вродѣ заговоровъ; изъ послѣднихъ одна обращена къ Ангелу-хранителю, въ ней упоминается какой-то гробъ, существующій на вольномъ свѣтѣ, «въ томъ гробѣ три святыхъ: Лука, Матѳей и Микита»; другая: «Въ недѣлю рано-пораненько ходила свента Марія, Матка Божья, по синему морю» и т. д.; бѣлый камень съ костеломъ и золотымъ престоломъ, разговоръ между апостолами и Іисусомъ и пр.; 3-я молитва въ томъ же родѣ.

Минскій Листокъ. 1890.—30, 32, 34. *Каренинъ.* «Хворая», разсказъ литовск. быта.—**52.** *А. Слупскій.* «Старый Минскъ».—**1891.—4.** Нужды минскихъ кустарей.—**7.** Въ фельет. замѣтка объ осеннемъ праздникѣ «свѣчи» въ Могилевск. г.—**8.** Выдержки изъ путевыхъ очерковъ Довнара-Запольскаго (печат. въ Вил. Вѣстн.) о Пинскомъ Полѣсьѣ и текстъ пѣсни: «Вчора була Польша, а теперь Россія» — не народнаго происхожденія.—**9.** Фельет., зам. о вѣрованіи въ черта и въ упырей.

Московскія Вѣдомости.—127. Отчетъ о засѣданіи Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества. Доклады: Д. Н. Чичагова о Козмо-Даміанской церкви въ Муромѣ, А. М. Павлинова объ устройствѣ куполовъ и сводовъ въ соборахъ западной Европы и храмахъ древней Византіи; докладъ графини П. С. Уваровой объ архитектурныхъ памятникахъ Самарканда.—О раскопкахъ въ Херсонесѣ. Перечень найденныхъ предметовъ, представляющихъ характеристику населенія того времени, ихъ религію, нравы и обычаи. (Крым. Вѣст.).—**129.** О научномъ изслѣдованіи юга Россіи Кіевскаго археолога Н. Ѳ. Бѣляшевскаго. На Кинбургской Косѣ найдены слѣды первобытнаго человѣка и нѣкоторые предметы доисторической эпохи. (Кіевск. Сл.).—**131.** *Александръ Америковъ.* «Есть-ли штунда въ Рязанской губерніи?»—**140.** О мусульманскомъ праздникѣ Курбанъ-Байрамъ, наступающемъ послѣ 30-дневнаго Рамазана (поста и молитвы). *Мур—евъ.* Письма изъ Персіи. Персидское сногаданіе. Значеніе муллъ, какъ единственныхъ, по мнѣнію персіанъ, вѣрныхъ истолкователей сновидѣній. Обыкновенно удачныя толкованія сновъ муллой, который заранѣе успѣваетъ угадать обстоятельства правовѣрнаго, живущаго въ извѣстномъ околодкѣ. Примѣръ такого толкованія. Увеличеніе въ народѣ суевѣрія по мѣрѣ усиленія авторитета муллъ. Сны женщинъ, которые истолковываются не такъ, какъ сны мужчинъ, а совершенно наоборотъ. Легенда о снѣ царя Повширвана Великаго(Нуширвана),живш.въ кон. VI в.по Р.Х.,въ эпоху Магомета,и видѣвша го во снѣ свинью, пившую изъ его бокала и сѣвшую на его тронъ. Сонъ этотъ могъ объяснить только одинъ юноша Бозургъ-Мехръ, открывшій царю, что въ его гаремѣ живетъ переодѣтый въ женское платье красавецъ, котораго любитъ одна изъ женъ Нуширвана. Бозургъ-Мехръ указываетъ царю виновныхъ. Дѣленіе сновъ на «божественные», которые снятся предъ разсвѣтомъ, когда уснешь послѣ молитвы, и «дьявольскіе» — послѣ сытнаго обѣда или ужина.—*Д. Истибовъ.* «Курбанъ-Байрамъ въ Стамбулѣ». Время этого праздника. Изданіе фетвы (рѣшеніе) о началѣ торжества, послѣ донесенія падишаху о появленіи новой луны. Обрядъ «цѣлованія руки», собственно полы одежды султана, сидящаго на тронѣ во дворцѣ Долма-Бахче, совершаемый сановниками, кото-

Digitized by Google

рымъ подъ страхомъ строгой кары запрещается смотрѣть въ глаза султану. Торжество Курбанъ-Байрама (жертвоприношенія) состоитъ еще въ раздачѣ богатыми милостыни Казнь въ Китаѣ. Пріѣздъ преступниковъ на мѣсто казни, приготовленія къ ней, разсчитанныя на то, чтобы произвести впечатлѣніе на народъ; совершеніе казни; хладнокровіе присутствующаго народа.—**141.** Аулъ Дутманъ (изъ Нов. Обозр.); передается народная легенда о развалинахъ аула Дутмана, погибшаго вслѣдствіе междоусобія 2-хъ населявшихъ его семей Магомета и Фатали-бека, причемъ битва началась съ драки 2-хъ пѣтуховъ и кончилась взаимнымъ избіеніемъ всѣхъ обитателей его — Казикумуховъ.—**148.** *Я.* Научныя замѣтки. Подробности пути принца Орлеанскаго и Бонвало поперекъ Азіи. Нѣсколько словъ о племенахъ, обитающихъ вдоль сѣверной границы Гималая, ихъ одежды и наружности.—**156.** (Корресп. изъ Сарапула). Особый видъ мошенничества, состоящій въ томъ, что такъ называемые «деньгопары», пользуясь стремленіемъ вотяковъ къ быстрой наживѣ, берутъ у нихъ деньги, завязываютъ въ горшокъ и ставятъ въ теплое мѣсто, чтобы «напарить» еще больше; мошенники забираютъ деньги, говоря, что ихъ унесъ шайтанъ. — **158.** ***Мур—евъ.*** Письма изъ Персіи. Персидское суевѣріе. Гаданіе о счастьѣ при рожденіи ребенка, причемъ мулла употребляетъ «рамло», инструментъ, состоящій изъ продѣтыхъ сквозь желѣзный прутъ кубиковъ, на 4 сторонахъ которыхъ написаны изреченія изъ Корана; заговоръ противъ дурного глаза, написанный муллой на клочкѣ бумаги, который зашивается въ мѣшечекъ и надѣвается на правую руку ребенка. Лѣченіе болѣзней отъ сглазу, причемъ мулла употребляетъ яйцо, желткомъ котораго обмазываетъ больныя части тѣла; къ муллѣ Персіане прибѣгаютъ во всѣхъ случаяхъ жизни. «Тасхиръ-коненде» или авторитетныя духовныя лица, которыя имѣютъ власть надъ духами; изгнаніе тасхиръ-коненде нечистаго духа изъ больного и шарлатанство этихъ лицъ. Суевѣріе въ высшихъ классахъ. Примѣръ Магометъ-шаха, безусловно вѣрившаго въ своего премьера и придворнаго астролога Хаджи-Мирза-Агаси, и средства, къ которымъ прибѣгалъ послѣдній для усиленія своего вліянія на шаха; сонъ его о путешествіи на небо, гдѣ онъ видѣлъ дѣда Магометъ-шаха, давшаго нѣсколько приказаній своему внуку, конечно, выгодныхъ для Хаджи-Мирза-Агаси. Предотвращеніе имъ многихъ козней и преслѣдованіе непріятныхъ ему лицъ.—**160.** Встрѣча влюбленныхъ звѣздъ. (Японская сказка). Сказаніе, связанное со днемъ 7-го іюля, когда переходятъ млечный путь и встрѣчаются два созвѣздія Козерога и Лиры—для японцевъ юноша съ быкомъ и дѣвушка съ прялкой. Приготовленіе къ этому дню и опасеніе, чтобы въ ночь на 7-ое іюля не пошелъ дождь. Сказаніе повѣствуетъ о судьбѣ Шакуйо, дочери солнца, жившей на краю серебряной рѣки неба, Млечнаго пути, и мужа ея молодаго пастуха Канъ-Гинъ, разлученныхъ отцомъ, съ цѣлью заставить дочь свою снова приняться за работу и прялку, которую Шокуйо, прежде трудолюбивая, забросила послѣ выхода замужъ. Для этой цѣли Царь — Солнце скликалъ множество сорокъ, которыя образовали мостъ черезъ Звѣздную рѣку, и велѣлъ зятю перейти на другой берегъ, послѣ чего сороки разлетѣлись и Канъ-Гинъ остался на другомъ берегу съ быкомъ, который перешелъ за нимъ. Всю ночь влюбленные стоятъ на противоположныхъ берегахъ, смотря другъ на друга, а днемъ, принужденные разойтись съ восходомъ солнца, принимаются за свою работу, чтобы убить время. Только разъ въ годъ въ седьмой день седьмого мѣсяца Царь-Солнце позволяетъ дочери перейти потокъ и Шокуйо молится, чтобы въ эту ночь не пошелъ дождь и не переполнилъ потокъ, который въ такомъ случаѣ унесетъ мостъ изъ сорокъ.—**162.** Примѣты лошадей у бедуиновъ, сообщенныя генераломъ Данасъ во французскіе журналы.—**164.** Въ отдѣлѣ «Дневника печати» Мусульманская секта. (Изъ волж. Вѣстн.) Нѣсколько свѣдѣній о магометанской сектѣ Ваисова, появившейся въ Казанской губерніи и проповѣдающей уклоненіе отъ воинской и другихъ повинностей, отрицаніе властей и суда.—**165.** Эмиграція въ Китаѣ. Краткое содержаніе сообщенія Гроота, сдѣланнаго имъ въ засѣданіи Нидерландскаго Географическаго Общества въ Амстердамѣ, о той части Китая, изъ которой происходитъ наибольшее выселеніе, обнимающей южную половину Фу-Кіанга и восточную Квангъ-Тунга; по мнѣнію Гроота выселеніе вызывается не чрезмѣрной густотой населенія, какъ думаютъ въ Европѣ, а крайней неплодородностью почвы, вслѣдствіе вырубки лѣсовъ. Одной изъ помѣхъ экономическому процвѣтанію страны является автономное устройство сельскихъ общинъ, и ихъ постоянныя распри между собою.—**166.** Протестантскія секты въ Прибалтійскомъ

Digitized by Google

краѣ (Риж. Вѣст.)—167. *Ал. К—ій.* Новыя секты (корресп. изъ Кіева); описаніе 2-хъ сектъ, выродившихся изъ штундизма, первая изъ нихъ «Малеванцы», получившая свое названіе отъ имени основателя ея, крестьянина гор. Таращи, Кондрата Малеванаго, учившаго, что Спаситель еще не приходилъ на землю и Ему надлежитъ еще явиться. Это предсказаніе не замедлило осуществиться надъ Малеванымъ, который вздумалъ вознестись на небо. Послѣ его неудавшейся попытки вознестись на небо, возникаетъ вторая секта «духовныхъ», представителемъ которой является крестьянинъ с. Рейментарщины, Григорій Васелиненко, объявляющій Малеванаго Антихристомъ. Основа ученія Васелиненко о соединеніи Бога Слова со взрослымъ человѣкомъ напоминаетъ древнихъ евіонитовъ, а ученіе о явленіи и жизни Христа передъ вторымъ пришествіемъ на землю среди вѣрующихъ - ученіе хиліастовъ; въ статьѣ приведены также болѣе мелкія подробности объ ученіи этихъ сектъ. Штундисты—извлеченіе изъ статьи Павла Козицкаго въ Церковномъ Вѣстникѣ, доказывающаго воздѣйствіе нѣмецкихъ колонистовъ на возникновеніе штундизма и выродившихся изъ него сектъ.—168. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ, которые, по словамъ французскаго путешественника Фуро, отличаются крайней выносливостью и въ то же время способностью ѣсть сразу чрезмѣрно много.—169. О Кавказскихъ нравахъ: похищеніе невѣстъ у горцевъ Терск. обл. и обычай кровомщенія (Нов. Обозр.).—171. Китайскій взглядъ на хорошее управленіе.—182 и 183. Раскопки городища Увека (Изъ Саратовскаго Листка). Описаніе раскопокъ.—184. Православіе на Алтаѣ. Сибирскій Вѣстникъ сообщаетъ объ успѣхахъ православія среди инородцевъ Алтайскаго края, вслѣдствіе чего является ихъ сближеніе съ русскимъ складомъ быта, имѣющимъ на нихъ цивилизующее вліяніе.—188. Рец. на кн.: «Грамоты и другіе историч. документы XVIII в., относящіеся до Грузіи Т. I. (1768—1774 гг.). Съ картинами Закавказья 1771 г. Подъ ред. А. А. Цагарели».—189. Штундисты въ Бессарабіи (Изъ Церковныхъ Вѣдомостей). Свидѣтельство учителя Вас. Праведнаго о несомнѣнномъ вліяніи протестантства на происхожденіе и развитіе штунды.—190. Раскопки гор. Увека. Продолженіе описанія раскопокъ, начатаго въ №№ 182 и 183. — 191. Объ обычаѣ пьянства на крестьян. свадьбахъ (Сельск. В.).—О сельскихъ сходахъ и реформѣ волостныхъ судовъ.— «Холмская Русь и Волынь»,—о присоединеніи уніатовъ къ православію.—192. О способахъ ѣзды по Китаю (изъ Ostasiatiche Lloyd), которые мѣняются сообразно съ географическими условіями мѣстности. Описаніе китайскаго двухколеснаго экипажа.—195. *И. Кудиновъ.* Воспоминанія о Цейлонѣ (по случаю пріѣзда Сингалезовъ въ Москву). Описаніе обитателей Цейлона—Сингалезовъ и Тамиловъ; первые принадлежатъ къ Кавказскому племени, смѣшавшемуся съ Малайскимъ и, по древней хроникѣ, были выведены изъ Остъ-Индіи королемъ Внейо въ 543 г. до Р. Х. на Цейлонъ, гдѣ обитали въ то время племена Ведда, Тами и др. Миролюбіе Сингалезовъ и Тамилъ; различіе ихъ въ цвѣтѣ кожи, костюмы, головные уборы и прически; татуировка и любовь къ золотымъ и серебрянымъ украшеніямъ; невзыскательность въ пищѣ. Сингалезы исповѣдуютъ буддизмъ. Въ храмѣ Маличамы и Канды находится святыня буддистовъ—2 зуба Будды, которые сохраняются въ четырехъ металлическихъ ящикахъ; совершеніе въ іюлѣ религіозныхъ обрядовъ надъ зубомъ, вынутомъ изъ ящиковъ, и процессія Перрагеры, перенесеніе зуба въ святилище, которымъ оканчивается празднество. Тамилы исповѣдуютъ браманизмъ. Жилища на Цейлонѣ, занятія жителей, причемъ Сингалезы являются купцами, ремесленниками и земледѣльцами, а охотой и рыбной ловлей занимаются Тамилы и Индусы; добываніе Индусами жемчуговъ и коралловъ, а Сингалезами пряностей и фруктовъ.— О Киргизской степи, вопросъ о колонизаціи ея рус. земледѣльцами (Нов. Вр., Рус Мысль).—196. Нѣмецкая религіозная пропаганда. Въ Церковныхъ Вѣдомостяхъ протоіерей А. Юницкій сообщаетъ о пропагандѣ баптизма въ Закавказьѣ въ 70-хъ годахъ нѣмцемъ Кальвей, англичанами и шведами; вліяніе Пашковцевъ.—О раскопкахъ близъ Канева (Кіев. г.) на «Княжей горѣ»; найдены предметы камен. вѣка, велико-княжской эпохи, серебряныя вещи и монеты. (Кіев. Сл.).—197. Башкирія. Корреспонденція «Русской жизни» доказываетъ необходимость удержать русскихъ арендаторовъ въ интересахъ самого башкирскаго населенія, т. к. башкиры, будучи плохими земледѣльцами, стремятся продавать или сдаютъ въ аренду за безцѣнокъ свои земли эксплуататорамъ въ большинствѣ нѣмцамъ и евреямъ.

Московскія Церк. Вѣд.—2. Инородцы Нарымскаго края (Томск. Е. В.).—8. *Е. Воронецъ.* Изъ исторіи чиновнаго сибирскаго ламства.—15. Изъ религіозной жизни

Digitized by Google

сибирскихъ инородцевъ: ламаизмъ.—**17.** *Е. Воронецъ.* Ложное положеніе въ Россіи идолопоклонниковъ ламъ.—**21.** Вліяніе богослуженія на черемисскомъ языкѣ на черемисъ.—**23.** Свадебные обычаи инородцевъ Алтая.—**28.** Драгоцѣнныя четки бодисатвъ (Иркут. Е. В.).

Нижегородскія Г. В.—1. *Дм. Кайгородовъ.* Елка. Обычай украшать елку и происхожденіе его. Легенда о происхожденіи этого обычая. (Н. В.).—**3, 4.** *Очевидецъ.* Смотрѣнье. Одинъ изъ крестьянскихъ свадебныхъ обычаевъ въ Макарьевскомъ уѣздѣ.—**7.** Двѣ русскія экспедиціи. Экспедиція Б. Л. Громбчевскаго. Краткое описаніе его путешествія. Экспедиція Н. Ѳ. Катанова. Поѣздка въ Урянхайскую землю, въ Минусинскій округъ Енисейской губ., въ Нижнеудинскій округъ Иркутской губ. и въ Китайскій Туркестанъ. Результаты путешествій.—**10.** *Аполлонъ Можаровскій.* Какинская Мордва-Эрзя даннаго времени. Обрусеніе Мордвы. Подробное описаніе одежды Мордвы. Обычаи, сопровождающіе кончину умирающаго и поминки его.—**11.** То-же. (Окончаніе). Свадебные обычаи. Пренебрежительное отношеніе мужчинъ къ женщинамъ. Помоги. Уходъ на заработки. Стремленіе женщинъ къ щегольству.—**13.** Почайна. (Преданіе Нижегородской Старины). Легенда объ основаніи кн. Іоріемъ Нижняго-Новгорода на берегу р. Почайны, которая внѣшнимъ видомъ своимъ всегда предсказывала приближеніе враговъ. (Н. Б. Л.).—**14.** *А. Борисовъ.* Почайна. (Окончаніе). Обиды, нанесенныя Почайнѣ людьми; ожиданіе, когда она станетъ больше Волги и затопитъ Нижній. — **16, 17.** *Г. П. Демьяновъ.* Въ лѣсахъ Балахонскаго у. (Изъ Нижегородскаго настоящаго и прошлаго). Преданіе объ основаніи г. Балахны.—**22, 23** Трехсотлѣтіе г. Саратова. Исторія его заселенія.—**25.** *А. Долгоусовъ.* Пермяки. Историко-этнографическій очеркъ И. Н. Смирнова. (Рецензія).—**26.** *А. М—скій.* Изъ приходской жизни с. Молчанова, Сергачскаго у. Нѣкоторыя черты древне-русскаго общиннаго быта.

Новое Время.—5451. *В. Р. Розенъ.* Сообщеніе о новой особо-замѣчательной арабской редакціи повѣсти о Варлаамѣ и Іоасафѣ.—**5456.** Вопросъ объ этнографическомъ названіи закавказскихъ мусульманъ (Каспій).—Въ Географическомъ обществѣ. *Кн. Н. С. Голицынъ.* Сообщеніе о его путешествіи по Средней Азіи.—**5457.** (Приложеніе). *М. Робушъ.* У Самоѣдскихъ идоловъ.—Дворецъ Артаксеркса и открытія Дьелафуа. Сообщеніе объ открытіи дворца Артаксеркса на мѣстѣ древней Сузы.—**5465.** *Г. Е. Грумъ-Гржимайло.* Почетная встрѣча. Описаніе церемоній, съ которыми китайцы встрѣчали экспедицію. — Турецкая свадьба. Картинка турецкихъ нравовъ. — *Н. К.* Отсу и его окрестности. (Замѣтки туриста).—**5472.** Въ Археологическомъ обществѣ. Докладъ *А. Н. Шукарева* «О Шлиманѣ и его раскопкахъ». — **5475.** Среди Татаръ. IV.—**5482.** *Грумъ-Гржимайло.* Характеристика Китайцевъ, какъ націи. (Историч. Вѣстн.—«Дунганскій Партизанъ»).—**5483.** Сообщеніе о подземныхъ городахъ на берегу рѣки Аму-Дарьи близъ Карки.—**5484.** *А. Елисѣевъ* Характеристика Китайцевъ. (Рус. Вѣст.).—**5486.** *Р. Е. Грумъ-Гржимайло.* На Желтой рѣкѣ. Изъ путешествія по Китаю.—**5490.** Отношеніе туземцевъ Закавказья къ разбойникамъ, какъ къ героямъ. (Нов. Обозр.).

Новое Обозрѣніе.—2543. Амкарство. (Корпорація торговцевъ и ремесленниковъ).—**2561.** Библіографія. Древности восточныя, вып. II. *А. Хах—овъ.*—**2567.** Случай насильственнаго похищенія невѣсты у горцевъ Терской области. Восточные мотивы. Изъ Омара Хойяма. Съ персидскаго. *Василій Величко.*—**2575.** Библіографія. Этнографическое Обозрѣніе, кн. VIII. *А. Хах—овъ.*—**2583.** Грузинская нотная рукопись X вѣка. *Не археологъ.*—**2602.** О значеніи присяги у закавказскихъ христіанъ. (Историческая справка). *А. Ерицовъ.*—**2597, 2601, 2604, 2611.** Пѣшая прогулка по Тушетіи и Пшавіи. (Составъ кампаніи. Видъ на Алазанскую долину. Алавердскій монастырь. Вершина Шави-Киде. Соха «ачегъ». Семимѣсячное царство женщинъ. Свадебные и погребальные обычаи. Симпатичность хевсуръ. Варка пива).—**2614.** Князь Маміа Гуріели (грузинскій поэтъ). (Некрологъ).—**2625.** Хизанство.—**2631.** Библіографія. Сборникъ матеріаловъ для описанія племенъ и мѣстностей Кавказа. Вып. XII. *А. Хах—овъ.* — **2636.** Горскія школы. *Его.*—**2634, 2553, 2581, 2587, 2596, 2618.** Католицизмъ въ Грузіи (продолженіе). *А. Ерицовъ.* — **2526, 2536.** Мѣры противъ чумы рогатаго скота.

Новороссійскій Телеграфъ.—5098. Земля Отчаянія. Нѣсколько данныхъ объ Огненной Землѣ и ея жителяхъ.

Новости.—119. Преданіе о происхожденіи «артоса». (Южный Край).—**120.** По

Digitized by Google

поводу извѣстій изъ Японіи. ***Воейковъ***. Описаніе городовъ Кагосиму и Кіото въ Японіи.—**123**. Въ Географическомъ обществѣ. Докладъ А. М. Позднѣева о двухъ древнихъ картахъ Монголіи. — **125**. Квото и озеро Бива. Описаніе ихъ изъ сочиненія Экснера о Японіи.—Рамазанъ въ Константинополѣ (Р. Вѣд.). ***Шерцль***. Китайскіе обычаи. (Новорос. Телегр.).—**126**. Квото и озеро Бива. Описаніе ихъ изъ сочиненія Экснера о Японіи.—**130**. Варшава. (Корресп.). Отношеніе польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи къ туземцамъ.—**133**. Въ Нео-филологическомъ обществѣ. ***А. Н. Веселовскій***. Сообщеніе по поводу старинной русской повѣсти: «Слово о Дмитріи купцѣ, зовомомъ по реклу Басарьгѣ Киевленинѣ, о мудромъ и о благоразумномъ сынѣ его и отрочати добромудромъ смыслѣ».—**135**. ***Адольфъ Вуатюре***. Французы въ Суданѣ. (Посмертное письмо). Описаніе страны и ея жителей; ихъ внѣшній видъ, занятія, празднества, украшенія и пр.—**136**. Вопросъ объ этнографическомъ названіи закавказскихъ мусульманъ. (Каспій).—Докладъ подъ заглавіемъ: «Злая и добрая жена по народнымъ картинкамъ, заключающимся въ извѣстномъ изданіи сенатора Д. А. Ровинскаго».—**141**. Сообщеніе о находкѣ въ пещерѣ у подошвы Казбека манускрипта, писаннаго на пергаментѣ неизвѣстнымъ языкомъ. -**142**. ***Яр***. Изъ персидскихъ нравовъ. (Одес. Лист.).—**148**. Вѣра Персовъ въ сны. (Моск. Вѣд.).—**149**. ***Г. Емельяновъ***. «Голубиныя общины на дальнемъ востокѣ». Жизнь скопческихъ поселеній въ Сибири.—**160**. ***Мур—евъ***. Суевѣрія Персовъ; ихъ гаданія о судьбѣ новорожденныхъ дѣтей.—**163**. О положеніи польскихъ переселенцевъ въ Бразиліи, разсказъ переселенца Геллера. (Варш. Дн.).—**174**. Корресп. изъ г. Спасска о разрытіи старостой села Лебедино, Спасскаго у., могилы недавно умершаго ихъ односельчанина, Деревяшкина, отъ пьянства. Преступленіе это онъ совершилъ по настоянію своего «міра» вслѣдствіе всеобщаго убѣжденія, что «стоявшая тогда засуха произошла оттого, что на ихъ кладбищѣ былъ похороненъ опойца».—**178**. Объ открытіи въ Ригѣ публичнаго музея, въ которомъ собрана масса коллекцій вещей, представляющихъ наглядно исторію края.

Пензенскія Г. В. - **95**. Промыслы сельскаго населенія въ Краснослободскомъ уѣздѣ.—**96**. Сельская промышленность въ Пензенскомъ у. - **97**. Промыслы сельскаго населенія въ Керенскомъ у. въ 1890 г.—**98**. Сельская промышленность въ Пензенскомъ у. (Окончаніе).—**103**. ***Свящ. І. Побѣдимскій***. Село Гумны, Краснослободскаго у. Составъ семей. (Многосемейность). Устройство жилищъ и дворовъ; одежда и обувь—прежде и теперь.—**104**. Сельско-хозяйственная промышленность въ Саратовскомъ у.—**107**. То-же. (Окончаніе).—***Св. І. Побѣдимскій***. Село Гумны, Краснослободскаго уѣзда. Племенной составъ населенія; его языкъ. — **109**, **110**. Сельско-Хозяйственная промышленность въ Нижнеломовскомъ у.—**116**, **119**, **121**. ***Г. Петерсонъ***. Остатки старины въ Пензенской губ. І. Курганы и могилы. ІІ. Городища, городки, валы.—**126**. ***Г. Петерсонъ***. Списокъ остатковъ старины въ предѣлахъ Пензенской губ. Отдѣлъ І-й: Курганы и могилы (по каждому уѣзду отдѣльно). — **130**. То-же. Окончаніе І отдѣла. Отдѣлъ ІІ-й: Городища, городки, валы (по каждому уѣзду отдѣльно). — Сельско-хозяйственная промышленность въ Наровчатскомъ у. — **132**. То-же. (Продолженіе).—***Г. Петерсонъ***. Списокъ остатковъ старины въ предѣлахъ Пензенской губ. Отдѣлъ ІІ: Городища, городки и валы (по каждому уѣзду отдѣльно). (Окончаніе).—**133**. Сельско-хозяйственная промышленность въ Наровчатскомъ у. (Окончаніе).

Пензенскія Еп. В. 10 и 11. «Сонъ Богородицы». Разборъ, изложеніе и выдержки.

Переводчикъ. **5**. Сообщеніе объ обычаѣ въ Галатіи, по которому дѣвушка, желающая выйти замужъ, перелѣзаетъ ночью черезъ заборъ дома своего избранника и ложится у его порога.—**10** Въ передовой статьѣ приведена Турецкая сказка, рисующая мудрость и справедливость султана и взаимное недоброжелательство его визирей.—**13**. О соблюденіи христіанами своихъ постовъ въ средніе вѣка и въ позднѣйшее время до XVIII в.—**15**. ***Боейръ***. Подземные города. Сообщеніе объ открытомъ имъ въ Туркестанѣ, вблизи Шахъ-Яра древняго города (подземнаго), построеннаго королемъ Афросіабомъ, современникомъ Рустема, за **600** лѣтъ до Р. Хр. и др.

Пермскія Г. В. 88. Засѣданіе Пермской Коммиссіи Уральскаго Общества Любителей Естествознанія. Обычаи древнихъ Славянъ. (Окончаніе).

Пермскія Еп. В. 11 и 12. ***Д. Смышляевъ***. Воспоминаніе о Востокѣ. (Продолже-

Digitized by Google

ніе). Описаніе обыденной жизни въ Іерусалимѣ. Подделка предметовъ еврейской античной жизни.

Подольскія Г. В. 1890.—35. Жалоба на невѣжественное обращеніе съ археологическими древностями; упоминаніе «Княжей Горы» близъ Канева, гдѣ найдена золотая корона.—**38.** Разрытіе 7-ю крестьянами м. Жабокриче, Ольгопольск. у., трупа повѣсившейся, съ цѣлью облить его водой и тѣмъ вызвать дождь во время засухи.— Описаніе пещеръ (повидимому монастыря) въ горѣ Бѣлой у села Бакоты, въ 10 вер. отъ гор. Стар. Ушицы, на лѣв. берегу Днѣстра; въ пещерахъ нѣсколько каменныхъ (?) гробовъ и высѣчены славян. надписи.—Свѣдѣнія о жизни крестьянина Ив. Саманя, с. Дмитровки, Ольгопол. у., умершаго на 123 г. жизни въ декабрѣ 1889 г. — **39.** Замѣтка о памятникахъ старины въ Подольск. губ.: а) въ Литинск. у., сообщ. А. П. Пушторскій (курганы и укрѣпленія), б) въ Могилевск. у., сообщ. В. Т. Орловскій (христ. пещеры въ с. Лядавѣ).—**44.** Свѣдѣнія о крест. Вас. Черномъ, умершемъ 112 лѣтъ въ м. Рашковѣ.—**46.** Извѣстіе объ отрытіи въ г. Житомірѣ (при закладкѣ фундамента подъ домъ на Полтавской ул.) нѣсколькихъ труповъ въ стоячемъ положеніи, которые впрочемъ разсыпались.—**54, 55.** Институтъ сотскихъ и десятскихъ (очеркъ).— **59—64.** *И. К. Михалевичъ*: «Подольская гимназія въ Винницѣ», — къ исторіи просвѣщенія въ ю.-з. Руси.—**72.** Численность и движеніе населенія въ Под. г.—**73.** Народная нравственность въ Под. г. (стат. данныя).—**74.** Луцкъ, Дубно и Ровно—города Волыни (истор. замѣтки).—**77.** Замѣтка о соврем. состояніи Полѣсья (осуш. болотъ, оригинальный способъ передвиженія по болоту: въ лодкѣ, запряженной быками).—**83.** Почаевская Усп. Лавра.—**85—88, 90—94, 99, 100.** *И. К. Михалевичъ:* Ист.-стат. свѣдѣнія о Кам.-Под. Рус. Публичн. Библіотекѣ (1866—1890).—**89.** Сообщеніе о церковно-археологич. коллекціи, собранной въ Чигирин. у., Кіев г., Н. Ф. Бѣлашевскимъ и переданной въ Кіев. Дух. Академію (этнографич. значеніе имѣютъ въ ней между прочимъ вышивки на одеждахъ, запись въ евангеліи).—**97—100.** Выдержки о Кам.-Подольскѣ изъ ст. М. И. Городецкаго: «Поѣздка въ Холмъ, Подолію и Бессарабію», напеч. въ «Историч. Вѣстн». 1890 г., дек.—**101.** «Древлянскіе могильники»,—результаты изслѣдованій проф. В. Б. Антоновича въ системѣ рр. Ирпеня, Тетерева и Уши.

1891.—1. Древлянскіе могильники. Докладъ В. Б. Антоновича о предметахъ, находимыхъ въ древлянскихъ могилахъ. (Окончаніе). Общая характеристика быта древлянъ.—**13.** Мѣстная хроника. Объ утратѣ Армянами-Григоріанами своей религіи и народности въ періодъ Уніи въ Каменецъ-Подольскѣ.

Подольскія Е. В.—16, 17, *Протоіер. П. Лоневскій.* Сопоставленіе смысла и существа обрядовъ и таинствъ православной церкви съ народными обычаями, практикуемыми въ Подольской еп., отъ рожденія человѣка до смерти и погребенія его.

Полоцкія Е. В.—8. О происхожденіи и значеніи нѣкоторыхъ пасхальныхъ обычаевъ. («Пенз. Е. В.»).

Правда.—4. Письменность у всѣхъ народовъ со стороны физіологической и антропологической.—**29.** Свадебные обряды у чувашей.

Радомскія Г. В. 1890. 19. Перепечатано изъ I кн. журн. «Вислы» (Wisla) 1890 г. воззваніе А. Свентоховскаго о доставленіи въ редакцію свѣдѣній по слѣдующимъ вопросамъ о евреяхъ:

1) Сколько числится евреевъ въ деревнѣ (а если можно - въ гминѣ) или городѣ и какое процентное отношеніе они составляютъ къ остальному населенію? 2) Чѣмъ занимаются? 3) Чѣмъ занимаются преимущественно, а чѣмъ исключительно (безъ конкуренціи со стороны населенія другого происхожденія)? 4) Обработываютъ ли землю, съ какимъ успѣхомъ и въ какихъ размѣрахъ? владѣютъ-ли мелкими участками земли или же фольварками? 5) Занимаются-ли и въ какой мѣрѣ ремеслами и фабричнымъ промысломъ, и въ какомъ количественномъ отношеніи находятся ихъ издѣлія къ издѣліямъ другихъ? 6) Выиграла-ли бы, или же потеряла мѣстная торговля отъ отсутствія евреевъ при продажѣ плодовъ сельскаго хозяйства и т. п. продуктовъ (щетина, тряпье, кости и проч.)? Полезны-ли они, или вредны, какъ посредники между производствомъ (малымъ или большимъ) и рынкомъ потребителей? 7) Какое производятъ они вліяніе (по мнѣнію отвѣчающаго) экономическое, общественное и нравственное вообще, въ особенности же въ жизни простого народа?—Нѣкоторые отвѣты на эти вопросы уже напечатаны въ той же газетѣ: № 22 (изъ Островца, перевед.

Digitized by Google

и въ польской Gazet'ѣ Radomsk'ой 1890 № 49), № 25 (изъ Сецехова, Козеницк у.), № 30 (изъ Шидловца).—21—23. *Г.* «Семитизмъ и антисемитизмъ» (характеристика національности евреевъ).—41. *С. Макѣевъ.* «Грамотность сельскаго населенія Радом. г., теперь и 20 л. назадъ (по свѣдѣн. о должностныхъ лицахъ сельскаго управленія и о призывныхъ).—43. Народное образованіе въ Рад. г. (по оффиц. «Обзору Рад. г.» за 1889 г.).—Въ замѣткѣ «Заяцъ-душа» говорится, что толпа, спугнувъ неожиданно на католич. кладбищѣ спавшаго на могилѣ зайца, приняла его за душу покойника.

Русскія Вѣдомости. 118. Библіографическая замѣтка. 1. Ежегодникъ Импер. Русскаго Географич. Общества и 2. Древности восточныя. Труды восточной Коммиссіи Импер. Москов. Археологическ. Общества. 121. І. Рамазанъ въ Константинополѣ.—*Ал. Головачевъ.* На «таилгѣ» у Алтайцевъ. Описаніе жертвоприношенія алтайцевъ богу свѣта - Ульгеню, которое совершалъ шаманъ—«камъ». -124. Кіото въ Японіи. Краткое описаніе города Кіото.—126. Засѣданіе Антропологическаго отдѣла Общества любит. естеств., антропологіи и этнографіи. Доклады: *А. А. Ивановскаго* о черепахъ изъ древнихъ могилъ Осетіи; *Ѳ. К. Гинкулова* о черепахъ изъ могилъ Южнаго берега Крыма и пр.—139. *В. П.* Изъ путевыхъ записокъ. Въ Вѣнѣ. Въ Шатрезѣ у монаховъ. 141. *Ѳ. Ѳ.* Въ Сѣверщину. Внѣшній быть населенія Черниговской губ.—малороссовъ, бѣлоруссовъ и ихъ смѣси.—146. Судебная Хроника. Народное суевѣріе. Сущность дѣла въ томъ, что нѣсколько крестьянъ села Курумога, Ставропольскаго у., Самарской губ., вынули изъ могилы и пустили по теченію р. Волги трупъ Анны Барановой, умершей недавно отъ излишняго употребленія вина и похороненной на кладбищѣ села Курумога, вслѣдствіе распространеннаго между крестьянами Ставропольскаго у. суевѣрія, состоявшаго въ томъ, что будто-бы бездождливая весна является слѣдствіемъ похоронъ на мѣстномъ сельскомъ кладбищѣ опоицъ и удавленниковъ.—150. Библіографическая замѣтка. А. А. Исаевъ. Переселенія въ русскомъ народномъ хозяйствѣ. (Рецензія).—152. Загадочный обычай. Почти по всей Олонецкой губ. и въ южныхъ уѣздахъ Архангельской существуетъ обычай за нѣсколько дней передъ праздникомъ св. пророка Иліи или Успенія Пресвятыя Богородицы—приводить къ приходской церкви разный домашній скотъ—быковъ, овецъ или барановъ, которыхъ потомъ въ однихъ мѣстахъ продаютъ и деньги отдаютъ на церковь, а въ другихъ въ пользу церкви продаютъ только половину всего скота, остальную же половину убиваютъ и тутъ же свариваютъ и съѣдаютъ, причемъ мясо хватаютъ силой, отчего и самый обычай получилъ названіе «хватовщины». (Олон. Губ. Вѣд. 1890 г. 83). Вопросъ о происхожденіи этого обычая. (Русск. Жизнь).—162. *Ѳ. Ѳ.* Въ Сѣверщину. (Окончаніе). Очеркъ внѣшняго бита населенія Черниговской губ.—163. *И. Смирновъ.* Остатки языческихъ жертвоприношеній на русскомъ Сѣверѣ. Объясненіе указаннаго въ № 152 «Загадочнаго обычая».—166. *Н. Ядринцевъ.* Съ дальняго пути. Изъ жизни въ Сибири.—177. *Буква.* Край цвѣтовъ. Очерки Гаарлема и жизни его обитателей.—184. Казань. (Корресп.) О пріобрѣтеніи музея, въ которомъ находится коллекція древностей бывшаго царства волжскихъ болгаръ, коллекція каменныхъ и костяныхъ орудій, памятниковъ бронзоваго вѣка (изъ Ананьинскаго могильника и чудскихъ городищъ) и пр.—189. *В.* Городъ Кіото. Очеркъ Пьера Лоти. Внѣшній видъ города, способы передвиженія по его улицамъ. Описаніе храма Кіо-Мидзу. Отношеніе населенія къ иностранцамъ. Отношеніе его къ своей религіи. Храмъ Великаго Будды.

Русскій Паломникъ. 9, 10, 12, 23. *Н. Н. Филипповъ.* Обряды и вѣрованія у южныхъ славянъ: 1) празднованіе масляницы, 2) провожденіе Великаго поста, 3) объ обрядовой сторонѣ праздника Благовѣщенія Пресв. Богородицы и 4) объ обрядовой сторонѣ праздника Св. Троицы.

Рязанскія Г. В. 36. Русскія простонародныя имена и прозвища. Краткая исторія ихъ употребленія и поводы возникновенія, начиная съ древнѣйшихъ временъ. (Изв. общ. ист., арх. и этногр. при Казан. Универс.).—44. Условія питанія арабовъ въ Сахарѣ. (Фуро). Необыкновенное обжорство ихъ и способность голодать 2—3 дня безъ ущерба для энергіи и выносливости. (La Nature).

Саратовскія Г. В. 33. Трехсотлѣтіе Саратова. Исторія его основанія и развитія и его нынѣшнее основаніе.—*Василій Поляковъ.* Преданіе объ основаніи гор. Вольска, Саратовской губ.—38. *А. Н. Минхъ.* Легенды о кудеярахъ въ Саратовской губ. (Тамб. Губ. Вѣд.).—39. *Ив. Соколовъ.* Станица Александровка. Преданіе о томъ, какъ

Digitized by Google

казаки обзавелись женами.—**41.** *Ф. Ерохинъ.* Село Старое Славкино Петровскаго у. (Историко-бытовой очеркъ). Составъ населенія.—**42.** То-же. (Окончаніе). Обычаи Мордвы, сопровождающіе свадьбу, крестины и похороны.—**44—47.** Камышинскій уѣздъ Саратовской губ. Историко-статистическое описаніе.

Сибирскій Вѣстникъ.—**67.** *А. С—кій* Рец. на книгу Н. М. Ядринцева: «Сибирскіе инородцы. ихъ бытъ и современное положеніе».—**69.** Успѣхи православія на Алтаѣ.

Сибирскій Листокъ.—**28—29.** *С. Л. Чудновскій.* Къ вопросу о сибирской общинѣ.—**30, 32, 34.** *Б. Словцовъ.* Путевыя донесенія А. Кастрена изъ Сибири въ Имп. Академію наукъ (переводъ изъ «Reisen—Berichte aus Siberien» тѣхъ рапортовъ и писемъ Кастрена, которые относятся къ его путешествію по рр. Иртышу и Оби).—**31, 32.** Очерки окраинъ Сибири (Тункинскій край Иркут. губ.).—**38, 41, 44. 45.** *Н. Астыревъ.* Очерки быта населенія Иркутской губ. (извлеч. изъ «Матеріаловъ по изслѣдованію землепользованія и хозяйственнаго быта сельскаго населенія трехъ округовъ Иркут. губ.).—**49.** *Д.* Указатель книгъ и статей о Сибири (рец. на трудъ В. И. Межова: «Сибир. библіографія»).

Смоленскій Вѣстникъ. **57.** *А. Щ.* Къ исторіи г. Рославля.—**58.** Обѣтъ безбрачія въ Китаѣ.—**62.** Курляндскіе короли. Сообщеніе о потомкахъ Курляндскихъ королей, населяющихъ семь деревень вблизи Гольдингена.—**67.** Отъ Историко-археологическаго музея. О предметахъ, пожертвованныхъ музею.—**68.** *А. Щ.* Обычаи и повѣрья Приднѣпровья, Краснинскаго уѣзда.—**69** Отъ Историко-археологическаго музея. Перечень предметовъ, пожертвованныхъ музею.—**70.**—*Г. Сенкевичъ.* Приговоръ Зевса (Греческая сказка). Споръ между Аполлономъ и Гермесомъ.—**73.** *А. Ш. Рославльскій.* Толока. Приведены 2 пѣсни.—**77.** Деревенскій житель. Экскурсія въ Моризовскую область (ок.).—**78.** Письма съ пути. Редакція помѣстила письмо одного изъ этнографовъ, въ которомъ описываются Татаринскіе и Девятинскій курганы Бѣльск. у. Смол. губ., съ присоединеніемъ нѣкоторыхъ преданій о нихъ. **79.** Корр. изъ Смол. уѣз. Очевидца. Авторъ въ своей интересной корреспонденціи между проч. приводитъ имена въ томъ перевранномъ видѣ, какъ полуграмотные крестьяне заносятъ ихъ въ свои помянальники, такъ что они могутъ служить нѣк. иллюстраціей по искаженію собств. именъ во многихъ нашихъ письменныхъ памятникахъ. – X. Изъ Юхновскаго у. Разсказывается фактъ, освѣщающій отчасти вопросъ о томъ, какъ и почему иногда на Руси появляются святыя мѣста и вообще разныя мѣста поклоненія (см. и № 87.).—**79, 83, 88, 93, 97.** *Деревенскій житель.* Дневникъ сельскаго обывателя.—**81, 85, 86. 96, 101.** Шавѣевская колонія. Въ этой интересной статьѣ о колонистахъ, послѣдователяхъ гр. А. Толстого, попадается не мало мыслей, интересныхъ въ этнограф. отношеніи, особенно тамъ, гдѣ колонисты сталкиваются съ крестьянами.—**81.** Корр. изъ Вязьмы. Нѣкот. черты изъ жизни обитателей этого города.—**82.** *С. Писаревъ.* Отъ Историко-археол. музея. Пожертвованія въ музей съ нѣк. объясненіями.—**94.** *А. Щ—нъ.* Корр. изъ Краснинск. у. объ особомъ обрядѣ «суспицы», артельнаго лѣпленія свѣчи. Эта «суспица» устраивается мѣстною артелью крестьянъ наканунѣ праздника извѣстному святому, патрону данной артели. Свѣчу лѣпятъ (начиная со старѣйшаго хозяина), потомъ одѣваютъ въ бѣлую сорочку («вѣнчаютъ»), обжигаютъ, читаютъ молитвы. На другой день пріѣзжаетъ причтъ; при зажженной «суспицѣ» молятся, трижды «повышаютъ» передъ иконой небольшую пшеничную булку, кот. потомъ въ качествѣ священной даютъ на тощакъ; по удаленіи духовенства идетъ пиръ съ пѣснями (приведены двѣ). На другой годъ «суспица» лѣпится у другого хозяина, на третій у третьяго и т. д. Воскъ лѣпится на старую свѣчу лѣтъ 5—6, а потомъ начинается новая «суспица». Обрядъ этотъ, по словамъ корреспондента, существуетъ и въ большинствѣ селеній Красн. у.—**95.** Перепечатка изъ Сѣв. В. (Авг. 1891 г.) отрывка статьи проф. Анучина: «Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, Зап. Двины и Волги».—**108.** «Спасъ Маковей» (изъ Русс. Ж.). Набросокъ изъ жизни богомольцевъ.

Ставропольскія Г. В. 30, 31. Черты народности въ поэзіи Лермонтова.—**32.** Отличительныя черты кустарныхъ промысловъ Кавказа и Закавказья.

Терскія Вѣдомости.—**1.** Различные взгляды на Магомета.—*Г. Ил. Хонели.* Легенда о Кизлярѣ. Суть ея въ томъ, что два брата-царевича сватались за царицу-красавицу. Она рѣшилась выйдти за того изъ нихъ, кто ее догонитъ (на конѣ). Младшій братъ былъ ужъ возлѣ нея, но отставшій старшій убилъ его стрѣлой изъ лука.

Digitized by Google

за что также былъ убитъ своимъ отцомъ немедленно и также стрѣлой. Красавица-царица бросилась, видя гибель обоихъ жениховъ, съ крутого обрыва въ рѣку и на этомъ мѣстѣ старый царь, отецъ жениховъ, построилъ крѣпость по имени Кизляръ, что значитъ «Красавица». (Нов. Обозр.). — **3.** *Н. Семеновъ.* Другое преданіе о Кизлярѣ. Кизляръ значитъ—«дѣвка». Легенда гласитъ, что на этомъ мѣстѣ происходилъ осмотръ дѣвушекъ, которыхъ монголы ежегодно уводили въ Золотую Орду, какъ дань Кавказскихъ горцевъ.—**4.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. I. Колдуны. — Расконки въ Осетіи. Сообщеніе граф. П. С. Уваровой въ засѣданіи Имп. Моск. Археологич. Общества 16 дек. 90 г.—**5.** Религіозное движеніе въ Аравіи, Халифы и Магометъ.—**6.** *М. Слобожанинъ.* По Урускому ущелью. Легенда о томъ, какъ злой человѣкъ укралъ соль, которую берегъ св. Георгій для осетинъ, во время его отлучки и какъ св. Георгій, по возвращеніи ударилъ мечемъ по скалѣ, отчего образовалась глубокая расщелина.—**8.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. I. Колдуны. (Окончаніе).—**11.** Магометъ до начала своей проповѣди. Рожденіе и болѣзненность Магомета.—**12.** *Землякъ.* Изъ исторіи возникновенія г. Кизляра.—**13.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. II. Вѣдьмы. — **14.** Магометъ до начала своей проповѣди. (Окончаніе). Путешествія Магомета.—*Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. Историческій очеркъ. Происхожденіе осетинъ. Начало христіанства въ Осетіи и его дальнѣйшее распространеніе. — **15.** *Св. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. Краткая исторія Осетіи отъ перваго столкновенія съ Россіей до 1350 г.—**19.** То-же. Судьба христіанства.- **20.** Этюды объ Ингушахъ. Земельныя владѣнія Ингушей. — **26.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. III. Отъ «ереси приходящіе» священники и уставщики. -- **27.** *Св. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. Подчиненіе Осетіи власти Россіи. **28.** Сел. Арданъ. Суевѣріе жителей селенія. — **29.** *Г. М.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. IV. Представленія о будущности земли и загробной жизни.—**32.** *Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи.—*Георгій Цаголовъ.* Изъ осетинскаго народнаго эпоса. 4) Смерть и джигитъ, или какъ любовь смерть побѣдила.—**34, 36.** *Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи.—**39.** *М. Газдановъ.* Къ вопросу о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ.— **40.** Рецензія на рефератъ А. А. Ивановскаго о черепахъ изъ древнихъ могилъ Осетіи. (Р. В.).—**40, 41.** *М. Газдановъ.* Къ вопросу о происхожденіи тагаурскихъ алдаръ.—**42, 46, 48.** *Свящ А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи.—**48.** *Г. М—инъ.* Казачьи вѣрованія и суевѣрія. V. Понятіе о дьяволѣ и его роль въ жизни. **51.** *Свящ. А. Гатуевъ.* Христіанство въ Осетіи. — Похищеніе невѣстъ у горцевъ Терской области. (Нов. Обозр.). — **55, 56.** Поѣздка въ Урусбіевское общество горскихъ татаръ. (Путевыя впечатлѣнія). *Е. Б—овъ.*—**65.** Къ вопросу о разоруженіи туземцевъ.—**67.** Казачьи вѣрованія и суевѣрія. (Вѣрованіе въ домового, лѣшаго и водяного. Общая характеристика вѣрованія въ духовъ).—**68.** Восхожденіе на Адай-хохъ.

Уфимскія Г. В.—**21.** *Д. П. Никольскій.* «Изъ поѣздокъ по Башкиріи». (Описаніе быта башкиръ Екатеринбургскаго у., Пермской губ. Продолженіе). Птицеводство. Употребленіе чаю и сахару. Данныя о движеніи населенія.

Тобольскія Г. В.—28, 29. Первые русскіе изслѣдователи Сибири.

Томскія Г. В.—32. Объ изданіи сборника этнографическихъ статей алтайскаго миссіонера, протоіерея Вербицкаго (см. VIII кн. «Этнограф. Обозр.» стр. 176).

Томскія Е. В.—**9.** Памяти покойнаго миссіонера, протоіерея Василія Ивановича Вербицкаго (изъ записокъ: 1, Киргизскаго миссіонера игумена Владиміра Синьковскаго и 2, Мыютинскаго миссіонера свящ. Вас. Постникова).

Туркестанскія Вѣд. — **18.** *С. В.* Право поземельной собственности въ Туркестанскомъ краѣ. - **25.** *А. Диваевъ.* Повѣрье. Разсказывается объ интересномъ обычаѣ заклинанія вѣтра, существующемъ у сартовъ «съ древнихъ временъ». Во время сильныхъ вѣтровъ, въ лѣтнее время, а именно, когда колосится и созрѣваетъ хлѣбъ, старухи-сартянки садятся верхомъ на песты, берутъ въ руки длинныя хворостины, навязываютъ на нихъ разноцвѣтныя тряпки и, вымазавъ сажею лицо (а въ иныхъ мѣстахъ набѣлившись и нарумянившись), отправляются по улицамъ. Здѣсь, подражая ржанію жеребца, онѣ начинаютъ кричать и прыгать на встрѣчныхъ мужчинъ, приговаривая:

Digitized by Google

«О, чалъ-мама, чалъ-мама! [1])
Не найдешь себѣ ты мѣста, чалъ-мама!
Ты разсыпала созрѣвшій колосъ проса, чалъ-мама,
Ты развѣяла кучи соломы по ложбинамъ, чалъ-мама.
О, чалъ-мама, чалъ-мама!
Ты срываешь камни, крѣпко прилипшіе къ землѣ,
Ты ломаешь круглыя головки маша [2]), чалъ-мама.
О, чалъ-мама, чалъ-мама!
Я прекращу твою бурю, чалъ-мама,
Я сломаю твой порывъ, чалъ-мама,
Ты наскучила нашему селенью,
Навлеку я смерть на голову твою,
Будь увѣрена въ этомъ, чалъ-мама.
(Обращаясь къ населенію):
Прогонимъ-же, съ помощью «Худаи», бурю,
Подавайте щедро, чтобы сыпалось по дорогѣ,
Подавайте такъ, чтобы лилось по дорогѣ».

Заслышавъ возгласъ старухъ, каждый домовладѣлецъ даетъ имъ зерновой хлѣбъ и деньги, а затѣмъ на все собранное устраивается на могилѣ святаго (?) общій обѣдъ «худаи». По убѣжденію туземцевъ, заключаетъ авторъ замѣтки,—природа не въ состояніи бороться съ столь сильнымъ заклинаніемъ, и буря неминуемо должна утихнуть. (См. Сб. Мат. для статистики Сыръ-Дарьинской обл. 1891 г.).

Туркестанская Туз. Газета.—19. Интернатъ для киргизскихъ дѣвочекъ.—**26.** Примѣты лошадей у бедуиновъ («Моск. Вѣд.»).—**29.** Объясненіе сартовской пословицы: «Кто слушаетъ другихъ, тотъ останется пѣшимъ при лошади».

Уральскія Войск. Вѣд.—28, 29. *А. Д.* Яицкіе (уральскіе) казаки.

Церковный Вѣстникъ.—7. Религіозныя воззрѣнія жителей сѣвера Россіи.

Церковныя Вѣд.—27, 28. *Ө. Истоминъ.* О религіозномъ состояніи обитателей русской низовой Печоры (самоѣды и ихъ вѣрованія).

Якутскія Е. В. -10, 12. Образъ жизни и занятія Якутовъ Вилюйскаго округа.

Ярославскія Г. В.—34. *П. Мизиновъ.* Программа для собиранія народныхъ повѣрій, разосланная по Ярославскимъ школамъ въ началѣ текущаго столѣтія Виленскимъ Университетомъ. — **40—43, 45, 49.** Крестьянская свадьба въ Ярославской губ. (Положеніе молодой, дѣловая часть свадьбы, свадебное веселіе, пѣсни: жениху (5 №), невѣстѣ (7 №), крестному (—ой) жениха (2 №), отцу жениха (3 №), матери жениха (4 №).—**49, 50.** *Свящ. У. Орловъ.* Изъ области предразсудковъ и суевѣрій въ Романово-Борисоглѣбскомъ у. Предразсудки и суевѣрія при родинахъ, крещеніи ребенка, свадьбѣ, погребеніи.

---

[1]) Чалъ-мама—сѣдая старуха.
[2]) Машъ—родъ мелкаго гороха.

Digitized by Google

Указатель этнографическихъ статей, содержащихся въ сибирскихъ изданіяхъ отъ начала ихъ существованія.

Составилъ А. А. Ивановскій.

Записки Восточно-Сибирскаго Отдѣла Императорскаго Русскаго Географическаго Общества по Этнографіи.

I т., вып 1. *М. Н. Хангаловъ, Н. Затопляевъ и др.* Бурятскія сказки и повѣрья: 1) старикъ и волкъ, 2) старикъ Хоредой, 3) старикъ Ухапай 4) водяная старуха, 5) дѣвица Тэбэк-ногон-абаха, 6) старуха Хэрхэнъ, 7) Тенехонъ, 8) Му-монто, 9) Гарьюлай-моргонъ, 10) Алтанъ-сэсэкъ и его сестра, 11) Ханъ-гужиръ, 12) охотникъ, 13) Боръ-ху, 14) старикъ съ дочерью, 15) желто-сѣрый волкъ и лисица самка, 16) Хинхуна-багинъ, 17) Бохонъ-хобунъ, 18) дѣвица Хонхинуръ, 19) Гургулдаинъ-гурбунъ-сысынъ, 20) Тэнгрінъ-хобунъ, Чингисъ-ханъ и Шудурманъ, 21) жизнь Элгэсынъ-гелонга, 22) Доной, 23) кость «сэръ», 24) цари животныхъ, 25) верблюдъ, 26) медвѣдь, 27) волкъ, 28) собака, 29) царь птицъ Ханъ-хурдэ-ханъ, 30) филинъ, 31) ласточка и пчела, 32) перепелка, 33) турпанъ, 34) бекасъ или барашекъ, 35) кукушка, 36) оляпка, 37) Солбонъ, 38) Хохосо-моргонъ, 39) Долонъ-ёбёгёдъ, 40) млечный путь, 41) затменіе луны, 42) пятна на лунѣ, 43) повѣрье о землетрясеніи, 44) повѣрья о громѣ, 45) открытіе огня, 46) происхожденіе ворожбы на лопаткѣ, 47) названія пальцевъ, 48) пальцы-воры, 49) преданіе о переселеніи Хонгодоровъ изъ Монголіи въ Южн. Сибирь, 50) другой варіантъ о переселеніи племени Хонгодоровъ, 51) Оле-олекчинъ.—

Вып. 2. Сказанія бурятъ, записанныя разными собирателями: 1) Алтанъ-Шагай-Мэргынъ, 2) дуракъ сынъ и волшебный перстень, 3) Шоно-баторъ, 4) сирота и желтая собака, 5) черепъ конской головы, 6) сирота-парень, 7) человѣкъ и барсъ, 8) волкъ, просящій пищи у Бога, 9) кость лопатка, 10) сотвореніе міра и человѣка, 11) о потопѣ, 12) о землетрясеніи, 13) звѣри послѣ сотворенія міра, 14) конь и изюбрь, 15) рябчикъ, 16) летяга, 17) верблюдъ, 18) заяцъ, 19) бурундукъ, 20) сурокъ, 21) мамонтъ, 22) птица тутэ, 23) дятелъ, 24) орелъ, 25) повѣрья о лебедяхъ, воронахъ и коршунахъ, 26) щука, 27) налимъ, 28) трава хунъ-хорхонъ, 29) о табакѣ, 30) повѣрья о деревьяхъ, 31) собачій пай въ хлѣбѣ, 32) хуръ, 33) о ворожбѣ на лопаткѣ, 34) пальцы-воры, 35) племена бурятъ, 36) кости въ бывшемъ Аларскомъ вѣдомствѣ, 37) кость Шаранутъ, 38) кость Хабарнутъ, 39) кость Бурутханъ, 40) кость Икинатъ, 41) кости Ольлонъ и Баянда, 42) кость Готолъ, 43) Булагатъ и Экиритъ и ихъ потомки, 44) Такши и его потомки, 45) преданія о Гэнэнъ-худактѣ и Сухэръ-нойонѣ, 46) Барга-Батуръ, 47) Хередой-Моргонъ, 48) Сегэндэ и Барто, 49) поколѣнія селенгинскихъ бурятъ, 50) первый шаманъ, 51) самая первая шаманка, 52) Булгата-онгонъ 53) Буртэ-убугунъ, 54) почему нѣкоторые буряты не ѣдятъ селезенки и не бьютъ лебедей, 55) преданія о переселеніи изъ Монголіи Бахака Ирбанова и Адая съ прочимъ народомъ, 56) преданіе о валѣ Чингисъ-хана.—**Вып. 3.** Верхоянскій Сборникъ. Якутскія сказки, пѣсни, загадки и пословицы, записанныя въ Верхоянскомъ округѣ *И. А. Худяковымъ,* I. Пословицы и поговорки. II. Пѣсни. III. Якутскія загадки (природа и волшебство: животныя, человѣкъ, домъ, одежда, промыслы, принадлежности хозяйства). IV. Саги: 1) Бяртъ-Хара, 2) Хоро (прародители Якутовъ), 3) Хаптагай-батыръ, 4) Кяльтяски-

Digitized by Google

ляръ, 5) Сапны-Хосунъ. V Сказки: 1) чирокъ и беркутъ, 2) летающія крылатыя, 3) хорошій Юджіянь, 4) низенькая старушка съ 5-ю коровами, 5) Ураны-ханъ-старикъ, 6) Берь-Хара, 7) старуха со старикомъ, 8) Ханъ-Джаргыстай, 9) Чарчаханъ, 10) пташка и ѣдунъ (обжора), 11) Онгостонъ-Чоканъ, и Олонъ-Долонъ, 12) Васымниланъ-батыръ. VI. Русскія сказки у Якутовъ Верхоянскаго окр.: 1) Илья Муромецъ, 2) старецъ-пилигримъ. VII. Русскія сказки, у русскихъ: 1) Алеша, 2) царь Елизаръ, 3) Милославскій.

II т., вып. 1. *М. Н. Хангаловъ.* Новые матеріалы о шаманствѣ у бурятъ: высшія существа, онгоны, души умершихъ шамановъ, обряды и жертвоприношенія.

Вып. 2. *Н. И. Затопляевъ.* Нѣкоторыя повѣрья аларскихъ бурятъ: пѣсня о бурятѣ, распятомъ въ Иркутскѣ; анахаи; объ аршанахъ или цѣлебныхъ ключахъ; обрядъ послѣ удара молніи; опекуны дѣвицъ; Зуруктанъ-онгонъ. *П. П. Батаровъ.* Бурятскія повѣрья о бохолдаяхъ и анахаяхъ. *М. Н. Хангаловъ.* Судъ заяновъ надъ людьми. *М. Н. Хангаловъ.* Преданья и повѣрья унгинскихъ бурятъ. *Д. Клеменцъ.* Нѣсколько образцовъ бубновъ минусинскихъ инородцевъ (съ 9-ю табл. рисунковъ). *Н. В—скій.* Матеріалы для изученія шаманства у якутовъ. *Н. Припузовъ.* Мелкія замѣтки объ якутахъ.

Записки Западно-Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества.

I кн. (Омскъ, 1879.). *Князь Н. Н. Костровъ.* Колдовство и порча у крестьянъ Томской губерніи.—*Н. П. Григоровскій.* Крестьяне—старожилы Нарымскаго края (цѣль очерка—«прослѣдить жизнь здѣшняго крестьянина отъ колыбели его до гробовой доски»).—*М. В. Пѣвцовъ.* Путевые очерки Чжунгаріи (кумирня Матэня; богослуженіе въ ней; торгоуты, ихъ наружный видъ, языкъ, одежда, характеръ, отношеніе къ нимъ китайцевъ, вѣра и образъ жизни, китайцы г. Гучена).—*Н. М. Ядринцевъ.* Свѣдѣнія о мараловодствѣ въ Алтаѣ.

II кн. (1880 г.) *Н. М. Ядринцевъ.* Поѣздка по Западной Сибири и въ горный Алтайскій округъ. Бараба, ея населеніе, жилища, типъ жителей, свадьбы и свадебныя пѣсни; сибирскіе курганы и могилы; населеніе Алтая: инородцы, раскольники («поляки») и новоселы; заселеніе Алтая и движеніе современной колонизаціи.—*Н. Н. Балкашинъ.* Былъ ли Ермакъ пожалованъ въ князья?

III кн. (1881) *П. Я. Словцовъ.* Путевыя записки, веденныя во время поѣздки, въ 1878 г., въ Кокчетавскій уѣздъ (краткія свѣдѣнія о киргизахъ и нѣкоторыя киргизскія названія животныхъ).—*Н. Балкашинъ.* Торговое движеніе между Зап. Сибирью, Среднею Азіею и Китайскими владѣніями.—*Н. М. Ядринцевъ.* Программа изслѣдованія сельской общины въ Сибири.

IV кн. (1882 г.). *Н. М. Ядринцевъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ 1880 г. въ горный Алтай, къ Телецкому озеру и въ вершины Катуни: черневые татары, кумандинцы, телеуты, телесы, алтайцы-ойроты или алтайскіе калмыки, чуйскіе теленгиты, ихъ антропологическій типъ, жилища (кота, янду, юрта, изба); земледѣліе, скотоводство, охота, кузнечное мастерство; религія, шаманство и шаманы; пѣсня, сказка и героическая поэма; экономическій бытъ населенія; вліяніе русской культуры.—*Д. Поникаровскій.* Сельскія общества Салаирской волости (въ Кузнецкомъ окр., Томской губ.): Салаирское, Гавриловское, Гурьевское, Новобочатское и Урское сел. общества, ихъ составъ, передѣлы общинной земли; усадебныя и пахатныя земли, сѣнокосы, лѣса, пастбища и другія угодья, огородничество, горное производство; устройство общинныхъ хозяйственныхъ дѣлъ и какіе платежи и повинности лежатъ на общинѣ; юридическія отношенія членовъ общины; послѣдствія и результаты существующаго общинно-хозяйственнаго быта.—*Н. Григоровскій.* Очерки Нарымскаго края: крестьянская свадьба; винокурши; промыселъ гусей; медвѣжья облава; производство изъ крапивы; мнѣнія и преданія о мамонтѣ у Нарымскихъ инородцевъ; ворожба.—*Б. Шостаковичъ.* Промыслы Нарымскаго края (съ чертежами): рыбные, пушные, звѣриные и орѣшные.

V кн. (1883 г.) *М. В. Пѣвцовъ.* Очеркъ путешествія по Монголіи и сѣвернымъ провинціямъ внутренняго Китая, съ картою Монголіи. Этнографическій интересъ представляетъ IV глава: монгольскія народности: халхасцы, урянхаи, дурбёты, олёты, торгоуты и цзахачины; нравы монголовъ, образъ жизни, жилище, обыденная жизнь, одежда,

Digitized by Google

скотоводство, земледѣліе, охота, пища, домашняя утварь, ремесла, современное экономическое положеніе монгольскаго народа, удѣльныя княжества, сеймы, управленіе Монголіей, Шабинское вѣдомство и отношеніе монголовъ къ китайцамъ.

VI кн. (1884 г.). ***Н. П. Григоровскій*** Описаніе Васюганской тундры (объ остякахъ).—***М. Стратилатовъ.*** Введеніе къ соч. Вамбери: «Первобытная культура тюркотатарскихъ народовъ» («Die primitive Cultur des türkotatarischen Volkes auf Grundsprachlichen Forschungen»).

VII кн., вып. 1. (1885 г.). ***А. М. Никольскій.*** Путешествіе на озеро Балхашъ и въ Семирѣченскую область. Этнографическіе матеріалы сгруппированы въ V-ой главѣ: Киргизы и киргизскія названія нѣкоторыхъ животныхъ и растеній.—***И. Я. Словцовъ.*** О находкахъ предметовъ каменнаго періода близь г. Тюмени въ 1883 году.—**Вып. 2.** ***Н. Зеландъ.*** Киргизы,—этнологическій очеркъ.

VIII кн., вып. 1 (1886 г.). ***Н. Петропавловскій*** По Ишиму и Тоболу (изъ путешествій и изслѣдованій крестьянскаго быта западной Сибири). I гл.: очеркъ природы; II гл.: очеркъ землевладѣнія: происхожденіе населенія, борьба съ инородцами, порядки въ землевладѣніи, недостаточная прочность земельныхъ порядковъ, типическая форма землевладѣнія, соединеніе индивидуальной и общинной собственности, вопросъ объ интенсивной культурѣ; III гл.: очеркъ культуры: рѣзкая разница между сибирякомъ и русскимъ, но измѣнился не сибирякъ, а русскій; сибирскій крестьянинъ есть чистый типъ русскаго человѣка Московскаго періода, удовлетвореніе потребностей, пища, одежда, жилыя и хозяйственныя строенія, земледѣльческія орудія, земледѣліе и его пріемы. IV гл.: очеркъ переселеній; V гл.: очеркъ отношеній крестьянъ къ землѣ; VI гл.: очеркъ обработывающей и добывающей промышленности и VII гл.: очеркъ будущаго.—***А. Дудоладовъ.*** Очеркъ переселенческаго въ Сибирь движенія.—**Вып. 2.** ***А. В. Адріановъ.*** Путешествіе на Алтай и за Саяны, совершенное лѣтомъ 1883 г.

IX кн. (1887 г.). ***Н. Зеландъ.*** Кашгарія и перевалы Тянь-Шаня (путевыя записки).

X кн. (1888 г.). ***С. Швецовъ.*** Очеркъ Сургутскаго края: 1) общій очеркъ города и округа, 2) занятія населенія: развитіе промысловъ, отсутствіе земледѣлія; связанныя съ промыслами формы пользованія различными угодьями—лугами, лѣсами, рыболовными песками; скотоводство; орѣховый промыселъ; ловля птицъ; рыболовство; звѣроловство; заготовка дровъ на пароходы; ничтожная степень развитія ремесленности; домашнія занятія; торговыя сношенія сургутянъ съ инородцами и тобольскими купцами, характеръ этихъ сношеній; сургутская ярмарка; экономическая зависимость инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ отъ русскихъ; характеръ и степень эксплуатаціи первыхъ послѣдними; 3) очеркъ экономическаго благосостоянія (нищета остяковъ, причины ея, вліяніе нищеты на развитіе болѣзней и вымираніе племени); 4) степень культурнаго развитія; 5) развитіе сургутянъ и ихъ нравы и 6) заключеніе: причины возникновенія Сургута; что дала краю русская колонизація и условія развитія края.—***Н. Н. Пантусовъ.*** Молитвенный сеансъ ордена Джагріе-Кадріе въ Ташкентѣ.—***Н. Пантусовъ.*** Языкъ офеней въ мусульманской средѣ Туркестана.—***Г. Н. Потанинъ.*** Нѣсколько вопросовъ по изученію повѣрій, сказаній, суевѣрныхъ обычаевъ и обрядовъ у киргизовъ и сибирскихъ татаръ.

Записки Общества изученія Амурскаго края *).

I т. ***С. С. Россетъ.*** Поѣздка на о-ва Тюленій и Сахалинъ въ 1887 году (орочоны и айны и ихъ промыслы).—***Ө. Ө. Буссе.*** Остатки древности въ долинахъ Лефу, Даубихэ и Улахэ.

Записки Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества.

I кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1856 г.). ***Н. Бакшевичъ.*** Описаніе рѣки Иркута отъ Тунки до впаденія въ Ангару (этнографич. интересъ представляетъ 7-ая гл.: «Характеръ с. Тункинскаго и земледѣліе его жителей: казаковъ, крестьянъ и ясачныхъ инородцевъ бурятъ»).—***Протоіер. Хитровъ.*** Описаніе Жиганскаго улуса (въ Верхоянскомъ окр.): якуты и тунгусы, главнѣйшія и второстепен-

*) Издаются съ 1888 г. въ г. Владивостокѣ.

Digitized by Google

ныя ихъ селенія, нравы, характеръ, одежда, обряды при родинахъ и поминкахъ, сватовство, празднества, промышленность, судопроизводство, мѣры, вѣсъ, счисленіе времени, музыка, сказки, шаманство.—*И. Сельскій.* Описаніе дороги отъ Якутска до Среднеколымска: способъ ѣзды и дорож. одежда; сѣндухи (ночлегъ на открыт. воздухѣ); поварни (станціи); Верхоянскій хребетъ; станція Барыласъ; Верхоянскъ; Оёнъ-Хомы, Зашиверское ущелье; Колымскій округъ; общій взглядъ на природу и людей отъ Якутска до Среднеколымска.—*А. Мордвиновъ.* О древнихъ развалинахъ, найденныхъ около крѣпости Тунки въ 1809 г.—*В. Райскій.* Взглядъ на распространеніе православной вѣры въ Якутской обл.

II кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1856 г.). *Пермикинъ.* Путевой журналъ плаванія по рѣкѣ Амуру отъ Усть-Стрѣлочнаго караула до впаденія ея въ Татарскій проливъ (въ 1854 г.): тунгусы, манджуры, гольды (орлики), мангунцы (тунгус. племя) и гиляки.—*Архим. Аввакумъ.* О надписи на каменномъ памятникѣ, находящемся на берегу р. Амура, недалеко отъ впаденія ея въ море.—*Юренскій.* Пещера и древнія письмена на берегахъ рѣчки Мангута (Въ Юго-Вост. Сибири).—*Арх. Аввакумъ.* О надписи, находящейся на скалѣ у Мангутской пещеры.—*Д. Давыдовъ.* О древнихъ памятникахъ и могильныхъ остаткахъ аборигеновъ Верхнеудинскаго окр. Забайкальской обл.—*И. А. Юренскій.* Мѣстность Дэлюнъ-Болдокъ на берегахъ р. Онона (мѣсторожденіе Чингисъ-хана).—*Шишкевичъ.* Звѣриная промышленность Удскаго края и сопредѣльныхъ къ нему мѣстъ: звѣриная ловля; мѣсто и время, когда она преимущественно производится; кто занимается; породы звѣрей; способъ ловли; звѣрин. товары; вяленіе мяса, важность звѣрин. промысла въ отношеніи къ народному богатству; сбытъ, провозъ, цѣна.—*Князь Костровъ.* Городъ Минусинскъ.—*Князь Костровъ.* Народныя примѣты крестьянъ-старожиловъ Минусинскаго округа.: 1) примѣты о годѣ вообще и его временахъ, 2) о перемѣнахъ атмосферы, 3) о домѣ и 4) о хозяйствѣ.—*Князь Костровъ.* Юраки (самоѣдскаго племени): мѣста, ими занимаемыя, количество юраковъ; Тазовская и Береговая орды; антропологич. типъ юраковъ; одежда, украшенія ея; жилище (чумъ), устройство и убранство его; время, когда стали извѣстны русскимъ юраки; языческія вѣрованія юраковъ; языкъ ихъ, его нарѣчіе и подраздѣленія; родины; пѣсни; свадеб. обряды; похороны; звѣроловство и рыболовство.

III кн. (подъ ред. Е. И. Ламанскаго. Спб., тип. Эд. Праца, 1857 г.).—*Н. Свербѣевъ.* Описаніе плаванія по рѣкѣ Амуру генералъ-губернатора Вост. Сибири въ 1854 г.: о гогулахъ, дучерахъ, ачанахъ, китайцахъ, наткахъ, орочонахъ, манеграхъ и гилякахъ.—*А. Аргентовъ.* Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода (о чукчахъ).—*А. Аргентовъ.* Прибавленіе къ описанію прихода—о существованіи земли и людей на Ледовитомъ морѣ, въ сѣверо-западной сторонѣ отъ о-ва Кулючи.—*Д Давыдовъ.* Обонъ (такъ называется у монголо-бурятъ возвышен. мѣсто, гдѣ они исполняютъ свои религіозные обряды).

IV кн. (подъ ред. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова. Спб., тип. Морск. Министерства. 1857 г.).—*Андрей Аргентовъ.* Путевыя записки священника-миссіонера въ приполярной мѣстности: Нижнеколымскъ; первобытные обитатели страны: омоки, ходынцы; чуванцы; появленіе здѣсь русскихъ; начало и распространеніе христіанства на Колымѣ, чукчи; поѣздка изъ Нижнеколымска на Чукотскую ярмарку; Анюйская крѣпостца: мѣновая торговля русскихъ съ чукчами; взносъ чукчами въ казну ясака; жилища чукчей; островъ Аё; чукотскій счетъ.—*Князь Костровъ.* Очерки Туруханскаго края: I. Сообщеніе о Турухан. краѣ, г. Енисейскъ; II. Отъ Енисейска до Подкаменной Тунгузки; III. Тунгусы, родина ихъ, нынѣшнія ихъ кочевья, рода: Подкаменскій, Питско-Варагонскій, Милицкій, Верхне-Чумскій, Чапогирско-Чельзяльскій, Каменско-Черноульскій, три Куркугирскихъ рода, Нанудальскій, Ятоульскій, два Лапагьугскихъ рода, Чемдальскій или Чанадальскій, Панкаурскій, четыре лѣтнихъ рода, Илимпейскій, Нижне-Чумскій, Чапагырскій, Долгано-Ессейскій, Жаганскій и Долгано-Богадинскій; географич. очеркъ; антропол. типъ; одежда, жилище (чумъ); родины, свадьба, пѣсни, пляски, многоженство, болѣзни, смерть, похороны; гостепріимство; счетъ; шаманство; IV. Мѣстность налѣво отъ Енисея до Таза; V. Остяки, 9 ихъ родовъ: Сымско-Кассовскій, Натско-Пумпокольскій, Верхнеимбатскій, Нижнеимбатскій, Подкаменный, Байхинскій, Карасинскій, Тымскій и Караконскій; происхожденіе остяковъ, ихъ языкъ, занятія; обряды при рожденіи, бракѣ и похоронахъ; VI. Отъ Пакулихи до Нижней Тун-

Digitized by Google

гузки; VII. Туруханскъ; VIII. Отъ Туруханска до моря; якуты, Шорохинскій и Нижне-Затундринскій ихъ рода; антропологич. типъ якутовъ; жилища ихъ; обжорство; IX. Юраки (та-же статья, что и выше, кн. II); X. Обѣ тундры и берега моря.—*Кн. Костровъ*. Бельтиры (Бельтири, Белтеръ).- *Н. Свербеевъ*. Путевой журналъ купца Мих. Баранцгина, во время поѣздки изъ Нижнеколымска въ Анюйскую крѣпость въ 1855 г. (объ якутахъ и ихъ жертвоприношеніи)—*Сельскій*. Историческіе матеріалы о сношеніяхъ европейцевъ съ Японіею.

V кн. (подъ ред. И. С. Сельскаго и Н. А. Версилова. Спб., тип. Морск. Мин., 1858 г.). *В. Гауптъ*. Замѣтки на пути изъ Кяхты въ Ургу въ 1850 г.— *И. Сельскій*. Послѣдняя осада Албазина маньчжу-китайцами въ 1687 г.—*Г. Пейзынъ*. Минусинскій окр. Енисейской губ., въ сельско-хозяйственномъ отношеніи.—*Кн. Костровъ*. Объ ученой экспедиціи въ Минусинскій край.—*Д. Давыдовъ*. О началѣ и развитіи хлѣбопашества въ Якутской обл.—*Кн. Костровъ*. Святки въ Минусинскомъ окр. Енисейской губ.

VI кн. (подъ ред. А. С. Сгибнева. Иркутскъ, тип. Штаба войскъ, 1863 г.). *А. Павловскій*. Поѣздка изъ Якутска на Учурскую ярмарку.—*М. Кривошапкинъ*. Объ остякахъ, тунгусахъ и прочихъ инородцахъ (самоядь и якуты) Енисейскаго округа.— *П. Кларкъ*. Очеульскіе и Тутурскіе тунгусы въ Верхоленскомъ окр. Иркут. губ.—*Кн. Костровъ*. Кайбалы.—*Кн. Костровъ*. Шушенская волость Минусинскаго окр. — *Кн. Костровъ*. Бирюсы (Кобинскіе татары).—*А. Аргентовъ*. О полярной экспедиціи, предпринимаемой д-ромъ Гайесомъ (Hayes). — *Н. Аносовъ*. Путевыя замѣтки о Нерчинскомъ окр.

VII кн. (подъ ред. А. С. Сгибѣева и М. В. Загоскина. Иркутскъ, тип. Штаба войскъ, 1864 г.).—*А. Брылкинъ*. Письма съ Сахалина.—*Шишмаревъ*. Свѣдѣнія о Халхасскихъ владѣніяхъ.—*П. Кларкъ*. Вилюйскъ и его округъ. — *И. Лопатинъ*. Обзоръ южной части Приморской обл. Вост. Сибири за р. Суйфуномъ.—*А. Брылкинъ*. Краткій очеркъ о туземцахъ Уссурійскаго края (гольды или ходзены). *Кн. Костровъ*. Списокъ каменнымъ изваяніямъ, находящимся въ Минусинскомъ окр., Енисейской губ.—*П. Кельбергъ*. Клады за Байкаломъ.

VIII кн. (подъ ред. д-ра Н. И. Кашина. Иртутскъ, тип. Окр. Шт., 1865 г.). *П. Крапоткинъ*. Двѣ поѣздки въ Маньчжурію въ 1864 г.: 1) Описаніе пути изъ Старо-Цурухайтуевскаго караула чрезъ г. Мергэнъ на Айгунъ и 2) Сунгари отъ Гирина до устья.—*К. Струковъ*. Очерки монголо-бурятъ, кочующихъ въ Вост. Сибири: элементы монг.-бурятскаго языка; пища (съ подробнымъ описаніемъ состава, способа приготовленія и названія кушаньевъ).—*А Усольцевъ*. Свѣдѣнія о рѣкѣ Сунгари отъ устья до г. Гирина.—*И. Скороговоровъ*. Описаніе Енисейской губ.—*В. Чудовскій*. Историко-этнографическій очеркъ Иркутской губ. (чудь, буряты, тунгусы, якуты, карагазы, татары), съ прилож. этнографич. карты Иркут. губ.—*Кн. Костровъ*. Этнографическія замѣтки о Кизильскихъ татарахъ: 10-ть ихъ родовъ: Кизильскій, Большеачинскій или Ачагъ, Малоачинскій или Кычагъ, Игынскій или Игы, Басагарскій или Буга, Камларскій или Камлеръ, Малоаргунскій или Калмахъ, Курчиковъ или Арчикъ и Шуйскій или Шустеръ; жилища татаръ; судопроизводство; бракъ; свадеб. пѣсни; родины; похороны.—*Я. Шишмаревъ*. Поѣздка отъ г. Урги на рѣку Ононъ.—*Н. Хилковскій*. Путевая записка о поѣздкѣ въ Китайскій городъ Хайларъ.

IX и X кн., (подъ ред. д-ра Н. И. Кашина. Ирк., тип. Окр. Шт., 1867 г.). *П. Крапоткинъ*. Поѣздка въ Окинскій караулъ.—*А. Павлуцкій*. Краткое описаніе такъ называемыхъ чудскихъ древностей, имѣющихся вблизи Кличкинскаго серебро-свинцоваго рудника, съ указаніемъ нахожденія ихъ и въ другихъ мѣстахъ Нерчинскаго горнаго окр.—*И. Лопатинъ*. Краткій отчетъ о дѣйствіяхъ Витимской экспедиціи въ 1865 г.— *П. Сельскій*. Путь до Култука по направленію въ Тункинскій край.—*Д--ръ Н. Кашинъ*. Можно-ли снова заселить ту мѣстность, которая имѣла вредное вліяніе на здоровье прежнихъ ея обитателей? *Н. И. Кашинъ*. Ежегодный выходъ Мэргэнцевъ на р. Аргунь для осмотра границы и для торговли съ жителями Приаргунья.—*О. Палладій* Путевыя записки китайца Джанъ-дэ-хой, во время путешествія его въ Монголію въ 1-й половинѣ XIII столѣтія. *А. Ломоносовъ*. Изслѣдованіе красильнаго вещества, которымъ исчерчены утесы рѣки Оки въ Иркутской губ.

Digitized by Google

Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общества *).

I томъ. 4, 5. Южная часть о-ва Сахалина (извл. изъ воен.-медиц. отчета д-ра Добротворскаго за 1868 г.).—***К. К. Нейманъ.*** Историч. обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи.—***П. А. Ровинскій.*** О поѣздкѣ на Тунку и на Оку до Окинскаго караула.—Русскіе въ Сред. Азіи, истор.-географ. этюдъ Фридриха фонъ-Гельвальда, пер. съ нѣмец. Е. Д. Бѣльцовой.—***В. И. Вагинъ.*** Англійскіе миссіонеры въ Китаѣ.—***Братья Бутины.*** Историч. очеркъ сношеній русскихъ съ Китаемъ и описаніе пути съ границы Нерчинскаго окр. въ Тянь-дзинъ.

II т. 1, 2. ***Братья Бутины.*** Описаніе пути съ границы Нерчинскаго окр. въ Тянь-дзинъ (продолж., см. I т.): бытъ монголовъ, занятія ихъ; торговля китайцевъ; виды будущей торговли русскихъ съ монголами.—***Н И. Поповъ.*** Общій историч. обзоръ археологическихъ изысканій въ Сибири. ***Г. Л. Майдель.*** Отвѣты Чукотской экспедиціи на вопросы акад. Бэра.—**3.** ***К К Нейманъ.*** Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи (см. I т.).—***Я. П. Шишмаревъ.*** Свѣдѣнія о дархатахъ-урянхахъ вѣдомства Ургинскаго Кутухты: къ какому племени принадлежатъ дархаты; чьими подданными были прежде; поступленіе ихъ въ вѣдомство Шабинское; границы Дархатской земли; число народонаселенія; количество скота; управленіе дархатъ, повинности, вѣроисповѣданіе, физич. типъ, языкъ, грамотность, характеръ, одежда, образъ жизни, занятія, пища, обряды при рожденіи, погребеніи и пр. — ***И. В. Калачевъ.*** Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губ. въ 1766 г.—**4.** ***В. О. Липинскій.*** О ходѣ безпорядковъ въ Сѣв. Монголіи въ 1870 г.—***В. О. Липинскій.*** Свѣдѣнія о нашей торговлѣ въ Ургѣ. — ***Н. И. Поповъ.*** О каменныхъ бабахъ Минусинскаго края.—**5.** ***Ѳед. Буссе.*** Библіогр. зам. о ст. М. Клыкова: «Обзоръ береговъ залива Петра Вел.» въ «Морск. Сборникѣ» 1871 г., кн. XI.

III т. 3. ***П. А. Ровинскій.*** Этнографическія изслѣдованія въ Забайкальской обл. (исторія и статистика населенія). —***А. Трифоновъ.*** Замѣтки о Нижне-Колымскѣ (омоки, юкагиры, чуванцы и чукчи). ***И. Д. Черскій.*** Нѣсколько словъ о вырытыхъ въ Иркутскѣ издѣліяхъ камен. періода (съ табл. рисунковъ). **3—5.** ***А. П. Щаповъ.*** Историко-географическія и этнологическія замѣтки о сибирскомъ населеніи (измѣненія славяно-русской народности; мѣстныя физич., психич. и лингвистич. особенности рус. сибир. населенія.—**4.** ***Іером. Исаія.*** Дорожникъ китайскаго чиновника Юй-Цай, веденный имъ во время переѣзда отъ Пекина чрезъ Губей-Коу, по Монголіи, въ царствованіе импер. Канъ-Си.—**4, 5.** ***Н. И. Поповъ.*** О писаницахъ Минусинскаго края.

IV т. 1. ***П. А. Ровинскій.*** Замѣчанія объ особенностяхъ сибирскаго нарѣчія (съ словаремъ).—**1, 2.** ***А. Павловскій.*** Замѣтки о Вилюйскомъ краѣ.—**1, 3.** ***Н. И. Поповъ.*** О чудскихъ городкахъ и чудскихъ копяхъ въ Минусинскомъ краѣ.—**2.** ***А. П Щаповъ.*** Истор.-географ. замѣтки о Сибири (продолж., см. т. III, №№ 3—5): значеніе первоначальныхъ географическихъ открытій въ Сибири.—**2, 3.** ***П. А. Ровинскій.*** Матеріалы для этнографіи Забайкалья: численность семейскихъ въ наст. время; ихъ экономич. значеніе; увеличеніе ихъ населенія; ихъ исключительное положеніе предъ закономъ и послѣдствія такого положенія; отношеніе къ нимъ свѣтской и духов. властей; гдѣ исходъ изъ ненормал. положенія; общая характеристика семейскихъ; стихъ соловецкихъ чудотворцевъ; Вичура.—**4.** ***Ѳ. В. Елезовъ.*** Рыбная и звѣриная промышленность по берегамъ оз. Байкала. **5.** ***Г. А. Фритше.*** Свѣдѣніе о путешествіи по Монголіи въ 1873 г.

V т. 1. ***И. П.*** Свѣдѣніе объ языкѣ Урянховъ. ***Н. И. Поповъ.*** Краткій историч обзоръ различныхъ родовъ фонетическаго письма у народовъ Сѣв. и Сред. Азіи.—**2.** ***Н. И. Поповъ.*** О руническихъ письменахъ въ Минусинскомъ краѣ.—**3, 4.** ***Н. И. Поповъ.*** О памятникахъ Тангутскаго и Монгольскаго письма въ Минусинскомъ краѣ. ***Д. Павлиновъ.*** Юридическій бытъ скопцовъ Мархинскаго селенія Якутскаго окр. ***А. Щаповъ.*** Бурятская улусная родовая община.

VI т. 3. ***А Щаповъ.*** Сельская осѣдло-инородческая и русско-крестьянская община въ Кудинско-Ленскомъ краѣ,—**5, 6.** ***А. Щаповъ.*** Физическое и этнолого-генеалогическое

---

*) Начали издаваться въ 1870 г. въ Иркутскѣ, подъ редакторствомъ правителя дѣлъ Отдѣла А. Ф. Усольцева.

Digitized by Google

развитіе Кудинскаго и Верхоленскаго населенія: развитіе уродствъ между бурятами Кудинскаго, Верхоленскаго и Ленскаго вѣдомствъ и вліяніе на него замкнуто-родового генезиса. *Н. И. Поповъ.* Общій взглядъ на писаницы Минусинскаго края.

VII т. 1. *Н. И. Поповъ.* Общій взглядъ на писаницы Минусинскаго края (оконч., см. томъ VI, №№ 5 и 6).—*М. З—нъ* Аѳанасій Прокофьевичъ Щаповъ (некрологъ). **2, 3.** *А. П. Щаповъ.* Физическое развитіе Верхоленскаго населенія (см. VI т., 5 и 6). **2—5.** *Н. Поповъ.* О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края.

VIII т. 1—4 *Н. Поповъ.* О чудскихъ могилахъ Минусинскаго края (см. VII т.). **1—6.** *К. К. Нейманъ.* Плаваніе по Восточному океану.—**3, 4.** О древнихъ обитателяхъ русской Дауріи (изъ «Asien» Риттера, Bd. II. S. 320—324).—*Н. И. Поповъ.* О древнихъ могилахъ близъ дер. Бальдзы.—*А. А. Большевъ.* Русское прибрежье Тихаго океана.—**5, 6.** *Н. Гребницкій.* Значеніе Китайско-Корейскаго элемента въ дѣлѣ колонизаціи Южно-Уссурійскаго края.—Этнографія Аляски,—проф. Фрид. Миллера по Дэлю (изъ «Mittheilungen der anthropologischen Gesellschaft», in Wien, 1871, Bd. I, № 8) *).

Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла Импер. Русс. Геогр. Общества.

IX т. *) **1, 2.** *Н. А. Гребницкій.* Этнограф. очеркъ Южно-Уссурійскаго края: китайцы (маньцзы); разведеніе жень-шеня; ловъ трепанговъ; ловъ морской капусты; производство «сули» (водки); грибной промыселъ; добываніе соли.—*Н. И. Поповъ.* Объ орудіяхъ каменнаго вѣка на сѣверѣ и востокѣ Сибири.—**3, 4.** *М. З—нъ.* Николай Ивановичъ Поповъ (некрологъ).—**5, 6.** Новая полярная экспедиція Норденшильда изъ Норвегіи до Берингова пролива 1878 г.

X т.—1, 2. *Н. А. Гребницкій.* Свѣдѣнія о торговлѣ въ Амурскомъ краѣ.

XI т.—1, 2. Первый бурятскій шаманъ Моргон-Хара. Первый шаманъ Боголи-Хара.—**3, 4.** *Н. И. Витковскій* Краткій отчетъ о раскопкѣ могилы каменнаго періода въ Иркутской губ.—Минусинскій музей.

XII т.—1. *В. Вагинъ.* Замѣтки объ общинномъ бытѣ Забайкальскихъ казаковъ 3-го пѣшаго отдѣла. — **2, 3.** *М. Янковскій.* Кухонные остатки и каменныя орудія, найденные на берегу Амурскаго залива.—*Боголюбскій.* Пещеры близъ дер. Бирюсы.— **4, 5.** *Н. Н. Агапитовъ.* Прибайкальскія древности: изображенія на утесахъ Байкала и городища Иркутской губ. (съ 5 табл. рисунковъ).—*Н. Н. Агапитовъ.* Слѣды каменнаго вѣка въ бассейнѣ р. Руды и по р. Унгѣ (съ 2 табл. рис.).—*Н. М. Мартьяновъ.* Изваянія и изображенія животныхъ въ Минусинскомъ краѣ.

XIII т.—1, 2. *Н. И. Витковскій.* Отчетъ о раскопкѣ могилъ каменнаго вѣка въ Иркутской губ., на лѣвомъ берегу р. Ангары.—**3.** *М. Писаревъ.* О народахъ Амурскаго края въ историко-географическомъ и антрополого-этнологическомъ отношеніяхъ (по Шренку).—*Н. Гороховъ.* Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири: слѣды шаманства у якутовъ.—*Боголюбскій.* Изслѣдованіе древностей Минусинскаго округа, Енис. губ. въ 1881 г.: 1) писаные камни въ Минусинскомъ окр., 2) надписи и фигурныя письмена въ верховьяхъ Енисея, на земляхъ сойотовъ, 3) раскопка кургановъ вблизи Михайловскаго пріиска по р. Изынжулу, впадающему справа въ Камышту, въ Минусинскомъ округѣ.

XIV т.—1, 2. *Н. Н. Агапитовъ* и *М. Н. Хангаловъ.* Матеріалы для изученія шаманства въ Сибири: шаманство у бурятъ Иркутской губ. (божества; хаты, свящ. изображенія и идолы; жертвоприношенія и гаданія; шаманы (бō); идеи бурятъ о душѣ и загробной жизни).—*Н. Гороховъ.* Кинитти (отношенія у якутовъ женщины къ роднымъ ея мужа).—*А. Ю. Назаровъ.* Маньчжуры, дауры и китайцы Амурской обл.—Программа для собиранія этнографическ. предметовъ для музея Вост.-Сиб. Отд. И. Р. Г. О.—**3.** *Н. Мартьяновъ.* Путевыя замѣтки изъ поѣздки въ сѣв.-восточную часть Минусинскаго округа.—*И. С. Боголюбскій.* Изслѣдованіе древностей Минусинскаго окр. и верховьевъ р. Енисея въ 1882 г.—*Н. А. Гребницкій.* Замѣтки о такъ называемой

*) Дальнѣйшіе томы стали выходить подъ заглавіемъ «Извѣстія Восточно-Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.».

*) Первые 8 томовъ вышли подъ заглавіемъ: «Извѣстія Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.».

Digitized by Google

болѣзни скифовъ. — 4, 5. *Н. Гороховъ.* Дневникъ пути отъ Верхоянска до верховья р. Дулгалаха и обратно.—*К. Михайловъ.* Икоральская сельская община.

XV т. 1,—6. *Я. П. Дуброва.* Поѣздка въ Монголію.—3, 4. *Н. П. Припузовъ.* Свѣдѣнія для изученія шаманства у якутовъ Якутскаго окр. — 5, 6. *Н. Гороховъ.* Юрюнгъ-Уоланъ (бѣлый юноша), якутская сказка.

XVI т. 1,—3. *Я. П. Дуброва.* Поѣздка въ Монголію (оконч., см. XV т.).—*Ад. Шимановскій.* Пища якутовъ.—*М. Нестеровъ.* Могила Карабаяна.

XII т.—1, 2. *Врачъ Кириловъ.* Поѣздка въ Нижнеангарскъ, Баргузинскаго окр. на Байкалѣ въ 1885 г. (нижнеангарскіе тунгусы и пристани рыбопромышленниковъ; неводьба; рыболовство въ морѣ вообще и въ Ангарскѣ въ частности; жизнь рабочихъ; общая спарка).—*В. Л. Приклонскій.* О шаманствѣ у якутовъ.—*А. Поповъ.* О вѣрованіяхъ якутовъ Якутской обл. — 3, 4. *Н. В. Савенковъ.* Къ развѣдочнымъ матеріаламъ по археологіи средняго теченія Енисея. — *А. Еленевъ.* Сообщеніе о Вирюсинскихъ пещерахъ.

XVIII т. *В. Л. Приклонскій.* Матеріалы по этнографіи якутовъ Якутской обл.: встрѣча весны, ысыэх, преданіе объ учрежденіи ысыэх'а и происхожденіи якутовъ, преданіе объ Эръ-эллеѣ по Миддендорфу; якуты, вытѣсненные съ юга бурятами, поселяются на Ленѣ и здѣсь покоряются пришедшими русскими; остатки крѣпости въ Якутскѣ; судьба якутовъ послѣ Тыгына; устройство якутскихъ жилищъ зимнихъ и лѣтнихъ, пища, угощенія, посуда, одежда, оружіе, экипажи и сбруя. — *В. Вагинъ.* Нынѣшняя деревенская пѣсня (приложено 78 пѣсенъ, записанныхъ въ дер. Баклаши, въ 18 верст. отъ Иркутска).

XIX т.—2. *Пласковицкій.* Кадинская писаница.—3. *Хангаловъ.* «Зэгэтэ-аба», облава на звѣрей у древнихъ бурятъ.—*Д. Клеменцъ.* Наговоры и примѣты у крестьянъ Минусинскаго округа.—Путешествіе въ Аляску лейтенанта Сетон-Кара (изъ «Proceedings of The Royal Geographical Society», 1887, V).—Путешествіе въ Манджурію Джемса (изъ «Proc. of The R. G. S.», 1887, X.).—Путешествіе г. Кэри въ Китайскій Туркестанъ и вдоль сѣверной границы Тибета.—4. Пещеры въ долинѣ Селенги.—5. *Н. Н. Сабуровъ.* Объ омулѣ и рыбопромышленности на Байкалѣ. — *К. А. Яковлева.* Всев. Ив. Вагинъ (библіографія).

XX т —1, 2. *Н. И. Витковскій.* Слѣды каменнаго вѣка въ долинѣ р. Ангары.—*Д. А. Клеменцъ.* Предварительныя свѣдѣнія объ экскурсіи въ Ачинскій и Канскій округа.—2. *Сарычевъ.* Результаты раскопки кургана около г. Якутска.—*П. Проскуряковъ.* Іюсскія пещеры.—*Каргополовъ.* Пещера близъ Ачинска.—3. Число бурятскихъ дѣтей, учащихся въ народныхъ школахъ вѣдомства Мин. Нар. Просв. въ Иркутской губ. къ 1 янв. 1889 г. - 4. *Н. М. Ядринцевъ.* Отчетъ о поѣздкѣ въ Монголію и вершины Орхона. — *Н. В. Кириловъ.* Полуодомашненные изюбри въ Верхнеудинскомъ окр.—*Г. Н. Потанинъ.* Ярмарка изюбревыхъ роговъ въ Гуй-хуа-ченѣ. — 5. Число инородческихъ дѣтей, обучавшихся въ народныхъ Училищахъ Забайкальской обл. къ 1 янв. 1889 г.

СМѢСЬ.

Замѣтки о народныхъ вѣрованіяхъ въ Вологодской губ.

Издавая въ прошломъ году наши «Матеріалы по этнографіи Вологодскаго края» (Труды Этногр. Отдѣла И. О. Л. Ест., Антр. и Этн., кн. XI), мы хорошо сознавали, что нашъ трудъ далеко не можетъ исчерпать всего богатства научнаго матеріала по всѣмъ вопросамъ народной жизни даннаго края. Дѣйствительно, продолжая наши наблюденія, мы неоднократно наталкиваемся на новые интересные факты и явленія, которыя, накапливаясь у насъ постепенно, могли бы черезъ нѣсколько лѣтъ составить важное дополненіе къ нѣкоторымъ отдѣламъ нашего труда. Не желая однако въ на-

Digitized by Google

стоящее время, при существованіи спеціальныхъ этнографическихъ журналовъ, держать вновь добываемые отрывочные факты подъ спудомъ, считаемъ болѣе удобнымъ и цѣлесообразнымъ сообщать ихъ постепенно по мѣрѣ накопленія на сраницахъ «Этногр. Обозрѣнія».

1. *Почитаніе огня и деревьевъ.*

Слѣды почитанія огня и деревьевъ ясно сохраняются въ вѣрованіяхъ и легендахъ до сей поры и не только въ отдаленныхъ мѣстахъ губерніи, но и вблизи городовъ. Огонь повсюду считается безусловно священнымъ. Вотъ легенда, записанная въ Кадниковскомъ уѣздѣ.

Сошлись два огня и говорятъ одинъ другому: я, братъ, разгуляюсь.—Почему?—А потому, что мой хозяинъ очень неопрятенъ: дуетъ меня не у самой печки, на каленые угольи плюетъ, ребятишки на меня с..тъ,—спалю ихъ за это! — А другой говоритъ: у меня такъ хозяинъ опрятенъ: дуетъ меня у самой печки, гаситъ холодной и чистой водой; я берегу своего хозяина. Въ ту-же ночь домъ хозяина-неряхи сгорѣлъ.

Въ Замошской вол. Кадниковскаго у., близъ дер. Терентьева до сихъ поръ существуетъ большой еловый пень, пользующійся почитаніемъ окрестныхъ жителей. Огромная ель стояла одиноко среди поля многіе годы, и нѣсколько лѣтъ тому назадъ ее сломило вѣтромъ. Одинъ крестьянинъ, желая воспользоваться отломанной частью дерева на дрова, отрубилъ ее, расколол и продалъ, не смотря на протесты и предостереженія односельчанъ. За то онъ вскорѣ началъ хирѣть и въ томъ же году умеръ.

2. *Вѣра въ превращенія.*

Случаи обращенія людей въ животныхъ и въ деревья до сихъ поръ считаются у вологодскаго народа вполнѣ возможными и нерѣдкими. Лягушки повсюду признаются обращенными людьми, во многихъ мѣстахъ и медвѣди. Всего же чаще люди обращаются въ волковъ. Разсказывается слѣдующій случай:

Жены двухъ братьевъ пошли однажды за водой. Одна изъ этихъ женщинъ была колдунья. Увидѣвъ, что въ ихъ озимь попало стадо овецъ, колдунья положила на землю свое дерево (т. е. коромысло), перекинулась черезъ него и обратилась въ волка. Сноха ея вздумала сдѣлать то же, и ей это удалось. Колдунья, прогнавъ овецъ, вернулась и опять обратилась въ женщину, а сноха ея уже не могла. Такъ она и осталась волкомъ. У нея былъ сынъ и она часто приходила къ своему дому посмотрѣть на сына и поплакать. Впослѣдствіи ее какъ-то опять превратили въ человѣка, но только у нея до смерти осталась волчья шерсть подъ пазухами и на груди.

Въ Двиницкой вол. Кадниковскаго у., записана слѣдующая пѣсня:

Молодая-то жена не въ любвѣ пришла.
День кляли ее да до полуночи.
Со полуночи ворота отворилися,
Выносило ее въ чисто полюшко.
Выростала тутъ березонька.
Ѣдетъ молодецъ съ ученьица;
Дивовался онъ березонькѣ:
Что когда же, когда выросла?
Добрый молодецъ слѣзалъ съ коня,
Вынимаетъ саблю вострую.
Ужъ какъ первый разъ ударилъ—кровь-то брызнула.
Что другой-отъ разъ ударилъ—слезно сплакала,
А какъ въ третій разъ ударилъ—слово молвила:
Не руби ты, добрый молодецъ, меня,
Не губи ты, добрый молодецъ, себя,
Не губи ты малыхъ дѣтушекъ!
Что вѣдь я-то березонька—молода твоя жена,
Что на мнѣ-то прутьеце—наши дѣтоньки.
Какъ садился добрый молодецъ на воронова коня,

Digitized by Google

И поѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери домой,
И пріѣхалъ добрый молодецъ къ отцу къ матери своей.
Онъ пріѣхалъ, порасплакался [1]).

3. *Къ исторіи погребальныхъ обычаевъ* (*сани*)

Считаю не лишнимъ отмѣтить одинъ замѣчательный, по моему мнѣнію, фактъ. Лѣтомъ 1890 г., гуляя въ окрестностяхъ Кадникова, я увидѣлъ вблизи дороги на ровномъ пустомъ мѣстѣ, поросшемъ тощей травкой, изгородь изъ жердей въ видѣ четырехугольника, аршинъ пять длиною и три шириною, внутри которой лежали опрокинутыя полозьями вверхъ совершенно новыя дровни. Оказалось, что подъ дровнями зарыта лошадь. Изъ справокъ и распросовъ выяснилось, что погребеніе лошадей производится подобнымъ образомъ во многихъ мѣстностяхъ уѣзда, но не всѣхъ лошадей, а только *коней*, т. е. лошадей, на которыхъ исключительно ѣздятъ верхомъ. Такого коня, когда онъ околѣетъ, владѣлецъ кладетъ на дровни (хотя бы и лѣтомъ) и вывозитъ какъ покойника, головою назадъ, въ поле, зарываетъ въ землю около дороги, на могилу опрокидываетъ дровни и обноситъ могилу прочной изгородью. Дровни, хотя они и новыя, никогда и никто не тронетъ, они такъ и сгніютъ на мѣстѣ [2]).

Н. Иваницкій.

Кадниковъ. Май 1891.

Посидѣлки.

(*въ Тульскомъ и Венезскомъ уѣзд.* [3]).

Подъ именемъ «посидѣлокъ» разумѣется время, опредѣляемое даревенскими дѣвушками-невѣстами себѣ для гулянія предъ тѣмъ, какъ имъ заняться своими обычными, осенними и зимними работами. Посидѣлки бываютъ въ концѣ сентября или въ началѣ октября и обыкновенно начинаются въ одно изъ воскресеній, которое дѣвушки ближайшихъ между собою деревень выберутъ по взаимному согласію. Продолжаются же онѣ недѣлю, а иногда и больше.

Посидѣлки доставляютъ дѣвушкамъ случай пожить, хотя и не много времени, совершенно самостоятельно, свободно и весело. Поэтому дѣвушки ожидаютъ ихъ, какъ праздника. Еще задолго до посидѣлокъ онѣ успѣютъ найти у какой-либо безсемейной или малосемейной бабы домъ, гдѣ-бы имъ проводить посидѣлки, сумѣютъ отпросить тѣхъ изъ своихъ подругъ, которыхъ почему-нибудь не хотятъ отпустить ихъ родители, и заготовятъ себѣ нужные наряды.

Въ первый день посидѣлокъ дѣвушки окончательно договариваются относительно квартиры. Условія, на которыхъ уступается имъ изба, почти всегда состоятъ лишь въ томъ, чтобы дрова, харчи и всѣ хлопоты по дому за время посидѣлокъ были дѣвичьи. Затѣмъ посидѣльщицы мало-по-малу устраиваются въ нанятой избѣ. Сюда приносятъ положенное съ каждой посидѣльщицы количество муки, крупъ, масла и т. п. Обыкновенно каждая дѣвушка должна представить: ржаной муки 10—20 фунтовъ, картофелю 2 кошолки или 2 ведра, сѣмени конопляннаго $1/_8$—$1/_4$ мѣры (оно мѣняется дѣвушками въ маслобойняхъ на масло), масла коровьяго 1 чайную чашку и одну курицу. Собираютъ также деньгами копѣйки по двѣ, по три. На нихъ покупаютъ водки, чаю, сахару, конфектъ, жамокъ, орѣховъ и подсолнуховъ, что служитъ для угощенія посидѣльщицъ изъ другихъ деревень, когда тѣ придутъ сюда въ гости, и для угощенія парней, которыхъ дѣвушки приглашаютъ по вечерамъ играть на гармоникахъ.

Въ первый же день посидѣльщицы рядятся цыганками въ лохмотья, цыганами съ льняными бородами, привѣшиваютъ себѣ сумы и въ такомъ нарядѣ ходятъ по дворамъ своей деревни и собираютъ все, что дадутъ, и хлѣбъ, и соль, и крупу, и даже дрова.

---

[1]) См. «Этногр. Обозр.», кн. VII, 262.

[2]) См. изслѣд. проф. Д. Н. Анучина о погребальныхъ обрядахъ. «Древности» Моск. Арх. Общ., т. XIV. Этн. Обозр. V., 175.

[3]) О посидѣлкахъ см. статью проф. Н. Сумцова: „Досвитки и посидѣлки“ въ „Кіевской Стар.“ 1886 г., мартъ. *Ред.*

Digitized by Google

Собранное также сносится въ нанятую избу. Такимъ образомъ, весь первый день посидѣлокъ проходитъ въ однихъ хлопотахъ.

Утро второго дня, какъ и всѣхъ прочихъ, до самаго завтрака, проводятъ въ приготовленіи кушаній и уборкѣ хаты. Позавтракавши, дѣвушки или идутъ въ гости въ одну изъ сосѣднихъ деревень къ посидѣльщицамъ, или остаются весь день дома и ждутъ другихъ посидѣльщицъ къ себѣ. Въ первомъ случаѣ, т. е. если дѣвушки хотятъ итти въ другую деревню, послѣ завтрака у нихъ начинаются сборы. Особенное вниманіе обращается на нарядъ четырехъ избранныхъ дѣвушекъ. Двухъ изъ нихъ рядятъ въ мужскую одежду; надѣваютъ на нихъ красныя рубашки, плисовыя штаны, суконныя поддевки и сапоги съ бураками; на головы, съ подобранными кверху косами, надѣваютъ картузы. Двухъ же другихъ избранныхъ дѣвушекъ наряжаютъ, какъ невѣстъ: убираютъ ихъ въ новый растегай, или, что то-же, сарафанъ. Голову спереди украшаютъ цвѣтами, сдѣланными изъ бумаги; цвѣты бываютъ прикрѣплены къ лентѣ, которая завязывается подъ косой; къ этой же лентѣ прикалываются или пришиваются нѣсколько другихъ лентъ, которыя назади спускаются на плечи. На шею надѣваются ожерелья, нитокъ пять и болѣе. Наконецъ, на плечи накидывается цвѣтная шаль, которая спереди скалывается булавкой. Дѣвушку, одѣтую молодцомъ, называютъ «бариномъ», а одѣтую невѣстой — «барыней». Во время убора этихъ «господъ», прочія дѣвушки, уже нарядившіяся по праздничному, поютъ пѣсни. Когда всѣ сборы кончены, дѣвушки выходятъ изъ дому въ такомъ порядкѣ: спереди идутъ два «барина», за ними—двѣ «барыни»; позади же ихъ слѣдуютъ остальныя. «Господа» первые запѣваютъ пѣсни и первые же начинаютъ пляску. Если какая-нибудь изъ другихъ дѣвушекъ станетъ разговаривать съ кѣмъ-либо изъ «господъ», то, называя ихъ: «господиномъ-бариномъ» или «госпожою-барыней», говоритъ имъ «вы». Пѣсни, которыя поются посидѣльщицами, обыкновенно бываютъ плясовыя. Когда входятъ въ деревню гдѣ также есть посидѣлки, то поютъ слѣдующія небольшія три пѣсни непосредственно одну за другою и на одинъ напѣвъ:

1. Во лужкахъ была, во лужочкахъ;
Милъ травушку топчетъ, дороженьку ищетъ.
Милъ дорожки не нашелъ, самъ заплакалъ да пошелъ
Къ сударынѣ во теремъ.
Сударыня выходила, съ молодцомъ рѣчи говорила:
«Честной, хвальной, не стой со мной,—
Пойди, куда хочешь, (2) люби, кого знаешь.
Я тобой, сударь, довольна, гулять съ тобой полно!
Полно, полно,—не хочу! Съ кѣмъ гуляю, не скажу,
Кого люблю, не укажу».
2. Черезъ городъ летѣлъ голубь, что изъ лука стрѣлка;
Плыла утка-селезень тихою водою, голою рѣкою.
Скажи, утка-селезень, моему милому,
Что я—сиротою, горькою вдовою.
3. Противъ солнца, на восходѣ, рябина стояла.
Стой, моя рябина, стой, да не шатайся,
Живи, моя любезная, живи, не печалься.
Черезъ три года—четыре я самъ къ тебѣ буду,
Тебя не забуду.

Дѣвушки, подходятъ къ тому дому, въ которомъ квартируютъ посидѣльщицы. Послѣднія встрѣчаютъ гостей, приглашаютъ войти къ себѣ въ хату и сажаютъ ихъ за столъ. Въ переднемъ углу усаживаютъ пришедшихъ «господъ». Гостей потчуютъ чаемъ, десертомъ, состоящимъ изъ конфектъ, жамокъ, орѣховъ и проч.,—курятиной, блинами, ржаными пирогами, водкой и наливкой. Послѣдняя иногда бываетъ собственнаго приготовленія; ее дѣлаютъ изъ сока вареной свеклы съ сахаромъ. Къ «господамъ» относятся, какъ на свадьбѣ къ жениху и невѣстѣ. Такъ, «господъ» величаютъ въ пѣсняхъ: когда угощаются водкой, то говоря: «горько», заставляютъ ихъ цѣловаться, чтобы подсластить водку ихъ поцѣлуями. Изъ гостей отправляются домой съ пѣснями и плясками.

Digitized by Google

Въ тѣ дни, когда посидѣльницы не ходятъ въ другія деревни, и когда у нихъ нѣтъ гостей, онѣ рядятся. Обыкновенно, ряженыя изображаютъ «коня» или «индюшку». Коня представляютъ слѣдующимъ образомъ. Двѣ или четыре дѣвушки берутъ съ обоихъ концовъ двѣ оглобли, обратившись лицами въ одну сторону. Дѣвушкамъ, которыя должны итти впередъ, дается въ руки еще куделька. Къ куделькѣ привязывается пукъ соломы. Все это, и куделька и дѣвушки съ оглоблями, прикрывается веретьемъ. Сзади веретье спускается нѣсколько внизъ, что изображаетъ лошадиный хвостъ. Покрытая же куделька обертывается краснымъ кушакомъ, такъ, чтобы привязанный пукъ соломы спускался книзу на подобіе лошадиной морды, а двѣ рогульки кудельки отчетливо выдѣлялись бы на верху, какъ два лошадиныхъ уха. Такимъ образомъ получается чучело-лошадь. Эту лошадь беретъ подъ уздцы, за концы кушака, одинъ «баринъ» и ведетъ ее по деревнѣ, въ сопровожденіи толпы любопытныхъ. Потомъ является другой «баринъ» и изъявляетъ желаніе купить эту лошадь. Ея хозяинъ соглашается продать ее и назначаетъ цѣну. Но сколько бы онъ ни запросилъ за свою лошадь, покупатель начинаетъ торговаться, въ цѣнѣ не сходятся, и дѣло кончается тѣмъ, что въ торгѣ принимаютъ участіе посторонніе, парни и дѣвушки: они берутъ сторону покупателя, корятъ лошадь и съ криками; «какой это конь!» растаскиваютъ чучело на части.

Устройство «индюшки» гораздо проще. Какая нибудь дѣвушка надѣваетъ на себя обыкновенную холщевую женскую рубашку. Рукава этой рубашки надѣваются на ноги, а подолъ ея сверху надъ головой завязывается такъ, чтобы на головѣ остался небольшой хохликъ. Въ такомъ нарядѣ дѣвушка бѣгаетъ по улицѣ и махаетъ головой, отъ чего хохликъ трясется. Это производитъ большой смѣхъ среди малотребовательныхъ зрителей.

Случается, что посидѣльщицы наряжаются иначе и представляютъ собою иныя чучела и иногда даже цѣлыя процессіи. Разъ дѣвушки задумали изобразить похороны. Для этого двѣ дѣвушки одѣлись въ длинные кафтаны и распустили по плечамъ свои волосы, а одна изъ нихъ взяла въ руки привязанный на веревкѣ лапоть. Эти двѣ ряженныя изображали духовныхъ лицъ — священника и діакона съ кадиломъ. Остальныя же дѣвушки покрывались бѣлыми платками, положили на носилки подушку, накрыли бѣлою простыней и понесли по деревнѣ при пѣніи пѣсни: «Со вечера затуманилось», очень печальнаго напѣва.

Время, остающееся отъ гулянья по другимъ деревнямъ и отъ ряженья, посидѣльщицы проводятъ дома. Тогда къ нимъ приходятъ парни съ гармониками, и съ ними дѣвушки поютъ пѣсни, пляшутъ и разсказываютъ другъ другу про «страсти» и про что-нибудь смѣшное. Иногда это времяпровожденіе разнообразится нѣкоторыми шалостями, которыя дозволяютъ себѣ разгулявшіяся посидѣльщицы. То онѣ не поладятъ съ парнями и затѣютъ съ ними войну, то украдутъ у кого-нибудь курицу съ нашести, поймаютъ на прудѣ или на рѣкѣ на кусочекъ хлѣба загнутою булавкой, какъ рыбу на крючокъ,утку, а иногда, при помощи молодца, даже обдерутъ краденую овцу. Хотя на такого рода воровство другіе смотрятъ, какъ на непредсудительное баловство молодежи, однако оно не всегда благополучно сходитъ съ рукъ самимъ посидѣльщицамъ. Бываютъ несчастные случаи. Такъ, въ д. С. Тульскаго уѣзда, пошли разъ дѣвушки ночью на чужой дворъ. Одна изъ нихъ полѣзла на переметъ, на которомъ сидѣли куры, да и оборвалась съ него прямо на зубья лежащей внизу бороны и поплатилась жизнью за свою неосторожность. Впрочемъ, веселье посидѣльщицъ очень рѣдко омрачается подобными несчастіями. По этому съ большою грустью онѣ покидаютъ хату, гдѣ имъ такъ привольно жилось, и не охотно принимаются уже среди своей семьи за пряжу шерсти, мятье и отрепыванье льна и пеньки. Долгое время посидѣлки служатъ у молодежи интересной темой для разговоровъ, и часто лишь воспоминаніе о нихъ доставляетъ утѣшеніе заскучавшей дѣвушкѣ.

Нѣчто подобное дѣвичьимъ посидѣлкамъ представляютъ собою мужскія „засидки", устраиваемыя съ 8-го по 14-ое сентября (включительно). Въ засидкахъ принимаютъ участіе слесаря, бочары, столяры и вообще тѣ, кто послѣ 14 сентября начинаетъ заниматься извѣстнымъ мастерствомъ. Засидки проводятся главнымъ образомъ въ пьянствѣ и, по большей части, въ кабакѣ.

Дм. Ив. Успенскій.

Digitized by Google

Литовскія легенды.

1. *Храненіе денег.*

a) Одинъ богатый крестьянинъ, чувствуя приближеніе своей кончины, не хотѣлъ оставить денегъ своей женѣ, а потому сказалъ ей: — Юзеле (Іозефа), пойди позвать кого-нибудь, потому что я скоро умру! Но она не послушала его, влѣзла на чердакъ и смотрѣла чрезъ отверстіе, что мужъ будетъ дѣлать. Онъ слѣзъ съ кровати и потащилъ въ подпечку мѣшокъ съ деньгами, еле волоча его за собой. Потомъ онъ сталъ зарывать деньги въ землю и, заклиная ихъ, сказалъ: — Деньги, если васъ будетъ брать та-же самая рука, то вы давайтесь взять, а если другая, то не давайтесь! Жена подождала, пока онъ влѣзъ опять на кровать, слѣзла съ чердака и пришла къ нему.— Придутъ мущины?—спрашиваетъ онъ ее. — Можетъ быть, и придутъ. Старикъ началъ отходить. Какъ только она замѣтила, что онъ померъ, она взяла его, подтащила къ подпечкѣ и его же руками вырыла изъ земли мѣшокъ съ деньгами и забрала ихъ себѣ. Пришли сосѣди, она сказала: — Мой мужъ померъ! Эти деньги пошли ей въ пользу и не принесли никакого вреда, во первыхъ потому, что она сумѣла хитро ихъ отрыть, а во-вторыхъ потому, что еще не успѣлъ сѣсть на нихъ *Чипчикасъ* или *Шипшикасъ*[1]). Какъ только зарытыя деньги, принадлежащія покойному, не назначены имъ кому-нибудь при жизни, то попадаютъ Чипчикасу, который на нихъ сидитъ, и тогда взять ихъ нельзя.

b) Въ деревнѣ Дайчюны, Вашковскаго прихода, одинъ зажиточный крестьянинъ несъ для храненія деньги. Увидя это, жена брата сказала ему:—Братецъ, братецъ, на что ты прячешь эти деньги? Мнѣ ихъ не нужно! Ты ихъ лучше оставь въ пользу церкви. Завтра, послѣ завтра помрешь: кому же достанутся эти деньги? Оставь ихъ лучше священнику: онъ будетъ молиться за упокой твоей души. Онъ ей сказалъ: Иди, невѣстка, принеси эти деньги изъ сарая, гдѣ мякина. Тамъ онѣ завалены камнемъ: отвали его—найдешь тамъ двѣсти рублей. Она такъ и сдѣлала.—Вотъ твои деньги!—сказала она.—Я ихъ принесла въ передникѣ. Когда онъ померъ, она отнесла эти деньги священнику, и онъ въ церкви съ амвона сказалъ: Счастье, что нашлись деньги и пошли въ пользу церкви! Душа покойника будетъ спасена, потому что на нихъ не засѣлъ еще Чипчюкасъ. (Записано отъ крест. Сколястики Глажка, имѣющей около ста лѣтъ, въ д. Ручаны, Вашковск. прих., Поневѣжск. у., Ковенск. губ.).

Сообщ. *Меч. Довойна-Сильвестровичъ.*

2. *Айчварасъ* [2]), *духъ-покровитель.*

Айчварасъ не былъ купленъ хозяиномъ за деньги, а высиженъ. Черный пѣтухъ снесъ яйцо. Хозяинъ положилъ это яйцо въ горшокъ съ пухомъ [3]). Баба сѣла на этотъ горшокъ, сидѣла на немъ за печкой 66 лѣтъ, 66 дней, 66 часовъ и 66 мин. и высидѣла одного Айчвараса. Столько же времени затѣмъ держали его за печкой, такъ что никто о немъ не зналъ. Когда онъ выросъ, отвели его въ клѣть (jauje) и дали ему тамъ ѣсть. Объ немъ заботилась та, которая высидѣла его: давала ему вареники (virtenes [4]), масло, яичницу (kiauszenc). Когда она ушла, хозяинъ взялъ его подъ свое покровительство. Зато, чего бы ни захотѣлъ хозяинъ, Айчварасъ ему доставлялъ. Когда по случаю окончанія молотьбы для Айчвараса была приготовлена въ клѣти ѣда, пастухъ (bondinikas) подсмотрѣлъ и все съѣлъ, а вмѣсто этого положилъ лошадинаго и человѣчьяго помету. Айчварасъ сталъ жаловаться хозяину: «Что ты мнѣ не даешь ѣсть?» Хозяинъ сталъ обвинять свою жену, но она отвѣчала: «Неправда». Хозяинъ

---

[1]) Чертъ, бѣсъ; въ Россіенскомъ уѣздѣ онъ называется *Кипшасъ*.

[2]) По-жмудски—*Айтварасъ*.

[3]) Такъ сохраняются только что вылупившіеся цыплята, пока не высиженъ весь выводокъ.

[4]) Варятся изъ творогу, мяса или сала, обернутаго въ тѣсто.

Digitized by Google

употреблялъ всѣ старанія, чтобы удовлетворить Айчвараса, дающаго богатство, но хитрый пастухъ каждый разъ сумѣлъ воспользоваться отсутствіемъ хозяина и съѣдалъ приготовленное. Однажды онъ подстерегъ и самого Айчвараса, влетающаго съ запасомъ денегъ въ дымовое отверстіе въ крышѣ, и выстрѣлилъ въ него серебряной пулею. Половина денежнаго мѣшка высыпалась внутрь избы, а остальное упало наружу, и разсыпалось золото, серебро и драгоцѣнные камни. Пастухъ бросился на добычу и не знаетъ, за что хвататься. Разбогатѣвъ, онъ сказалъ хозяину: «Не могу служить: я боленъ». Хозяинъ отпустилъ его. Онъ собрался жениться и хотѣлъ купить домъ и землю. А было у него еще два брата—богатые. Не желая сразу показывать свое богатство, чтобы ему не позавидовали и не догадались о причинѣ богатства, онъ идетъ къ одному изъ старшихъ братьевъ и проситъ у него ѣсть, жалуясь, что хозяинъ его прогналъ.—Если позволишь вырвать у тебя одинъ глазъ, то дамъ ѣсть, — сказалъ братъ. Тотъ согласился, поѣлъ и пробылъ у него три дня. Потомъ пошелъ къ другому брату, и опять проситъ накормить его.—Если позволишь вырвать послѣдній глазъ,—говоритъ братъ,—то накормлю.—Кто же меня будетъ водить слѣпого?—Я буду тебя водить,—говоритъ братъ, и лишилъ его глаза. Накормивъ слѣпца, онъ купилъ ему кожаную шапку и повелъ. Когда они пришли къ озеру, братъ сказалъ слѣпому: — Тутъ большой ровъ. Надвинь хорошо шапку на глаза, чтобы не слетѣла, когда будешь прыгать. Слѣпой прыгнулъ въ озеро, и ему пришлось плыть. Три раза онъ пробовалъ достать дно и нашелъ какія-то водяныя поросли (maurai). Сдвинулъ шапку съ глазъ и сталъ видѣть, какъ прежде. (Вѣроятно, вода въ озерѣ была цѣлебная). Это было около Иванова дня. Выплылъ онъ на берегъ, высушился и пошелъ въ лѣсъ. Тамъ онъ увидѣлъ горящій муравейникъ. Муравьи просятъ его: „Спаси насъ!“ Онъ зачерпнулъ своей шапкой воды въ озерѣ и залилъ огонь. Муравьи поблагодарили, а онъ пошелъ дальше. Видитъ: горитъ снизу стволъ дерева, а въ дуплѣ его пчелы, которыя молятъ его о помощи. Онъ также залилъ огонь. Наконецъ, встрѣчаетъ на горящемъ деревѣ ворона (judwarnis), который сидитъ на самой верхушкѣ на гнѣздѣ и говоритъ: „Ради Бога спаси насъ! Черезъ три часа вылупятся мои дѣти“. Онъ и его спасъ. Идетъ дальше и видитъ большой домъ. Ему захотѣлось ѣсть, и онъ пошелъ просить на кухню. Но ему говорятъ: „Ты такъ молодъ, тебѣ только работать. Нашему царю требуется свинопасъ.“ — Доложите“. Царь нанялъ его и велѣлъ накормить. Онъ спросилъ льна, чтобы сплести бичъ, ему дали. Когда онъ выгналъ свиней въ поле и сталъ хлопать бичемъ, то думали, что изъ ружья стрѣляютъ. Дворецкій приказываетъ ему: — Смотри, хорошо паси, чтобы не было потравы.—А ты не знаешь, что я твой братъ?—Ахъ ты свинопасъ! Ты смѣешь равняться со мною! Дворецкій отправился къ царю, сталъ говорить, что пастухъ хвастаетъ, будто онъ одинъ въ состояніи обмолотить столько, сколько могутъ вымолотить 60 молотильщиковъ. Пастуха заперли для пробы въ сараѣ, чтобы онъ молотилъ. Сидитъ онъ и плачетъ. Сошлись муравьи и выбрали всѣ зерна изъ колосьевъ и разсортировали. Царь милостиво обошелся съ пастухомъ. Въ другой разъ пастухъ опять назвался братомъ дворецкаго. Послѣдній разсказалъ царю, будто пастухъ обѣщаетъ слѣпить изъ воску мостъ черезъ рѣку и поставить восковую часовню. На этотъ разъ его выручили пчелы. Въ третій разъ обозлился дворецкій на навязчивость пастуха, который продолжалъ называть его братомъ. А этотъ дворецкій былъ не кто иной, какъ Айчварасъ, въ котораго онъ выстрѣлилъ, когда еще служилъ въ батракахъ; онъ, дѣйствительно, принялъ образъ его брата. Въ третій разъ пошелъ дворецкій къ царю и говоритъ: „Пастухъ разсказываетъ, что если ты позволишь ему поспать съ твоей дочерью, то на другой день родится ребенокъ, который сразу будетъ говорить“. Царь согласился. На выручку пастуху прилетѣлъ воронъ и принесъ спеленутаго ребенка. Когда показали царю ребенка, Айчварасъ-дворецкій исчезъ, а воронъ (злой духъ) унесъ пастуха съ царевной на себѣ, говоря: „Вамъ здѣсь не мѣсто“. Когда они летѣли, ворона надо было кормить воловьимъ мясомъ. Когда же за недостаткомъ мяса силы его стали слабѣть, пастухъ принужденъ былъ отрѣзать своего тѣла, чтобы подкрѣпить его.

Прим. Нѣчто подобное разсказывается о грифѣ (gripas), т.-е. великанѣ-птицѣ.

(Запис. тамъ же отъ К. Монтовта).

Сообщ. *Меч. Довойна-Сильвестровичъ.*

Digitized by Google

3. Солдатъ и чортъ.

Одинъ отставной солдатъ возвращался домой изъ полка и несъ ружье. Дорогой ему пришлось проходить чрезъ большой лѣсъ, гдѣ жилъ разбойникъ, о которомъ онъ ничего не зналъ. Войдя въ лѣсъ, солдатъ увидѣлъ приближающагося разбойника, а за нимъ бѣжала большая черная собака. Эта собака была чортъ и никогда не отлучалась отъ своего хозяина. Разбойникъ подошелъ къ солдату и потребовалъ у него денегъ. Солдатъ имѣлъ 40 коп., которыя и отдалъ разбойнику. Разбойникъ, получивъ деньги, отправился въ лѣсъ къ своей пещерѣ, а солдатъ издали сталъ за нимъ слѣдить. Разбойникъ подошелъ къ своей пещерѣ, поднялъ крышку и опустился въ землю. Спрятавъ свои деньги, разбойникъ опять пошелъ на промыселъ. Солдатъ, видя, что разбойникъ удалился, вошелъ въ его подземелье, гдѣ увидѣлъ большой сундукъ, наполненный деньгами. Онъ, не долго думая, сталъ наполнять деньгами свои карманы, штаны, сапоги, однимъ словомъ, что только можно было, и опять пошелъ своей дорогой. Вышелъ онъ изъ лѣса, прошелъ уже нѣсколько селеній, какъ вдругъ, откуда ни возьмись, бѣжитъ съ нимъ рядомъ черная собака разбойника, но не трогаетъ его. Дошелъ солдатъ до одной корчмы, уморился и захотѣлъ отдохнуть и закусить. Вошелъ онъ въ корчму, гдѣ нашелъ двоихъ пьяныхъ людей; велѣлъ дать себѣ кварту водки и чего-нибудь закусить. Въ это время одинъ изъ посѣтителей кабака вышелъ на дворъ и, возвратясь черезъ нѣсколько минутъ, сказалъ солдату: «А знаешь что, твоя собака не хорошая, опасная». — «Почему?» спросилъ солдатъ. — «А такъ. Дай рубль серебромъ, да поставь двѣ кварты водки, тогда скажу». Солдатъ согласился и, вотъ, что услышалъ изъ устъ незнакомца, который былъ колдунъ: «Я сейчасъ узналъ, что твоя собака — чортъ. Она теперь тебя не трогаетъ, но когда ты будешь подходить къ своей деревнѣ, она на тебя нападетъ и разорветъ, и ты обратишься въ прахъ. А чтобы этого не случилось, ты долженъ вотъ что сдѣлать: ты теперь сходи къ священнику и попроси у него кусочекъ священнаго серебра, которымъ заряди ружье и выстрѣли въ собаку. Только такимъ образомъ можно убить эту собаку, иначе никакъ не убьешь». Солдатъ послушался совѣта и тотчасъ же отправился къ священнику. Священникъ далъ ему за пять рублей кусокъ серебра, величиною съ пулю. Солдатъ зарядилъ священнымъ серебромъ ружье и отправился далѣе. Собака послѣдовала за нимъ, но уже бѣжала далеко отъ него и съ понуренною головою и опущеннымъ хвостомъ. Дойдя до одного лѣса, который находился не болѣе двухъ-трехъ верстъ отъ деревни, куда шелъ солдатъ, онъ остановился отдохнуть у лѣсника, а собака, по обыкновенію, не вошла въ домъ, а осталась на дворѣ. Тогда солдатъ открылъ окно, прицѣлился и выстрѣлилъ. Вдругъ все зашумѣло, загудѣло, собака разорвалась на части и взлетѣла на воздухъ и, спустя нѣкоторое время, она опять упала на землю въ видѣ неживой лошади. Солдатъ взялъ соломы и сжегъ лошадь, а самъ благополучно добрался до дома и богато зажилъ на принесенныя имъ деньги.

(Запис. въ Поневѣжѣ, Ков. г.).

Сообщ. *М. Борейша.*

4. Царь и судьи.

Одинъ царь захотѣлъ узнать, справедливо-ли судятъ вновь учрежденные окружные суды. Для этого онъ, переодѣвшись въ простое крестьянское платье, отправился верхомъ на лошади въ одинъ городъ. На дорогѣ онъ встрѣтилъ одного нищаго безъ ногъ по колѣно, который сидѣлъ въ канавѣ. Нищій обратился къ царю со слѣдующими словами: «Подвези, добрый человѣкъ, меня до города. Мои недруги привезли меня и кинули, а самъ добраться до города я не могу, потому что, видишь, безъ ногъ». Царь согласился и посадилъ нищаго на лошадь, а самъ шелъ рядомъ пѣшкомъ. При въѣздѣ въ городъ, царь сказалъ нищему: «Ну, теперь слѣзай съ лошади!» Но нищій возразилъ: «Помилуй, эта лошадь моя, чего ты отъ меня хочешь?» — «Какъ такъ твоя?» спросилъ царь. — «Конечно», отвѣчалъ тотъ, «иначе какъ бы я могъ выйти за городъ?»

Царь подалъ прошеніе въ окружный судъ, который назначилъ разборъ дѣла черезъ нѣсколько дней. Въ назначенный день царь явился въ судъ и ожидалъ очереди. Предва-

Digitized by Google

рительно разбиралось дѣло одного мясника, который обвинялъ другого, что тотъ укралъ его деньги, хотя послѣдній не признавалъ себя виновнымъ. Судьи взяли у обоихъ всѣ бывшія при нихъ деньги и положили монеты въ чаши съ чистой водой. Вода въ чашахъ, въ которыхъ находились монеты мясника, покрывалась жиромъ, потому что онѣ были засалены, а гдѣ находились деньги вора, вода была чиста. Тогда судьи рѣшили, что обвиняемый въ воровствѣ, дѣйствительно, укралъ у мясника деньги, и велѣли вору отдать деньги мяснику, а его наказали.

Царь все время внимательно слѣдилъ за ходомъ дѣла и рѣшилъ, что судъ судитъ правильно. Когда же дошла очередь до него, судьи, внимательно разобравъ дѣло, велѣли взять нищему мѣрку овса и снести лошади. Но лошадь не подпустила чужого человѣка и лягалась. Когда же пошелъ царь съ овсомъ, то лошадь съ веселымъ ржаньемъ встрѣтила своего хозяина и приняла отъ него кормъ. Тогда судьи признали, что лошадь принадлежитъ крестьянину, а не безногому нищему. Судъ постановилъ отдать крестьянину его лошадь, а нищаго подвергнуть наказанію. Царь тогда окончательно убѣдился, что окружный судъ судитъ справедливо и отправился въ обратный путь. Возвратясь домой, онъ выслалъ награды судьямъ за ихъ справедливость.

(Запис. въ Поневѣжѣ, Ков. губ.).

Сообщ. *М. Борейша.*

Споръ о пѣснѣ и сказкѣ.

Одинъ господинъ и съ своимъ кучеромъ ѣхалъ путьемъ и заспорили о пѣснѣ и о сказкѣ. Помѣщикъ говоритъ, что пѣсня правда, а кучеръ говоритъ: и сказка правда. И спорятъ они между собою. Доѣзжаютъ наконецъ до рабочаго поля, гдѣ одинъ старикъ пашетъ парой лошадей. То помѣщикъ и говоритъ старику: «Послушай, старичекъ, что правда: пѣсня или сказка?» Старикъ и говоритъ: «Послухайте, баринъ: въ одно пошелъ я ко обѣдни и прихожу отъ обѣдни и вхожу въ домъ свой, то моя хозяйка съ молодымъ парнемъ гуляетъ. То только взошелъ я въ избу, жена и выноситъ изъ другой свѣтелки палку и вдарила меня той палкой и сдѣлала собакой и прогнала меня изъ дому. То я куда не побѣгу, меня собаки кусаютъ. Ѣсть захотѣлось мнѣ только, и побѣгъ я въ поле и вижу, что пасется стадо, а самъ пастухъ спитъ. Я и прилегъ около него. Только встаетъ онъ, видитъ, что я смирно лежу, началъ меня ласкать. Вечеромъ я ему сталъ подсоблять заворачивать овечки—пастухъ и радъ тому, и зоветъ меня Сѣркою. А я сталъ предъ нимъ, мелю фостомъ и радъ бы, чтобы хлѣба далъ, *а бы* ѣсти хочу, то онъ вынулъ хлѣба и далъ мнѣ. Я и съѣлъ; онъ еще отломилъ, я опять съѣлъ. То я и наѣлся, и называетъ онъ меня Сѣркою, и я все помню, ну а говорить не могу. На другой день я ему поймалъ волка, онъ его облупилъ и шкурку продалъ. Такъ я ему за все лѣто стадо караулилъ и объявилъ онъ обчеству. Обчество стало меня жалѣть, и только станутъ утромъ стадо выгонять, даютъ хлѣбъ и сало и приказываютъ, что это Сѣрки. А я все слышу, только говорить не могу. И прослышалъ одинъ помѣщикъ обо мнѣ и началъ просить обчество, чтобы продали меня. Только обчество не продаетъ, и даетъ онъ 3000 рублей, то обчество меня продало. Узялъ меня помѣщикъ и привозитъ меня домой, и живу я у помѣщика—хорошо. Что помѣщикъ станетъ говорить про меня, я стою и мелю фостомъ. И сталъ онъ только замѣчать, что я понимаю человѣчій разговоръ и что самъ есть человѣкъ. И пошла мнѣ жизнь еще лучше. Сталъ помѣщикъ лѣтомъ говорить: надо его у степъ до стада, то я стою и качаю головою. Помѣщикъ радъ, что я понимаю, и повезъ въ стадо и приказуетъ пастухамъ, смотрите мнѣ: Сѣрко кормите. Ну та я и живу. Станутъ они воду пить, и я выпилъ бы, да не даютъ. Сталъ я предъ ними, да мелю фостомъ. Одинъ пастухъ и говоритъ: не пьешь, Сѣрко, водки? Взяли, дали мнѣ, то я выпилъ. Доложили они помѣщику, помѣщикъ прислалъ для меня водки. И пошло житье еще лучше. Только пріѣзжаетъ одинъ помѣщикъ и сталъ меня торговать. Баринъ и продалъ и говоритъ мнѣ: Сѣрко, я тебя продалъ. Я стою и головою качаю. А помѣщикъ и говоритъ: служилъ ты мнѣ хорошо, то служи и этому господину. Я киваю головою: хорошо, молъ. А тому помѣщику и не сказалъ, что я водку пью. Привозитъ меня въ новый домъ, а старый баринъ тутъ же прислалъ записку, что я водку пью. То той

Digitized by Google

помѣщикъ посмотрѣлъ въ записку и спрашиваетъ меня: Сѣрко, что ты водку пьешь? Я качаю головою. Налилъ мнѣ рюмку, то я выпилъ, и далъ мнѣ комнату и слугу. И сталъ я поживать. Была только у помѣщика жена беременна и приходить время ей родить, то его та жена сколько не родила, а дѣтей не видать. Какъ легла она на постель, а я легъ на порогѣ у дверей, и сжалилась она надо мною и говоритъ: Сѣрко, на подушку. Я подошелъ, взялъ въ зубы подушку, положилъ на порогѣ и самъ лежу. Часу въ 12-мъ помѣщикъ и помѣщица поснули, то и вижу я идетъ такой высокой, что аршина четыре. И сталъ возлѣ дверей противъ меня, то я молчу себѣ. Ну только помѣщица стала родить еще и не очувствовалась, то онъ приступаетъ и береть младенца и внесъ его, я за нимъ и началъ за нимъ гнаться и брехать, то помѣщикъ услыхалъ, и вся дворня пустилась у погонь за нимъ. Я настигъ его въ полѣ. Чудовище видитъ, что я не отстаю, и бросило младенца. Я сѣлъ и сижу надъ младенцемъ. Прибѣгаетъ вся дворня и помѣщикъ, взяли младенца, и помѣщикъ приказалъ меня нести дворнѣ, и приносятъ домой. То мнѣ хорошо было, а то еще лучше. Стало то и собралъ помѣщикъ балъ и начали цѣнить меня, что я стою. Оцѣнили меня, чтобы сдѣлать мнѣ на нѣсколько тысячъ изъ золота жерелки на него, ну и обрили меня. То я и думаю, что-жъ, мнѣ и хорошо: ну подумаю хоть и хорошо, да собака. И все помню, а говорить не могу. И вздумалъ, дай побѣгу до жены: не сожалѣешь ли меня. Ну только прибѣгаю домой, то жена увидала и сейчасъ: А! ты видишь какой! Сейчасъ все посымала съ меня и вынесла другую палку и вдарила меня и сдѣлала воробьемъ. Полетѣлъ я и думаю самъ себѣ: то хоть былъ собакой, а теперь самымъ послѣднимъ. Летаю я себѣ промежъ воробьевъ и захотѣлось мнѣ ѣсть и залетѣлъ у лѣсъ и тамъ сдѣлана принада (*т. е.* ***привада***) и разныя птички пасутца. И въ принади поставлены сельцы. То я и вижу, что стоять, а нечаянно увязъ и никакъ не выпутаюсь. Только и прибѣгаютъ два мальчика и взяли меня и приносятъ тому самому старику, въ котораго я отнялъ младенца. И увидалъ старикъ меня и узналъ и говоритъ: дѣти, продайте мнѣ сего воробья. То два мальчика и продали меня. Старикъ связалъ меня и положилъ на столѣ, принесъ палку и началъ меня бить. Билъ, билъ до тѣхъ поръ, что на мнѣ ужь и перьевъ осталось мало. Тогда приноситъ другую палку и вдарилъ меня и сдѣлалъ человѣкомъ. И говоритъ: знаешь, за что я тебя билъ? Помнишь, какъ ты отнялъ младенца, этихъ, что тебя поймали, мальчиковъ братца. Я и сказалъ: знаю, дѣдушка. То то и надо тебѣ было догонять: видишь, вотъ у меня два мальчика—это того же помѣщика дѣти. А я хотѣлъ третьяго унести, да ты не далъ мнѣ,--ну, да я тебя прощаю, только не говори тому помѣщику. За то я тебя научу, какъ съ жены насмѣяться, и далъ мнѣ двѣ узды и сказалъ: на тебѣ двѣ узды, иди домой и стань на перелази, и какъ будетъ бѣжать кобила съ жеребцомъ, ты и надѣнь на нихъ уздечки, только смотри не скидай, покеда не подохнутъ. Або только скинешь, то она тебѣ сдѣлаетъ, что ты и вѣкъ будешь воробьемъ. То видишь, баринъ, отъ—я на кобилицѣ и на жеребцѣ пашу и видишь, что мы говоримъ, то они головами киваютъ— все понимаютъ. Я и не буду скидать съ нихъ уздечекъ, покеда не подохнутъ».

Тогда сказалъ баринъ кучеру: ну, кучеръ твоя правда: сказка — правда, а пѣсня нѣтъ».

Сказка записана около 1861 года въ Тамбовскомъ уѣздѣ покойнымъ Андр. Ник. Поповымъ, авторомъ извѣстнаго изслѣдованія о хронографахъ.

Сообщ. *Н. С. Тихонравовъ*

„Адская Газета“.

Въ поѣздку мою въ апрѣлѣ прошлаго года на Ревдинскій заводъ *) мнѣ довелось пріобрѣсти довольно интересный, хотя и безграмотный списокъ одного полуискусственнаго, полународнаго произведенія, которое и предлагаю здѣсь, какъ образчикъ своего рода сатиры на нравы разныхъ сословій и званій. Подлинная рукопись, написанная уставнымъ (?) письмомъ, пожертвована мною Уральскому обществу любителей естество-

*) Находится въ Екатеринбургск. уѣз. и отстоитъ отъ Екатеринбурга въ 44 верстахъ къ западу, а отъ Сибирскаго тракта въ 11 верстахъ.

Digitized by Google

знанія. Привожу здѣсь полный текстъ этого произведенія, сохраняя вполнѣ редакцію подлинника; исправлено лишь кое-гдѣ правописаніе и проставлены знаки препинанія для болѣе удобнаго чтенія.

†

«Адъская газета»

Сего числа и года вышла, всѣмъ людѣмъ любопытно честь, все равно какъ мертвеца смѣшить.

На сихъ дняхъ выѣхалъ куліеръ изъ ада, какая будетъ отъ сатаны грѣшникомъ награда. Привезъ страшнюю почту газетъ, которыи пойдутъ съ несчастіемъ на оной свѣтъ. Сатана, предвидя кончину сихъ дней, (и) приказалъ адъ наполнить разныхъ огней. И приказалъ бѣсямъ разсмотрѣть адъскую глубину, гдѣ чтобы было садить грѣшниковъ за вину. Единъ изъ бѣсовъ назывался тако ему внукъ, который настроилъ въ адѣ множество мукъ. Потомъ привели на тотъ свѣтъ ростовщика и откупщика, которые (—ый) въ мирѣ семъ проценьтомъ богатьство распространялъ, а нищимъ но подавалъ. Кричитъ ему бѣсъ изъ ада: что ты, другъ, много-ли оуспѣлъ процѣнтовъ богатьства накопить? Отвѣща ему злой процѣньщикъ и откупщикъ: я столь много накопилъ процѣнтомъ богатьства, что могу оу тебя весь твой адъ откупить. Сатана разсмѣхнулся: ха, ха, ха! Ты оуже и здѣсь хощеши завести кабаки и бани. Ты оуже надѣялся на деньги, а Бога забылъ. Ты роскошно жилъ, любилъ дѣньги копить, не оугодно-ли тебѣ въ преисподнiй адъ побывать, потому ты любилъ роскошно проживать. Потомъ привели на тотъ свѣтъ опоицу и піяницу, которыи повсесвѣтно съ вина сгорѣлъ. Кричитъ ему бѣсъ изъ ада: что ты, другъ любезный, почто много вина пилъ, душу свою въ злѣ погубилъ? Приготовьте-ко для него адскую темницу, затворить его туда до страшнаго суда. Труба архангельская вострубитъ, а его смола горящая на страшный судъ возбудитъ. Потомъ явились на тотъ свѣтъ гордые господа, чайники и нынѣшніе начальники, несправедливые судьи. Вотъ кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: пожалуйте, господа, сюда, я буду васъ оугощать, милостивые государи, я прикажу вамъ согрѣть чаю, только не въ самоварѣ, но для роскашныхъ (sic) вашихъ сорныхъ дѣлъ есть у меня во адѣ большой мѣдной котелъ. Вотъ извольте промочить вашу скаредную душу, покорно прошу выкушать горящее олово вмѣсто пуньши, и смолы и сѣры полныя мѣры. Тогда сатана кричитъ: что ты, косой бѣсъ, стоишь, рыщешь, зачѣмъ вельможъ и бояръ въ шею не тычешь? Отвѣща ему бѣсъ: я давно былъ тому радъ—схватить господъ, смѣло тащить во адъ. Потомъ явились на тотъ свѣтъ святые отцы—священники, нынѣшніе попы. Кричитъ имъ бѣсъ изъ ада: ей, вы, святые отцы! Вы зачѣмъ сюда пришли, али въ царство небесное пути не нашли? Видно вы небережно жили, въ моемъ адѣ мѣсто заслужили. Заповѣди Божіи не соблюдали и не сохраняли поста, за то и представилъ васъ бѣсъ безъ хвоста. Велѣлъ сатана съ нихъ священническія ризы скинуть да во адъ преисподнiй ихъ кинуть. Тогда явились на тотъ свѣтъ чиновники, мировые судья, архіереи, іереи, попы, дьякона, пономари, купцы и многіе подлецы; турки, нѣмцы, татары, евреи, писаря, мѣщане, калашники, школьники, раскольники, блудницы, клеветники, лихоимцы, грецы развращенные оуворяне (агаряне?), дворяне, хромые, слѣпые, оуроды, всякая нищета, которые жили на свѣтѣ хуже скота. Потомъ сатана приказалъ принести очьки; какъ надѣлъ очьки на носъ, закричалъ яро, что грѣшниковъ мало. Выскочилъ изъ кривыхъ бѣсъ, слово рекъ, что не скончался вѣкъ. Тогда приказалъ сатана по одному кидать въ преисподнюю тьму. Такъ дошелъ рядъ до табашныхъ, что носы крѣпко были набиты табакомъ. Приказалъ сатана крючьями вычистить табашные носы, а на нищихъ страшно закричалъ: вы зачѣмъ сюда пришли? безъ васъ тѣсно; сдѣсь мѣста заняты вельможами и боярами, ростовщиками и купцами и многими подлецами. Придутъ къ намъ послѣдніе вѣки, весьма раслабѣютъ плоти, и въ растлѣнности будутъ жити многіе человѣки. А въ воскресные дни токмо о бѣсовскомъ стараются о томъ получше одежду надежду надѣть и почище бороду обрѣть и въ носъ порядочно табаку набить. Оуважаютъ себя въ томъ, что это не грѣшно, такъ давно въ обычай зашло. А курители на томъ свѣтѣ будутъ оуправители, а понюхатели на томъ свѣтѣ будутъ засѣдатели. Говоримъ, что великъ есть архангельскій чинъ, а сами другъ на друга что есть мочи кричимъ. Богу

Digitized by Google

молимся, а за гриву ловимся. Христіанами называемся, а матерно ругаемся. Называемся рабы Христовы, а сами все времъ пустое. Неграмотные хотя и слушаютъ страсти, а сами хощемъ побольше оукрасти. А оученые люди нѣкоторые читаютъ въ книгу, а сами ставятъ только фигу. Воистину покаяніе глаголетъ, впослѣднія времена будутъ дѣламъ злы и лукавы; но не дни злы и лукавы, а человѣцы злы и лукавы. Свѣтъ оставиша, а тьму возлюбиша. (Глаголи:) Все такъ было, какъ бывало, какъ издревле бѣлой свѣтъ: Оученыхъ много, оумныхъ мало; знакомыхъ тьма, а друга нѣтъ. Правда изгорѣла, Истина охромѣла, Правосудіе въ бѣгахъ, Добродѣтель ходитъ по міру, Вѣра осталась въ Іерусалимѣ, Любовь больна въ простудѣ, Честность вышла въ отставку, Вѣрность оу аптекаря на вѣсахъ, Законъ оу сенатора на пуговицахъ, Терпѣніе скоро лопнетъ. Аминь.

Сообщ. *П. А. Шилковъ*.

Прим. ред. Эта полународная сатира очевидно прошла черезъ руки старообрядцевъ, какъ это можно заключить особенно изъ тѣхъ выраженій, которыя направлены противъ употребленія табаку—нюханія и куренія, противъ бритья бороды; нападки на духовенство, можетъ быть, указываютъ на раскольничью среду. Упоминаніе самихъ «раскольниковъ» въ числѣ грѣшниковъ можно считать вставкой, такъ какъ сатира несомнѣнно потерпѣла много передѣлокъ, и вообще настоящій текстъ ея довольно неисправенъ. Отдѣльныя мѣста, особенно въ концѣ, почти цѣликомъ взяты изъ искусственныхъ литературныхъ произведеній или изъ лубочныхъ изданій. Въ «Библіографическихъ запискахъ» 1858 г. (т. I, № 6, стр. 53—55) покойный А. Аѳанасьевъ посвятилъ замѣтку этому произведенію на основаніи двухъ имѣвшихся у него подъ руками текстовъ московскаго и бѣлорусскаго (послѣдній оказался лучшимъ), но самые тексты имъ не приведены цѣликомъ, а только въ выдержкахъ.

Двоевѣрческій образъ.

На одномъ изъ московскихъ рынковъ былъ пріобрѣтенъ оригинальный образъ, любопытный въ томъ отношеніи, что онъ представляетъ наглядное выраженіе религіозныхъ вѣрованій смастерившаго его москвича. Икона эта вмѣстѣ съ помѣщенными на ней молитвами, очевидно, есть произведеніе упоминаемаго въ молитвѣ раба Григорія и такимъ образомъ она отражаетъ въ себѣ не ходячій безличный шаблонъ иконописныхъ мастеровъ, а индивидуальность своего творца.

Икона представляетъ доску, длиной около 28 сантим., шириной около 19 сант. Края доски выкрашены красной краской. На лицевой сторонѣ наклеенъ листъ бумаги, окрашенный желтоватой краской и обведенный кругомъ краснымъ бордюромъ, а въ верхней половинѣ покрытый золотымъ фономъ. На золотомъ фонѣ наклеено хромолитографированное изображеніе крещенія І. Христа. Нижнюю половину занимаетъ прибитая гвоздями мѣдная пластинка съ рельефнымъ довольно отчетливымъ и изящнымъ изображеніемъ Георгія Побѣдоносца, поражающаго дракона, а впереди коня виднѣется еще очень неясное изображеніе, повидимому, женской фигуры, которая, очевидно, была сглажена, а вмѣсто нея прибита грубо сдѣланная изъ мѣдной пластинки фигура ангела съ розой въ лѣвой рукѣ (арх. Гавріила?); надъ головой коня прибито такое же изображеніе херувима, только нѣсколько лучшей работы; задняя сторона образа также заклеена бумагой, обведенной двумя черными линіями въ видѣ рамки. Въ верхней трети наклеена хромолитографированная глава Іоанна Крестителя на блюдѣ, по краю котораго сдѣлана надпись: глава ст҃аго пророка предтечи и крестителя господня іоанна, кодоносиля. Надъ главой, по верхнему краю иконы надпись красными чернилами: Млтва ст҃ымъ іоаннѹ кр҃ли и георгію побе. Затѣмъ слѣдуютъ и самыя молитвы, занимающія всю эту сторону образа и раздѣленныя продольной чертой. Молитвы написаны славянскими буквами и, очевидно, съ желаніемъ выражаться по церковному. Я привожу ихъ обыкновеннымъ шрифтомъ, сохраняя лишь правописаніе подлинника. Вотъ эти молитвы:

1) «О вѣликій святый пророче и предтече Христовъ Іоанне крестителю Господне, ты бо проповѣдавъ впустынѣ царствіе божіе и спасеніе всѣму миру и крестивъ Христа и Господа во Іорданѣ, пріявлениі съ небесъ и найтіи св. Духа въ видѣ голубя и гласъ бысть отъ Отца съ небесъ: ты еси сынъ мой возлюбленный, о тебѣ же благоволихъ и

Digitized by Google

вся дахъ ти, и ты же Іоанне крестителю Господнѣ во всѣмъ власть и силу имуще, и вся исполняюще, подающе и творяще и отъ Ірода чрезъ Іродіаду главы усѣченъ бысть и сохраненъ, и на небеса яко младенецъ отрокъ и дѣвственникъ невиненъ и непороченъ преселися, и со св. Троицой Отцемъ и Сыномъ и со св. Духомъ, и спресвятой Богородицой соединился, вкупе всѣда пребываеши, и вся просящимъ и желающимъ подаеши и во всѣмъ помогаеши и поспѣшаеши; и глава твоя крестителю Іоанне пречестная и всѣцелебная въ водоносѣ у волхва и врача вдоме хранящеся тайно: тоею во всѣмъ ему помогаше успешно и вся творяше и чудодѣйствующе, и народъ многъ привлече и прилучаше и всѣ болезни врачеваше и дѣяніи хитростно успешно творяше, во всѣмъ помогаше и велми обогативъ его, такождѣ вся буди и мнѣ рабу твоему *Григорію* имеющему и чтущему тя, молю и прошу тя, св. Іоанне пророче предточе и крестителю Господнѣ, пошли и *даждь мнѣ даръ чудесъ и цѣлбы* (?) и благодать свыше, и всѣгда виздѣ вовсѣмъ помоги, пособи и поспѣши мнѣ, и вся исполни, сотвори, пошли и подаждь мнѣ вскорѣ, и обохати мя поправъ и отъ всѣго злаго и опаснаго, худаго и недобраго, противнаго, непріятнаго и нежелаемаго, бѣды и напасти, неуспеха, нужды и недостатка, врага и сапостата избави, заступи, спаси, сохрани и помилуй мя раба твоего Григорія, ради пречестныя и чудодѣйствующія главы твоея, и благословеніемъ всѣмогущаго крѣста твоего и всѣсвятаго имени, Іоанне пророче и крестителю Господнѣ, всѣгда и нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ аминь».

2) «О великій святый страстотрепче и великомучениче Георгіе побѣдоносцѣ, ты бо еси претерпелъ Христа ради врымѣ отъ деоклетіана мучителя великія многія страданія терпеливо, и мечемъ главы усѣченъ бысть, и по скончаніи преселися на небеса, со св. Троицуй и пресв. Богородицуй сообщися и слики святыхъ всвѣтлыхъ селеніяхъ водворяяся и здѣ на земли всѣгда пребываеши виздѣ сый, и ради тѣхъ вѣликихъ страданій и проповѣданіи Христовой вѣры пріявъ отъ Господа Бога даръ вѣликихъ чудѣсъ, всѣмъ вся и во всѣмъ творити, исполняти и подавати скоро, и страшнаго чудовища змія поразивъ, темъ спасъ цареву дщеръ отъ снеденія, и всѣхъ града жителей отъ бѣды избавивъ, и *ты же еси Георгіе Побѣдоносце, имя и изображеніе твое на конѣ скопіемъ седяще, являешися намъ героемъ полубогомъ, начинатилемъ, воздѣлыватилемъ, основатилемъ и производитилемъ всѣя руской земли и ея физической культуры, земскаго устроенія и всего рускаго царства, и насиленія его и славянскаго племени основаніе, утвержденіе и помощникъ всѣмъ крестьянамъ, простымъ и мудрымъ людямъ, врачамъ и промышленнымъ, и всѣхъ пребывшихъ идѣ основателно поселитися жити и чемъ заниматися успешно и постоянно, и ты же еси Георгіе победоносце, помощникъ, поспешникъ и вся податель всѣмъ живущимъ и чемъ занимающимся вмосквѣ и виздѣ всея Россій,* и ты же ли пособщикъ въ борбѣ со врагами и сопостатами, отъ нападенія и обидовъ всѣхъ спаситель, хранитель и збиригатель домовъ, человекъ и имѣнія отъ пожара, воровства, нужды и разоренія, и отъ всѣхъ бедъ, золъ, напастей и недостатковъ, и вся во всѣмъ податель, помощникъ и поспешникъ, и я рабъ твой *Григорій* прибегаю ктибе Георгіе великій чудотворце, молю и прошу тя ради имени и образа твоего чудодѣйствующаго, вся исполни, сотвори и подажъ и во всѣмъ помоги и поспеши мнѣ, *осуй и утверди мя вскоре*, и отъ всего злаго и опаснаго, худаго, недобраго, противнаго, непріятнаго и нежелаемаго избави, заступи, спаси, сохрани и збереги мя, всѣгда инынѣ иприсно и во вѣки вѣковъ аминь».

Сообщ. Д-ръ *С. П. Буренинъ.*

Изъ недавняго прошлаго.

(По поводу одной картины).

Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ мнѣ приходилось въ нѣкоторыхъ домахъ сельскихъ священниковъ Подольской губерніи видѣть картину, писанную сепіей или масляными красками, — точно не скажу,—слѣдующаго содержанія: на пустынномъ, выжженномъ солнцемъ полѣ, за плугомъ стоитъ «плугатарь» (пахарь), опершись на «чистыкъ» (желѣзную лопаточку, которою очищаютъ прилипшую къ плугу, въ особенности къ «дильныци», землю). Часть нивы вспахана, а другая, бо́льшая, остается еще не вспаханной. Судя по изможденному лицу «плугатаря» и захудалымъ воламъ, не сладка жизнь и

хозяина и скотины. Маленькій «погонычъ» (погонщикъ воловъ), босой, оборванный мальчикъ, гармонируетъ съ остальною обстановкою. Такая картина, между прочимъ, была и у моего дѣда, свящ. с. Огіевки, Гайсинскаго уѣзда, о. Іосифа Вержбицкаго. Подъ картиной находились слѣдующіе стихи:

Ой, доле, доле ты моя!
Колы диждуся щастя я?
Колы на симъ крывавимъ поли
Зобачусь я въ щаслывій доли?..
Уже'мъ зчорнивъ, якъ головня,
Видъ паньскои биды що-дня....
Таку, якъ панъ мій, маю душу,
А вразъ зъ воломъ тягнуты мушу,
Та ще й билше, якъ той вилъ,
Бо хочъ въ ночи спокійный винъ,
А я весь день за плугомъ хожу,
Ничъ прыйде — иду на сторожу.
Оттакъ и лито все мынае....
Хлибъ у пана е — у Грыцька немае;
По тры дни хлиба я не бачу,
Не разъ зъ Марыною заплачу,
Що у пана хлибъ и собака мае,
А у мене — дитямъ не стае.....

Стихи эти во многихъ мѣстахъ Подольской губерніи (напр. въ Гайсинскомъ, Ямпольскомъ, Ольгопольскомъ уѣздахъ) сдѣлались народною пѣснею. Самую картину, къ сожалѣнію, истребилъ пожаръ, бывшій въ домѣ дѣда.

Т. I. Вержбицкій.

Къ дуалистическимъ сказаніямъ.

Въ дополненіе къ дуалистическимъ повѣріямъ о міроздаміи, разсмотрѣннымъ акад. А. Н. Веселовскимъ въ его «Разысканіяхъ въ области рус. духов. стиха» и въ V кн. «Этногр. Обозр.», а также и сообщеннымъ въ VII и VIII кн. нашего изданія, присоединяемъ здѣсь еще нѣкоторыя такого-же рода сказанія.

1) *Дьяволъ—творецъ солнца и луны.*

«Зачалъ Господь Богъ творить землю, и все шло хорошо: и землица была, и водица, и всякая благодать. Сидитъ Богъ и любуется на Свое столотвореніе (sic), и такъ-то Ему стало радостно да весело, да на душѣ легко; а супротивникъ-то Его, сатана неимущая, въ корчахъ корчится, отъ злости, стало быть, что Богъ столотвореніе творитъ. Корчился это дьяволъ-сатана, корчился, сѣлъ и призадумался. А въ думѣ его было, какъ-бы Божіе созданіе сокрушить. Одинъ день онъ сидитъ-думаетъ и другой день сидитъ-думаетъ, третій день пришелъ—тоже сидитъ-думаетъ. А одумался онъ ужо на четвертый день, да какъ одумался, вскочилъ да и убѣгъ ни вѣсть куда. А Господу Богу въ ту пору захотѣлося отдохнуть отъ трудовъ своихъ, и почилъ Онъ крѣпкимъ сномъ и спалъ три дня, три ночи, ровно трое суточекъ. Проснулся, глядь— а на небѣ-то красный кружокъ, да такъ-ли важно свѣтитъ да грѣетъ. «Э, да чортъ-то не дуракъ», говоритъ, «важную это онъ штуку устроилъ, это самое солнышко» [1]. И зачала съ той поры трава рости, да деревья, да кустарники, да всякіе гады и твари, чистые и нечистые, видимые и невидимые. Еще пуще осерчала сатана безкорыстная (sic). Думалъ онъ, значитъ, солнцемъ-то землю сжечь, а на мѣсто того—на вотъ-те, Богу-же подсобилъ. «Постой-же», «говоритъ, я устрою Тебѣ (про Бога-то это) вантилонское (sic) столотвореніе, будешь помнить, какъ и меня зовутъ», и убѣгъ опять ни вѣсть куда. А Господь Богъ въ тѣ поры опять почилъ крѣпкимъ сномъ, и спалъ три дня, три ночи, ровно трое суточекъ, а проснулся ужо на четвертый день. «И что это,— думаетъ,—жара такая?» Глядь,—а супротивникъ-то Его насупротивъ перваго-то солнышка другое произвелъ и давай землю съ двухъ сторонъ поджаривать. Видитъ Богъ,— дѣло плохо. Трава вся повыгорѣла, да и вода усыхать зачала. И зачалъ Онъ это другое-то солнце водой заливать: лилъ, лилъ и залилъ подъ конецъ. А хоть и залилъ Онъ его, а оно опять скоро разгорѣлося, и снова Богъ затушилъ его. И съ той поры кажинный мѣсяцъ Богъ обливаетъ водой это солнце,—луну, значитъ,—чтобы не разгорѣлась она и не спалила-бы нашу землю вселенскую. А все вѣдь это,—прибавилъ разсказчикъ,—Богъ о насъ грѣшныхъ заботится. Есть еще, значитъ, на нашей землѣ

---

[1]) Срв. пословицу: «чѣмъ чортъ не шутитъ, когда Богъ спитъ» съ собр. *М. Дикарева* («Воронежскій этногр. сборникъ». 1891 г. № 6728). *Ред.*

Digitized by Google

много праведниковъ, молитвенниковъ за многогрѣшныя души. А не будетъ ихъ, тогда и міру конецъ. Отступится Богъ отъ своего творенія и дастъ волю сатанѣ-антихристу. И снова разгорится луна, и обратится земля въ пещь огненную, и зачнетъ дьяволъ мучить грѣшниковъ мукой мученическою». (Записано лѣтомъ 1890 г. въ Смоленской губ. въ д., Крючковой, Петропавловск. вол., Гжатск. уѣзда).

2) *Разноцвѣтные камни.*

Въ Минусинскомъ окр. (Енисейской губ.), въ утесахъ при рр. Нинѣ и Базѣ есть обширныя пещеры, по дну которыхъ раскидано множество разноцвѣтныхъ камешковъ. Это когда-то былъ скотъ: лошади, коровы и овцы, загнанныя туда шайтанами (злыми духами) и обратившіяся, по волѣ ихъ, въ камешки. Это преданіе сообщено въ «Енисейск. Епархіальн. Вѣдомостяхъ», 1888 г. № 11.

Ал. Ивановскій.

3) *Чортъ—изобрѣтатель машинъ.*

а) Много лѣтъ назадъ жилъ подъ Москвой одинъ святой. Долго думалъ сатана, какъ бы его соблазнить: и золота давалъ ему, и царскія кушанья носилъ,—ничего! Вотъ однажды, когда святой стоялъ на молитвѣ, чортъ является и начинаетъ вертѣться вокругъ него. Вертѣлся, вертѣлся и подвернулся подъ руку, когда святой подносилъ ее ко лбу. Онъ и перекрестилъ сатану. Сатана испугался, присмирѣлъ: онъ долженъ былъ, по своему закону, три года прослужить святому. Святой отдалъ его купцу въ Москву. Купецъ заставлялъ его и въ лавкѣ сидѣть, и на дому работать, и никакъ нельзя ему было купца обмануть, чтобъ опять въ адъ убѣжать. Приказалъ разъ купецъ въ одну ночь триста пудъ нитокъ смотать. Чортъ сдѣлалъ машину, шестерню, зубцы, все, какъ слѣдуетъ, приладилъ и заставилъ ее работать. На другой день купецъ похвалилъ его за исправность, а чортъ обрадовался, что купецъ обманулся, и махнулъ въ адъ. Съ тѣхъ поръ и пошли машины. И понынѣ говорятъ „чортова машина“. (Записано въ Московской губ.).

б) Пришелъ чортъ къ людямъ и говоритъ: „что намъ вѣкъ драться? Сдѣлаемъ такъ: сто лѣтъ вы на мнѣ ѣздить будете, а сто—я на васъ. Ладно?“ — Ладно. Люди однако перехитрили чорта: ему на нихъ никогда не ѣздить, потому что у нихъ крестъ есть, а чортъ будетъ возить людей на машинѣ до скончанія свѣта.

(Записано въ Пинскомъ у., Минской губ.).

Е. Ляцкій.

Къ статьѣ „Восточныя параллели къ русскимъ сказкамъ“, *Г. Н. Потанина* [1]).

Въ первой части статьи г. Потанинъ сравниваетъ монгольскій, тангутскій, урянхайскій варіанты сказки о рожденіи чуднаго сына и его подмѣнѣ съ русскими варіантами (однимъ собственно русскимъ и двумя бѣлорусскими). Приводимъ записанный нами украинскій образецъ, который, какъ намъ кажется, ставитъ внѣ сомнѣнія фактъ восточно-азіатскаго происхожденія сказки, циркулирующей въ массѣ всѣхъ трехъ племенныхъ вѣтвей русскаго народа.

Був соби чоловикъ и було у него тры дочкы; винъ завизъ ихъ у поле пидъ дубъ; воны сыдять тай радуются. Старша каже: „якъ бы мене хто узявъ, то ябъ ему прывела два сыны, якъ соколы—сонце на лоби, а мисяць на потылыци“; а друга каже: „якъ бы мене хто узявъ, то я бъ ему увесь двиръ нытками обснувала“; а третя каже: „якъ бы мене хто узявъ, ябъ ему зробыла пыръ на увесь мыръ“.

Ихавъ царь зъ войны, почувъ ихни розговоры; одну узявъ за жынку—ту що казала прыведе два сыны якъ соколы, а другу узявъ за горнышну—ту, що нытками двиръ оснувалабъ; третю узявъ за кухарку.

Поихавъ царь на войну, а царыца прывела сына—сонце на лоби, а мисяць на по-

1) Этногр. Обозр., кн. VIII.

Digitized by Google

тылыци; горнышній не понравылось що дытя таке породыла, таке хороше, и пишла украла того сына, и зламала, и сховала, а кошеня положыла на ёго мисто.

Прыиздыть царь: „де той сынъ, що сонце на лоби, а на потылыци мисяць?". Подывывся, ажъ нема дытяты, а кошеня лежыть на кровати.—„На що мени така жынка, щобъ коты водыла? Ну, нехай на другый разъ, побачу якого другаго сына якъ сокола прыведе". Взявъ и поихавъ опять на войну; прывела сына другого, якъ сокола—сонце на лоби, мисяць на потылыци; та горнышна посмотрыла—завысть узяла, що таке хороше дытя; зломала, закопала у землю, а на его мисто положыла цуценя.

Прыиздыть царь у другый разъ и пытае, де сынъ той якъ соколъ; подывывся, ажъ тамъ собака лежыть. „Зачымъ мени така жынка, що собачата та кошенята воде?" Узявъ уже горнышну за жынку. Идуть воны соби у проходку, а тамъ *выросло два явора, де ти сыны закопаны*[1]), одынъ до одного говоре: „якъ тоби здаеться, якъ коло тебе маты проходе?"—„Якъ маты иде, то якъ перинка пролетыть, а якъ титка иде, то якъ каминь на серци!". Вона учула тай говоре: „зрубай ци яворы, та зробы два кресла".

Зробылы два кресла, посидалы царь и царыця; кресло до кресла говоре: „якъ тоби здаеться, якъ на тоби маты сяде?"—„Якъ маты сяде, то якъ периночка, а якъ титка сяде, то якъ каминь на серци". Вона почула, якъ воны говорылы, тай каже: „спалыть ци кресла!" Спалылы, вынеслы попилъ на двиръ, а *зъ того попилу зробылысь два мальчыка*[2]) и пишлы соби до портного, нанялысь учыться; пославъ царь, щобъ зробылы два костюма; воны зробылы и прынеслы царю и царыци. Царь говоре: „мени сонъ снывся, що у мене було два сыны, якъ соколы—сонце на лоби, а мисяць на потылыци"; а сыны и кажуть: „заспивать вамъ писеньку? Породыла насъ маты, титка зламала и закопала, а зъ тихъ кисточокъ зробылось два явора; титка звелила зрубать и зробыть кресла; потимъ велила кресла попалыть и вынесты попилъ, а зъ того попилу зробылось два сына".

Узнавъ царь, поцилувавъ ихъ; тоди винъ узявъ ту прежню за жинку, а тий голову съ плечъ. (Записано въ 1889 г. въ с. Лебедянѣ, Чигиринскаго у. Кіевской губ. отъ Хиври Юхименковой).

М. К. Васильевъ.

Къ малорусскимъ легендамъ объ Ильѣ Муромцѣ [3]).

Въ моихъ «Мелкихъ этнологическихъ замѣткахъ» было отмѣчено любопытное смѣшеніе въ малорусской легендѣ личностей Ильи Муромца и Ильи Пророка, которое, быть можетъ, дало возможность выдѣлить въ сказаніяхъ о Муромцѣ рядъ чертъ, перенесенныхъ съ Ильи Пророка вслѣдствіе совпаденія именъ: подобнаго рода контаминація, по нашему мнѣнію, сыграла видную роль въ исторіи русскаго былеваго эпоса. Указанный мной матеріалъ былъ пополненъ А. Н. Веселовскимъ въ его «Мелкихъ замѣткахъ къ былинамъ». Недавно напечатано еще два варіанта—великорусскій и бѣлорусскій, которые позволяютъ думать, что такое смѣшеніе—явленіе очень распространенное по всей Россіи.

П. Астровъ (см. Сборникъ Свѣдѣній для изученія быта крест. насел. Россіи, вып. II, стр. 168, прим. 2) записалъ въ Тамбовской губ. слѣдующій разсказъ, въ которомъ Илья богатырь и пророкъ объединены именемъ Ильи *Великаго*. По приказанію Бога Михаилъ Архангелъ и Илья Великій ведутъ борьбу съ чертями, но справляются съ ними только тогда, когда Богъ даетъ имъ Свой жезлъ. Илья Великій былъ прежде человѣкомъ. У него отсохли руки и ноги; въ отсутствіе родителей онъ почувствовалъ въ себѣ силу, благодаря выпитой по приказанію явившихся ангеловъ чашкѣ вина; онъ всталъ на ноги, затѣмъ отправляется искать поединщиковъ, наталкивается на Соловья

---

[1]) То же въ монгольскомъ и тангутскомъ варіантахъ—„Вост. параллели", стр. 143. 145 и 162.

[2]) Ср. тангутскій варіантъ—изъ костей является дитя лама. Какъ въ тангутскомъ дитя лама является обличителемъ мачехи, такъ и въ украинскомъ ту-же роль сыграли явившіеся мальчики.

[3]) Этногр. Обозр. III, 205.

Digitized by Google

и убиваетъ его. Дѣти убитаго хотѣли раздавить Илью въ воротахъ, но Богъ его спасъ и взялъ на небо.

Г. Романовъ (Бѣлорусскій Сборникъ, вып. IV, Витебскъ, 1891, стр. 17) приводитъ сходный отчасти разсказъ: «Илья етая колись стольки то (сколько-то) лѣтъ сядѣвъ у сѣдняхъ... Богъ давъ, яму сцалѣньня». Онъ несетъ родителямъ обѣдъ, которые «пошли у лядо копать». Они сѣли обѣдать, а Илья «якъ ставъ корни вырывать, якъ ставъ— дакъ вырвя и киня, вырвя и киня, вырвя и киня. Дакъ, кажуть, у *Полтавской* губерни дакъ ровъ ѳ такій, што ёнъ узрывавъ. Дакъ ёнъ, значитца, ставъ узнавать, коли хто помре, коли што будя (пророкъ). Дакъ Богъ яго и узявъ на небо съ тѣлясами». Особенно любопытно въ этомъ разсказѣ пріуроченіе Ильи къ Малороссіи (можетъ быть, указаніе на то, что бѣлоруссы заимствовали его отъ малороссовъ).

Обращаемъ вниманіе этнографовъ-собирателей на такіе разсказы: въ высшей степени было бы желательно, чтобы они были записаны ими въ возможно большемъ количествѣ пунктовъ Россіи, потому что они имѣютъ большое значеніе для выясненія темнаго пока генезиса былинъ объ Ильѣ Муромцѣ.

Вл. Каллашъ.

Извѣстія и Замѣтки.

Московское Император. Общество Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи снарядило прошедшимъ лѣтомъ нѣсколько научныхъ экскурсій, въ которыхъ отъ Этнографическаго Отдѣла принимали участіе московскіе члены-этнографы: Н. И. Ашмаринъ, В. В. Богдановъ, А. А. Ивановскій, Г. И. Куликовскій, Е. А. Ляцкій, А. Д. Солодовниковъ, Н. В. Тесленко, А. Ф. Филипповъ, Е. О. Шарко, Н. А. Янчукъ; кромѣ того нѣкоторые иногородные члены продолжали свои этнографическія изслѣдованія по мѣсту своего жительства въ провинціи, каковы: Н. А. Иваницкій, В. П. Тихоновъ, Н. Н. Юркинъ. Изслѣдованія коснулись слѣд. мѣстностей: сѣверныхъ губерній (Иваницкій, Куликовскій, Тихоновъ), центр. Россіи (Шарко), Поволжья (Ашмаринъ, Юркинъ), Кавказа (Солодовниковъ въ сопутствіи А. А. Абрикосова), Бѣлоруссіи (Богдановъ, Ляцкій, Тесленко, Филипповъ), Привислянскаго края (Янчукъ).

Н. И. Ашмаринъ одновременно съ Н. Н. Юркинымъ занимались во время лѣтнихъ мѣсяцевъ изученіемъ чувашъ въ Симбирской и Казанской губ. Ими собранъ значительный матеріалъ по народному творчеству, особенно г. Юркинымъ; также изучались религіозныя вѣрованія и обряды. Главнѣйшею цѣлью г. Ашмарина было изученіе чувашскаго языка.

В. В. Богдановъ, предпринявъ экскурсію въ Смоленскую губ., находился въ командировкѣ съ 8 іюня по 26 августа и въ это время посѣтилъ болѣе 40 селеній, преимущественно Бѣльскаго и Духовщинскаго уѣздовъ, совершивъ путь слишкомъ въ 1000 вер. Главною цѣлью было собираніе памятниковъ народнаго творчества мѣстныхъ бѣлоруссовъ съ возможно болѣе точными записями ихъ съ фонетической стороны. Имъ записано лично со словъ пѣвцовъ и разсказчиковъ, болѣе 1200 пѣсенъ, 135 сказокъ, легендъ и басенъ, около 50 заговоровъ, нѣсколько десятковъ пословицъ. Въ собранномъ матеріалѣ есть не мало номеровъ, записанныхъ также отъ пришлыхъ лицъ изъ Калужской и Тверской губ. Подробный маршрутъ г. Богданова будетъ приложенъ къ собранію его матеріаловъ, которое имъ обрабатывается для напечатанія въ «Трудахъ» Отдѣла.

А. А. Ивановскій, командированный обществомъ отъ Географическаго Отдѣленія, ближайшимъ образомъ имѣлъ въ виду собственно орографическія цѣли. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ экскурсіяхъ по Московской и смежнымъ губ., г. Ивановскій, по примѣру прежнихъ лѣтъ, собиралъ при случаѣ также этнографическія свѣдѣнія и матеріалы, которыми намѣренъ дѣлиться съ нами на страницахъ «Этногр. Обозрѣнія».

Digitized by Google

Г. И. Куликовскій посѣтилъ Олонецкую губернію, именно Вытегорскій, Ладейнопольскій уѣзды, и такъ наз. Заонежье; маршрутъ: по р. Свири, затѣмъ верховья р. Ояти, Шимозеро, Куштозеро, Ундозеро и др.; затѣмъ чрезъ г. Петрозаводскъ въ Заонежье и Карелію до Мунозера. Имъ собраны во время этой поѣздки народные тексты (пѣсни, сказки, легенды, загадки и пр.), которые будутъ приготовлены къ печати вмѣстѣ съ матеріаломъ, добытымъ во время прошлыхъ экскурсій. Кромѣ того, собранъ матеріалъ по обычному праву Олонецкихъ крестьянъ, преимущественно о договорахъ; также фотографированы характерные костюмы, постройки, типы и пр. Въ настоящую поѣздку, кромѣ цѣлей этнографическихъ, г. Куликовскій имѣлъ также порученія и отъ Географическаго Отдѣленія Общества. (изслѣд. періодически исчевающихъ озеръ), которыя и исполнилъ по мѣрѣ возможности.

Е. А. Ляцкій провелъ въ командировкѣ время отъ 1-го августа по 21 сентября въ предѣлахъ Виленскаго и Трокскаго уѣзда Виленской г. и въ Минскомъ у. Минской губ. Собиралъ матеріалы, касающіеся главнымъ образомъ народной словесности и демонологіи, именно: сказки, пѣсни, легенды о т. н. замковыхъ горахъ, сказанія демонологическаго характера, заговоры, пословицы и пр.; кромѣ того, обращалъ вниманіе на народную медицину. Числовыя данныя, присоединенныя къ даннымъ прошлаго года, таковы: пѣсенъ 563, сказокъ 31, легендъ и сказаній демон. хар. до 300, заговоровъ 28, пословицъ 2400. Собранный матеріалъ готовится для напечатанія въ XIII т. «Трудовъ» Отдѣла.

А. Д. Солодовниковъ совершилъ поѣздку въ сѣверный Дагестанъ вмѣстѣ съ А. А. Абрикосовымъ. Маршрутъ ихъ былъ таковъ: Темиръ-ханъ-шура, Дженгутай, Урмы, Лаваши (или Лаваши-кунтъ), Ходжалъ-Махи, Салты, Гунибъ, Карадахъ, Хунзахъ, Тлохъ, Ботлихъ и Анди. Такимъ образомъ, они объѣхали 4 округа: Даргинскій, Гунибскій, Аварскій и Андійскій. Изслѣдованія г. Солодовникова исключительно были направлены на обычное уголовное право и отчасти на судоустройство и судопроизводство, изслѣдованія же г. Абрикосова касались имущественнаго права. Кромѣ адатовъ перечисленныхъ округовъ въ Гунибскомъ судебномъ архивѣ имъ случайно удалось напасть на рукописный сборникъ адатовъ Кази-Кумухскаго округа, которымъ они точно также воспользовались *). Кромѣ адатовъ они собрали характерныя судебныя рѣшенія для иллюстраціи собраннаго матеріала по обычному праву.

А. Ф. Филипповъ направился въ Виленскую и Могилевскую губ., гдѣ взялъ на себя втеченіе лѣта изучать народную жизнь съ бытовой и экономической сторонъ и между прочимъ, имѣлъ въ виду прослѣдить связь и взаимодѣйствіе между бѣлорусскими вѣрованіями и поэзіей и еврейскими, на что до сихъ поръ почти не обращалось вниманія изслѣдователями.

Н. В. Тесленко, отправившись въ началѣ іюня въ Виленскую губ., сосредоточилъ свои изслѣдованія въ Вилейскомъ уѣз., занимаясь изученіемъ народнаго обычнаго права бѣлоруссовъ, главнымъ образомъ по вопросу о судоустройствѣ и судопроизводствѣ. Затѣмъ, онъ съ тою уже цѣлью посѣтилъ Слуцкій, Пинскій и Мозырскій уѣзды Минской губ., а съ половины іюля перенесъ свои наблюденія въ Витебскую губ., гдѣ побывалъ въ Дриссенскомъ, Полоцкомъ, Себежскомъ и Невельскомъ уѣзд., оставаясь тамъ до конца сентября; кромѣ того, оттуда сдѣлалъ нѣсколько поѣздокъ въ Великолуцкій уѣздъ, Псковской губ. Результатомъ изслѣдованій являются матеріалы по обычному праву, которые будутъ обработаны втеченіе 1891 92 гг.

Е. О. Шарко, командированный лѣтомъ текущаго года во Владимірскую губ. для изслѣдованій обычнаго права, провелъ въ означенной командировкѣ полтора мѣсяца и, посѣтивъ уѣзды Юрьевскій, Суздальскій, Владимірскій, Ковровскій, Вязниковскій и Гороховецкій, собралъ свѣдѣнія о мѣстныхъ юридическихъ обычаяхъ по слѣдующимъ двумъ отдѣламъ права: 1) о способахъ пріобрѣтенія и укрѣпленія правъ на имущества и 2) о договорахъ и сдѣлкахъ между крестьянами.

Н. А. Янчукъ, во время поѣздки въ Привислянскій край, втеченіе 3-хъ недѣль іюля мѣсяца сдѣлалъ нѣсколько экскурсій по Сѣдлецкой губ., имѣя въ виду главнымъ образомъ тѣ мѣстности, гдѣ соприкасаются народности малорусская и польская. На-

---

*) Кажется, этотъ сборникъ былъ уже въ рукахъ нѣкоторыхъ изслѣдователей Кавказа. *Ред.*

блюдая вообще взаимное вліяніе этихъ народностей, какъ она сказывается въ ихъ бытовой жизни, онъ имѣлъ также спеціальную цѣль—прослѣдить крайніе предѣлы распространенія на западъ малорусской народности въ этой губерніи какъ на основаніи современныхъ признаковъ (языкъ), такъ и по остаткамъ старины. Для характеристики малорусскаго языка имъ собраны въ Соколовскомъ, Константиновскомъ и Бѣльскомъ уѣздахъ названной губерніи образцы въ видѣ текстовъ и отдѣльныхъ фразеологическихъ оборотовъ, причемъ записано также около двухъ десятковъ пѣсенныхъ мотивовъ. Для ознакомленія съ исторической стариной края имъ осмотрѣны во многихъ приходахъ церковные памятники, метрическія и другія церковныя записи, собраны свѣдѣнія о городищахъ, курганахъ и т. п., а также сдѣланы двѣ небольшія раскопки старинныхъ кладбищъ въ Константиновскомъ и Соколовскомъ уѣздахъ.

По Антропологическому Отдѣлу Общество лѣтомъ текущаго года также командировало нѣкоторыхъ своихъ членовъ въ разныя мѣста Россіи. О ихъ занятіяхъ подробнѣе сообщимъ впослѣдствіи.

О командировкахъ отъ Географическаго Отдѣленія упомянуто выше (поѣздки гг. Ивановскаго и Куликовскаго). Слѣдуетъ прибавить къ этому, что предсѣдатель Географическаго Отдѣленія, президентъ Общества проф. Д. Н. Анучинъ истекшимъ лѣтомъ былъ на географическомъ съѣздѣ въ Бернѣ. Члены Отдѣленія К. А. Борисовъ и Н. Г. Тарасовъ были командированы въ Сирію Палестину и Египетъ, а А. В. Павловъ—на Кавказъ для изуч. ледниковъ и рельефа долинъ.

По поводу устраиваемыхъ въ іюлѣ—августѣ 1892 г. въ Москвѣ международныхъ конгрессовъ (доисторич. археологіи, антропологіи и зоологическаго) въ организаціонный комитетъ при Имп. Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи на имя предсѣдателя его, проф. А. П. Богданова, получено уже нѣсколько сотъ заявленій какъ отъ русскихъ, такъ и отъ иностранныхъ ученыхъ лицъ и учрежденій съ выраженіемъ сочувствія и готовности принять участіе въ конгрессахъ постановкою и обработкою научныхъ вопросовъ и присылкою коллекцій для имѣющей быть при конгрессахъ выставки. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Комитета было рѣшено устроить при конгрессахъ также географическую выставку (первую въ Россіи) подъ руководствомъ предсѣдателя Географическаго Отдѣленія и президента Общества Любителей Естествознанія, ординарнаго профессора Д. Н. Анучина.

Отъ Имп. Рус. Географическаго Общества въ 1890 году награждены по отдѣленію этнографіи: большою золотою медалью—П. А. Ровинскій за его сочиненіе «Черногорія въ ея прошломъ и настоящемъ. Географія, исторія, этнографія, археологія, современное положеніе»; малой золотой медалью—В. Л. Приклонскій за статью: «Три года въ Якутской обл.» (напеч. въ Жив. Стар.); Константиновскою медалью—проф. Харьк. унив. Ал Аѳ. Потебня за его этнографическія и лингвистическія изслѣдованія, относящіяся до великоруссовъ, малоросовъ и зарубежныхъ славянъ; серебряными медалями за присылку научныхъ матеріаловъ: В. Тороповъ (Матер. по антропол. и этнографіи Киргизъ. Обычаи и обычн. право Киргизъ), М. Н. Хангаловъ (за изслѣдованія бурятъ), П. В. Ивановъ (Знахарство, шептанье и заговоры въ Старобѣльск. и Купянск. уу. Харьк. г.), свящ. А. Розановъ (Простонар. медицина въ Сарат. у.), П. А. Шилковъ (за матер. по Екатеринбургск. у.), В. Н. Добровольскій (за коллекцію куколъ и модели костюмовъ Орловск. г.), И. Спудулисъ (Куртовянскій говоръ), П. Бендоровичъ (матер. по Кальварійск. у. Сувалкск. г.), И. Бѣлецкій (Собр. нар. пѣсенъ изъ Буковины), М. А. Врабель (Нар. пѣсни въ діалектахъ средне-землинскомъ, выше-унгварск. и бачскомъ), свящ. Уріилъ (Угорская свадьба).

При Имп. Академіи Наукъ въ будущемъ году предстоитъ конкурсъ на премію Котляревскаго за ученыя изслѣдованія по славянской археологіи и филологіи. Срокъ конкурса на премію Костомарова за лучшій малороссійскій словарь истекаетъ 1 дек. 1891 г.

С.-Петербургскій комитетъ грамотности устроилъ въ Петербургѣ выставку народныхъ картинъ. Выставка открылась для публики 1 октября, и къ тому времени было выставлено болѣе 5,000 картинъ, въ числѣ которыхъ важнѣйшее мѣсто занимаютъ произведенія московскихъ издателей.

Digitized by Google

Въ концѣ этого года предполагается устроить въ Петербургѣ выставку географическихъ картъ и другихъ пособій. Проектъ устройства выставки имѣетъ выработать И. Р. Географическое Общество.

Губернскій музей въ Тобольскѣ принятъ подъ покровительство Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича.

Въ Ригѣ открытъ публичный музей, имѣющій цѣлью представить наглядно исторію края.

При Кіевскомъ Обществѣ естествоиспытателей учреждается мѣстный музей, въ которомъ, между прочимъ, будутъ отдѣлы археологіи, антропологіи съ этнографіей, сельскаго хозяйства и кустарныхъ промысловъ.

Въ Смоленскѣ проектируется учрежденіе ученаго общества археологіи, исторіи и этнографіи съ антропологіей на подобіе университетскихъ обществъ. Проектъ устава общества уже вырабатывается мѣстными любителями.

Въ будущемъ году будетъ праздноваться 900-лѣтіе утвержденія православія на Волыни. Преосв. Модестъ, епископъ Житомірскій, предложилъ преподавателямъ мѣстной семинаріи приготовить къ тому времени нѣсколько изданій для раздачи народу: 1) очеркъ судьбы православія и русской народности на Волыни; 2) біографическіе очерки первыхъ двухъ волынскихъ епископовъ; 3) исторію мѣстныхъ братствъ и братскихъ школъ.

Въ 1893 г. предстоитъ юбилей 100-лѣтія присоединенія Волыни къ Россіи. Ко дню юбилея А. І. Лященко готовитъ спеціальное изданіе подъ назв. «Volyniana»—указатель всѣхъ книгъ и статей о Волынской губ., а также изданій когда-либо напечатанныхъ въ ея предѣлахъ.

Учрежденное три года тому назадъ въ Лондонѣ ученое общество для изученія этнографіи цыганъ командировало въ нынѣшнемъ году нѣсколько своихъ членовъ въ Россію съ цѣлью собиранія матеріаловъ, касающихся исторіи цыганъ, ихъ преданій, обычаевъ и пр.

Имѣвшая быть будущимъ лѣтомъ въ Парижѣ этнографическая выставка живыхъ представителей племенъ и народовъ земного шара, какъ передаютъ, не состоится.

Вышла 1-я кн. новаго чешскаго антрополого-этнографическаго журнала «Чешскій Народъ» (Cesky lid), издаваемаго книжками разъ въ два мѣсяца подъ ред. Любора Нидерле и Ченька Зиберта, въ Прагѣ.

Вышелъ III томъ «Исторіи русской этнографіи», А. Н. Пыпина, посвященный этнографіи малорусской.

† Г. О. Дютшъ, молодой талантливый музыкантъ, воспитанникъ с.-петербургской консерваторіи, предпринимавшій по порученію И. Р. Географическаго Общества путешествіе на сѣверъ вмѣстѣ съ г. Истоминымъ для собиранія народныхъ пѣсенъ, скончался въ Петербургѣ 16 сент. на 33-мъ году жизни, оставивъ недоконченною обработку собраннаго пѣсеннаго музыкальнаго матеріала. Пожелаемъ, чтобы этотъ матеріалъ попалъ въ надежныя руки!

Digitized by Google

ПОПРАВКИ.

Стрн.	Стрк.	Напеч.	Чит.
1	1 снизу.	Мосхи, Геродота	Мосхи Геродота
2	12 сверху.	Мухетоса	Мцхетоса
—	13 „	*Мух*	*Мцх*
5	17 сн.	Киде	Клде
10	18 и 21 св.	Ропапи	Рокапи.
13	5 св.	*кари*	*к'ари*
—	8 »	чакраве	чакра.
15	6 сн. и дал.	Дедо-Рукапи	Деда-Рокапи
19	8 »	гасажели	гасахснели
22	14 св.	введенія	введенія въ домъ
24	4 сн. въ концѣ строки прибавить: Тифлисъ, 1890.		
28	1 сн. прибав: «Чт. Общ. ист. и древн. Росс.» 1889, кн. II.		
30	4 св.	гамотсмева	гаммортсмева
—	18 »	чибухе	чибухс
—	22 »	«или»	«ш»
32	10 »	Автандилѣ	Автандилѣ
—	14 сн.	касается	касалась
33	19 св.	Армахи	Армази
—	1 сн.	Конадзе	Копадзе
35	2 »	*Бурнковъ*	*Бутковъ*
38	11 »	ѣшъ	ѣмъ
39	22 св.	гіанури	чіанури

Редакція покорнѣйше проситъ гг. авторовъ присылаемыхъ статей и замѣтокъ писать отчетливо не-русскія слова и имена собственныя.

Digitized by Google

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ УКАЗАТЕЛЬ

книгъ и статей о чукчахъ.

Составилъ А. А. Ивановскій.

а) На иностранныхъ языкахъ.

An account of a geographical and astronomical expedition to the northern parts of Russia, performed by Commodore Joseph Billings in the years 1785—1794. The whole narrated by Martin Sauer, Secretary to the expedition. London. 1802.

Back, George. Narrative of the Arctic Land expedition to the mouth of the Great Fish—River, 1833—35.

Balbi. Atlas ethnographique du globe etc. Paris. 1826.

Bär und Helmersen. Beiträge zur Kenntn. des russ. Reiches, Bd. 1, 1839, S. 59.

Bogorodskji. Standkoräken. „Erman's Archiv", 1854, 14. S. 343 f., cf. eb. S. 202.

Brougton, A Voyage of discovery to the north Pacific Ocean in the years 1795—98. London, 1804 in 4°. То-же на франц. яз.:

Broughton. Voyage des découvertes dans la partie septentrionale de l'Ocean Pacifique etc. Paris. 1807. 2 vol. in 4°.

Bush. Reindeer, dogs and snow-shoes, Siberian travels and explorations. N.-York, 1871.

Cook and Kinge Voyage to the Pacific Ocean etc., in 1776—1780. 3 vol. in 4°.

Dall, W. H. Tribes of the Extreme Northwest. „Contributions to North American Ethnology". Washington, 1877, in 4°, vol. I, p. 65.

Deniker, M. J. Essai d'une classification des races humaines posée uniquement sur les caractères physiques. Paris. 1889.

Die Tschuktschen. „Erman's Archiv für wissenschaftliche Kunde von Russland", 1843, III, стр. 446, XIV, 202.

Digitized by Google

Erman. Reise um die Erde in den Jahren 1828—1830. Berlin. 1833. 3 vol. in 8⁰. О чукчахъ см. 3-ій томъ.

Eyriês, I. B. Voyage pittoresque en Asie et en Afrique. Paris. 1839. 2 vol. in 8⁰.

Georgi. Beschreibung aller Nationen des russischen Reiches. 1770.

Georgi. Geographische, phisikalische und naturhistorische Beschreibung des Russichen Reichs zur Uebersicht bisheriger Kenntnisse von demselben. Königsberg. 1797—1801.

Gerland, G. Zur Ethnographie des äussersten Nordostens von Asien. „Zeitschrift der Gesellschaft für Erdkunde zu Berlin“, 1883, № 105, S. 194—222.

Haard. Uebersichts-Karte der ethnographischen Verhältnisse von Asien und von der angränzenden Theilen Europa bearbeitet auf Grundlage von Fr. Müller von Vinzen. Wien, 1887.

Histoire de Kamtschatka, traduite par M. E. Lyon.. 1767 (переводъ „Описанія земли Камчатки“, Крашенинникова).

Hooper. Ten months among the tents of the Tuski. London, 1853, 35.

Hovelacque, M. A. Le type Mongolique. „Revue internationale des Sciences“, Paris, 1878, № 8, p. 230.

Kennan. Tent life in Siberia. London, 1871, S. 219.

King, Rish. Narrative of a journey to the shores of the Arctic Ocean in 1833—35 under the command of capt. Back.

Klaproth. Asia Polyglotta. Paris. 1826, p. 317—322.

Kotzebue, Otto. Entdeckungs Reise. Weimar, 1821.

Krusenstern, A. I. Reise um die Welt in den Jahren 1803—1806. St.-Petersb., 1810. 3 vol. in 4⁰.

Krusenstern, A. I. Wörtersammlungen aus den Sprachen einig Völker des östlichen Asiens und der Nord-West-Küste von Amerika. St.-Petersb., 1803. 1 vol. in 4⁰.

L'Amérique du Nord, la Sibérie, la Russie. „Revue Britannique“, 1847, № 7.

Langsdorff, S. H. Bemerkungen aus einer Reise um die Welt in den Jahren 1803 1807. Fr. am M. 1812. 2 vol. in 4⁰ und Atlas.

Lankenau. Die Schamanen und das Schamanenwesen. „Globus“, 1872, 22 B, №№ 17—19.

La-Perouse. Voyage autour du monde, publié et rédigé par Milet-Mureau. 1798. 4 vol. in 8⁰ et Atlas.

La-Perouse'ns Entdeckungsreise in den Jahren 1785—1788, übers. und mit Anmerkungen begleitet von **I. R. Forster** und **Sprengel**. Berlin. 1880. 2 vol. in 8⁰.

Lesseps. Reise durch Kamtschatka. Berlin, 1791. 1 vol. in 8⁰.

Lütke. Voyage autour du monde. Paris. 1835.

Middendorff, A. Sibiriche Reise. St.-Petersb., 1848—1875.

Müller, Friedrich. Grundriss der Sprachwissenschaft, II Band, I Abtheil. pp. 134—141 (1879 г.),—объ языкѣ чукчей.

Digitized by Google

Müller, Fr. Allgemeine Ethnographie. Wien. 1876.

Nordenskjöld. Umseglung Asiens und Europas auf der Wega. Leipzig, Brockhaus, 1882, II, S. 82.

Nordquist. Bidrag till kännedomen om tschuktscherna. „Ymer tidskr. utg. of Svenska sällsk. för Antropologi och Geografi“, 2, 29.

Ollivier, A. (de Huelgoat). Sur les Esquimaux d'Asie. „Bull. Soc. d'anthrop.“, 1877, 2-e sér., T. XII, p. 587.

Pallas. Neue Nordische Beyträge.

Parry, E. W. Journal of a second voyage for the discovery of a North-West Passage. 1821—23.

Pauly, T. Les peuples de la Russie. St.-Peterb., 1862.

Peschel, Osc. Völkerkunde. Leipzig, 1875.

Prishard, I. C. Naturgeschichte dles Menschengeschlochts, übersetz. mit Anmerkungen von Dr. R. Wagner. 4 Th. in 5 Bänd. Bd. III. 2 L. 1845. Глава XVII: von den hyperboreischen Nationen in Asien.

Quatrefages, A. et **Ernest T. Hamy**. Crania ethnica. Les cranes des races humaines. Paris, 1882, p. 424.

Rae, Iohn. Narrative of an expedition to the schores of the Arctic Sea 1846—47.

Ratzel, Friedrich. Völkerkunde. Zweiter Band. Die Naturvölker Oceaniens, Amerikas und Asiens. Leipzig. 1888.

Ravenstein. The Russians on the Amur. London, 1861.

Rischardson, I. The Polar Regions. Edinburgh. 1861.

Ritter. Die Erdkunde im Verhältniss zur Natur und zur Geschichte des Menschen etc. Bd. III. Berlin. 1834.

Ross, I. Narrative of a second voyage in search of a North-West Passage, 1829—33.

Sauer. Billing's Reise. Übers. Berlin, 1802, S. 377, 383.

Steller, G. W. Beschreibung von dem Lande Kamtschatka. Frankfort, 1774. 1 vol. in 8°.

Strahlenberg. Das Nord und Oestliche Theil von Europa und Asia. Stockholm. 1730. 1 vol. in 4°.

Vater, S. Literatur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde. Zweite völlig umgearbeitete Ausgabe von **B. Sülg**. Berlin. 1847.

Whymper. Alaska. Braunschweig. 1869. S. 98.

Wrangel. Von dem Verkehr der Völk. d. Nordwestküste von America und mit den Tschuktschen. I, 57.

Wrangel. Reise längs der Nordküste von Sibirien in den Jahren 1820 bis 1824. Berlin. 1839.

Wyman, I. Crania ot Tsuktshi, ap. Observations on Crania. Boston, 1868, in—8°, p. 21—25.

Digitized by Google

б) На русскомъ языкѣ.

Августиновичъ, Ѳ. М. Племена, населяющія Колымскій округъ (якуты, юкагиры, чуванцы, омоки, тунгусы, ламуты и чукчи). „Антропологическая выставка 1879 г.“, т. II, „Труды Антропологическаго Отдѣла“, т. IV (приложеніе къ XXXI тому „Извѣстій Императорскаго Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи“), Москва, 1878 г., стр. 51.

Александровъ, Н. Земля чукчей и коряковъ (ярмарка въ с. Островномъ). „Дѣтское Чтеніе“, 1872 г., т. 7, стр. 72—88.

Анадырскій округъ, чукчи и отношеніе ихъ къ намъ и американцамъ. „Сѣверный Вѣстникъ“, 1891 г., № 2, стр. 48 (въ областномъ отдѣлѣ).

Анастасевичъ. Камчатскіе обычаи. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1821 г., ч. XIV.

Анучинъ, Д. Н. Матеріалы для антропологіи Восточной Азіи. I. Племя айновъ. „Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антроп. и Этногр.“, т. XX. „Труды Антрополог. Отдѣла“, кн. 2, вып. 1, стр. 172.

Аргентовъ, А. Путевыя записки священника — миссіонера въ приполярной мѣстности. „Записки Сибир. Отд. Имп. Русск. Геогр. Общ.“, 1857 г., кн. IV.

Аргентовъ, А. Очерки Нижнеколымскаго края. Сборникъ газ. „Сибирь“. Спб., 1876 г.

Аргентовъ, А. Извлеченіе изъ путевыхъ записокъ. Газ. „Амуръ“, 1860 г., №№ 14 и 15.

Аргентовъ, А. Описаніе Николаевскаго Чаунскаго прихода. „Записки Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1857 г., кн. III, отд. I, стр. 90.

Аргентовъ, А. О полярной сѣверной землѣ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 67 и 68.

Аргентовъ, А. Пятнадцать лѣтъ въ Нижне-Колымскомъ краѣ. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1887 г., №№ 58 и 84 и „Всемірный Путешественникъ“ (прибавл. къ газ. „Родина“), 1889 г., №№ 5 и 6.

Берхъ. Хронологическая исторія всѣхъ путешествій въ сѣверныя полярныя страны. Спб., 1821 г.

Берхъ. Первое морское путешествіе россіянъ. Спб., 1823 г.

Большевъ, А. А. Русское прибрежье Тихаго океана. „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла И. Р. Г. О.“, т. VIII, №№ 3 и 4.

Булычевъ. Путешествіе по Восточной Сибири, I, 83.

Бытъ „сидячихъ“ чукчей (по описанію Норденшильда). „Казанскій Биржевой Листокъ“, 1891 г., № 74.

Вахтинъ, В. Русскіе труженики моря. Первая морская экспедиція Беринга для рѣшенія вопроса, соединяется-ли Азія съ Америкой. Спб., 1890 г., тип. Морск. Минист. IV+124 in 8°. Ц. 1 руб.

Врангель. Историческое обозрѣніе путешествій по Ледовитому океану, между Карскимъ моремъ и Беринговымъ проливомъ, до 1820 г., Спб., 1841 г.

Digitized by Google

Гагемейстеръ. Историко-статистическое обозрѣніе Сибири. Спб., 1854, I, 185. См. рецензію на эту книгу въ газ. „Амуръ“, 1860 г., №№ 5 и 6.

Геденштромъ. Отрывки о Сибири. Спб., 1830 г., стр. 99.

Гекъ, Ф. Положеніе чукчей и китобойный промыселъ. Газ. „Владивостокъ“, 1888 г., № 39.

Георги. Описаніе всѣхъ обитающихъ въ Россійскомъ Государствѣ народовъ и ихъ житейскихъ обрядовъ, обыкновеній, одеждъ, жилищъ, вѣроисповѣданій и прочихъ достопамятностей. Спб., 1799 г., ч. III, стр. 74—77.

Гижигинскій край. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1868 г., №№ 7—10.

Гижигинскіе и Охотскіе инородцы. „Амуръ“, 1861 г., № 24.

Гранстремъ, Э. Вдоль полярныхъ окраинъ Россіи. Спб., 1886 г. Рецензію см. въ „Сибирской Газетѣ“, 1886 г. № 26.

Григорьевъ. Россія и Азія. Спб., 1876 г. („Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени“). См. ту-же статью въ „Журналѣ Мин. Вн. Дѣлъ“, 1851 г., ч. XXXIV, стр. 456—490. Рецензію на эту статью см. въ газ. „Сибирь“, 1877 г., № 11.

Громовъ, П. П. Дополненіе къ догадкамъ о полярной сѣверной землѣ. „Амуръ“, 1861 г., № 72 (см. статью А. Аргентова: „О полярной сѣверной землѣ“ въ газ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 67 и 68).

Дитмаръ. О корякахъ и весьма близкихъ къ нимъ по происхожденію чукчахъ. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“ за 1855 г., кн. VI, ч. XVI и за 1856 г., кн. I, ч. XVI.

Замѣтки о чукчахъ,—этнограф. очеркъ племени, обитающаго между рр. Анадыромъ и Колымой. Газ. „Сибирь“, 1877 г., № 12.

Замѣчанія о чукчахъ. „Журн. Мин. Внутр. Дѣлъ“, 1835 г., ч. XVI, стр. 356.

Зима у чукчей. „Иллюстрація“, 1859 г., №№ 84—87 и „Вокругъ свѣта“, 1865 г., № 10, стр. 313—330.

З—нъ, М. Русскіе промышленники на прибрежьяхъ и островахъ Тихаго океана. Газ. „Амуръ“, 1861 г., №№ 93, 95, 98—100 и 1862 г., №№ 1—3, 5—8.

Ивановскій, А. А. Религіозныя воззрѣнія чукчей и представленія ихъ о загробной жизни (докладъ въ Этнограф. Отд. Имп. Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи 3-го марта 1890 г.). „Русскія Вѣдомости“, 1890 г., № 66.

Ивановскій, А. А. Черепъ чукчи изъ бухты Провидѣнія. „Извѣстія Имп. Общ. Люб. Естеств., Антр. и Этногр.“, т. LXVIII, „Дневникъ Антропологическаго Отдѣла“, Москва, 1890 г., вып. 4-й, стр. 117.

Идолопоклонническое вѣрованіе камчадаловъ. „Калейдоскопъ“, 1861 г., № 9.

Извѣстіе изъ Гижиги. Газ. „Восточное Поморье“, 1865 г., № 10.

Изъ записокъ миссіонера. Газ. „Владивостокъ“, 1884 г., № 29.

Изъ нравовъ чукчей. „Миссіонеръ“, 1876 г., № 20.

Изъ поѣздки въ Анадырскъ въ 1860 г. Газ. „Восточное Поморье“, 1866 г., №№ 2—4.

Digitized by Google

Историческая записка о Чукотскомъ народѣ, обитающемъ около береговъ Ледовитаго моря (изъ бумагъ П. А. Словцова, доставилъ Н. А. Абрамовъ) въ „Вѣстникѣ Имп. Рус. Геогр. Общества“ за 1856 г., кн. V.

Іона. Религія, обряды и нравы племенъ, живущихъ по западному берегу Татарскаго залива и по западному берегу Охотскаго моря. „Домашняя Бесѣда“, 1859 г., № 34.

Калачевъ, И. В. Образъ жизни тунгусовъ и коряковъ, жившихъ въ Иркутской губ. въ 1766 г. „Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, II т., 3 кн.

Камчатская миссія въ 1871 г. „Иркутскія Епарх. Вѣд.“, 1872 г., № 18.

К—въ. О Камчаткѣ (взглядъ на ея прошедшее и на значеніе ея въ будущемъ). „Иркутскія Губ. Вѣд.“, 1858 г., №№ 36, 37 и 41.

Киберъ, д-ръ. Извлеченіе изъ дневныхъ записокъ, содержащихъ въ себѣ свѣдѣнія и наблюденія, собранныя въ болотныхъ пустыняхъ Сѣверо-Восточной Сибири. „Сибирскій Вѣстникъ“ 1824 г., кн. II—V.

Киберъ. Чукчи. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1824 г., кн. IX и X.

Кое-что о сибирской старинѣ (племена старожиловъ). „Томскія Губ. Вѣд.“, 1858 г., №№ 10 и 11.

Котскій (Kautsky), К. Общественные инстинкты у людей (переводъ). „Сѣверный Вѣстникъ“, 1890 г., сентябрь, стр. 77, 79, 80 и 82.

Краткія свѣдѣнія о чукчахъ и чукотской миссіи. „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1890 г.., №№ 5 и 6.

Крашенинниковъ. Описаніе земли Камчатки. С.-Петербургъ. 1755 г.

Къ вопросу о Камчаткѣ и торговлѣ на берегахъ Охотскаго моря (объ эксплоатаціи чукчей иностранцами). „Восточное Обозрѣніе“, 1891 года, № 12-й.

Къ торгово промышленному вопросу восточныхъ окраинъ Сибири. „Владивостокъ“, 1891 г., № 21.

Литке, Ѳ. Путешествіе вокругъ свѣта, совершенное по повелѣнію Императора Николая I, на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826—1829 годахъ. Спб., 1834 г., т. II, стр. 184—202. См. также Erman's Archiv, 3, S. 447.

Ломоносовъ. „Краткое описаніе разныхъ путешествій по сѣвернымъ морямъ и показаніе возможнаго прохода Сибирскимъ океаномъ въ Восточную Индію“ (1763—1764 гг.), напечатанное въ 1854 г. А. Соколовымъ въ изд. Гидрографич. Департамента: „Проектъ Ломоносова и экспедиція Чичагова“.

Маакъ. Путешествіе на Амуръ, совершенное въ 1855 г., съ атласомъ видовъ, этнографич. рисунковъ и растеній. Спб. 1859 г.

Майдель, Г. Л. Отвѣты Чукотской экспедиціи на вопросы акад. Бэра. „Извѣстія Сибир. Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.“, Иркутскъ. 1871 г., т. II, №№ 1 и 2.

Маныкинъ-Невструевъ, А. Завоеваніе Восточной Сибири якутскими казаками. Спб., 1883 г.

Марковъ. Русскіе на Восточномъ океанѣ.

Матеріалы для исторіи русскихъ заселеній по берегамъ Восточнаго океана, изд. редакціи „Морскаго Сборника“, Спб., 1861 г.

Digitized by Google

Матюнинъ, Н. Наши сосѣди на крайнемъ Востокѣ. „Вѣстникъ Европы“, 1887 г., № 7. См. также замѣтку („Наши отношенія къ сосѣдямъ“) по поводу этой статьи въ газ. „Владивостокъ“, 1887 года, № 39-й.

Миддендорфъ. Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири. Спб., 1860 г., т. IV.

Миллеръ, В. Ѳ. Систематическое описаніе коллекцій Дашковскаго Этнографическаго Музея. Москва, 1887 г., вып. I, стр. 2 и 3.

Миллеръ, Г. Ф. Описаніе морскихъ путешествій по Ледовитому и по Восточному морю, съ Россійской стороны учиненныхъ. „Сочиненія и переводы, къ пользѣ и увеселенію служащіе“, 1758 г., январь—ноябрь.

Населеніе Камчатки. Газ. „Сибирь“, 1877 г., № 22.

Наши сѣверо-восточныя окраины и американцы. Газ. „Владивостокъ“, 1888 г., № 25.

Нейманъ, К. К. Плаваніе по Восточному океану. „Извѣстія Сибир. Отд. И. Р. Г. О.“, т. VIII, №№ 1—6. См. также „Proceed. R. geogr. Soc.“, 21. 1877. S. 217.

Нейманъ. К. К. Историческій обзоръ дѣйствій Чукотской экспедиціи. „Извѣстія Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, т. I, №№ 4 и 5 и т. II, № 3.

Новыя свѣдѣнія о чукчахъ. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1852 г., общ. часть V.

Нордквистъ, О. А. Замѣтка о численности и нынѣшнемъ положеніи чукчей, живущихъ по берегу Ледовитаго океана. „Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1880 г., т. XVI, вып. 2-й.

Нѣсколько данныхъ о современномъ положеніи нашихъ сѣверо-восточныхъ прибрежій. „Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири“. Спб., 1825.

О народонаселеніи въ Камчаткѣ. „Иркутскія Губернск. Вѣдом.“, 1858 г., № 8.

О распространеніи христіанства между гольдами, гиляками, тунгусами, якутами, орочонами, чукчами, коряками и самогирцами. „Сибир. Вѣстникъ“, 1885 г., № 3.

О спаиваніи американцами нашихъ полудикихъ инородцевъ-камчатскихъ чукчей. „Сибирская Газета“, 1888 г., № 34 (корресп. изъ Якутска).

Оглоблинъ, Н. Н. Семенъ Дежневъ (1638—1671 г.). „Журналъ Мин. Народн. Просв.“, 1890 г., декабрь.

Оксеновъ, А. Свѣдѣнія о неизданныхъ сибирскихъ лѣтописяхъ (съ библіографич. указателемъ напечатанныхъ сибир. лѣтописей и нѣкоторыхъ иныхъ источниковъ). „Литературный Сборникъ“, изд. редакціи „Восточсточнаго Обозрѣнія“. Спб., 1885 г., стр. 446—455.

Отчетъ Миссіонерскаго Общества за 1883 г. „Якутскія Епарх. Вѣд.“, 1887 г., приложеніе къ № 17-му.

Памятная книжка Якутской области на 1891 годъ. Изданіе Якутскаго статистич. комитета. Якутскъ. 1891 г.

Панорама Иркутской губ. „Современникъ“, т. XXII, отд. 2, 157.

Digitized by Google

Пешель, Оскаръ. Народовѣдѣніе. Переводъ подъ ред. проф. Э. Ю. Петри съ 6-го изданія, дополненнаго Кирхгофомъ. Спб., 1890 г., вып. 3-й, стр. 401.

Плаваніе лодки „Сивучъ“ къ устью р. Анадыри, къ мысу Восточному и обратно. „Владивостокъ“, 1890 г.

Пленстеръ. Карта Чукотскаго Носа (1 листъ in 4°).

Поѣздка преосвященнаго Діонисія, епископа Якутскаго, въ Чукотскую миссію. „Иркутскія Епарх. Вѣд.“, 1884 г., № 5.

Приклонскій, В. Л. Три года въ Якутской области (этнографическіе очерки). „Живая Старина“, 1890 г., вып. I и II и 1891 г., вып. III.

Путешествіе флота капитана Сарычова по сѣверо-восточной части Сибири, Ледовитому морю и Восточному океану съ 1785—1793 г. С.-Петербургъ. 1802 г. (о чукчахъ часть II, гл. VII).

Путешествіе капитана Биллингса чрезъ Чукотскую землю, изд. Сарычовымъ. Спб., 1811 г.

Путешествіе шлюпа Діаны изъ Кронштадта въ Камчатку съ присовокупленіемъ сокращенныхъ записокъ о плаваніи для описи Курильскихъ островозъ въ 1811 г. Спб., 1819 г.

Путешествіе Геденштрома по Ледовитому морю и островамъ онаго, лежащимъ отъ устья Лены къ востоку. „Сибирскій Вѣстникъ“, 1822 г., кн. XVII—XIX.

Путешествіе по сѣвернымъ берегамъ Сибири и по Ледовитому морю въ 1820—1824 гг. (результаты экспедиціи барона Врангеля).

Пыпинъ, А. Н. Сибирь и изслѣдованія ея. „Вѣстникъ Европы“, 1888 г., № 4.

Ресинъ, А. А. Очеркъ инородцевъ русскаго побережья Тихаго океана. „Извѣстія Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1888 г., т. XXIV, вып. III, стр. 121—198.

Риттеръ, К. Землевѣдѣніе Азіи, перев. съ дополненіями П. Семенова. Спб., 1856 г.

Рябковъ, П. Полярныя страны Сибири. „Сибирскій Сборникъ“ (прилож. къ газ. „Восточное Обозрѣніе“) за 1887 г.

Сборникъ историко-статистическихъ свѣдѣній о Сибири и сопредѣльныхъ ей странахъ. Т. I.

Свѣдѣніе о Чукотской экспедиціи. „Извѣстія Сибир. Отд. Имп. Рус. Геогр. Общ.“, 1870 г., т. I, № 1.

Свѣдѣнія о чукчахъ капитана Шишмарева въ 1821 году въ „Собраніи сочиненій о Сѣверѣ“, стр. 193.

Свѣдѣнія Дыбовскаго объ охотѣ на Камчаткѣ. Газ. „Сибирь“ 1883 г., № 37.

Сгибневъ, А. Матеріалы для исторіи Камчатки. Экспедиція Шестакова. „Морской Сборникъ“, 1869 г., т. 100, № 2, стр. 1—34.

Сгибневъ, А. Историческій очеркъ главнѣйшихъ событій въ Камчаткѣ. „Морской Сборникъ“, 1869 г., т. 101, № 4, стр. 65—142.

Семеновъ, П. Географическо-статистическій словарь Россійской имперіи. Спб., 1863—1873.

Digitized by Google

Сидоровъ. Шаманъ и обряды шаманской вѣры. Прибавл. къ „Иркутскимъ Епарх. Вѣд.", 1873 г., № 26.

Словцовъ, П. Историческое обозрѣніе Сибири. Спб., 1886 г.

Современное состояніе Камчатки и Сахалина. „Владивостокъ", 1890 г., №№ 40—42.

Спасскій, Гр. Исторія плаваній Россіянъ изъ рѣкъ Сибирскихъ въ Ледовитое море. „Сибирскій Вѣстникъ", 1821 г., ч. XV и XVI, гл. II.

Спасскій, Гр. Владиміръ Атласовъ, покоритель Камчатки. „Вѣстникъ Имп. Рус. Геогр. Общ.", 1858 г., ч. XXIV, кн. XI, стр. 157—172.

Типы инородцевъ Вост. Сибири. „Всемірная Иллюстрація", 1872 г.

Типы народовъ Восточной Сибири. „Иллюстрація", 1863 г., № 271.

Титовъ, А. Сибирь въ XVII вѣкѣ. Сборникъ старинныхъ русскихъ статей о Сибири и прилежащихъ къ ней земляхъ. Съ приложеніемъ снимка со старинной карты Сибири. Издалъ Г. Юдинъ. М. 1890 г. См. рецензію на эту книгу *Ник. Бакая* въ „Памятной книжкѣ Енисейской губ. 1890 г.", Красноярскъ, 1891 г., стр. 326.

Тихменевъ. Историческое обозрѣніе образованія Россійско-Американской компаніи и дѣйствій ея до настоящаго времени. Спб., 2 части, 1861—1863.

Торгово-промышленный вопросъ восточныхъ окраинъ Сибири (эксплоатація чукчей иностранными промышленниками). „Владивостокъ", 1891 г., № 5.

Трагическая смерть чукчей - фанатиковъ. „Якутскія Епарх. Вѣд.", 1889 г., №№ 6 и 7. См. также „Этнографич. Обозрѣніе", 1889 г., кн. III, стр. 198—200.

Трифоновъ, А. Замѣтки о Нижне - Колымскѣ. „Извѣстія Сибирскаго Отдѣла Имп. Рус. Геогр. Общ.", т. III, № 3.

Уголокъ далекаго Сѣвера. „Сибирская Газета", 1884 г., №№ 7, 9 и 11.

Условія успѣха миссіонерской дѣятельности между чукчами въ Якутской области. „Миссіонеръ", 1874 г., №№ 5, 8 и 11.

Фишеръ. Сибирская исторія съ самаго открытія Сибири до завоеванія сей земли русскимъ оружіемъ. Спб., 1774 г.

Чукотская миссія (краткая исторія ея). „Якутскія Епарх. Вѣд.", 1890 г., № 6, и „Русскій Паломникъ", 1890 г., № 36.

Чукчи. „Природа и Люди", 1880 г., №№ 4—8, 10—12.

Чукчи и земля ихъ, съ открытія этого края до настоящаго времени. „Журналъ Мин. Внутр. Дѣлъ", 1851 г., ч. XXXIV, стр. 456—490.

Чукчи и торговля съ ними. Газ. „Сибирь", 1876 г., № 23.

Шашковъ. Шаманство въ Сибири. 1864 г.

Щегловъ, И. В. Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири (1032—1882 г.). Изд. „Вост.-Сибир. Отд. И. Р. Г. О.", подъ ред. члена Отдѣла В. И. Вагина. Иркутскъ, 1883 г.

Digitized by Google